

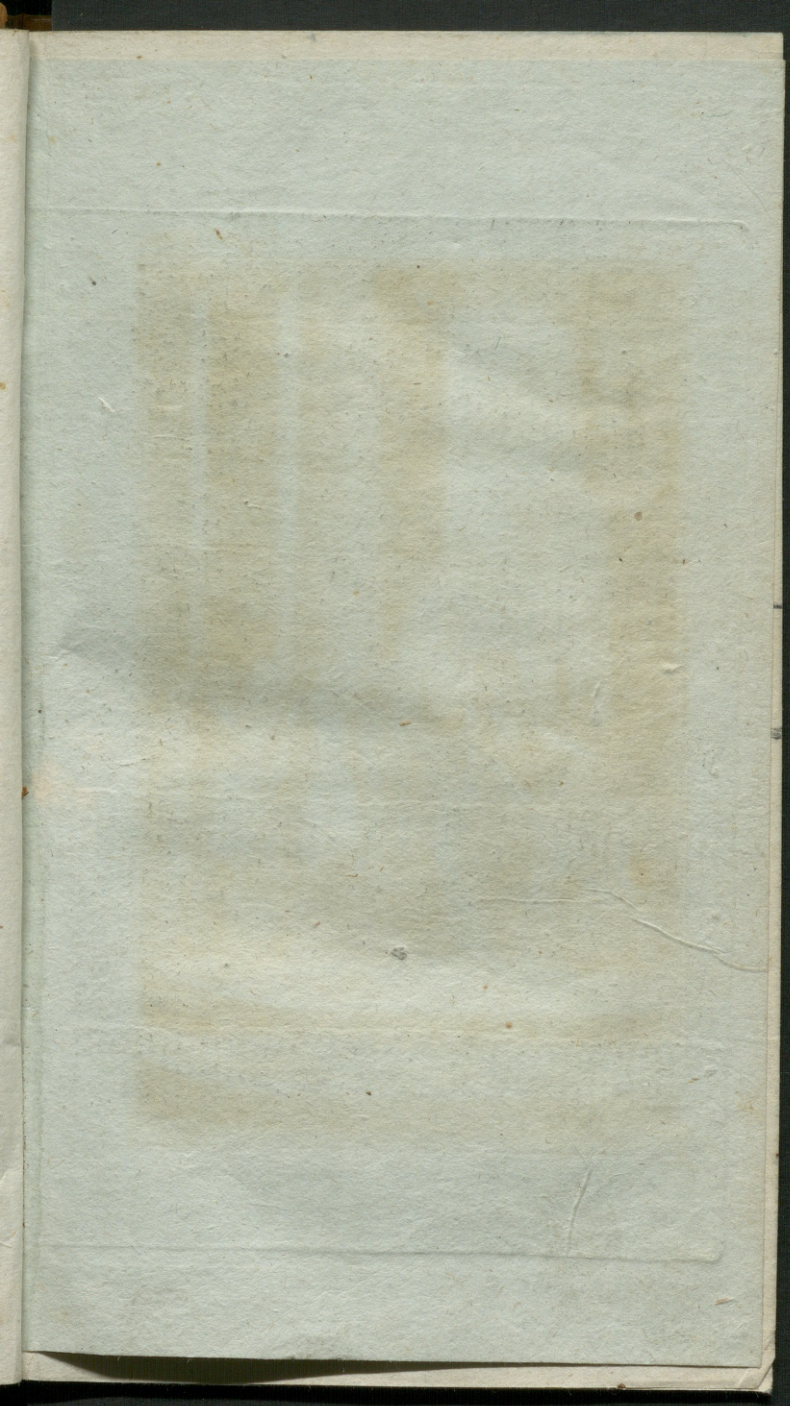
АНТЕНОРОВЫ
ПУТЕШЕСТВІЯ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

A. WHITE & SONS

PRINTERS

100 N. 3RD ST.

АНТЕНОРОВЫ ПУТЕШЕСТВІЯ

91(38)

A-72

ПО

ГРЕЦІИ и АЗІИ,

съ

ПРИБАВЛЕНІЕМЪ РАЗНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ

О Е Г И П Т Ъ.

ГРЕЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ,

найденная въ Геркуланѣ, и переве-
денная на Французскій языкъ

Г. ЛАНТЬЕ.

Редкие
книги

Съ пятью картинками.

Переводъ съ Французскаго
Петра Макарова.

Отдел хранения

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

Гос. Публ. Библиотеки

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

г. Свѣдѣній.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1822.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

сѣмѣ, чѣобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ. Санктпетербургъ, 1819 года, Марта 7 дня.

*Исправляющій должность Цензора
Ординарный Профессоръ Яковъ Толмачевъ.*

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

Главы.

Стран.

1. Философическія мысли Аншеноровы. Прибытіе въ Вавилонъ. Правы жишелей сего города. Ихъ мнѣнія о началѣ міра. Ихъ храмы. 1
2. Повѣсть о Комбабѣ. 19
3. Фаноръ влюбляется въ Азему. Празднолюбіе Вавилонянъ. Поршрешъ Ашоссы. Приключеніе съ Фаноромъ. 27
4. Праздникъ Милишинъ. 40
5. Письмо отъ Ласееніи. Разныя анекдоты 44
6. Пиршество у Арзама въ его раю. Смерть его. Описаніе нѣкошорыхъ обычаевъ Вавилонскихъ. Отвѣздъ обоихъ друзей. 60
7. Описаніе города Галикарнасса. Пребываніе ихъ въ Пафосѣ. Поклоненіе Венерѣ. Щасливое приключеніе двоихъ друзей. Трагическая смерть одной молодой особы. Стоическая философія Сшилпона. 70
8. Разговоръ между обоими друзьями на кораблѣ. Встрѣча двухъ Грековъ. Трофоніева пещера. Басня о Прометее, Мидасѣ. Повѣсть о Тигесѣ. 90

9. Описаніе города Сардовъ и его
окрыжностей. Встрѣча двухъ мо-
лодыхъ дѣвицъ. Антеноръ и Фа-
норъ приняшы гостепріимно ихъ
дѣдомъ. 105
10. Нравы жителей Сардійскихъ. Бо-
жества ихъ страны. Разговоръ
обоихъ друзей о ихъ хозяинѣ. . 113
11. Упражненія старика. Любопыт-
ный разговоръ. Онъ объявляетъ
о себѣ. 118
12. Разговоръ между друзьями объ
Аменаидѣ. Спешное произше-
ствіе. 139
13. Ужинъ Аришидовъ. Анекдоты. 152
14. Приключенія Аришидовы, когда
онъ укрывался въ пещерѣ. . . 161
15. Аришидъ поселился во Фракіи.
Климатъ сей страны. Нравы жи-
телей. Чѣмъ Аришидъ доста-
етъ себѣ пропитаніе. . . . 169
16. Фаноръ влюбленъ. Какимъ спосо-
бомъ открываетъ онъ свою лю-
бовь. Ужинъ. Анекдотъ о Кимонѣ. 174
17. Продолженіе Аришидовыхъ при-
ключеній. Описаніе Дворца Ки-
рова. Разговоръ Аришидовъ съ
симъ Государемъ. 183
18. Любовь Фанорова. Его волненіе. 203
19. Продолженіе Аришидовыхъ при-
ключеній. Щедрость Кирова. Бла-
городный поступокъ Ариши-
довъ. Взятіе Вавилона. . . . 206

Главы.Стран.

20. Спрасть Фанорова Замѣчанія о
Спаршѣ и ея правленіи. 222
21. Ошчаяніе Фанорова Разговорѣ
Аншенора съ Ашенайдою. Щасп-
ливая развязка. 235
22. Прибытіе ихъ въ Аѣины Празд-
никъ, называемый Лампасъ. Очи-
щеніе себя по сдѣланіи невольна-
го смершоубійства Продолженіе
исторіи Θεаниной и Балша Θεона. 248
23. Аншеноръ приходитъ къ Ласе-
еніи Комнаша, гдѣ завшпранають.
Нѣкошорыя чершы Альцибіяда.
Приключеніе живописца Агашарпа. 262
24. Видъ съ горы Имеша. Исторія
Ипарешы. 283
25. Обращеніе на путь истинный
прелесшницы Дамо. Обѣдъ у Лас-
ееніи. Что есть мудрецъ? За-
бавная черта Сократова. 300
26. Трагическое произшествіе. 312
27. О происхожденіи обычая, поздрав-
лять чихающихъ. 322
28. Нравы Аѣинянъ. 326
29. О Крашесѣ. Анекдоты. Исторія
Амазоновъ. 344
30. Замѣчанія объ Аѣинахъ. Покупка
невольника. Тимонъ человѣконе-
навистникъ. Столы для народа.
Загородное Аѣинское поле. Нрав-
ственные Ласееніины правила. . 361
31. Встрѣча съ Аристономъ. Его ис-
торія. 377

УШ Оглавление Ш Части.

Главы.

Стран.

32. Домъ Теофрастовъ. Правила и
ученіе сего философа. Муха Ари-
стонова. Храмъ Эскулаповъ. Чшо
въ немъ при насъ случилось. . . 386
33. Маленькой припадокъ. Ошвѣтъ
Ласееніи на предложеніе мое о
жииидьбѣ. Прекрасныя черты ея
характера. 396
34. Красоша Діакріи. Пребываніе Ан-
шенора въ Оропъ. Праздникъ Гіа-
цинтовъ. Новая черта помѣша-
тельства Архіева. Анекдоты о
Пиндарѣ. Ошбытіе въ Сарды съ
Фаноромъ. Свадьба сего послѣд-
няго. Возвращеніе въ Фивы съ
Арисшидомъ и его семействомъ.
Смерть младшаго Кира и Ари-
сшида. 415
35. Красоша Телесиллы. Она выхо-
дитъ за Аншенора. Сшарость и
смерть Ласееніи. 437

АНТЕНОРОВЫ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ГРЕЦІИ И АЗІИ.

ГЛАВА I.

*Философическія мысли Антенора.
Прибытіе въ Вавилонъ. Нравы жи-
телей сего города; ихъ мнѣнія о на-
галъ міра; ихъ храмы.*

Фаноръ, волнуемъ сладкими чувств-
ваніями новаго удовольствія, скоро
оставилъ меня и пошелъ гулять въ
уединенныя рощицы; я сѣлъ посреди
боша, желая насладиться пріятно-
стію ночи.

Ни въ какомъ климатѣ не видалъ я
такихъ прекрасныхъ ночей. Тонкія
тѣни, подобно прозрачному флеру,
разстилались на предметахъ, и не
скрывая ихъ отъ взора, только за-
крывали до половины. Сквозь чистую
лазурь блискали звѣзды и мелькали;

Антен. Т. III.

А

здѣсь онѣ казались мнѣ гораздо больше, нежели въ другихъ странахъ. Говорящъ, что Халдейцы были первые Астрономы въ свѣтѣ. Я этому вѣрю: мирные сіи и праздные паслухи, въ тихіе и спокойные часы прекрасныхъ ночей своихъ должны были устремить взоры на сей великолѣпный сводъ небесъ, наблюдавъ тече-ніе звѣздъ, замѣчавъ ихъ перемѣны, и мало по малу составивъ теорію небесныхъ свѣтилъ.

Какія пріятныя впечатлѣнія очаровали душу мою въ сію мину! Свѣжестъ воздуха, шумъ волнъ, плещущихся кругъ бота, величественное зрѣлище звѣзднаго неба, и то очаровательное уединеніе, которое, оковавъ всѣ наши чувства, низводитъ насъ внутрь сердца, гдѣ мы существуемъ одни сами съ собою! Быстро лепѣли мысли мои одна за другою, то печальныя, то утѣшительныя. «Кто сотворилъ неизмѣримую сію громаду звѣздъ, солнцевъ, планетъ?—Богъ.—Кто Онъ?—Не постигаю. — Онъ ли сотворилъ вещь-сво? вѣчно ли оно?— Не знаю. А человекъ? какая неразрѣшимая загадка! Онъ спраждаетъ.— И за что? За свою ли вину? — Нѣтъ, безъ сомнѣнія.

Но онъ рожденъ съ спрасъми, и сіи спраспи увлекають его, и въ немъ пиранствують. — Все ли хорошо въ міръ семъ? — Нѣтъ; человѣкъ мучится и воздыхаетъ. — Въ сію минуту я благополученъ, и все мнѣ кажется добро; но завтра и въ послѣдующіе дни, кто знаетъ, что меня постигнетъ? Обращу ли взоры кругъ себя: сколько несчастныхъ жертвъ воспрѣчаю повсюду! — Но скажутъ, что несчастія человѣческія есть неизбѣжное слѣдствіе того порядка и направленія, которое опъ вѣка дано вселенной — Какъ! ужели Сотворивъ столько солнцевъ, столько міровъ, не силенъ былъ сотворить произведенія совершеннаго? уже ли не могъ иначе устроить всецѣлой гармоніи, какъ на щепъ моего благополучія? Не вѣрю. Наши пороки, разврасть, гордость — вотъ причина всѣхъ нашихъ бѣдствій! — Но я ли далъ себѣ эти пороки, эту гордость? Нѣтъ, они родятся въ душѣ моей точно такъ, какъ въ гниломъ болотѣ зараждаются змѣи и гады. — Для чего же человѣкъ существуетъ? самое его бытіе можно ли назвать благомъ? Исчислимъ недуги младенчества, спраспи и заблужденія юности,

печалями и шягосць дряхлости, болѣзни, шоску, забошы, раскаянія, кошорыя не оспавляюшѣ насѣ ни вѣ какомѣ возрастѣ, всегда шيرانспвуюшѣ и мучашѣ; наконецѣ смерть, о коей одна мысль заспавляетѣ шрепешаѣ: вошѣ роковое поприще, кошорое должны мы пройши вѣ жизни сей. Правда, и вѣ сїи пасмурные и скучные дни сверкаюшѣ иногда, какѣ быспро пролешающая молнія, минушы радости и веселія, подобно какѣ вѣ хладную шуманную зиму проглядываюшѣ иногда ясные дни и оживляюшѣ умершую нашуру.» Сїи размышленія погрузили душу мою вѣ мрачное уныніе; кѣ щасшію, покойный сонѣ прекрашилѣ ихѣ; я былѣ благополученѣ во снѣ, если можно назваѣ благополучіемѣ, когда не чувствуюшѣ ни радости, ни печали.

По прибышїи вѣ Вавилонѣ, мы были поражены удивленіемѣ. Какой коншраспѣ между нищимѣ Іерусалимомѣ и сїмѣ *Царемѣ* градовѣ!

Евфрашѣ прошекаетѣ чрезѣ него вѣ великолѣпныхѣ берегахѣ. Мы шли подѣ кровомѣ пурпуровыхѣ шапровѣ; видѣли близѣ фоншановѣ, вѣ гүспой шѣни, шолпы людей, освѣжавшихѣ

себя прохладою воздуха и мороженымъ.

Опдохновеніе, вкусный столъ, женщины и публичныя зрѣлища, составляющъ единственное занятіе празднотелюлюбивыхъ Вавилонянъ. Вѣрнось въ любви почиается у нихъ несноснымъ игомъ, закономъ, пропивнымъ напурѣ. Одежда Персовъ (*) естъ длинный хитонъ изъ чистаго льну, падающій до самыхъ пятъ; на него надѣваютъ еще шерстяной, а сверху накидываютъ маленькую бѣлую мантию. Волосы опрачиваютъ, на головѣ носятъ мишру или чалму, и благовонными мазями натираютъ все тѣло. У каждаго на рукѣ перстень съ печатью; ходятъ съ проспичкою, на которой выдѣлано яблоко, или роза, или лилея, или чтонибудь другое; а безъ всякаго опличительнаго украшенія не позволено носить простей. Одежда у знатныхъ и богатыхъ вышита золотомъ, шелкомъ и пурпуромъ. Женщины особенно любятъ роскошь неслыханную: волосы у нихъ распущены, намазаны благовонными мазями, переплещены

(*) Вавилоняне были въ сіе время подъ игомъ Персовъ.

цвѣточными гирляндами и драгоценными каменьями. Никогда не увидишь ихъ пѣшкомъ на улицѣ; онѣ ходящъ только по коврамъ; въ ихъ садахъ аллеи усыпаны самымъ мѣлкимъ пескомъ. Люди знашные гнушающся шакже ходишь пѣшкомъ.

Я смотрѣлъ примѣчательно на прохожихъ; видѣлъ, какъ иные, привѣщивуя себя взаимно, цѣловали одинъ другаго въ щеку, другіе въ губы, а иные падали въ землю. Такое различіе возбудило во мнѣ любопытство. Я скоро узналъ, что люди равнаго состоянія цѣловали другъ друга въ губы; когда же одинъ знатнѣе другаго, то въ щоку; и наконецъ подчиненные должны были преклоняться до земли предъ вышшими.

Нослѣдующій обычай удивилъ насъ всего болѣе: на улицахъ и на площадяхъ нашли мы великое множество больныхъ; они спрашивали совѣша у прохожихъ, а сіи предписывали имъ лекарство, каждый по своему свѣденію или невѣжеству. Фаноръ и я были призываны премногими больными: я предписалъ одному изъ нихъ, человѣку сырому и мокрошному, чрезъ цѣлый мѣсяцъ, каждое утро на разсвѣшъ, ходишь пѣшкомъ за пашьде-

сятъ стадій ошъ города, къ одному испочнику, и выпивашъ по при большіе бокала воды. Недѣли чрезъ двѣ я увидѣлъ его совершенно здоровымъ, съ свѣжею краскою въ лицѣ; онъ премного благодарилъ меня за мой совѣтъ, приписывая то цѣлебному свойству водъ, чѣмъ онъ обязанъ былъ движенію.

Мы спрашивали о причинѣ сего обыкновенія. Намъ сказали, что въ Вавилонѣ нѣтъ врачей по профессіи, и каждый имѣетъ право лечишь или моришь больного, какъ кому угодно. Не смотря на то, не лѣзя сказать, чтобы Вавилоняне чаще другихъ народовъ подвержены были болѣзнямъ, или бы жили не столь долго.

Фаронъ, съ ушра до вечера бѣгая по городу, скоро познакомился съ однимъ изъ знашнѣйшихъ Сапраповъ; мы здѣсь изобразимъ его поршрешъ, и по немъ можно будетъ судишь вообще о нравахъ Ассиріянъ.

Имя его Арзамъ: будучи одаренъ ошъ природы умомъ, онъ всегда употреблялъ его во зло; обо всемъ судилъ неправильно; съ самаго младенчества окруженъ былъ наспавниками и учишелями, и ничего не зналъ, ничему не научился. Нашура одарила

его рѣдкою красотою и крѣпостию
тѣлесною; но въ шестидцать лѣтъ здо-
ровье было поперяно, морщины по-
крыли увялое лице, и волосы не осѣ-
няли уже его головы. Онъ получилъ
въ наслѣдство несчетное имѣніе, но
скоро вошелъ въ долги по уши; быв-
ши прежде спраснымъ обожаше-
лемъ женщинъ, онъ ихъ не любилъ
болѣе; никакая забава его не весе-
лила; онъ всѣми пресытился. Сель-
скія прелести казались ему едино-
образны, городскія забавы шумны и
упомишельны. Скоро его дарованія
унизились, истощились: въ обыкно-
венныхъ упражненіяхъ онъ обнару-
живалъ себя безсмысленнымъ подра-
жателемъ; не умѣлъ сказать ни од-
ного умнаго слова, ни одной острой
мысли; любилъ заимствовать опъ
другихъ осприя шушки и рѣзкія мы-
сли, но и шутъ не зналъ разбору, и
часто слишкомъ обыкновенно прини-
малъ за рѣдкость и щеголялъ тѣмъ,
что уже давно всѣмъ опостыло. Въ
пышности и роскоши не зналъ ника-
кихъ границъ. Зрѣлища ему опропи-
вили, люди наскучили, женщины не
имѣли для него никакихъ прелестей,
никакихъ пріятностей. Не смотря
на то, онъ держалъ у себя опъ цѣпи

до шести любовницъ, не пропускалъ ни одного зрѣлища, завалилъ свои палаты драгоценными сосудами и картинами, строилъ пышные замки и въ городѣ и въ деревняхъ; но на все сіе смотрѣлъ съ такимъ же хладнокровіемъ, или лучше сказать, съ такою же безчувственностію, съ какою большая часть людей, въ прекрасномъ климатѣ, подъ яснымъ небомъ, смотрявъ на великолѣпное свѣтило дня.

Онъ пригласилъ насъ на ужинъ къ Аземъ, одной изъ своихъ любовницъ. «Не думайте, прибавилъ онъ, чтобы мы здѣсь были такіе же дикари, какъ въ другихъ мѣстахъ Азіи. У насъ жены не въ заперти; онъ съ нами вмѣстѣ, и могутъ ужинатъ съ иностранцами.» Пришедши къ Аземъ, онъ спросилъ, одна ли она? отвѣчали, что съ нею ея учитель музыки. Онъ усмѣхнулся. «Повѣрите ли, сказалъ онъ намъ, что эпитъ пошлой музыкантъ, который не больше какъ на чепыре фуша поднялся отъ земли, и тнусенъ какъ обезьяна, мой соперникъ, и соперникъ самой щастливой? Мнѣ весело смотрѣть на ихъ инприги, на ихъ маленькія украдки, съ какими они производятъ свои

любовныя зашѣи. Я припшворяюсь , будшо ничего не знаю; а въ самомъ дѣлѣ смопрю сквозь пальцы: мнѣ не хочешся играшь роли ревнивца.»

Азема была брѹнешка, небольшого роспу , съ живою и выразишельною физіономією; въ глазахъ блисшаль огонь сладосшрасшїя и ума; въ самомъ дѣлѣ она была очень не глупа , но слишкомъ много полагалась на свой умъ, и упошребляла его во зло: о произведенїяхъ искуссшва и высокихъ шаланшахъ говорила всегда безъ разсудка и не вѣсила своихъ словъ; любила рассказывать , и прїяшно было ее слушать , хощя и не всегда попадалось ей нужное и приличное слово. Она спросила у насъ , видѣли ли мы храмъ Ваала , верховнаго божесшва Ассирійскаго.— Видѣли, опшвѣчалъ я; удивлялись неисчешнымъ его сокровищамъ , колоссальной спашуѣ Вааловой , кошорая вышиною въ 40 футовъ; осмашпривали и обсервашорію, находящуюся въ срединѣ храма.— Я слышалъ много любопышнаго о славномъ Юпшперѣ , сказалъ Арзамъ ; сдѣлайте намъ удовольсшвіе , опишите его. — «Онъ находишся въ Олимпїи , Пелопонезскомъ городѣ; изваянъ Фидїясомъ , однимъ изъ

величайшихъ художниковъ; вышиною въ 60 футовъ; и хопя онъ сидишь на тронѣ, но почти касаешься потолка. — Такъ, что если бы онъ вспалъ, подхватилъ Арзамъ, то бы поднялъ на себѣ крышку. — Ваша крипика справедлива. Фидій изобразилъ вверху прона, надъ головою Юпитера, съ одной стороны прехъ Грацій, съ другой прехъ Горъ. Горы суть дщери Юпитера; онъ охраняють врага небесныя. На базѣ, подъ ногами Юпитера, видны позолоченныя львы и сраженіе Тезея съ Амазонками. Пьедесталъ, на копоромъ ушверждена вся сія огромная масса, украшенъ также различными фигурами. Художникъ изобразилъ шамъ на золотѣ съ одной стороны солнце на лучезарной его колесницѣ, съ другой Юпитера и Юнону. Близъ Юпитера споишь Грація, за нею Меркурій, пошомъ Веста. Венера являеяся выходящею изъ нѣдръ моря; ее принимаеъ Купидонъ, и Пито или богиня убѣдительности налагаетъ на главу ея корону: это вѣнецъ ея прелестей! Тамъ видны также въ барельефахъ Аполлонъ, Діана, Минерва и Геркулесъ.

♦ Сказывають, Фидіасъ, окончивъ

чудесную свою робашу, молилъ Юпишера, чшобы онъ удостоилъ подашь ему знакъ своего благоволенія: вдругъ ударилъ громъ и попрясъ основанія храма. Помосишь во храмъ часто поливають деревяннымъ масломъ, для предохраненія слоновой кости отъ влажности. Напрошивъ шого въ Аеинахъ, во храмъ Минервиномъ, сплящемъ на мѣстѣ высокомъ и сухомъ, поливають помосишь водою, въ предосторожность отъ сухости.

«Сей Юпишеръ естъ масперское произведеніе художества, и почитается однимъ изъ чудесъ свѣта; когда на него смотришь, невольный спрахъ объемлетъ душу; колѣна преклоняющіяся: кажешься, видишь самого Бога.— «Я расскажу вамъ нашу *Космогонію*, сказалъ Арзамъ, забавную повѣсть о Ваалѣ, Халдейскомъ богѣ. Говоряшь, что Хаосъ породилъ множество чудовищъ, которыя были подъ властію нѣкошорой женщины, *Омерка* называемой. Ваалъ разсѣкъ сію женщину на двѣ половины, и изъ нихъ сотворилъ небо и землю. Послѣ сего потчасъ чудовища погибли. Помомъ Ваалъ, сотворя мѣръ и всѣхъ живыхъ, кромѣ человека, велѣлъ опрубить себѣ голову. Прочіе боги окро-

пили землю его кровію; и отъ того
родились люди, одаренные разумомъ,
и имѣющіе въ себѣ часпицу божес-
тва.» — Вамъ чудно покажется,
сказала Ацема, что эпопѣй великой
богъ былъ первымъ моимъ любовни-
комъ; онъ похищилъ мое дѣвство.» —
Я улыбнулся и сказалъ, что такое
драгоценное сокровище конечно не
для смертнаго создано.... Но опи-
шите мнѣ вашего бога: какой видъ
принимаетъ онъ на себя, когда сры-
ваетъ такіе прекрасные цвѣткі? Юпи-
теръ въ такомъ случаѣ превра-
щается или въ быка, или въ лебедя,
или въ орла, или въ золотой дождь. —
Нашъ Вааль не столько переменчивъ,
сказала Ацема, онъ всегда принима-
етъ на себя видъ человѣка: каждую
ночь удостоиваетъ своего ложа ка-
кую нибудь дѣвушку. Щастлива та,
говорятъ жрецы, которая удостоитъ-
ся сей чести. Роса небесная ниспа-
детъ на нее, и покровительство
вышняго осѣнитъ ее и ея семейство.
Мать моя посѣдила въ эпосѣ заблу-
жденіи. Какъ скоро я пришла въ зрѣ-
лый возрастъ, она поспѣшила въ
храмъ, чтобы принести мое дѣвство
въ жертву сему сладострастному бо-
жеству. Трое почтенныхъ жрецовъ

сняли съ меня покрывало, осмопрѣли меня прилѣжно, попомѣ поверглись предѣ спашуюю Вааловою, и наконецъ объявили намѣ, что моя жертва пріятна божеству. Какое щастіе для моей мапери! Ей прилазано привести меня въ шрепій лунный день, какѣ скоро ночь сойдеѣ на Вавилонѣ. Когда настало назначенное время, я надѣла на себя праздничное плашье, цѣвѣочную гирлянду на голову, напрыскала себя благоуханными водами, и пошла въ храмѣ вмѣстѣ съ мапушкою. Жрецѣ приняѣ насѣ и ввелѣ во свяпилище; мапушка посадила меня на великолѣпное ложе, и давши мнѣ нужныя наставленія, оставила одну въ темнотѣ, дрожащую отѣ ужаса.

«Полчаса спустя послѣ ея выхо-
ду, пріятнѣйшія благоуханія разли-
лись по всей храминѣ: это было зна-
комѣ пришествія Ваалова. Своды раз-
верзлись; яркое сіяніе ослабило взоры
мои. Скоро попомѣ занавѣсѣ у по-
спели самѣ собою задернулся, и
вдругѣ сіяніе исчезло. Тогда я услы-
шала стопы божества: оно прибли-
жается и садится подлѣ меня. Хо-
лодный потѣ разлился по всѣмѣ мо-
имѣ членамѣ; я обомѣла. . . . Бѣдный

богѣ! какѣ онѣ мучился надо мною!...
Послѣ узнала я, что верховный жрецѣ
игралѣ роль Ваала.

По утру на другой день пришла за
мною мапушка; она спрашивала меня
сѣ неперпѣливостію, удостоилѣ ли
меня Ваалѣ своего посѣщенія. Я раз-
сказала ей все, и мапушка, внѣ себя
отѣ радости, поздравляла меня сѣ
моимѣ щаспїемѣ. Этошѣ случай по-
далѣ мнѣ самое дурное мнѣніе о бо-
гахѣ, разумѣется, вѣ любовныхѣ дѣ-
лахѣ.» — Фанорѣ сказалѣ ей, что
если боги перяютѣ вѣ ея обѣщаніяхѣ
свое могущество, то по крайней мѣрѣ
люди прїобрѣтаютѣ вѣ нихѣ боже-
скія силы.» — За этѣ учпивыя слова
малорослая брюнѣшка удостоила его
благосклонной улыбки.

Послѣ того разговорѣ склонился
на другіе предметы; спали говоришѣ
о поклоненіи солнцу, о великомѣ *Оро-
мазѣ*, или виновникѣ и началѣ всего
добра; и обѣ *Ариманѣ*, виновникѣ и
началѣ всего зла вѣ мїрѣ. Первый —
сынѣ чистѣйшаго свѣта; а послѣд-
ній — изчадіе тьмы.

«Вотѣ для чего, сказалѣ Арзамѣ,
мы покланяемся солнцу, лунѣ, звѣз-
дамѣ и огню; почитаемѣ ихѣ излія-
ніемѣ Оромаза. Сїи два пропавшїя

начала ведутъ вѣчную между собою брань, и отъ того родится смѣсь добра и зла. Наши мудрецы выводятъ отсюда заключеніе, что въ человѣкѣ есть двѣ души: одна добрая, изліяніе Оремаза; а другая злая, копорая происпекаетъ отъ злаго начала. Когда добрая душа въ насъ превозмогаетъ, тогда мы добродѣтельны; когда же злая ширанивается, то мы порочны.» Сія сиспема показалаь мнѣ довольно основательною; и въ самомъ дѣлѣ, какъ часно мы боремся сами съ собою, движимы двумя прошивными силами, изъ коихъ одна влечетъ насъ къ добру, а другая ко злу?

Сказали намъ, что скоро наспанетъ праздникъ *Милиты* или *Венеры*. Мнѣ хотѣлось знать подробности осемъ праздникъ, и я спросилъ отомъ *Азему*. «Торжествъ совершается во храмѣ, называемомъ *Сокомъ-Бонотъ*, отъвѣчала она. Богинѣ *Милишѣ* не закаляютъ жершвъ; кровь не обагрываетъ никогда алтарей ея: однѣ благоуханія и куренія сущъ ея жершва. Она изображается на колесницѣ, окруженной *Купидонами*, и влекомой голубьми или лебедями.

Тутъ *Арзамъ* рассказалъ намъ, какіе обряды наблюдаемы были въ

супружествѣ прежде установленія праздника Милипина. Собирали всѣхъ дѣвицъ на публичное мѣсто; женихамъ позволено было осматривать каждую сколько ему угодно; всякой давалъ цѣну, и аукціонистъ или герольдъ вручалъ дѣвицу тому, кто дастъ большую сумму. Сей обрядъ можно назвать дѣвическимъ аукціономъ; красавицы продаваемы были первыя, за ними слѣдовали другія, судя по ихъ красотѣ. — «Эпопѣйскій обычай, сказалъ я, весьма выгоденъ для прекрасныхъ; но что вы дѣлали съ дурными! Развѣ опшывали ихъ на какой пустой островъ? — О! мы не такіе пираны: ихъ также выдавали за мужъ. — И находились покупщики? — Нѣтъ, но имъ давали приданое изъ шѣхъ денегъ, копорыя выручены за красавицъ; простолюдимы, или люди безъ тонкаго вкуса, брали ихъ для приданого. Но послѣ установленія праздника Милипина сей обычай прекратился; перестали продавать невѣстѣ съ публичнаго аукціона; однако наложили на женщинъ другого рода подать. Каждая обязана одинъ разъ въ жизни припши въ храмъ Милипинъ и опдаться какому нибудь иностранцу, копорый за

Т. III.

Отдел хранения Б

Гос. Публ. Библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

свои воспорги можешъ заплашишь ей по своей волѣ; женщина не властна опказаться опъ сей суммы, сколько бы она мала ни была: ибо эша плаша принадлежишь богинѣ. Послѣ сего священнаго пожертвованія, онѣ обязаны посвящать остальные дни жизни своей воздержанію и цѣломудрію.» — «Эпошъ послѣдній законъ поршишь все дѣло, сказалъ Фаноръ; и мнѣ кажется, что всего пруднѣ исполнишь сіе благочестивое обязательство.» — «Вы ошибаетесь, подхватилъ Арзамъ; спросите у Аземы, прудно ли ей было послѣ сего искушенія соблюсти свое обязательство; я увѣренъ, что она не нарушила его ни одинъ разъ.» Терзишъ музыкантъ хотѣлъ опразить эшу иронію и защищать честь Аземы. — «Напрасно ты горячишься, мой дорогой Орфей, возразилъ ему Арзамъ; я смѣю сомнѣваться въ добродѣтели женщинъ; признаюсь однако, я бы смѣло положился на добродѣтель той, которая могла бы защитить себя опъ пвоихъ прелестей. Но встали о добродѣтели, продолжалъ онъ. Азема конечно не опкажется поощивать дорогихъ гостей любимую свою исторію: дѣло про-

исходило при дворѣ Антіоха. Вы увидишь, что невозможно далѣе про-
спирашь геройства въ добродѣтели. «
Азема не упускала ни одного случая
занявъ компанію и заславивъ себя
слушать. Она рассказала намъ слѣ-
дующую повѣсть.

ГЛАВА II.

Повѣсть о Комбабѣ.

«Можно бы сказать, что Комбабъ
родился въ прелестномъ царствѣ
Киприды или Купидона. По крайней
мѣрѣ боги истощили на него всѣ
дары свои: великой умъ, самая пре-
лестная фizioномія и щастливый
характеръ сдѣлали его любезнымъ
Государю и всему Двору. Комбабъ
плашилъ за любовь и милости Царя
неограниченнымъ усердіемъ и пре-
данностію.

«Супруга Антіохова, Спрашоника,
будучи въ полномъ цвѣтѣ красоты
и молодости, не могла равнодушно
смотрѣть на сего любимца боговъ и
людей. Она старалась скрыть свою
любовь; но скоро взоры ея, по бояз-
ливые и крошкіе, по пламенные и

спрасшныя; ея ласки нѣжныя; выраженія прогапельныя; наконецъ всѣ ея движенія, всѣ поступки открыли спрасшья ея щастливому побѣдишело. Онъ не могъ не понять сего языка; но будучи преданъ своему Государю, и спрасшася опасностей при такой связи, вооружился всею твердоспїю; молчаніе и почтительность были его оповѣщомъ Царицѣ на всѣ ея ласки. Такое сопросивленіе еще болѣе воспламенило ея спрасшъ: она ширанспвовала въ ея сердцѣ. Сонъ, спокойствіе, забавы, все уклонилось отъ Спрапоники. Наконецъ выдумала она средство, копорымъ надѣялась преодолѣть упорство своего любовника. «Пріятная привычка видѣть меня, думала она, видѣть часто и почти безпрестанно бытъ при мнѣ, можетъ оковать его суровое сердце.» Тотчасъ объявила она Царю, что намѣрена ѣхать въ Ефесъ, дабы поспроить тамъ храмъ и шѣмъ выполненію обѣщанія, данный ею при разрѣшеніи отъ бремени сыномъ, копорый составлялъ пріятнѣйшую надежду Царя и всего царства. Антиохъ далъ свое согласіе, и Комбабъ назначенъ сопровождать Царицу. Не трудно ему было проникнуть намѣ-

ренія Спрашоники; а и того легче предусмапривалъ онъ грозящую ему опасность. Смущеніе его шѣмъ болѣе увеличилось, какъ онъ принужденъ былъ самъ въ себѣ признахся, что чувствительная его душа мало по малу открывалась прелестямъ любви, и часъ отъ часу болѣе прилѣплялась къ милой Царицѣ. Такимъ образомъ, будучи съ одной стороны удерживаемъ священнымъ долгомъ и преданностію къ своему Государю, съ другой увлекаемъ ласкною надеждою и очаровательною силою щастливой любви, долго былъ онъ игралищемъ безпокойныхъ своихъ мыслей и желаній, копорыя, подобно прошивнымъ вѣшрамъ, боролись между собою, мучили и терзали бѣдное его сердце. Наконецъ, послѣ долговременной борьбы, добродѣтель воспоржесивовала. Намѣреніе принято: оно было ужасно, но усилъхъ не сомнишеленъ: острое желѣзо лишило его навсегда способности грѣшиться. Онъ бальзамировалъ сіи опрѣзки, положилъ ихъ въ коробочку, и запечатавъ своею печашью, вручилъ Царю, прося его сберечь эшу драгоцѣнность до его возвращенія. Между шѣмъ нашало время отпѣзда и онъ отпра-

вился сопровождать Спрашонику. Что онъ предвидѣлъ, то и случилось. Бывши безпрестанно возлѣ Царицы, видя ея нѣжныя взгляды, ея ласки, то боязливыя, то смѣлыя, ея прелести, дышущія сладоспираспѣемъ, иногда закрышыя до половины, иногда только слегка прикрышыя и ослѣпляющія взоръ: могъ ли онъ ошановишь пожаръ, который разлился въ его сердце? Спрашоника чистала въ его взорахъ свою побѣду, уже не сомнѣвалась въ полномъ благополучіи. Она дала сельской пирѣ небольшой свитѣ своихъ придворныхъ: пирный столъ поставленъ въ среднѣ рощи, подѣ зеленымъ сводомъ деревьевъ; тысячи лѣсныхъ пѣвцовъ наполняли воздухъ мелодическимъ своимъ пѣніемъ; толпы молодыхъ поселянъ и дѣвицъ принесли корзинки съ плодами, цвѣтами и медовыми опрѣснками. Къ нимъ присоединился хоръ пѣвцовъ, пѣвицъ и музыкантовъ, и громкія пѣсни разнеслись далеко по окружности. Начались игры и пляски: веселость, смѣхи и забавы оживляли всѣхъ играющихъ. Спрашоника сама вмѣшалась въ ихъ игры; пляска, болѣе же всего ожиданіе сладоспнѣйшихъ восшорговъ,

разжигало въ сердцѣ ея огонь сладоспраспія. Ввечеру пять сощъ свѣпильниковъ зажгли день подѣ кровомъ ночи. Эшо былъ часъ благополучія, котораго ожидала Спрашоника, дабы увлечь своего любезнаго въ шаинспивенный грошъ. Она предложила ему иппи въ сосѣднія аллеи насладиться свѣжеспію ночи; Комбабъ не могъ опказаться. Пришедши въ одну опдаленную бесѣдку, гдѣ пихое уединеніе и шемноша призывали щаспливыхъ любовниковъ къ воспоргамъ, она сказала, что упомясь отъ пляски, имѣетъ нужду въ опдохновеніи. Они сѣли на зеленомъ коврѣ, на свѣжей справѣ; ничто не опдѣляло ихъ. Спрашоника, зардѣвшись какъ красной мѣсяцъ на краю горизонша, обнаружила весь жаръ любви своей шо въспраспныхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, шо молчаніемъ, гораздо вняпнѣйшимъ, нежели всѣ выраженія. Комбабъ щепино борясь съ нѣжною спраспію, его увлекающею, опвѣчалъ одними вздохами. Царица, шолкуя ихъ въ свою пользу, сдѣлалась смѣлке и неопштупке. Пламенѣя сладоспраспіемъ, она покусилась сдѣлать ему нѣкошорыя ласки: какое ужасное состояніе для

Комбаба! Горя желаніемъ, снѣдаемъ раскаяніемъ, онъ по пропивишся, по усшупаешъ; наконецъ падаешъ къ ногамъ ея и восклицаетъ: «поспойте, пощадите несчастнаго, который умеръ отъ опчаянія! Ваши милоспи убиваютъ меня: не казниште злополучнаго, который горитъ нѣжнѣйшею къ вамъ спраспію, но блаженство его невозможно!» Онъ умолкъ, и пламенными слезами обливаетъ руку своей возлюбленной. Спрашоники, въ недоумѣніи, не можетъ проникнуть никакой загадки; проситъ его объяснитьсь. Комбабъ колеблется; оба молчатъ — Царица отъ негодованія, а любовники отъ стыда и раскаянія. Наконецъ онъ осмѣливается вѣбритъ ей свою тайну, открываетъ, какую жестокою предосторожношть принялъ онъ, чшобы избѣгнутьъ искушенія и не оскорбить своего Государя и друга. «Какая жертва! какая предосторожношть! вскричала Спрашоника.» — «О Государыня, достойная обожанія! сердце мое никогда не могло пропивишся вашимъ прелестіямъ! Снѣдаемъ спраспіюю любовію, я бы не опрехся жизнию своею заплашишь за свое блаженство; но чшобъ купить его

преступленіємъ , заплашишь вашею погибелью, которая была бы неизбѣжна; нѣтъ, я не могу бытьъ такимъ чудовищемъ, такимъ подлымъ извергомъ!» Спрашоники въ опчаніи; сердце ея смягчилось; глаза наполнились слезами; она падаешь въ его объятія. Комбабъ оперъ ея слезы, заклиналъ ее, чѣмъ она оспалась навсегда нѣжнымъ его другомъ, и испребила бы по чувствованіе любви, которое могло бы бытьъ для нихъ опасно и гибельно. Царица, пришедши въ себя и видя непремѣнную необходимость, клялась ему въ нѣжнѣйшей дружбѣ; но и произнося кляпву, она еще проливала слезы.

Сіи два любовника, будучи принуждены ограничить себя одною дружбою, старались усладить свое нещастіе шѣсною и невинною связью, частыми разговорами, скрѣпляющими еще болѣе узелъ дружбы и самой любви. Комбабъ, образовавши умъ свой философіею, искусивши его опытностію, перелилъ благородныя свои чувствованія въ душу нѣжнаго своего друга, очистишь ея позорную спрасъ, и наполнишь сердце ея чувствованіями, споль кропкими, споль пріятными, чѣмъ она забыла преж-

ною свою любовь. И съ того времени она сравнивала дружбу съ умѣренною теплою солнца, копорая все согрѣваетъ, все живитъ, и благопворною своею силою вызываетъ изъ земли цвѣты и зелень; а любовь при-мѣняла къ пламенѣющему огню, все изсушающему, и пожигающему рас-пѣнія даже въ самомъ ихъ корнѣ.

Между шѣмъ придворные, мучимы безпрестанно завистию, видя заслу-ги и щасіе другаго, скоро, скоро за-мѣтили отличную благосклонность Царицы къ Комбабу, и подозрѣвая все, что подозрѣвать можно, распу-смили тайные слухи, что брачное ложе Царя осквернено. Сія молва разнеслась отъ придворныхъ къ на-роду, а отъ народа дошла до Госу-даря, который предавшись всей яро-сти гнѣва, приказалъ взять подъ-спражу Комбаба и представитъ его ко двору. Заключение его въ шемницу, и назначена комиссія изслѣдовать его пресшупленіе. Судьи, раздѣляя гнѣвъ своего монарха, осудили на смерть несчастнаго его друга. Онъ выслушалъ сей приговоръ спокой-но; уже готовилась его казнь, какъ вдругъ проситъ онъ Государя ош-крыть коробочку, копорую онъ ему

вручилъ предъ своимъ опбвдомъ. Аншіохъ опкрываетъ ее, и съ ка-
кимъ удивленіемъ видилъ физичес-
кое доказательство невинности сво-
его любимца! Такая рѣдная привязан-
ность, такая великая жертва, при-
несенная дружеству, пронули бла-
городную душу Государя; онъ бѣ-
жидъ въ шемницу, заключаетъ друга
своего въ обввпія и осыпаетъ его
почестями и милостями. Зависпли-
вые донощики были наказаны; а онъ
получилъ позволеніе возвратиться
къ Царицѣ, которая занималась пог-
да поспроеніемъ храма, и въ немъ
повелѣла поспавить бронзовую сша-
шую своего любовника.»

ГЛАВА III.

*Фаноръ влюбляется въ Аземъ; празд-
нолюбіе Вавилонянъ; портретъ
Атоссы; приключеніе съ Фаноромъ.*

Сія пріятная повѣсть окончила
нашъ ужинъ. Арзамъ общалъ прово-
дитъ насъ на праздникъ Милишинъ,
и пригласилъ насъ на завпрешній

день къ обѣду, въ своемъ раю (*), вмѣстѣ съ другимъ его любовницею.

Когда мы оспались одни, то Фаноръ открылся мнѣ, что прекрасная Азема обворожила его своими прелестьями и талантами ума. — «Не правда ли, что она не въ примѣръ превосходитъ прекрасную Θεану Аѳинскую, чувствительную Теофанію Милетскую, гордую Аспазію Спаршанскую, и оспроумную Фокилиду Родосскую? — О конечно! она сколько же ихъ превосходитъ, сколько красавица, которая шеперь въ нашихъ глазахъ плѣняетъ насъ болѣе, нежели ея поршрешъ, или простое воспоминаніе объ ней. Но у тебя два соперника? — Я ихъ не боюсь. Арзамъ, хотя и знашый вельможа, однако ни мало не сирашенъ; эшо швореніе безпечное и бездушное; а Терзипъ-музыкантъ правда привязчивъ и горячъ, но такого соперника сломить не шрудно.»

Утро слѣдующаго дня провели мы на улицахъ Вавилонскихъ, бродя между толпами людей праздныхъ, кои сидѣли въ тѣни, поставляя высочай-

(*) Раемъ называли Ассиріане сады свои или звѣринцы.

шее свое благополучіе въ спокойствіи и бездѣйствіи. Не превожась пою безпокойною дѣяшельностію, копорая подспрѣкала Грековъ, безъ всякаго честлюбія, безъ искашельства славы, не обращающа ни единого взора ни на прошедшее, ни на будущее, ограничивъ все свое существованіе наслажденіемъ насюящаго, они приближаются безъ сильныхъ попрясеній и, такъ сказахъ, въ непрерывномъ снѣ, къ послѣднему своему сну. Я слушалъ ихъ разговоры; всѣ они вершѣлись около одной почки, какъ приумножишь и продлишь наслажденія. Живишь пріятно, не занимаясь дѣлами свѣта сего, шуши вся ихъ наука, вся философія.

Наспалъ часъ обѣда; Арзамъ прѣхалъ за нами на блистательной колесницѣ, и мы полетѣли въ его рай. Дорогою говорилъ намъ о молодой Апоссѣ, съ которою онъ провелъ часъ ночи, и копорую мы найдемъ за его обѣдомъ. «Она прекрасна; кажешся, что я люблю ее больше Аземы; правда, у ней не сполько ума, но за то болѣе пріятности и свѣжихъ прелестей; а въ женщинахъ я лучше ищу прекрасной фигуры, привязываюсь къ физической красотѣ, нежели

къ нравственнымъ достоинствамъ. Я держу ихъ только для своего услажденія; вижу ихъ или за споломъ, или въ уединенныхъ диванахъ; вездѣ въ другомъ мѣстѣ онѣ мнѣ наскучаѣтъ.»

Мы нашли прекрасную Апоссу, гуляющую въ прохладной тѣни развѣсистыхъ деревьевъ и поющую; она блистала драгоценными камнями и цвѣтами. Гибкій и стройный ея станъ, цвѣтущая молодость (ей было только три люспра), прорагательная пріятность, обворожительный взоръ могли бы служить образцомъ для кисти Апеллесовой или Зевксовой; но подъ сею прелестною оболочкою скрывалась хладная и безчувственная душа. Прекрасная эша кукла безпрестанно смѣялась, пѣла много, говорила очень мало, ни о чемъ не думала, безпрестанно любовалось своею красотою, своими нарядами, или занималась уборами и прическою другихъ женщинъ. Однимъ словомъ, эша была прекрасная ппичка въ клѣткѣ: пѣла, ѣла, пила и роспилась.

Мы обѣдали въ продолговато-круглой залѣ, выложенной искусно подобраанными черепахами. Въ ней была спашуя Милипы или Венеры, совсѣмъ нагой, въ обыкновенный ростъ

человѣческой, изъ прекраснѣйшаго
алебаспра, лежащая на мапрасѣ изъ
чернаго мрамора. Никогда взоръ мой
не встрѣчалъ ничего столь сладо-
спрасшнаго. Обѣдъ былъ вкусный и
пышный, хопя насъ только четверо
возлежало за столомъ; двадцать не-
вольниковъ, въ великолѣпномъ наря-
дѣ, прислуживали намъ, наблюдая
малѣйшее наше мановеніе. Арзамъ,
чтобъ оживить бесѣду, спалъ го-
воришь о религіи, морали и филосо-
фіи. По его мнѣнію религія не иное
что, какъ узда для проспаго народа,
въ копорой не имѣющъ нужды люди
знашные, ни люди съ воспитаніемъ
и хорошими правилами. Нравствен-
ность щипалъ онъ мѣстною модою,
постановленіемъ благоустроеннаго
гражданства, принаровленнымъ къ
обстоятельствамъ и климату. Въ
Спаршѣ ссужающъ другъ друга свои-
ми женами; здѣсь смѣются супруж-
ней невѣрности; въ храмъ Милини-
номъ мѣшаются оба пола; въ другихъ
мѣстахъ при малѣйшемъ подозрѣніи
жена или умерщвляется, или оспаеш-
ся поругана. Всѣ наши дѣла бывающъ
добродѣтелями или пороками, судя
по законамъ различныхъ земель. Въ
Египтѣ почишаются величайшимъ

преступленіемъ убишь кошку, или
 ибиса; близь рѣки Инда обожаютъ
 корову, и кто осмѣлился ее умерш-
 вить, предается смертной казни.
 Въ Европѣ жертвенники обагряются
 кровію, и даже кровь человѣческая
 на нихъ проливается. Чѣмъ принад-
 лежишь до философіи, я ее люблю, и
 горжусь ею; я Эпикуровой секты:
 наслаждаюсь всѣми удовольствіями,
 всѣми забавами; пью большими пока-
 лами изъ чаши жизни все, чѣмъ услаж-
 даешь и опьяняешь мои чувства:
 вотъ истинная философія, которую
 я присвоилъ себѣ съ того самаго вре-
 мени, какъ пришелъ въ разсудокъ.
 Правда, эта философія не Плато-
 нова, не Зенонова, не Ксенократова.
 — И не Эпикурова, подхватилъ я,
 которую ложно понимаешь; ибо сей
 философъ совѣтуешь соблюдатьъ
 умеренность и презвось, почитая
 ихъ добродѣтелями, и даже поспав-
 ля ихъ въ число удовольствій. —
 О, такъ я больше его философъ, по-
 тому чѣмъ почитаю глупостію ли-
 шать себя удовольствій. — Эпикуръ
 не запрещаетъ услаждаться заба-
 вами, а только пребываетъ, чѣмъ онъ
 были соразмѣрны слабости нашихъ
 органовъ; и настоящее ученіе Эпи-

кура естъ: *гасто воздерживаться, дабы больше и долѣе наслаждаться.* Апосса закричала, что «и она такъ же философка; что она любишь забавы до безумія; что нѣтъ у ней другихъ мыслей, другой науки, какъ только умножать свои наслажденія.» Мы нашли ея философію умною и хорошо обдуманною; и въ честь Апоссы и забавъ обошла круговая чаша. Мы надѣли на головы цвѣпочные шюрбаны; Арзамъ пилъ по Сарданапальски: сего древняго Царя Ассирійскаго онъ взялъ себѣ въ образецъ. «Видѣли ли вы спашую моего героя? спросилъ онъ. — Видѣлъ, и читалъ его надпись: она достойна его нравовъ: *бшь, пей и веселись; все прочее вздоръ.*» — Клянусь Вааломъ! онъ правъ, вскричалъ Арзамъ; что и жизнь безъ забавъ! — Не скрою, что видъ сего сластолюбца не внушилъ мнѣ никакого почтенія; напропивъ шого смопря на спашую безсмертной вашей Семирамиды, я былъ проникнутъ удивленіемъ. Я мечталъ видѣть божество. — Вы не ошиблись; мы такъ ее и почищаемъ. По возвращеніи своемъ изъ Индіи, когда она узнала, что сынъ ея Ниній злоумышлялъ о низверженіи ее съ прона, по

сама добровольно оставила царство, сокрылась отъ взора людей, дабы, по словамъ Оракура, пользоваться божескими почестями. Въ самомъ дѣлѣ боги превратили ее въ голубицу, и въ семъ видѣ мы воздаемъ ей поклоненіе.»

Арзамъ посидѣвши окончивъ обѣду; крайняя нужда опызывала его въ Вавилонѣ: тамъ молодая танцовщица давала первый опытъ своего искусства; такъ можно ли ему не быть свидѣтелемъ сихъ веселій? Намъ хотя и здѣсь было пріятно, однако мы приуждены сдѣлать ему компанію. Внутренно жалѣя о философѣ Арзамѣ, котораго осушая чашу забавъ, припустилъ свои чувства и оправилъ всѣ удовольствія ядомъ скуки и омерзѣлости.

Между тѣмъ прелести молодой Апоссы изгладили изъ памяти Фанора красоту Аземы. Новыя чувствованія любви волновали сердце его. Получивъ позволеніе видѣть Апоссу, онъ сказалъ мнѣ на другой день, что я могу выпить безъ него. Уже поздно ввечеру возвратился я домой; Фанора еще не было. Я ждалъ; ночь приближилась: безпокойство мое болѣе и болѣе увеличивалось. Наконецъ онъ

явился. «Какъ ты несносенъ съ своими инпригами! сказалъ я ему. Я сидѣлъ на иглахъ; конечно прелести божественной Ашоссы приковали тебя на цѣлый день? — Ты очень удивишься, когда я скажу, что я ее вовсе не видалъ; я употребилъ свое время гораздо лучше. Послушай: лишь только ты со двора, я спалъ убираваясь, прыскался благовонными водами, чтобы лепѣть къ своей Милипѣ; въ то самое время входящъ двѣ женщины въ мою комнату; одна ужъ въ лѣсахъ, а другая въ полномъ цвѣтѣ своей весны, роспу высокаго спану сшройнаго, украшена всѣми пріятносціями Грацій. Сердце мое запрепешало, я смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Казалось мнѣ, что сама милая Гевея сошла ко мнѣ съ Олимпа. Тутъ старшая спросила меня, яли одинъ изъ Грековъ, пріѣхавшихъ не задолго предъ тѣмъ въ городъ? — Я; чѣмъ могу вамъ служить? — Ахъ! ошвѣчала она, разглаживая лице, испуская глубокіе вздохи и опирая съ глазъ слезы, кошорыхъ шамъ не было; дочь моя и я, мы очень несчастны, очень жалки! — Какъ! эта прелестна дѣвица ваша дочь? — Да, эщо Аріаспа, младшая сестра Аземы,

копору ю вы знаете. Эша неблаго-
дарная дочь, эшотъ извергъ приро-
ды, опказываетъ сеспръ своей и
машери въ кускѣ хлѣба, между пѣмъ
какъ сама упопаетъ въ нѣгѣ и рос-
коши, и распочаетъ свое богатство
съ мерзавцемъ музыкантомъ, копо-
рый дѣлаетъ ей позоръ и безславіе;
но вы меня извините: мнѣ нужно
кое-что исправить въ сосѣдствѣ; я
оспаваю васъ съ Аріаспою; она
расскажетъ вамъ о нашей бѣдѣ
и нашихъ пѣсныхъ обстоятельст-
вахъ. Какъ скоро окончу свои дѣла,
топчасъ ворочусь къ вамъ.» Я по-
нялъ, что эша недостойная мать
привела ко мнѣ жертву своего коры-
столюбія и продаетъ ее за деньги.
Оставшись одинъ съ Аріаспою, я
взялъ ее за руку; она дрожала; я слы-
шалъ ея вздохи, всхлипыванія; ви-
дѣлъ ея слезы. — «О чемъ вы плаче-
те, прекрасная Аріаспа? Отъ чего
эши вздохи, эша горестъ?» При сихъ
словахъ она упала къ моимъ ногамъ:
«сжалъсь надо мною! заклинаю
васъ именемъ боговъ, награждаю-
щихъ дѣла добрыя! Греки велико-
душны, имѣютъ благородное, чув-
ствительное сердце. Не погубите
меня, не упопрѣбите во зло моего

нѣщасія. Я сестра Аземы, это правда; но у меня другое сердце, другія правила. Мать моя и я, мы спонемъ въ бѣдѣности; она давно ужъ меня принуждаетъ, мучитъ, чѣмъ я согласилась на безчестное пожертвованіе, кошорое покроемъ меня позоромъ и безславіемъ. Вчера она грозила противъ воли предать меня и ночью ввести мушину въ мою комнату: пошомъ говорила объ васъ; сказала, что вы иностранецъ; что скоро опсѣлѣете; что мой поступокъ останетсѣ неизвѣстенъ, какъ будто шамъ нѣмъ пресупленія, гдѣ нѣтъ свидѣтелей! Не знаю, какая-то надежда вдругъ блеснула въ душѣ моей; я притворилась, будто согласна. Мнѣ сказывали сполько добраго о Грекахъ, что я и теперь еще ласкаюсь надеждою, даже здѣсь, даже одна съ вами. «Говоря сіи слова, она омочала руки мои слезами. Какъ она была прекрасна въ своей горести! — Вы не ошиблись въ хорошемъ мнѣніи о Грекахъ; они чшутъ добродѣтель, красоту, а всего больше нѣщасіе. Откройте мнѣ свое сердце; чего вы отъ меня требуете? — «Великодушный человекъ, сами боги»... — Оставьте это; чего вы требуете? — «Чѣмъ вы

подали помощь моей матери, только не на щепь моего безчестія.» Я спросилъ у ней, не имѣетъ ли она какой тайной привязанности, не хочетъ ли выйти за мужъ. Она призналась, что любитъ молодого Мазабета, сына купеческаго, и что сама любима: но я бѣдна, и отецъ его пропившись нашему соединенію.» А чѣмъ можно получишь его согласіе? — Не знаю; онъ великой скупецъ. — Сто дариковъ могутъ его склонить? — Надѣюсь. — Ну, хорошо; я даю ихъ съ радостію, чтобы наградишь вашу добродѣтель и составишь ваше благополучіе.» При сихъ словахъ, она стояла какъ окаменѣлая; прекрасные ея глаза были устремлены на меня; она не смѣла мнѣ вѣрнуть; до сего времени находя вездѣ только каменные, безчувственные сердца, она поражена была такимъ безкорыстіемъ. Ея благодарность была столь жива, столь пламенна, всѣ черты ея лица сіяли такимъ крошкимъ веселіемъ, что сердце мое обливалось самою чистою радостію: никогда не чувствовалъ я столь живо удовольствія, сдѣлавъ доброе дѣло. И хотя, признаюсь, прелести этой молодой дѣвицы сперва приводили

меня въ искушеніе, однако я чувствовалъ большее удовольствіе ощущивъ ее, нежели сколько бы чувствовалъ въ ея объятіяхъ.

Какъ скоро мать возвратилась, то я открылъ ей желаніе ея дочери; изобразилъ ей гнусность и жестокость ея поступка, и старался внушить почтеніе къ добродѣтели и невинности такой любезной дочери. Я привелъ ее въ стыдъ; она извинялась своею бѣдностію, необходимостію пропитать себя и ее. Я далъ ей нѣсколько денегъ; самъ тотчасъ пошелъ къ опцу молодого Мазабеша: сего дариковъ ослабили его взоры и удалили всѣ трудности. Свадьба положена; мы всѣ собрались къ Аріаспѣ, гдѣ я осыпанъ былъ благодареніями щастливыхъ любовниковъ. Это дѣло заняло меня на цѣлый день; но я не промѣняю пріятныхъ сихъ часовъ ни на самый радостный день въ моей жизни, ни на благосклонность прекрасной Апоссы. Кошелекъ мой сталъ пустъ, но сердце мое полно.» Я обнявъ Фанора, поздравилъ его съ добрымъ дѣломъ, и раздѣлилъ съ нимъ его чисную радость.

ГЛАВА IV.

Праздникъ Милитинъ.

Мы часпо видались съ Арзамомъ; но онъ всегда былъ такъ занятъ, имѣлъ столько свиданій, что съ нами дѣлилъ только немногія минушы. Въ день Милипина праздника пріѣхалъ онъ за нами рано по утру, и мы посѣщили съ нимъ въ храмъ богини. Это превеликое чешвероугольное пространство, обнесенное стѣною, коея каждый бокъ простирался на двѣ сажени. Въ серединѣ находится огромная башня, имѣющая въ ширину и въ длину по одной сажени; на ней возвышающіяся восемь другихъ башенъ. Снаружи подымается лѣстница, извиваясь на подобіе улишки. Въ самой послѣдней башнѣ есть огромная хранина, безъ стѣшуй; въ ней спойтъ золошой сполъ и великолѣпное ложе; нога смершнаго никогда не дерзаетъ спунить на священномъ помостѣ сей хранины: она опкрывается только для бога Ваала, который проводитъ шамъ ночь съ молодою дѣвицею, какую онъ удоспойтъ своей благоклонности. Внизу есть другая хранина, и въ ней золошая спашуя, пред-

спавляющая Юпитера сидящего; шолъ, шронъ и подножіе изъ того же мешалла.

Мы нашли въ окружности храма великое множествъ женщинъ; знанѣйшія изъ нихъ, не желая опдаться въ руки перваго прихожаго, сидѣли на колесницахъ, въ великолѣпномъ рядѣ, окруженные своими невольниками; другія, съ повязкою на головѣ, сидѣли на землѣ. Однѣ приходили, другія уходили. Тамъ были аллеи, опдѣленные веревками; въ нихъ иноспранцы выбирали себѣ красавицъ, какая кому понравится. Ни одна женщина не можетъ выйти изъ храма, не заплащя дани богинѣ Милишѣ. Законъ сей весьма тягостенъ для безобразныхъ; онѣ часто принуждены дожидаться года при или чешыре, пока придетъ до нихъ очередь.

Когда иноспранецъ выберетъ себѣ красавицу, то подавая ей деньги, говоритъ: *для богини Милиты!* Женщина обязана принять предлагаемое и опдаться ему въ руки.

Я пробѣгалъ съ Фаноромъ и Арзамомъ сіи аллеи, гдѣ все дышало любовью и сладоспращіемъ. Фаноръ былъ въ неописанномъ воспоргѣ: взоры его летали повсюду, съ одной красавицы

на другую; всѣ женщины были для него прелестны, всѣ возбуждали въ немъ желанія. Въ шакомъ очарованіи, въ шакомъ недоумѣніи, кого предпочесть въ выборѣ; онъ желалъ бы сорвать всѣ цвѣты въ этомъ прекрасномъ цвѣтницѣ. Арзамъ напрошивъ того смошрѣлъ на всѣхъ красавицъ съ оповращеніемъ, и видѣлъ только однѣ ихъ недоспѣшки: одна была для него шолспа какъ бочка; другая суха какъ спичка; въ этой не было никакой пріятности, а въ той никакой нѣжности; иная пугала своимъ великанскимъ ростомъ, другая казалась ему карлицей; въ этой замѣтилъ онъ пламенные любострасные глаза, а въ другой видѣлъ кокетку, которая играетъ роль спыдливой невинности. Большая часть были для него осенніе цвѣтки, безъ всякаго блеску, безъ всякой свѣжести, и во всѣ пятнадцать лѣтъ, въ которые онъ приходилъ на сей праздникъ, не видывалъ онъ ни одной столько безобразной, сколько въ этомъ годѣ казались ему почти всѣ. Онъ помнилъ еще, что въ самый первый разъ нашелъ болѣе спа женщинъ гораздо прелестнѣе, нежели самая первая красавица въ этомъ день; но я и Фанорѣ,

будучи въ полной силѣ и крѣпости, и не припущивъ чувствъ своихъ частыми и неумѣренными наслажденіями, отдавали имъ болѣе справедливости и находили ихъ большею частью достойными нашего обожанія и самыхъ спрасныхъ пожертвованій.

Наконецъ Фаноръ скрылся съ одною маленькою брѣнешкою, веселою и забавною. Я предпочелъ блондинку, у которой на лицѣ розы и лилеи спорили о преимуществѣ, а въ глазахъ была какая-то пріятная помнось. Я подошелъ къ ней съ своею подашью въ рукѣ и сказалъ: «для богини Милиты.» Тотчасъ она вспала и пошла за мною. Должно признасться, что ея почтительность къ сему священному обряду была непришворная. Разсѣвшись со мною, она пошла бросить мою подашь въ сосудъ, съ которымъ стоялъ жрецъ у вратъ храма.

Я опять приспалъ къ Арзаму и Фанору; первый изъ нихъ выбралъ для себя прекрасную женщину, но безъ пріятностей, безъ живости; онъ наслаждался ея прелестями безъ удовольствія, и почти только для церемоніи; а Фаноръ желалъ, чтобы завтра опять начался праздникъ.

ГЛАВА V.

Письмо отъ Ласфеніи; разные анекдоты.

Возвращаясь домой, нашелъ я Ласееніино письмо, которое меня весьма обрадовало; давно уже я не имѣлъ объ ней никакого извѣстія.

«Радость и благополучіе!

«Солнце уже пропекло двѣнадцать своихъ спанцій, мой любезный Аншеноръ! а ты не утѣшилъ меня ни однимъ письмомъ въ моемъ уединеніи. Мои милой другъ! ты общалъ мнѣ больше исправности. Уже не думаешь ли подражать Сибаритамъ, которые за годъ впередъ просятъ къ себѣ гостей на обѣды, чтобы имѣть время выискать самыхъ лучшихъ и рѣдкихъ кушанья? Не для того ли и ты заспавляешь меня такъ долго дожидаясь своихъ писемъ, чтобы поппчивать меня лучшими приправами, пріятнѣйшими повѣстями? Я очень люблю твои рассказы; читаю ихъ съ великимъ удовольствіемъ; ты повѣствуешь пріятно; твой слогъ день отъ дня очищается; ты смож-

ришь на все примѣчательнымъ окомъ наблюдателя; но хощя бы ты ни о чемъ болѣе не писалъ, какъ только о себѣ самомъ, мнѣ бы и тогда не менѣе пріятны были твои письма.

«Аѳины представляющъ изъ себя картину непрестанныхъ волненій: эпо театръ, на которомъ играющъ то важныя, то смѣшныя, то печальныя, то веселыя пьесы.

«Два спранные случая занимающъ теперь головы всѣхъ жителей сего города и служатъ матеріею всеобщихъ разговоровъ: въ портикѣ, въ лицѣ, въ академіи, на площадяхъ, въ лавкахъ, на пирахъ, вездѣ говорятъ, судятъ объ одномъ и томъ же, можно сказать, безъ всякаго разсудка. Дѣло идетъ о смерти двухъ человѣкъ совсѣмъ противнаго характера и нравовъ: одинъ изъ нихъ есть томъ славный Діогенъ, который спранныю своею опличностію и гнусною философіею приобрѣлъ себѣ такую громкую славу; онъ опправился теперь въ царство мертвыхъ забавляя тѣни своими насмѣшками и циничесствомъ. Другой Тераменъ, коего характеръ столько же противоположенъ характеру Циника, сколько веселый обшатель воздушныхъ

спранѣ прошивенѣ нечисному живошному, валяющемуся въ грязи. Онѣ былѣ человекѣ веселый, любезный и гибкій, пріятный спихошворецѣ, опличившійся въ легкомѣ Анакреоншическомѣ ролѣ поэзіи. Провождая жизнь въ милой безпечности и въ исканіи новыхѣ удовольствій, онѣ примѣшивалѣ къ тому много философіи и учености; никогда не хотѣлѣ принятъ на себя никакого публичнаго званія, говоря, что люди не ешоятъ шруда, чтобѣ ими занимаѣться; что должно жить самому для себя; что онѣ не промѣняешѣ одного дня веселій и забавѣ ни за десять вѣковѣ славы. Впрочемѣ былѣ благородной души, безкорыстенѣ, благошворишенѣ и человекѣколюбивѣ; жизнь почиталѣ одною минушою пробужденія между двухѣ сновѣ, и имѣлѣ всегдашнимѣ правиломѣ, что должно спарашѣ мечпашѣ пріятно во время сего минушнаго сна. Онѣ авторѣ слѣдующей пѣсни, не менѣе пріятной, какѣ и философической.

*Когда бы намѣ возможно
Жизнь было продолжить:
То сталѣ бы я не ложно
Сокровища копить.*

Чтобъ смерть въ свою годину,
 Взявъ деньги, отошла,
 И за откупъ конгину
 Отсрочивъ, жить дала.
 Но какъ я вѣрно знаю,
 Что жить положенъ срокъ:
 На то крушусь, вздыхаю,
 Что нуль скопить лишь могъ?
 Не лучшесть безъ терзанья
 Съ пріятельми гулять,
 И нѣжны воздыханья
 Къ любезной посылать? —

Перев. Г. Ломоносова.

«Спраннымъ случаемъ оба сіи чело-
 вѣка, споль несходные ни правомъ,
 ни умомъ, умерли въ одинъ день:
 Діогенъ въ старости и дряхлости;
 а Тераменъ въ лучшемъ цвѣтѣ лѣтъ.
 Діогенъ самъ опправилъ себя на
 пошъ свѣшъ: мучась нѣсколько дней
 горячкою и наскуча печальнымъ и
 уединеннымъ сущеспвованіемъ, онъ
 удалилъ отъ себя своего друга, ко-
 торый прислуживалъ ему въ болѣзни,
 и оспановилъ дыханіе; когда другъ
 его ворошился, то Діогенъ уже убрал-
 ся изъ сего свѣша.

«Тераменъ сошелъ въ царство Плу-
 тоново другою дорогою. Къ неща-
 ешю онъ былъ въ числѣ сообщни-

ковъ Альцибіадовыхъ, которые за онымъ славнымъ ночнымъ пиршесствомъ, разгорячась опъ вина и веселія, срубили головы съ спашуй Гермесовыхъ (Меркуріевыхъ). Какая дерзость! народъ вопіеъ на безбожіе, пребуеъ казни виновныхъ. Альцибіадъ убѣждалъ на флотъ; всѣ его сообщники предалися бѣгству. Тераменъ также скрылся; но будучи влюбленъ въ забавы и веселости Аѳинскія, и думая, что буря уже прошла, осмѣлился опяшь явиться. Топчасъ его берущъ подъ спражу и заключающъ въ темницу. Жрецы и Софисты волнуясь, обвиняющъ его въ Плясисопномъ Совѣтѣ, что онъ беззаконникъ, не вѣритъ ни Меркурію, ни другимъ богамъ; его осудили выпить чашечку цикупы (*)..... — Смерть его была также спокойна, также безспрашна, какъ и смерть Сократова, только гораздо веселѣе. Онъ приказалъ приготовить большой ужинъ, призвалъ всѣхъ друзей своихъ и свою любовницу: сидя посреди ихъ, возбуждалъ всѣхъ къ веселію и радостямъ. Безпреспанно ходила чаша вокругъ; самъ Тераменъ говорилъ

(*) Смѣшивали цикуту съ опіемъ.

друзьямъ своимъ , что скоро оправишся въ пріятный путь къ мертвымъ : или шутилъ , что онъ какъ Пиришой сойдетъ въ царство подземное похищитъ Прозерпину.

Онъ началъ пѣть любимую свою пѣсенку, которую сочинилъ въ шемницѣ; вдругъ тюремщикъ приносилъ роковый напитокъ. Всѣ собесѣдники блѣднѣли; одинъ Тераменъ съ неуспрашимостію и хладнокровіемъ всталъ, беря чашу, окончивалъ свою пѣсню, выпивалъ ядъ, и говорилъ смѣясь: «за здоровье Кришіаса!» (Сей Кришіасъ былъ главный изъ тѣхъ, кои его осудили). Помомъ подавалъ чашу невольнику и приказывалъ ему, чтобы онъ оспашокъ отнесъ допить Кришіасу, точно такъ, какъ за пиршествомъ подаютъ чашу своему сосѣду. Такъ-то этотъ удивительный человѣкъ шутилъ съ смертію, которую носилъ въ себѣ. Какъ будто онъ предвидѣлъ гибель врага своего: потому что и сей пережилъ его только тремя мѣсяцами.

«Когда вышелъ тюремщикъ, то Тераменъ просился съ своими друзьями, и разсаваясь съ ними, обнималъ ихъ, говоря: до свиданья! Остав-

ишиь одинѣ съ своею любовницею ,
насладился послѣдними ея поцѣлуями
и уснулѣ покойно въ ея объятіяхъ
вѣчнымъ сномъ. Сія послѣдняя сцена
его жизни происходила безъ всякаго
чванспва , безъ припворнаго хва-
сповспва и безъ философскаго му-
дрованія.

Посылаю тебѣ его пѣсню; она но-
силась по всему городу: эшо пѣснь
умирающаго лебеда, по словамъ спи-
хотворцевъ; а я съ своей стороны не
вѣрю , чѣтобъ эштѣ пѣицы пѣли по
крайней мѣрѣ пріятно , хопя Царь
Лебедь (Цикнѣ), будучи послѣ смерти
своей превращенѣ Аполлономъ въ
пѣицу лебеда (въ цикна), былѣ прево-
сходный пѣвецѣ и музыкантѣ.

*Простите всѣ прелести мірскія, всѣ
веселія и забавы, которыя столько
я любилѣ; и ты, любовь, отрада жиз-
ни! прости, — я оставляю васѣ на-
всегда!*

*Пѣйте, друзья! осушайте тервленныя
таши! Пѣйте въ честь Вакха. А
ты, Плутонѣ! привѣтствую тебя!
сей же вечерѣ буду пить съ тобою
вмѣстѣ.*

*Прелестная Науса! нѣжная, чувстви-
тельная Науса! ты придешь на*

мою могилу, въ черной одеждѣ, омотать прахъ мой слезами.

Выпьемъ, друзья! выпьемъ въ честь любезной! — Но осуши слезы свои: послушай меня, избери себѣ другаго любовника. Не уже ли ты станешь любить мертваго? Какое безуміе! Во гробѣ нѣтъ любви!

Или ты хочешь увянуть во цвѣтѣхъ лѣтѣхъ своихъ; или захочешь, съ такими прелестями, въ такой молодости, отречься навсегда отъ цвѣтѣхъ любви?

Пѣйте, друзья! въ честь Ареопэгитовъ, сихъ строгихъ, непреклонныхъ судей. Сего-дня они посылаютъ меня въ мрачное царство тѣней; завтра придетъ изъ очереди.

Напишите на гробницѣ моей, простой, цединенной, гдѣ я усну навсегда — напишите: «онъ умѣлъ жить и умереть.»

Пѣйте, друзья! Вакхъ наполни мою чашу. Улыбнись, Венера, моимъ восторгамъ! вбѣганъ плющомъ и миртами, сойду я въ жилище мертвыхъ.

«Я забыла рассказать забавный анекдотъ про Діогена. Друзья его спрашивали, гдѣ его погребли. —

«Бросьте меня на поле.— Но ты будешь добычею хищныхъ птицъ или дикихъ звѣрей.— «Нѣтъ, положишь возлѣ меня палку, я спану ихъ опгоняшь.» — Какъ это можно, ты не будешь ничего чувствовашь?— Чтожъ мнѣ нужды, что звѣри расперзають меня, когда я ничего не буду чувствовать!»

«Теперь спрашивается, кто изъ сихъ двухъ философовъ обнаружилъ при своей смерти болѣе твердости и философскаго ума? Я думаю, что Тераменъ. Напрасно возражаютъ мнѣ, что смерть его была насильственная, а Діогенъ самъ себя уморилъ. — Согласна; но онъ прекрапилъ жизнь пятгоспную и горкую; онъ былъ обремененъ лѣшами и болѣзнями: а Тераменъ въ полномъ цвѣтѣ здравія, во всей крѣпости, при всѣхъ сладостяхъ жизни, встрѣтилъ смерть съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ оспавляетъ онъ пиршество, которое его пресытило.

«Еще мы споримъ за нашими полуученными ужинами, какая была самая рѣзкая черта въ нравственномъ характерѣ сихъ обоихъ человѣкъ. Одинъ покрывается лохмотьями, искажаетъ напуру, присвоаетъ себѣ

спранные нравы и предаются без-
стыдному циничеству единственно
для того, чтобы люди об нем го-
ворили; а другой поставил себя на
такой ног, что почитает мнѣе
людское за ничто, отвергаетъ всѣ
тягости общественныя, супруже-
ство, чины, должности; сущест-
вуетъ только для себя, только для
своего удовольствія. Изъ сихъ двухъ
крайностей которая наиболее до-
стойна нашего осужденія? Защиш-
ники Диогеновы утверждаютъ, что
сие шайное славолубіе, сие желаніе
сдѣлать имя свое извѣстнымъ, есть
сѣмя добродѣтелей и талантовъ.
«Ошними, говоряшъ они, сію жажду
къ славѣ, и все перемѣнишь; обще-
ство ошанется безъ движущей пру-
жины; всякъ будетъ жить только
для себя; настоящая минута про-
сечетъ и не оставитъ ни малѣйша-
го зародыша для пользы будущаго.
Люди, жаждущіе славы, какъ нѣкіе
вожди, шествуютъ впереди рода че-
ловѣческаго, чтобы украситъ землю
и наполнишь ее чудесами ума и искус-
ства; напрошивъ того безпечность
и своелюбіе Тераменовы сдѣлали его
ничтожнымъ для общества.» — Ни-
чтожнымъ? Я въ томъ не согласна.

Острый его умъ, замысловатость въ рѣчахъ, пріятность и гибкость нравовъ замѣняющъ недоспапокъ гражданскихъ его добродѣтелей, и дающъ свѣту тонъ хорошей компаніи и шу веселость, которая смягчая самолюбіе и дикость людей, дѣлаетъ ихъ изъ дикихъ и грубыхъ сострадательными, общественными. Скажу болѣе: можешь быть гораздо шруднѣе провести жизнь въ томъ, чѣмъ пить и пѣть, такъ какъ Тераменъ, нежели философствовать какъ Діогенъ, или и самый Платонъ. Ты смѣешься? кричишь, что не возможно? поперчи, не будь слишкомъ скоръ, выслушай. За что Анакреону дали названіе мудреца, ему, который всю жизнь провелъ въ нѣдрахъ забавы и праздности? Не за то ли, что весьма рѣдкіе умѣющъ жить какъ онъ? что должно очистишь душу свою отъ всѣхъ неумѣренныхъ спрасей; дать ей такую крѣпость, съ которою могла бы она проливустоять бурямъ и шрудностямъ жизни сей; должно возвыситься выше честолюбія и корысполубія: вошъ что, по моему мнѣнію, гораздо шруднѣе, нежели написать прекраснѣйшіе пракшашы морали или риторики!

«Но я слишкомъ зафилософствовалась; длинныя разсужденія скоро утомляютъ и наскучаютъ. Поговоримъ нѣсколько о послѣднемъ твоёмъ письмѣ; мнѣ еще надобно попенять тебѣ за одно въ немъ мѣсто. Ты, насказавши мнѣ тысячу обидностей и очернивъ мои намѣренія, съ какими я тебѣ совѣтую продолжая свои путешествія, и возвращаясь не прежде, какъ черезъ два года, оканчиваешь большою похвальною предиккою въ честь мнимой моей красоты. Не думаешь ли ты, что я такого же нрава, какъ и та Сирская Царица, которая прогнѣвала нѣкогда живописца? Сей, въ опмщеніе, изобразилъ ее на картинѣ въ обѣщающихъ проспаго солдата, выставилъ эту ругательную картину, а самъ убѣжалъ. Придворные въ негодованіи хотѣли сжечь картину; но сама Королева тому воспротивилась; не смотря на поруганіе ея добродѣтели, она представлена была въ прелестнѣйшемъ видѣ, съ небесною красою: за это одно она призвала назадъ живописца и его простила. По ея примѣру и я тебѣ прощаю, но не за то, будто мнѣ лестна похвальная твоя предика, а единственно изъ уваженія къ твоей

неперпѣливости, съ какою ты желаешь меня видѣшь. Однако ты-таки спранспивуй, продолжай образовашь себя и научашься. Путешествія, такъ какъ книги, бесполезны для шѣхъ, кои читающъ ихъ безъ размышленія, безъ вкуса, а только чпобъ убишь время, какъ они говорятъ сами; но для шѣхъ весьма насшавишельны, кои читающъ со вниманіемъ и желая научишься. Хочешь ли, я тебя попошчу забавною испорійкою, самою еще новою? Герой сцены ешь стихотворецъ Лакопъ, эшопъ воспитанникъ Музъ, споль многословный, споль холодный, споль многоплодный, напыщенный собою и мало цѣнящій другихъ; великой подражатель и споль мало подражаемый; спраспный любовникъ своихъ швореній, и боящійся бышь понимаемъ; однимъ словомъ: эшопъ бѣдный рѣдкій жени произвелъ на свѣпъ поэму подъ шипуломъ *Прозерпинада* или *похищеніе догери Церериной*: эшо произведеніе въ десять или двѣнадцать тысячъ стиховъ. Чадолубивый сей ошецъ бѣгалъ изъ дому въ домъ, чпобы читашь свои стихи; всѣ прачущся, бѣгающъ опъ такой огромной кучи вздора. Какіе варвары! Они

приводящъ его въ опчаяніе: досада, огорченіе бросающъ его въ меланхолію; онъ погибаетъ. Для излеченія себя прибѣгаетъ къ Эскулапу Евдампіу; къ щасію, эпошъ врачъ зналъ дурачество своего паціента и подозрѣвалъ причину его болѣзни. Онъ спросилъ у него, не сочинилъ ли онъ чего новаго, чего еще никому не прочитывалъ? — «Ахъ! оповѣщаетъ съ горестію Лакошъ, я сочинилъ огромную поэму, и никто ее не знаетъ. — О, пожалуйста, ушѣшьте меня, прочтите ее; я готовъ слушать.» При сихъ словахъ раскрывается душа Лаконова, подобно какъ пшичка, обмокшая опъ дождя, расширяетъ свои крылья при первомъ лучѣ возсіявшаго солнца; веселіе блистаетъ на лицѣ его; онъ беретъ свою рукопись и декламируетъ стихи громкимъ и важнымъ голосомъ. Лекаръ съ внимательнымъ видомъ представивши ухо, слушаетъ до конца, превозноситъ сочиненіе и говоритъ: «одного разу не довольно, чшобы замѣшить все изящество и красоты вашего пворенія; не одолжите ли вы завшра прочесть въ другой разъ?» Какое лестное предложеніе! Лакошъ общалъ десять разъ; цѣлую недѣлю

онѣ уже ничего не бѣ; вдругъ аппетитъ его возбуждается. На другой день второе чтеніе. Еддампѣ слушаетъ еще внимательнѣе, и послѣ спрашиваетъ, каковъ онѣ въ своемъ здоровьѣ. — «Мнѣ гораздо лучше; я чувствую, что эшопѣ мучительный припадокъ меня уже оставилъ.» — О, такъ хорошо, завтра я опять приду слушать васъ въ претій разѣ. Щасливый Лаконѣ опьянѣлъ отъ радости. Могъ ли онѣ сомнѣваться, что его поэма есть превосходное произведеніе шворческаго ума, когда ее слушающіе съ такимъ удовольствіемъ, съ такою ненасытною жадностію! На претій день Евдампѣ удивился, найдѣ своего больного въ наилучшемъ состояніи: мушныя его и впалые глаза блискали огнемъ радости; лице его бѣдное, увялое, покрылось краскою свѣжести. Онѣ его поздравилъ, и послѣ претьяго чтенія сказалъ ему; «вошѣ самое лучшее слабительное! держитесь его, оно вамъ поможетъ. А у меня есть другіе больные, которые имѣющіе болѣе нужды въ моемъ пособіи.»

«Эта забавная шутка скоро разнеслась по городу; наши весельчаки и насмѣшники потѣшились на щепѣ

глуности Лаконовой; со всѣхъ спс-
ронѣ пошли приглашенія этому ща-
сливому поэшу и бѣдной его поэмѣ.
Осыпають его похвалами, вѣнчаютъ
лаврами, поднимають на смѣхъ, уми-
рають съ хохота. Самолюбивый по-
эштъ восхищенъ своимъ пріумфомъ;
онѣ напыщается и мнитъ себя быть
Аполлономъ. Мильшіадъ въ день Ма-
раѳонской побѣды не сполько почи-
талъ себя благополучнымъ, ни Со-
фоклѣ въ томъ часѣ, когда его Эдипъ
принявшъ былъ съ торжественнымъ
рукоплесканіемъ на Олимпійскихъ иг-
рахъ (*); такъ-шо сіе справедливо,
что какъ герою и великому уму, такъ
и человѣку обыкновенному данъ рав-
ный учаспокъ щасція.

«Ужѣ нѣсколько дней, какъ я оста-
вила деревенское свое уединеніе и
живу въ городѣ. Большой свѣтъ, какъ
горькіе напитки: ихъ не худо изрѣд-
ка принимаешь для укрѣпленія желу-
дка и возбужденія аппетита.

«Прощай, мой любезной! живи прі-
ятно, благополучно, какъ шолько мо-
жешь; но всегда примѣшивай въ чашу
забавѣ нѣсколько капель разсудка:

(*) Онѣ умеръ оштѣ сей радости хоша и
былъ уже въ 85 лѣтѣ.

онѣ болѣе придаетѣ имѣ вкусу, дѣлаетѣ ихѣ продолжительнѣе и мѣшаетѣ опьянѣлости. Не знаю, дойдѣ ли къ тебѣ это письмо; я его посылаю съ однимѣ путешественникомѣ, по имени Ваксисомѣ, который намѣренѣ пройти Іонію и беретѣся вручить его.

«Будь здоровѣ и щасливѣ!»

Это письмо вмѣстѣ и обрадовало меня и опечалило; пробужденное воображеніе перенесло меня во времена моего благополучія; я почувствовалъ всю пиягосѣ своей пошери, и сіе горестное чувство раскрыло раны моего сердца.

ГЛАВА VI.

Пиршество у Арзама въ его раю; смерть его; описаніе нѣкоторыхѣ обычаевѣ Вавилонскихѣ; отъздѣ обоихѣ друзей.

Арзамѣ, чтобы сдѣлать намѣприятнѣе пребываніе въ Вавилонѣ, водилъ насѣ съ пировѣ на пиры, съ забавѣ на забавы; но наслаждаѣся давалъ намѣ только немногія минушы. Самѣ онѣ ничѣмѣ не веселился; скука снѣдала его, и только безпреспанное

движеніе и разсѣянность пригну-
 ляли на малое время острое жало
 скуки. Онѣ пригласилѣ насѣ на боль-
 шой пирѣ въ свой прекрасный рай,
 лежащій на берегу Евфрата. Цѣлую
 недѣлю дѣлалѣ пригошвленія къ пир-
 шеству; хошѣлѣ соединитѣ всѣ за-
 бавы, всѣ пріятности, какія только
 способны льститѣ чувствамѣ и во-
 ображенію. Пирная палата возвыша-
 лась на берегу рѣки, среди простран-
 наго луга, усѣяннаго цвѣтами; шамѣ
 блискали всѣ сокровища Азіяшской
 роскоши и ослѣпляли глаза. Мы сидѣ-
 ли подѣ пурпуровыми балдахинами,
 висѣвшими на позолоченныхъ спол-
 бахѣ; сполѣ и буфеты уставлены
 были золошою и серебряною посу-
 дою. Спѣсны залы увѣшаны гирлян-
 дами изѣ розѣ, миршовѣ и пысячи
 различныхъ цвѣшовѣ; мы ходили по
 великолѣпнымѣ коврамѣ; насѣ было
 пятьдесять пирующихъ, и въ томѣ
 числѣ двадцать пять прекраснѣй-
 шихъ женщинѣ, въ цвѣшущей моло-
 доси, въ прелесномѣ нарядѣ; бѣ-
 лоснѣжныя ихъ шеи и груди были об-
 нажены, и только прикрыты одними
 цвѣшками; на головахъ миршове и
 розовые вѣнки, переплетенные алма-
 зами; распущенные волнистые власы

упадали до самого пояса; каждый изъ насъ сидѣлъ за столомъ между двумя прелестницами. Молодые невольники въ щегольскихъ нарядахъ окружали насъ и прислуживали. Огромный оркестръ игралъ аріи то веселыя, то нѣжныя и любоспρασныя; хоръ искуснѣйшихъ пѣвицъ соединялъ пріятнѣйшіе голоса со звуками сладкогласныхъ цѣвницъ. Намъ подавали семь ношей кушаньевъ, всякой разв въ большомъ количествѣ. Вины Лезбосскія, Сціосскія, Смирнскія лились рѣками. Въ половинѣ пиршества, лишь только звѣзда Венерина блеснула на горизонтѣ, мы встали изъ-за стола и пошли гулять на цвѣтущіе берега Евфраата; тамъ прохладный вѣтерокъ, мелькающій лучъ луны, осребрившій волнистыя струи рѣки, тихая, ясная ночь вливали въ душу новое удовольствіе. Между тѣмъ пирная палата освѣщена пышечью огнями, зажжена огромная хрустальная люстра, и лучи, отражаясь отъ множества серебряныхъ бляхъ, распространяли яркій свѣтъ, какъ бы середь яснаго дня. Военская музыка призвала насъ опять на пиршество, которое кончилось танцами; а на расвѣтѣ дня, какъ скоро утренняя

заря раскинула багряную свою ризу, мы гуляли по рѣкѣ въ галерахъ, украшенныхъ позолошою, покрытыхъ дорогими коврами и мягкими подушками. Такъ кончился сей великолѣпный и пріятный праздникъ. Арзамъ не упустилъ ничего, чѣмъ соединить всѣ удовольствія, всѣ веселія какъ бы въ одну точку. Тутъ онъ открылъ свой тонкой вкусъ, разборчивость и многолѣтній навыкъ въ обычаяхъ большого свѣта. Казалось, что онъ самъ веселился нашимъ веселіямъ, и раздѣлялъ ихъ съ нами. Наконецъ, думалъ я, острѣя спирѣлы удовольствія пробудили усыпленную его душу.

Возвращаясь домой, Фаноръ не переставалъ превозносить похвалами богатства, веселія и счастья сего сластолюбиваго Самрапа. Я ошѣвчалъ ему сими двумя стихами:

*Къ забавамъ жизни сей не должно
прилѣпляться:
Они сегодня льстятъ, а завтра уда-
лятся.*

Мы легли спать; но въ самомъ глубокомъ снѣ насъ разбудили и подали намъ слѣдующую записку отъ Арзама: «Здравствуйте, друзья мои!

я соскучилъ здѣшнюю жизнь; иду
испытать, веселѣ ли на томъ свѣ-
тѣ. Дѣла мои въ крайней разстрой-
кѣ — моя фамилія хочетъ меня же-
нить, чѣмъ ихъ поправитъ. Я нѣ-
сколько времени колебался между же-
нидѣбою и смертію; наконецъ пред-
почелъ смерть, какъ самое вѣрное.
Вчера далъ я вамъ прощальный празд-
никъ, хотѣлъ добыть послѣднее, что
у меня еще оставалось, упишся ве-
селиемъ до сыпоси и проспичься
съ вами навсегда. Сіи забавы, сіи
удовольствія, кои я сполько любилъ,
коихъ сполько искалъ, суть ничто,
пустой призракъ воображенія: это
настоящее подобіе вашего Иксіона,
который думая обнять богиню, об-
нялъ облако: скука и мерзвѣніе слѣду-
ютъ всегда за удовольствіемъ. Те-
перь я выпилъ яду: смерть печетъ
въ моихъ жилахъ. Если вы имѣете
довольно бодрости, послѣдуйте мо-
ему примѣру: жизнь есть гибельный
даръ. Прощайте навсегда!»

Не медля ни минушы, мы побѣжали
къ нему. Онъ лежалъ на постелѣ, блѣ-
денъ и синеватъ. Успрема на насъ
неподвижные свои глаза, онъ ска-
залъ: «вы конечно пришли учиться
умирать?» Мы пришли испоргнуть

васѣ избъ рукѣ опчаянія и смерти.—
 «Поздно ужѣ; ядѣ кипишѣ въ моихъ
 жилахѣ; да и помощь ваша мнѣ не
 нужна. Я проклиная жизнь; тяжкое
 ся бремя долго меня мучило. Скука
 или пламенное желаніе удовольствій
 ввергало меня, съ самой молодости,
 во всѣ неумѣренныя забавы. Несчет-
 ное мое богатство, знаменитость и
 праздность открыли мнѣ обширную
 дорогу ко всѣмъ веселостямъ. Онѣ
 скоро истощили душу мою и чув-
 ства. Вчера вы думали, что лучъ ра-
 досты освѣтилъ лице мое: о какъ я
 далекъ былъ отъ всякаго веселія! Изъ
 угожденія скрывалъ перзавшую меня
 скуку. Сіе страшное чудовище всегда
 гонялось за мною, какъ за своею до-
 бычею. Тридцать лѣтъ несъ я тя-
 жестъ жизни, претерпѣлъ тысячи
 золъ, исчадій моего воображенія или
 общества, нашихъ нуждъ сущес-
 твенныхъ или вымышленныхъ.

«Намѣ жить здѣсь не дано.— Мы
 только алчемъ жизни.

«Не сомнѣваюсь, что міръ сей под-
 власпенъ злему началу. Я долго ду-
 малъ, колебался; но намѣреніе мое ос-
 талось непремѣнно. Дайше мнѣ уме-
 реть спокойно: вотъ все, чего я отъ
 васъ требую.» Онѣ умолкъ. Скоро

домъ его наполнился множествомъ людей. Онъ медленно обращалъ глаза на всѣхъ зрителей. Боль во внутренности начала свирѣпствовать. «Ахъ! вскричалъ онъ, вошъ чего я боялся!» Горестное молчаніе окружало его. За минутой до своей смерти проклиналъ онъ Ваала и Аримана.

Мы немедленно удалились изъ сего печальнаго мѣста. — «Ну, мой другъ! сказалъ я Фанору, вошъ тошъ знаменитый Сатранъ, ешоль могущественный, споль многими завидуемый, одинъ изъ сильныхъ земли, осыпанный дарами щастія, и притомъ помъ бѣднѣйшій изъ людей! Будемъ благодарить Провидѣніе за нашу посредственность: она подпора добродѣтели. Излишекъ щастія разслабляетъ душу, истощаетъ ее, отверзаетъ дверь порокамъ и преграждаетъ путь къ благополучію.» Мы въ тошъ же день рѣшились выѣхать изъ Вавилона; но прежде, нежели его оставимъ, я сообщу здѣсь нѣкошорыя замѣчанія о обычаяхъ и нравахъ жителей сего города.

Казни у Персовъ жесточе казней Прокрусовыхъ и Фаларисовыхъ. Съ ужасомъ воспоминаю, какъ мнѣ случилось однажды быть свидѣтелемъ

неслыханныхъ мученій одного нещаснаго, осужденнаго на казнь въ корыпахъ. Вошѣ какъ она производилась. Выдалбливаютъ два корыща, величиною съ человѣка, начиная отъ шеи до лодыжекъ, такъ, чѣобы оба сіи корыща плоско одно съ другимъ въ пазахъ сходились. Туда кладутъ навзничъ осужденнаго, такъ, чѣобы корпусъ его весь закрытъ, и только открыты ноги и голова. Въ такомъ положеніи даютъ ему ѣсть, и если онъ отказывается, то принуждаютъ его, втыкая иглы въ глаза. Послѣ того даютъ ему пить меду, разведеннаго въ молоко, и шѣмъ же намазываютъ лице, обративъ его къ солнцу, чѣобы мухи, привлеченныя медомъ и молокомъ, покрыли его лице. Какъ сей несчастный наполнялъ корыща своими испражненіями, то зараждалось тамъ множество червей, которые съѣдали его живаго. Послѣ смерти нашли все тѣло его источенное червями. Сей спрадалецъ жилъ цѣлые 17 дней въ ужасныхъ мученіяхъ.

Головы оправившей разбиваемы о камень, такъ чѣобы не оспалось ни малѣйшаго слѣда.

Персы празднуютъ день своего рожденія со всею возможною пышно-

ешію. Въ эшопѣ день богатые при-
готовляють для своего спола жареную лошадь, верблюда, осла и быка. Они очень любящѣ иностранные обычаи! отъ Грековъ заимствовали они сей испорченный вкусъ, споль прошивный законамъ нашуры. Имъ позволено имѣть многихъ женъ, и наложницъ, сколько кому угодно. У нихъ есть весьма похвальный законъ, запрещающій даже самому Государю казнить смертію за первое пресупленіе; частный человекъ не смѣетъ даже наказывать спрото невольника за первый просупокъ.

Ничего нѣтъ для нихъ безчестнѣе, какъ лгать, и послѣ лжи войти въ долги; ибо, говорящѣ они, что вошелъ въ долги, шотъ необходимо будетъ лгать.

Помню я, какъ мы однажды были на берегу Евфрапа, и случилось Фанору плюнуть въ рѣку и вымытъ въ ней руки. Тотчасъ окружила насъ толпа женщинъ, бѣшеныхъ какъ Вакханки, и хотѣли веселить насъ въ шемницу. Къ щастію, одинъ изъ друзей Арзамовыхъ вырвалъ насъ изъ рукъ ихъ. Онъ сказалъ намъ при томъ, что мы сдѣлали великое беззаконіе; что Персы опдають божескую честь

рѣкамъ, и что наистрожайше запрещено плевать въ нихъ, умывать руки, и вообще осквернять ихъ какою-либо нечистою (*).

Во время нашего пребыванія въ Персіи царствовалъ Аршаксерксъ. У него было пристрастіе наложницъ прекраснѣйшихъ въ цѣлой Персіи. Ненасытному ничего не довольно: онъ влюбился въ собственную свою дочь, Ашоссу. Паризапа, его мать, женщина съ великимъ умомъ, но и съ неограниченнымъ честолюбіемъ, пишала и воспаляла сію позорную спрасу; она уговорила его жениться на дочери, презрѣвши законы и предразсудки Греческіе. «Тебя, говорила она, поставилъ Богъ единымъ закономъ для Персіянъ, и единымъ правиломъ того, что честно или безчестно, добродѣтельно или порочно.

Меня увѣряли, что сей Государь взялъ себѣ въ жену и другую дочь свою Амеспру; но Ашосса всегда была первою въ его сердцѣ, и спра-

(*) Греки часто посвящали волосы свои рѣкамъ. Читаемъ въ Гомерѣ, что Пеллей посвящилъ рѣкѣ Сперхію волосы Ахиллесовы, если онъ возвратится побѣдителемъ съ Троянской войны.

спная его любовь ни мало не охоло-
дѣла даже тогда, когда кровосмѣшив-
шая сія дочь казнена рукою Божіею
и поражена проказою по всему тѣлу.
Онѣ почти не выходилѣ изѣ храма
Юнонина, лежалѣ поверженѣ предѣ
спашуею богини и умолялѣ ее о воз-
сшановленіи своей супруги; выпре-
бовалѣ онѣ своихѣ придворныхѣ и
Самраповѣ сполько даровѣ и жертвѣ
богинѣ, что вся дорога онѣ дворца
до храма, простирающаяся на 16
стадій, покрыта была золотомѣ, се-
ребромѣ и дорогими матеріями.

Г Л А В А VII.

*Описаніе города Галикарнасса; пре-
бываніе ихѣ въ Пафосѣ; поклоненіе
Венерѣ; щастливое приключеніе
двоихѣ друзей; трагическая смерть
одной молодой особы; стоическая
философія Стилпона.*

Мы оставили Вавилонѣ безѣ со-
болѣзнованія. Любовь къ опечеству
призывала насѣ въ Грецію; мы взды-
хали о щастіи обняшь друзей своихѣ,
родственниковѣ, а я мою любезную
Ласеенію, нѣжнаго моего друга, о

кѡей сладостное воспоминаіе привязывало меня къ берегамъ Аппики. Дорогою перенесли мы великія трудности, испытывали премногія опасности. Въ одну ночь проходили полосу большаго хребта Таврійскихъ горъ; съ нами былъ одинъ только провожатый; по горамъ раздавался спрашній вой алчныхъ волковъ. Они напали на насъ; мы принуждены были ославить лошадей ихъ алчностью, и конечно были бы сами ихъ добычею, ежели бы посрѣшно не зажгли большихъ огней и не окружили себя ими. Это одно спасло насъ. Наконецъ, разбиты усталостію, прибыли мы въ Галикарнасъ, столицу Каріи.

Сей городъ весьма богатъ и имѣетъ прекрасную гавань. Мавзолъ, Царь Галикарнасскій, украсилъ его многими зданіями и пышными памянниками. На вершинѣ замка, находящагося по срединѣ города, возвышается Марсовъ храмъ, и въ немъ спашуя сего бога колоссальной величины, превосходной работы. Но прекраснѣйшій памянникъ сего города есть великолѣпный мавзолей или гробница, которую повелѣла воздвигнуть Артемиза, дабы увѣковѣчить свою печаль и памянь о своемъ супругѣ. Онъ сто-

ишѣ посреди большой широкой площади; имѣеишѣ видѣ длиннаго чешвероугольника; приидцашѣ шесть колоннѣ окружаюишѣ его; всѣ чешыре стороны украшены барельефами работы искуснѣйшихѣ художниковѣ. На верху возвышается пирамида, а на ней колесница вѣ чешыре лошади. Сей великолѣпный монументѣ почитается вѣ числѣ седми чудесѣ свѣта; но онѣ былѣ бы тогда чудомѣ, если бы покрывалѣ прахѣ не пирана, а благодѣшеля человѣческаго. Артемиза не имѣла щаспія видѣишѣ его окончаннымѣ.

Мы посѣщили источникѣ Салмакійскій, о которомѣ думающе, будто его воды возбуждающе любовную страсть. Фанорѣ, смѣясь сему мнѣнію, напился изѣ него. Увидимѣ послѣ, должно ли вѣришѣ чудесной силѣ сихѣ водѣ.

Прежде, нежели мы оставили сей городѣ, пошли поклониться праху Геродоша, перваго историка, копорый здѣсь родился и умерѣ.

Мы сѣли на корабль и ошправились на оспровѣ Кипрѣ; желаніе наше было видѣишѣ Пафосѣ, сей славный городѣ, гдѣ богиня красоты имѣеишѣ великолѣпный храмѣ, и гдѣ женщины,

опѣ самаго рожденія, посвящаюпся служенію Венеры, славяпся болѣ своими прелеспями, нежели цѣломудріемъ, и предаюпся болѣ чувственнымъ сладостямъ, нежели самой любви.

Непшунъ или вѣшры долго играли нашимъ слабымъ челночкомъ и мешали его какъ легкое перо: мапросы, пассажиры и даже двѣ женщины, бывшія съ нами, всѣ поочередно гребли веслами; полпоры сушки оспаивались мы почти безъ пищи. Наконецъ, около полудня, увидѣли Пафосъ, городъ лежащій на берегу моря, а ввечеру вошли въ гавань.

Нѣкогда оспровъ Кипръ былъ соединенъ съ Сирією, но опорванъ опѣ нее землепрясеніемъ. Онъ весь посвященъ Венерѣ, особенно же Пафосъ. Сей городъ поспроенъ Пафосомъ, сыномъ Пигмаліона и прекрасной спашуи Венериной, которую извѣялъ самъ Пигмаліонъ съ такими прелеспями, что она вдохнула любовь въ самаго художника. Онъ повергся предъ нею на колѣни, и умолялъ Венеру, чтообъ она оживила сей испукавъ. Богиня услышала его мольбы, и спашуя одушевлена. Пигмаліонъ женился на ней и имѣлъ опѣ нее сына

Антен. Т III.

Ж

Пафоса, который въ память своего рожденія поспроилъ великолѣпный храмъ богинѣ, своей матери; и для того нерѣдко она называется Пафосскою Венерою. Еще и другой Венерѣ отдають поклоненіе на семъ оспрову, подѣ именемъ Ураніи или небесной Венеры, весьма различной отъ Венеры Анадіомены (*). Первая внушаетъ только чистѣйшія желанія, которыя возвышаютъ душу и исполняютъ ее прелестями добродѣтели: она жаждетъ только духовныхъ наслажденій; но другая прилѣпляется къ чувственнѣйшимъ забавамъ.

Кипряне соорудили пышный храмъ въ честь богини Ураніи. Смершнѣй, осквернившій добродѣтель, не дерзаетъ приближиться къ нему. Однако я примѣтилъ, что сюда стекается не меньше поклонниковъ, какъ и въ храмъ Пафосской.

Мы посѣщили на другой день посѣтивъ его; тамъ нашли болѣе спаженинъ, изъ коихъ большая часть, вмѣсто перловъ и рубиновъ, украшены были своею молодостию, своими прелестями и дарами Флоры. Едва

(*) Вышедшая изъ воды.

мы вступили въ свяпилище, какъ нѣ-
кій тайный огонь любоспрасія про-
никъ въ души наши; мы почувство-
вали присуствіе богини Любви.

Сей великолѣпный храмъ блиста-
етъ золотомъ и лазурью; въ немъ
находясь сто жертвенниковъ, на
копорохъ безпрестанно курился
фиміамъ. Безсмертное художество
украсило его чудесною своею рукою.
На огромной и великолѣпной карши-
нѣ представлена Киприда на коле-
сницѣ, везомой лебедями и голубьми;
купидоны окружающъ ее; богиня
оживотворяетъ всѣ существа, опло-
дотворяетъ нашуру; не лѣзя смот-
рѣшь на нее, не воспылавъ пламенемъ
сладоспрасія. Образъ ея повторенъ
во множествѣ другихъ статуй изъ
прекраснѣйшаго Пафосскаго мрамо-
ра. Но картина умирающаго Адониса
болѣе всѣхъ обратила на себя
наши взоры и поразила насъ удивле-
ніемъ; тамъ Адонисъ, раненый, блѣд-
ный, ослабѣвающій, лежашъ распро-
стертъ на лугу: кровь течетъ изъ
раны и обагрятъ зелень и цвѣты.
Венера, съ открытою грудью, съ об-
наженными руками, безъ вѣнка, блѣд-
на, какъ и ея любезный, осыпаетъ
его поцѣлуями, зоветъ его, орошаетъ

слезами, обнимаетъ его бѣлые снѣга
руками, длинными своими прекрас-
ными волосами хочетъ упишишь
пекущую кровь и закрыть рану. А
тамъ, вдали подъ древнимъ дубомъ,
видѣнъ спрашнѣй вепрь, произенный
спрѣлою Венеры: но ахъ! уже поздно!
онъ валяется, борется съ смертію;
но кровавые его глаза еще сверкаютъ
яростію. Между тѣмъ донисъ ис-
пускаетъ послѣдній вздохъ, и опча-
ливая богиня, кажется, умираетъ
его смертію. Подъ него распуска-
ющийся цвѣшокъ раскрываетъ свою
чашечку. Это Анемонъ, въ который
превращено пѣло несчастнаго сына
Мирры.

Служители храма Венерина никогда
не закалываютъ жертвъ; кровь не ос-
кверняетъ олшарей богини; ей при-
яшны одни благоуханія цвѣтѣвъ и
благононныя куренія. Женщины под-
ходили къ олшарю, одна послѣ другой,
и возлагали свои приношенія: это
были цвѣтѣы и фиміамъ. Два хора мо-
лодыхъ дѣвицъ, съ распущенными вла-
сами, съ вѣнками изъ розъ на головѣ,
съ обнаженною грудью, прикрываю
только миршевою гирляндю, воспѣ-
вали священные гимны попеременно:
сладкіе ихъ голоса, согласное

мелодическое пѣніе, ихъ веселость, молодость, красота, вливали въ душу пламенное благоговѣніе къ все- сильной мапери любви. Мы съ Фаномъ мнили бышь перенесены къ под- ножію ея прона, въ жилище небожи- шелей. Когда пѣніе умолкло, мы уви- дѣли двухъ женщинъ, изъ коихъ одна казалась старшею, приближившихся въ молчаніи къ спашуъ богини; стар- шая сняла съ головы младшей вѣнокъ, сплешенный изъ розъ и миршовъ, и возложила его на главу Киприды. То- гда младшая поверглась къ ногамъ богини, попомъ вспала, и обѣ онѣ воскурили на жершвенникъ фиміамъ и мирру. Мы смотрѣли со вниманіемъ на сію церемонію. Когда она кончи- лась, то обѣ женщины вышли изъ храма; мы слѣдовали за ними и ихъ догнали. Я просилъ ихъ извяснишь намъ причины ихъ моленія и ихъ об- рядовъ. «Теперь только, опвѣчала старшая, я поевяшила дочь свою Венеръ; она уже въ шѣхъ лѣтахъ, что должна заплашишь дань боги- нѣ.» — Ваша дочь! вскричалъ я; но вы кажешесь почти однѣхъ съ нею лѣтѣ! — Я приближаюсь къ пятому люспру, а дочери моей принадашаая весна; мнѣ было двѣнадцать лѣтѣ,

каѣ я ее родила (*). — Клянусь Юною и всѣми богами, Парисѣ былъ бы въ нерѣшимости при выборѣ между машерью и дочерью! — Но Фанорѣ не долго оспался нерѣшишенъ: онѣ въ тоѣ же часѣ воспылалъ нѣжною спраснію къ молодой Филодаміи; маѣ ея называлась Пьерія. Мы гуляли въокружности храма, гдѣ кромѣ самаго свящилища находяшя также жилища жрецовѣ, обрабопанное поле, луга, крышыя аллеи и прекрасная рощица, убѣжище прохлады и шаинствѣ любви. Мы видѣли повсюду разсѣянные толпы Нафосцевѣ, лежащихѣ въ тѣни зеленыхѣ сѣней, вкушающихѣ сельскую прапезу, воспѣвающихѣ любовь, и разливающихѣ сладкое вино въ сосуды, украшенные цвѣтами.

Вѣ Кипрѣ царствуетѣ вѣчная, безпрерывная весна. Щасливая умѣренность климата разсыпаетѣ изобильно всѣ сокровища земныя. Зефиры развѣваютѣ далеко дыханіе цвѣповѣ и распѣній и наполняютѣ

(*) Такая ранняя созрѣлость не будетѣ казаться неестественною, если припомнимѣ, что сей островѣ лежитѣ подѣ 34 степенью и 20 мин. широты.

воздухъ пріятнымъ благоуханіемъ. Въ той рощицѣ, куда мы уклонились, казалось, всѣ деревья повпоряли любовныя пѣсни шмочисленныхъ пщицъ; воздухъ, копорымъ дышуть въ семъ щасливомъ обиналицѣ, воспламененъ огнемъ сладострастія и нѣги. Фаноръ живо почувсвовалъ его вліяніе: онъ испилъ очаровательную воду изъ источника Салмакійскаго; пѣнясь прелесціями молодой Филодаміи, онъ заклиналъ ее ушшупить ему первые начашки той жершвы, копорую она обязана принесть Венерѣ. Филодамія, побуждаемая шѣмижежеланіями, просила согласія опѣмашери и безъ труда его получила. Мы пожелали имъ небеснаго блаженства, и они удалились: безъ сомнѣнія сама Венера улыбнулась ихъ воспоргамъ. Чшо касается до меня, я ошшася съ Піеріею, сперва весьма равнодушенъ и безъ намѣреній. Но — какъ заразителенъ воздухъ въ Пафосѣ! Мы сѣли на мягкомъ дерновомъ ложѣ, въ прохладной сѣни, убѣжищѣ любви; будучи шакъ близко другъ опѣ друга, мы нечувсшвишельно прижимались болѣе и болѣе; разговоръ сшпановился сшпрасшнѣе, скоро онъ со всѣмъ прервался; шолько взоры наши

говорили, только чувства перекликались; сладострастие вкралось в наши души и их волновало: я упиивался любовію в пламенных черных глазах прекрасной моей сосѣдки; вся кровь во мнѣ горѣла. Минерва меня остановила; она не имѣла силы в сем жилищѣ любви. Я упалъ въ ногамъ Цереры и заклиналъ ее именем Венеры позволить вкусишь мнѣ то же блаженство, какое вкушалъ Фаноръ в сію минушу в объятіяхъ ея дочери. «Мать моя, опивѣчала она, посвятила меня опъ самой колыбели служенію Венеры, и я уже не одинъ разъ заплавила дань своего благоговѣнія и благодарности; но у насъ в Пифосѣ рѣдко женщина опказываетъ в своихъ ласкахъ тому, кто проситъ именем богини, а особливо когда и предметъ любви того достоинъ.» При сихъ словахъ я склонился на грудь ея и сжималъ ее в своихъ объятіяхъ. О Венера! источникъ вѣчный, неизсушаемый нашихъ сладостей, какъ упоительны твои воспорги! Прелестное наше убѣжище, живительная прохлада, очаровательная пишина, воркованіе горлицъ, ласкавшихъ надъ нашею головою, нѣжная мелодія пщицъ, при-

яшный непрерывающійся шумъ Наяды, капившей воды свои кругъ насъ, пламенные, сладоспастные взоры Піеріи, нѣжныя ея ласки, все, казалось, соединилось въ эту минушу, чтобы упоить меня сладоспастными воспорами. Пролетѣли два часа быстро, какъ мысль; потомъ мы пристали опять къ Филодаміи и Фанору, которыхъ нашли обвороченными другъ отъ друга, и всѣ вмѣстѣ пошли въ городъ. Но какое страшное явленіе поразило взоры наши! какой кошмаръ случайныхъ обстоятельствъ! Мы увидѣли похоронную процессію, медленно подававшуюся къ ближнему пригорку. Приблизились: какое зрѣлище! несутъ дѣвицу, во цвѣтѣ лѣтѣ, распростершую на одрѣ. Смерть не обезобразила ни одной ея черты. Какъ она была еще прекрасна! это Венера спящая. Только блѣдность на лицѣ показывала, что ее нѣтъ уже; грудь ея, ослѣпляющей бѣлизны, была обнажена и покрыта кровію; мы съ ужасомъ увидѣли на ней глубокую рану. Женщины старыя и молодыя, наполняя воздухъ плачевными воплями, окружали гробъ. За нимъ шелъ молодой человекъ, съ помѣшаннымъ

видомъ, съ распрепанными власами, поддерживаемъ двумя юношами. Мы провожали въ горестномъ молчаніи печальную сію процессію; оспановились на пригоркѣ; костеръ былъ уже готовъ; положили шѣло и зажгли. Тогда вопли и рыданія умножились. Съ трудомъ можно было удержатъ молодого человѣка, чѣмъ онъ не кинулся въ огонь. Когда драгоценные оспашки сей юной красоны испреблены пламенемъ, и прахъ ея собранъ въ гробовую урну, то мы съ Фаноромъ удалились, съ сердцемъ избывленнымъ горестію, коея слѣды всегда продолжибельнѣе и живѣе, нежели впечатлѣнія радости. Изъ нѣдръ сладострассія мы перешли, такъ сказать, въ хладныя обѣщія смерти. Піерія и дочь ея обѣщали возвратиться къ намъ сколько можно скорѣе: мы пошли ждатъ ихъ подъ перистилемъ храма.

Корабль, на копоромъ мы сюда пріѣхали, опправлялся на другой день далѣе въ путь; я сказалъ о томъ Фанору: но онъ признался, что не можетъ рѣшиться оставитъ такъ скоро нѣжную Филодамію. — «Не думаешь ли ты оставаться здѣсь на семь лѣтъ, какъ

Улиссѣ на островѣ Отигій?» — —
 «Нѣтъ, прошу только на восемь дней.» Я безъ пруда согласился; можешь быть тѣ же узы привязывали и меня къ моей Калипсо. Скоро мы увидѣли идущихъ нашихъ любовницъ. «Мы въ отчаяніи, вскричала Птерія, подходя къ намъ; Пафосъ испыталъ невозвратную потерю смерти прекрасной Кариссы; всѣ матери оплакиваютъ ее какъ дочь; всѣ дѣвицы какъ сестру; всѣ мужчины поражены страхомъ, какъ будто Венера оставила нашъ городъ; молодыя ея подруги не отходятъ отъ гробницы, орошая ее слезами; онѣ опрѣзали прекрасные свои локоны и бросили на могилу. На монументѣ вырѣзали слѣдующую эпитафію: Здѣсь покоится прахъ прекрасной Кариссы. Жестокія Парки пресѣкли нить цветущихъ ея лѣтъ, прежде нежели Ги-меней зажгетъ для нее свой пламенный свѣтъ. Выслушайте причину плачевной ея смерти. Жрецы наши утверждаютъ, что это мщеніе Киприды за то, что Карисса всегда упорно опречкалась принести ей жертву, которую она обязана богинѣ хотя одинъ разъ въ жизни: никогда она не хотѣла опудать себя мужчиной, и

озлобленная богиня вооружила къ мщению всесильнаго своего сына, который оптимсилъ, увы! слишкомъ жестоко.

«Кариспа сжасшно любила Пазевса, юношу столь же прекраснаго, какъ и молодой Гиласъ, увлеченный Наядами на дно рѣки. Оба любовника съ неперѣливостію ожидали приближающагося дня, въ который должны были Гименей соединить ихъ на вѣки. Но злобный Эропъ воспламенилъ отца Кариспина Клеада беззаконною сжаспію къ собственнѣйшей его дочери. Сей жестокой отецъ отсрочивалъ со дня на день бракъ обоимъ любовникамъ; наконецъ не смѣя болѣе противиться желанію своего семейства и требованію всего Пафоса, далъ свое согласіе. Увы! злодѣй помышлялъ исполнить проклятое свое намѣреніе. Кариспа примѣнила беззаконную любовь отца своего; но молчала, и всегда старалась укротить необузданныя его желанія тихостію, прозьбами и слезами. Клеадъ, упомясь наконецъ о нѣ бесполезнаго ожиданія, и видя, что скоро долженъ будетъ упустить свою добычу, рѣшился похитить силою или хитростію то, чего не могъ

получишь прозьбами и домогашель-
 ешвами. Онъ подкупилъ кормилицу сей
 несчастной и уговорилъ ее; чпобъ она
 ночью, когда Кариста будетъ спать,
 отворила ему дверь спальни. Въ са-
 момъ дѣлѣ, во впорую спражу ночи,
 сей незаконный ошецъ вошелъ въ
 комнату своей дочери, съ лампадою
 въ одной рукѣ, съ кинжаломъ въ дру-
 гой; онъ подходитъ къ ней тихонько,
 едва ступая на цыпочкахъ. прекра-
 сная, невинная Кариста погружена
 была въ крошкій сонъ, лежала разме-
 шавшись на постелѣ, почти безъ по-
 крова: казалось Эропы окружали ее,
 прикрывали своиими крыльями и лю-
 бовались на ея прелести. Беззакон-
 ный ошецъ, воспламенясь еще бо-
 лѣе при семъ зрѣлищѣ, оспанавли-
 вается, смотришь, пожираешь гла-
 зами самыя тайныя прелести своей
 дочери, и заранѣе упивается тѣми
 воспоргами, кошорыхъ сполько жа-
 ждешь. Такъ алчный шигръ рыкаешь
 отъ радости, готовясь расперзашъ
 боязливую овцу. Онъ спавишь лам-
 паду на ближній сполъ, кладешь кин-
 жалъ и бросается въ обѣятія своей
 жершвы. Кариста съ ужасомъ про-
 буджается, и видя ошца своего, пла-
 менѣющаго любостраспіемъ, поды-

маешъ спрашнйй крикъ, опталки-
ваешъ его, борешся, просишъ по-
щады, проливаешъ слезы, защи-
щаешся съ бѣшенствомъ; но ничто
не удерживало жестокаго хищника:
уже добыча въ его рукахъ. Кариста,
въ опчаяніи, видишъ кинжалъ на
столѣ, хващаетъ его и вонзаетъ въ
свое сердце. Клеадъ убѣжалъ: но Па-
зевсъ клялся прахомъ своей любов-
ницы опмстить; онъ побѣхалъ уже
искашъ своей жертвы.» Послѣ сего
повѣствованія ночь приблизилась,
и мы разспались до другаго дня.

На другой день по упрувздумалось
мнѣ погуляшъ по приспани; я уви-
дѣлъ корабль и пассажиры сходили
съ него на берегъ. Вдругъ, не взирая
на густую и окладистую бороду,
узналъ я Спилпона Мегарскаго, фи-
лософа секты Споической. Я зналъ,
что онъ лишился жены своей, дѣшей
и всего имѣнія при несчастномъ слу-
чаѣ, когда Лакедемоняне сожгли и ис-
требили опечесшвенный его городъ.
Скорбя о его несчастіи, я обнялъ его
съ нѣжностію, не смѣя ни однимъ
словомъ припомнить ему о его по-
терѣ; но одинъ Пафійской жисьель
узнавъ, что онъ изъ Мегары, спро-
силъ, не потерпѣлъ ли и онъ при

несчастіи, постигшемъ его отечество? — « Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; благодареніе богамъ! я потерялъ только жену, дѣтей и имѣніе; а то, что собственно мое, осталось все со мною. » Кровь во мнѣ замерзла; онъ то примѣшилъ и продолжалъ: война не могла похитить у меня добродѣтели, знаній, краснорѣчія; спашемъ беречь женъ своихъ, дѣтей; имѣніе, сколько возможно; но будемъ почитать все сіе, какъ не принадлежащее намъ: для добродѣтели довольно одной добродѣтели. Справедливо говорилъ философъ Антиспенъ, что человѣкъ въ жизни сей долженъ приобрѣтать такіа блага, которыя бы не понули въ водѣ, чтобы можно было, при случившемся кораблекрушеніи, спасти ихъ вплавь. Мудрый умѣетъ жить одинъ; онъ разсѣкаетъ или развязываетъ тотъ узелъ, который его слишкомъ сѣмьсяетъ и сочетается только самъ съ собою. Мое имѣніе, мое семейство, все это не я; я остался для себя: чтобы быть щастливымъ, довольно одной добродѣтели. — « Но эта философія, сказалъ я ему, положивъ руку на его сердце, не отсюда происходитъ. » Потомъ я спросилъ, что

призвало его въ Пафосѣ? — «Любопышество: мнѣ хотѣлось видѣть мужчинъ, копорые сдѣлались бабами, и женщинъ, копорыя распушествомъ уподоблялись скошамъ.» Мы распались послѣ сихъ словъ, и я не искалъ его болѣе: спрогая его мораль и Стоическая жестокость опгоняли меня и наводили какое-то уныніе на мою душу.

Пясть дней провели мы въ Пафосѣ въ безпреспанныхъ пиршествахъ, забавахъ, прогулкахъ. И во все это время мы почти неразлучны были съ Піеріею и Филодаміею; но этошъ образъ жизни начиналъ мнѣ скучать. Скука и омерзѣніе одолѣли меня; я бы бѣжалъ отсюда; но какъ предложивъ Фанору распаться такъ скоро съ его любезною? Наконецъ на удачу промолвилъ ему слова два при обѣ отбѣздѣ. Отвѣтивъ его сразилъ меня. Онъ сказалъ мнѣ, что давно того же желаетъ, но боялся мнѣ предложивъ. Всѣ эти удовольствія, споль легко получаемыя; эти наслажденія, въ копорыхъ сердце и умъ не участвуютъ, упомляють чувствва и опвращають душу. Не въ помъ ищу я своего благополучія. Въ любви есть много спепеней на-

слажденія; надобно приобрѣтать каждый шагъ мало по малу, пока доспигнешь до высочайшей степени блаженства. Спасемъ себя, какъ мудрый Улиссъ: оставимъ этотъ заразительный островъ, столько же опасный, какъ и Цирцеинъ.»

Къ счастью корабль нашъ стоялъ еще въ гавани, будучи пригнанъ сильнымъ прошивнымъ вѣтромъ. Мы сѣли на него, прежде нежели лучезарный Фебъ возсѣлъ на пламенную свою колесницу, и удалились изъ царства Киприды. Обѣ наши волшебницы не знали ничего о нашемъ отбѣздѣ. Жалѣли ли онѣ обѣ насъ или нѣтъ, это онѣ только знаютъ; но я увѣренъ, что по гибкости своихъ нравовъ скоро нашли себѣ тысячу утѣшителей.

ГЛАВА VIII.

Разговоръ между обоими друзьями на кораблѣ; встрѣга двухъ Грековъ; Трофоніева пещера; баснь о Прометѣѣ; Мидасъ; повѣсть о Гигесѣ.

Плаваніе наше было благополучно. Въ сіе праздное время Фаноръ часто занимался размышленіемъ о будущей своей судьбѣ; онъ не думалъ уже удалиться на гору Аѳонскую, чѣмъ жишь памъ въ заперши; но помышлялъ, какъ бы привязать сердце свое неразрывными, вѣчными узами къ предмету, достойному любви. «Сіи ложныя удовольствія, копорыя мы оставили; сіи обманчивыя наслажденія, упоющія шолько чувсва, а душу приводящія въ уныніе, наполни сердце мое скукою и омерзѣніемъ. Пустоша снѣдаетъ его; ему нужно любить и бышь любимымъ; одиночество сдѣлало бы для меня не-носнымъ мое существованіе. Одинъ изъ нашихъ мудрецовъ говоритъ, что жена въ цвѣтущія лѣта есть любовница, въ совершенномъ возрастѣ шоварищъ, а въ старости нашъ другъ и спражъ; и шакъ супружество во всякое время полезно

и вождѣлѣнно. Теперь ты, мой другѣ,
 замѣняешь мнѣ все: швоя компанія,
 швоя дружба смягчаешь мой безпо-
 койства и дѣлаешь жизнь для меня
 пріятною; но мы не всегда будемъ
 вмѣстѣ: ты возвратишься въ объ-
 яшя нѣжной Ласкеніи. Кѣ помужѣ
 и въ нѣдрахъ дружбы сердце мое
 имѣешь нужду любить. Я бросилъ
 свою вѣтренность; мнѣ омерзѣли
 тѣ прелести, которыя болѣе укра-
 шены пороками, нежели пріятнос-
 тями. Я желалъ бы найти себѣ жен-
 щину милую, чувствительную, съ
 просвѣщеннымъ и основательнымъ
 умомъ, съ добродѣтелями и скромно-
 стію, которыя служатъ украшені-
 емъ и для самыхъ прелестей... — И
 которая любила бы тебя спра-
 сшно? — Ну, конечно. — « Желая
 тебѣ отъ всего сердца, желаю тебѣ
 найти сію вѣрную подругу жизни.
 Платонъ говоритъ, что души наши,
 сіи чистые лучи божества, прежде
 нежели облечены были въ эту гру-
 бую, плѣнную одежду, обитали
 на одной планетѣ, гдѣ непреодоли-
 мое нѣкое влеченіе соединяло ихъ
 по-парно и воспламеняло взаимно
 чистою, небесною любовію. Со-
 шедши на землю, сіи души, бывшія

въ шоль пѣсномѣ союзѣ, ищущѣ себя
 взаимно, влекушя непреодолимою
 силою одна къ другой, и тогда шолько
 любящѣ истинною любовію, когда
 онѣ встрѣяшяся. Ты не нашелѣ еще
 шой души, съ которою былѣ соеди-
 ненѣ на шой планетѣ: вошѣ причина
 швоей скуки и вѣтренности.» Ну,
 шакѣ я буду искашѣ ее, и найду ко-
 нечно: шайное предчувствіе увѣ-
 ряетѣ меня въ шомѣ.» — Разговорѣ
 нашѣ былѣ прерванѣ приближеніемѣ
 одного Грека, по имени Мамерка, ко-
 торый прохаживался по кораблю.
 Онѣ былѣ пассажирѣ съ братомѣ сво-
 имѣ Цебесомѣ. Мамеркѣ былѣ весе-
 лаго нрава, пріятнаго обхожденія;
 но Цебесѣ своею важностію и мол-
 чаливостію смѣшилѣ и забавлялѣ
 всѣхѣ плавателей. Мы спросили у
 Мамерка, опѣ чего братѣ его шакѣ
 пасмуренѣ? «Эшо наказаніе за его
 любопытство, опѣвчалѣ онѣ; ему за-
 хошѣлось повидатъся съ Трофоні-
 емѣ, и онѣ сошелѣ въ его пещеру. На
 немѣ сбылась пословица, которая
 мепишѣ на человекѣ никогда несмѣ-
 ющагося: онѣ воротился изѣ Трофо-
 ніевой пещеры. Я для шого съ нимѣ и
 пупешествую, вошѣ уже шрешій
 мѣсяцѣ, чшобѣ разсѣятѣ его задум-

чивость и изгладить изъ памяти страшныя впечатлѣнія. «Мы просили Мамерка, чтобы онъ познакомилъ насъ съ этимъ оракуломъ, и рассказалъ, какъ спрашивающъ у него пророческихъ ошвѣщевъ! — «Очень охотно; только не угодно ли сѣсть возлѣ моего брата; онъ мнѣ поможетъ въ повѣсти и расскажетъ самъ, что онъ видѣлъ и слышалъ.» По просьбѣ Мамерковой Цебесъ разгладилъ свои морщины и согласился ввести насъ въ таинсва оракула. Мы сѣли на палубѣ; легкіе облачка носились въ воздухѣ и закрывали солнце; прохлада вѣтерка и воды дѣлала день сей прекраснымъ.

«Прежде всего, сказалъ Мамеркъ, не знаю, за что пожаловали въ боги этого Трофонія, который былъ не больше, какъ простой архипекторъ и не простой плутъ? Пещера, гдѣ онъ даетъ свои провѣщанія, находится въ срединѣ лѣса, не подалеку отъ Лабадеи. Я всячески старался ошговорить своему брату, чтобы не подвергался сему искусу; но онъ ничего не слушалъ.—Я пошелъ, продолжалъ Цебесъ, представившись служителямъ храма. Они дѣлали мнѣ строгіе вопросы о образѣ моей жизни и правилахъ

моей религіи; попомъ ввели меня въ припворъ, посвященный Форшунъ и доброму духу, гдѣ я пробылъ нѣсколько дней. Мнѣ предписали употреблять холодную баню, воздерживаться отъ вина и много другихъ обрядовъ; въ пищу давали мнѣ только отъ шѣхъ жершвъ, копорыя я приносилъ Трофонію. За день передъ шѣмъ, какъ мнѣ назначено вопрошать Оракула, принесъ я въ жерпву барана, и провъщатели, разсмотрѣвши внушенности его, объявили мнѣ, что Трофонію благопріятно мое приношеніе. Тогда предписали мнѣ дѣлать омовенія: два мальчика, копорыхъ называли Меркуріями, спали обмывать меня и наширали деревяннымъ масломъ; дали мнѣ выпить воды изъ источника Лешы, копорая имѣла свойство приводить въ забвеніе прошедшее; попомъ дали мнѣ воды изъ источника Мнемозины, копорая впечатлѣваетъ въ памяти все, что будешь видѣть въ пещерѣ. По совершеніи сихъ обрядовъ, повели меня въ припворъ, принеши мольбы спашу Трофоніевой. Надѣли на меня ризу льняную, и при свѣтѣ факеловъ (ибо сіи церемоніи производились ночью) повели

меня къ другому грошу. Тутъ у входа обьялъ я своего брата, которъ слѣдовалъ за мною вмѣстѣ съ другими любопытными. Прежде нежели я вошелъ въ пещеру, жрецъ далъ мнѣ два опреснока, по одному въ каждую руку: «что предоохранишь тебя, чадо! отъ угрызенія змѣй, коими наполнена пещера.» — Плупни! вскричалъ Мамеркъ: эти опресноки даюшь вопрошающимъ для того, чтобъ занявъ ихъ руки и помѣщая имъ опознавать мѣста. — Я спустился, продолжалъ Цебесъ, по лѣстницѣ въ другую пещеру. Сошедъ довольно глубоко, нашелъ тамъ только одно чрезвычайно узкое отверстіе: съ великимъ трудомъ пропачили меня черезъ него за ноги и за руки. Признаюсь, ужасъ обьялъ меня, но мнѣ некогда было разсуждать; я чувствовалъ, что какая-то сила съ чрезвычайно быспропою влекла меня на дно безны. Тамъ царствовала мрачная ночь. Не знаю, что я тамъ видѣлъ, что дѣлалъ: голова была у меня не на мѣстѣ. Кажется однако, я видѣлъ послѣ черной тьмы внезапный свѣтъ, и примѣшивъ подъ ногами глубокія пропачи: ревъ звѣрей, вопли и воздыханія мужей и женъ

поразили слухъ мой. Тогда плачевный
нѣкій голосъ спросилъ меня: «за
чемъ пришелъ ты въ сіи обиталища
ужаса?» Узнавъ мою судьбу, оповѣ-
щалъ я съ шепетомъ. — «Ты умрешь
на пиршествѣ.» Голосъ умолкъ, и въ
ту минушу помчали меня опять но-
гами вверхъ, а головою внизъ. — Я
увидѣлъ его возвращающагося, подлѣ
перилъ, находящихся у входа той
пещеры, гдѣ мы его ожидали. Какое
спрашилище! онъ привелъ меня въ
ужасъ; сердце мое обмерло; глаза у
него помутнились, взоръ дикій, лице
блѣдное: онъ смотрѣлъ на меня не-
подвижно и не узнавалъ. Я звалъ
его; онъ не оповѣщалъ ни слова, какъ
бы пораженъ глубокимъ обморокомъ.
Жрецы посадили его на преножники
Мнемосинины: шептъ должно ему
было вспомнить, что онъ видѣлъ и
слышалъ. Онъ произнесъ нѣсколько
опрывчивыхъ словъ; жрецы тща-
тельно ихъ собирали, и объявили
ему оповѣсть оракула. Потомъ оп-
вели его въ приговоръ Форшуну и
добраго Генія. Мало по малу онъ при-
ходилъ въ себя. Мы окружили его,
засыпали вопросами, что онъ видѣлъ,
что слышалъ; но у него остались
только сбивчивыя понятія. Онъ гово-

рилъ намъ о Спиксѣ , о гармонической музыкѣ , о свѣтѣ , который его ослѣпилъ. Больше ничего сказать не могъ , и это , я думаю , весь плодъ , какой получающъ бѣдныя сіи суетвѣры отъ этой проклятой церемоніи; да къ тому же еще навлекаящъ себя на цѣлую жизнь унылость и задумчивость , слѣдствіе ужаса и изумленія. Съ того времени братъ мой убѣгающъ всякихъ празднествъ , и отъ того не менѣе несчастенъ. Можно сказать , что это самой нелѣпой и самой плутовской оракулъ во всей Греціи. Легко угадашь , что жрецы знающъ пошаренные ходы въ подземелье и употребляющъ всѣ средства , чтобы помутить воображеніе людей слабоумныхъ.»

Мы поблагодарили обоихъ братьевъ за ихъ повѣствованіе. Во все время нашего плаванія Цебесъ оставался унылъ и пасмуренъ; трудно было добиться отъ него слова; но съ Мамеркомъ мы проводили время весело: онъ былъ человѣкъ умный и любезный , и забавными своими рассказами веселилъ пассажировъ. Между прочими повѣстями онъ разсказалъ намъ басню о Прометѣѣ , которую часто заспавляли его пересказывать , по-

тому что онъ увѣрилъ старыхъ рабелъщиковъ, что они помолодѣють, если найдутъ расшѣніе, пошерянное слѣдующимъ образомъ:

«Промешей, сдѣлавши спашую изъ глины, примѣшалъ шуда дрождей, желчи, мяса аспидова и пѣны львиной. Вошъ, друзья, изъ чего сложенъ челоуѣкъ; видите, что шупъ не чѣмъ хваспашься. Но сія спашуя была еще безчувшвенная масса. Промешей укралъ огня отъ солнца, и челоуѣкъ одушевленъ. Но лишь только онъ себя почувшвовалъ, шо и спалъ жаловашься богамъ на гибельный сей даръ, на свое сущесшвованіе: болѣзнь и печаль посшигли его въ самой колыбели. Юпиперъ, въ ушѣшеніе ему, и дабы облегчить его спраданіе, далъ ему расшѣніе, кошорое имѣло силу возвращашъ молодосшь. Какъ радывался нашъ праощецъ, имѣя въ рукахъ сіе сокровище! Онъ навьючилъ его на осла и опшправился въ пущъ. Дорогою скошина, мучимая жаждою, ошпановилась на берегу ручья, и хопѣла напишья; но змѣй, кошорый сперегъ сей исшочникъ, не позволялъ ослу прикасашья къ водѣ, развѣ сѣ шѣмъ условіемъ, чтообъ онъ ошдалъ ему расшѣніе. Оселъ согла-

сился; и съ шѣхъ поръ змѣй молодѣеиъ, а мы, бѣдняки, спарѣеиъ безвозвратио.» Мапросы, особливо спарики, шумѣли немилосердо на глупосиъ осла и на догадливосиъ змѣя. Между шѣмъ погода была шика, и мы плыли благополучно попушнымъ легкимъ вѣспромъ; экипажъ оспавался безъ дѣла, и для того всѣ просили Мамерка попушчиватиъ ихъ еше другою басенкою. «Хорошо, сказалъ онъ: не дожидаясь повшоренія прозьбы, я разскажу вамъ приключеніе Мидаса, Царя Лидійскаго.

«Онъ былъ Государь добрый, но, какъ и не рѣдко случаетсѣ, у него не было вѣ головѣ царя. Онъ принялъ благосклонно спараго Силена, воспиташеля Вакхова, за что сей богъ, возвращаясь изъ Индіи, и проходя его царство, обѣщаль ему исполнитъ первое его желаніе. Мидасъ, будучи больше златолюбивъ, нежели разсудителенъ, просилъ, чтообы все, къ чему онъ ни прикоснетсѣ, превращалось вѣ золошо. Бахусъ жалѣлъ о его глупоси, однако исполнилъ его желаніе.» Всѣ мапросы весьма хвалили Мидаса за умный его выборъ, и говорили, что на его мѣстѣ они и сами того же пожелали бы. «О! у насъ бы

были кучи золота! «Постойте, постойте, вы увидите, больше ли у васъ ума, нежели у Мидаса. Сей Годазь шопчасъ приказалъ пригото-
 вишь великолѣпный пиръ; вѣдь денегъ у него была куча: вѣ въ восторгѣ радос-
 сти сядишь за столъ: сперва беретъ
 кусокъ хлѣба, и хлѣбъ въ рукахъ его
 золото; онъ беретъ куропашку, и
 куропашка золотая. Онъ удивляется,
 беретъ яблоко, и оно спало Гесперид-
 ское яблоко; хочеть пить Смирнское
 вино, и вино, прикоснувшись къ его
 устамъ, превращается въ влажное
 золото. Однимъ словомъ, все, къ чему
 онъ ни допронется, что хочеть ѣсть
 или пить, все обращается въ золото.
 Тогда-то онъ среди несмѣтныхъ со-
 кровищъ, умирая отъ голоду и жа-
 жды, оплакивалъ глупое свое сребро-
 любіе, и просилъ Бахуса, чтобъ онъ
 взялъ отъ него пагубный свой даръ.
 Сынъ Семелинъ сжалился надъ нимъ
 и приказалъ ему вымыться въ рѣкѣ
 Пакполѣ. Мидасъ повиновался, и
 оставилъ въ водахъ сихъ роковой
 свой даръ.—Ну, други, еще ли вы за-
 видуете его благополучію? желаете
 ли быть на его мѣстѣ?—«Нѣтъ, мы
 этого не предвидѣли.»—Этотъ слу-
 чай долженъ научить васъ, что чело-

вѣческія желанія обыкновенно смѣшны и глупы; что должно быть довольно своею судьбою и ничего не желать усердно; попому что мы не знаемъ, послуживъ ли намъ это въ пользу или во вредъ. Но эшотъ же Государь сдѣлалъ другую глупость, за копорую онъ заплашилъ дороже. Случилось, что Панъ спорилъ нѣкогда съ Аполлономъ о преимуществѣ въ пѣніи: оба выбрали судьей Мидаса, да еще гору Тмольскую. Сія послѣдняя, имѣя болѣе тонкаго слуха и разсудка, отдавала преимущество Аполлону; но невѣжа Мидасъ предпочелъ Пана. Аполлонъ очень забавно опмстивъ ему за его глупой судъ: онъ похвѣнулъ его за уши, и превратилъ ихъ въ ослиныя. Бѣднякъ отъ сшуда сперва скрылся; но рано или поздно надобно было показаться, и для того онъ выдумалъ спрягать свои длинныя уши подъ багряную шапочку. Вотъ вамъ происхожденіе всѣхъ шапокъ, шляпъ и шюрбановъ! Однако будучи принужденъ опкрыть свою бѣду брадобрею, онъ взялъ съ него кляпву хранивъ шайну наиспрожайше. Брадобрей не смѣлъ нарушить своей кляпвы; но чтобы хоть малую дань опраду своему сердцу, выкопалъ въ

землѣ яму, и ушкнувши шуда голову, нѣсколько разѣ проговорилѣ: *у Царя Мидаса ослиныя уши*. Спустиа нѣко- порое время выросѣ проспникѣ изѣ эшой ямы, и будучи колеблемѣ вѣш- ромѣ, всегда повторялѣ: *у Царя Ми- даса ослиныя уши*. Мапросы весьма смѣялись эшой забавной басни; они смотрѣли другѣ на друга, и у кого замѣчали длинныя уши, того назы- вали Мидасомѣ.—Какѣ мы теперь вѣ Лидіи, началѣ опять Мамеркѣ, по я расскажу вамѣ другую испорію, слу- чившуюся вѣ эшой землѣ.

«Нѣкогда опѣ большихѣ продолжи- тельныхѣ дождей разверзлась земля вѣ сей спранѣ. Нѣкто, по имени Ги- гесѣ, пасшій спада Царя Кандавла, полюбопытствовалѣ спуститься вѣ эшу бездну. Онѣ нашелѣ шамѣ мѣд- наго коня, у коего вѣ боку сдѣланы были двери. Гигесѣ отворилѣ ихѣ и увидѣлѣ внупри мершваго человекѣ, величины чрезвычайной, у котораго на пальцѣ былѣ золошой перспень. Онѣ его снялѣ. Эшопѣ перспень имѣлѣ чудное свойсшво: когда оборо- тишь его гнѣздомѣ кѣ ладони, по сдѣлаешься невидимѣ; а когда перево- рошишь другою спороною, по будешь видимѣ, какѣ и прежде.—«Ахѣ, какое

щаспіе! чшо еслибъ эшо кольцо было у насъ! шо-шо бы мы надѣлали славныхъ дѣлъ!» — Можешъ бышь эшо было бы для васъ великое нещаспіе; вы бы упошребили его во вредъ, какъ и эшотъ паспухъ, кошорый умершвилъ Царя своего Кандавла, чшобы самому захвапшъ его прешполъ. Друзья мои, чеспный челоуѣкъ долженъ такъ жшшь, какъ будшо и боги и всѣ люди его видяшъ.» —

Въ эшо время поднялся сильный вѣтеръ и прервалъ рѣчь Мамеркову; всѣ побѣжали къ работѣ: свирѣпый Австръ бушевалъ съ великою опвагою, волны ярились и мешали слабый нашъ корабль. Къ щаспію, на разсвѣтѣ дня вѣтеръ упихъ, и мы съ радосшію увидѣли городъ Смирну, и приспали къ нему около полудни. Сей городъ опчаспи возвышаешся на горѣ, но большею часпію проспираешся по гладкой равнинѣ, къ самой гавани, пропшвъ гимназіи и храма матери боговъ. Улицы въ немъ прекрасныя, всѣ разсѣчены подъ прямымъ угломъ и успланы камнями; какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ городѣ еспъ много большихъ чешвероугольныхъ порпиковъ; особенно въ нижнемъ достойна замѣчанія библіотека и свя-

пилище Гомерово: его называютъ Гомеріонъ: это большой квадрашный поршикъ съ храмомъ, въ которомъ находишся спашуя Гомера. Рѣка Милезія печетъ у самыхъ спѣнъ. Гавань весьма удобна и ее можно запирашь во всякое время.

Жители Смирнскіе хвалятся пою честію, что опецъ Поэшовъ родился въ ихъ городѣ. Проксенъ привелъ насъ въ гротъ, гдѣ сей превосходный умъ сочинялъ свои поэмы. Онъ разсказалъ намъ исторію о его рожденіи. «Прекрасная спранница, по имени Крипеида, будучи беременна симъ младенцемъ, родила его тайно на берегу Милезіи: отъ чего и назывался Милезигеномъ (*рожденнымъ у рѣки Милезіи*); но послѣ, когда потерялъ зрѣніе, онъ перемѣнилъ сеѣ названіе на имя Гомера, по естъ слѣпаго. Послѣ родовъ сія несчастная мать кормилась работою рукъ своихъ, пряла шерсть и шѣмъ доставала скудное пропитаніе себѣ и младенцу. Въ это время увидѣлъ ее Формій, философъ, обучавшій въ Смирнѣ грамматикъ и музыкъ; пронувшись ея бѣдноспію, а болѣе еще красою, и находя въ ней довольно ума, онъ на ней женился, и щашельно воспитыва-

валъ младенца Гомера. Сей, пришедши въ возрастъ, не искалъ своего щасія при дворахъ Государей; но сносилъ бѣдность съ терпѣніемъ, и для просвѣщенія своего весьма много странствовалъ.» —

Жители Смирнскіе любятъ роскошь и забавы; но ища наслаждаться пріятностями жизни, они не вовсе предаются нѣгѣ, а сохраняютъ всегда храбрость и дѣятельность.

Мы не долго пробыли въ Смирнѣ, и послѣ нѣсколькихъ дней проспились съ Мамеркомъ и Цебесомъ, и отправились въ Сарды.

ГЛАВА IX.

Описаніе города Сардовъ и его окружностей; встрѣта двухъ молодыхъ дѣвицъ; Антеноръ и Фаноръ приняты гостепріимно ихъ дѣдомъ.

Сарды, столичный городъ Лидіи, славенъ своими богатствами, роскошью и нѣгою жителей; онъ стоишь на покатости горы Тмола, за двадцать пять стадій отъ Смирны и за пять сотъ сорокъ отъ Ефеса. Пактолъ, выходя изъ нѣдръ горы сей,

пропекаетъ городъ, круша воды свои по золошному песку; его окружности, просшираясь опъ подошвы горы даже до рѣки Гема, орошаемы множеспвомъ ручьевъ и рѣкъ, представляющъ повсюду картину богатства и обилія въ хлѣбѣ, плодахъ и превосходныхъ паствахъ.

Великолѣпныя спраны, гармоническое пѣніе пщицъ, пѣсни паспуховъ, вмѣстѣ съ голосомъ сельскихъ инспруменшовъ, блеяніе спадъ, тихій шопощъ зефира, колеблющаго листьа и освѣжающаго ашмосферу, распсанныя облака, на западѣ луна, возвышающаяся предъ нами, прекрасная, величеспвенная: все вливало въ душу нашу восторгъ чпсшой, крошкой радоспи. Цѣлый часъ оспавались мы въ безмолвномъ изумленіи, упоены восхпщпщельнымъ зрѣлщемъ. Мы сидѣли на шравѣ, на берегу ручья: вдругъ увидѣли двухъ дѣвушекъ, вышедшихъ изъ ближняго домика; каждая несла корзинку: онѣ подобились прелеспнымъ Нимфамъ Діапы. Подошедши къ намъ, онѣ просили насъ на Персидскомъ языкѣ (мы были въ Персидской одеждѣ) опъ имени дѣда своего принявъ плоды ихъ садика; мы приняли и опблагодарили ихъ на

помѣ же языкѣ. Тупѣ Фанорѣ ска-
залъ мнѣ по Гречески, что эѣ
Нимфы прелестны, и что онѣ хо-
тѣлъ бы ихѣ поцѣловашѣ и испы-
шатѣ ихѣ честность.

При сихѣ словахѣ багровый румя-
нецѣ покрылъ ихѣ дѣвственныя лица;
онѣ попунили глаза и опсшунили.
Мы догадались, что онѣ понимающѣ
по Гречески, и извинились предѣ
ними на Ионическомѣ діалектѣ; онѣ
опвѣчали намѣ на Аппическомѣ, и
пѣмѣ привели насѣ въ радостное
удивленіе. Послѣ нѣкоторыхѣ из-
виненій онѣ приглашали насѣ къ сво-
ему дѣду, родомѣ Греку, который съ
удовольствіемѣ принимаетѣ стран-
никовѣ, а особливо радѣ будещѣ сво-
имѣ соопечесственникамѣ. Мы согла-
сились.

Идучи узнали мы опѣ нихѣ, что
увидимѣ осьмидесяти-лѣтняго спа-
рика, лишившагося зрѣнія уже около
года.

Мы нашли почтеннаго старца, съ
засшупомѣ въ рукѣ, преклоненнаго
къ землѣ. Дѣвицы представили насѣ
какѣ соопечесственниковѣ. Тогда онѣ
поднялся и сказалъ намѣ съ пою
благородною и величественною осан-
кою, кошорая обнаруживаетѣ вели-

каго человѣка даже въ рубищѣ про-
сшаго садовника: «любезные Греки!
глаза мои лишены щаспія васъ ви-
дѣшь: свѣсило небесное не освѣща-
етъ уже темнаго пуши моего; но я
буду имѣшь удовольствіе васъ слы-
шашъ, и, если угодно богамъ, бышь
вамъ полезенъ.» Правильное его на-
рѣчіе, чистый выговоръ, утвердили
насъ еще болѣе въ той мысли, что
мы видимъ предъ собою отличнаго
гражданина Аѣинскаго; фізіономія
его внушала почтеніе, длинная его
борода была убѣлена лѣтами; чело
широкое, безволосое, видъ важный и
крошкій: казалось, что сокрушаю-
щая рука времени коснулась только
его зрѣнія. Онъ предложилъ намъ
домъ свой. «Я угощу васъ, сказалъ
онъ, какъ добрый Гирей угостилъ бо-
говъ: я бѣденъ, также какъ и онъ,
мои сосуды и мои боги изъ глины; я
могъ бы набогатишься не менѣе дру-
гихъ, но честный человѣкъ предпо-
читаетъ честную бѣдность всѣмъ
сокровищамъ Крезовымъ.» По обы-
чаю Грековъ онъ не спрашивалъ на-
шего имени, и мы, въ разсужденіи
его соблюли ту же скромность. По-
садивши насъ за столъ, онъ сказалъ
намъ: «вы будете ужинать вмѣстѣ

съ моими внучками: это проповио
обыкновенію Аѳинянъ, которые уда-
ляютъ женщинъ отъ стола, какъ
скоро ешь чужіе; но мнѣ бы больно
было удалить отъ себя такихъ ми-
лыхъ дѣшей; припомъ же ихъ благо-
разуміе позволяешъ сдѣлать исклю-
ченіе изъ сего правила.»

За ужиномъ онъ разспрашивалъ насъ о нашихъ путешествіяхъ, а особливо о нравахъ Спаршанцевъ; улыбался при всякой новой чертѣ, и иногда восклицалъ: «какіе нравы! какіе люди! должно удивляться Спаршѣ, но жить надобно въ Аѣинахъ;— правда, Аѣиняне народъ непостоянный, неблагодарный! они изгнали Семи-спокла; они погубили въ темницѣ Мильшіада, того, который послѣ Мараѣонскаго сраженія пребывалъ себѣ въ награду одного только лавроваго вѣнца.—И онъ не получилъ его?—Нѣтъ; нѣкто Сокканесъ всталъ среди собранія и сказалъ: «Мильшіадъ! когда ты будешь сражаться одинъ, тогда одинъ и получишь вѣнецъ.» Сіи слова польстили самолюбію Аѣинянъ, и награда отъказана. Тутъ умолкъ почтенный нашъ старикъ, и казался углубленъ въ важныя мысли. Потомъ вдругъ воскликнулъ: «что

наша слава, честолюбіе? пустыя химеры! гибельныя спраспи! Мильтіадѣ, Семистоклѣ жалостно погибають; Сократѣ выпиваетѣ ядѣ; бичѣ пирановѣ, Діонѣ, падають подѣ ударами меча; Діонисій младшій съ верху почестей низверженѣ въ прахѣ: страшное паденіе сего вѣнчаннаго пирана Сицилійскаго! съ высоты престола нисходитѣ онѣ въ корчмы Коринѣскія и вкушаетѣ горькій хлѣбѣ. Надобно только сравниѣ себя съ симѣ несчастнымѣ Діонисіемѣ, и тогда перестанешь жаловаться на суровость судьбы.» — Сей переворотѣ щастія, случившійся съ Діонисіемѣ, сказалѣ я, тѣмѣ удивительнѣе, чѣмъ Государь сей, какѣ говоритѣ, имѣлѣ много ума и храбрости.—Разсказываютѣ нѣкоторыя его опѣвшы, изѣ коихѣ видно, чѣмъ онѣ имѣлѣ и то и другое. Нѣкто въ Коринѣ смѣялся надѣ нимѣ, чѣмъ онѣ въ дни величія своего любилѣ бесѣдовать съ философами, и спрашивалѣ его съ насмѣшкою, къ чему послужили ему уроки Платоновы?—Къ тому, опѣвчалѣ Діонисій, чѣмъ я терпѣливо сношу удары судьбы.» — Македонской Государь, сидя съ нимѣ за столомѣ, издѣвался надѣ прате-

діями опца его, спаршаго Діонисія, и спрашивалъ съ злобною насмѣшкою, въ какія праздныя минушы сочинялъ онъ сіе сокровище? — «Вы очень удивитесь; онъ сочинялъ ихъ въ шѣ часы, въ которые вы и я и тысячи другихъ упоаеми въ нѣгѣ и предаеми пьянству.» Миѣ кажется, что эиотъ Діонисій умѣлъ сносить пѣгосѣ нещасній. Въ глазахъ моихъ презрѣнны шѣ малодушные люди, которые спонаюти, опчаяваются при поперѣ блестящихъ игрушекъ, высокихъ почестей и важныхъ должностей: такихъ карловъ по душѣ я обыкновенно сравниваю съ дѣтьми, копоры плачути о поперѣ своихъ игрушекъ или куколъ. Но оставимъ нашу прапезу: наступившій вечеръ зовеи насъ къ прогулкѣ; сдѣлаемъ возліяніе Юпиперу и пойдемъ освѣжиться прохладою на берега Пакшолъ. Послѣ возліянія онъ взялъ свой посохъ, и мы за нимъ послѣдовали. Приближаясь къ рѣкѣ, онъ сказалъ: «Пакшолъ недалеко, я его чувствую въ прохладѣ воздуха?» Между шѣми онъ давалъ намъ замѣиши богатые и прекрасные виноградные сады, копоры покрывали гору Тмольскую; пригласилъ насъ взойти на

нее, и опшуда насладитсья восхитительными видами. Мы сказали ему, что боимся его упомянуть. «О! вскричалъ онъ, я еще молодъ, мнѣ только восемьдесятъ при года, при томъ же я привыкъ къ трудамъ; никогда въ жизни не нѣжилъ на мягкихъ ложахъ, и не хочу поперяшь употребленія своихъ ногъ; спускай же за мною.» Въ самомъ дѣлѣ онъ пошелъ впередъ твердымъ шагомъ; посохъ служилъ ему только указателемъ, чтобы уклоняться отъ камней и другихъ неудобствъ въ пути. Фаноръ и я смотрѣли на него съ почтеніемъ и удивленіемъ. Голова его и ноги были не покрыты: хитонъ изъ грубой шкани и корошенькая епанча, (называемая палліумъ), застегнутая желѣзнымъ крючкомъ, все въ его одежда, весь уборъ.

ГЛАВА X.

Нравы жителей Сардійскихъ; божества ихъ страны; разговоръ обоихъ друзей о ихъ хозяинѣ.

Въ сію минушу услышали мы согласные звуки многихъ инструмен-товъ, вмѣстѣ съ пѣніемъ и радостными криками. — «Эшъ веселія, сказалъ спарикъ, сушь слѣдствія развраща нравовъ сей древней столицы царства Крезова. Каждый вечеръ, въ ясную ночь, молодые люди обоего пола собираются на лугъ, и подѣшайинспивенною пѣнію ночи проводятъ часы, опредѣленные на успокоеніе, въ играхъ, въ пляскахъ и въ забавахъ любви; а днемъ, вмѣстѣ того, чшобъ занимать работою и прудами, приличными человѣку, они предаются сну и опдохновенію. Они изгнали изъ города всѣ художества, которые могли бы помѣшать ихъ покою; правительство награждаетъ тѣхъ, кто вымыслилъ новыя забавы. Чрезмѣрное плодородіе земли сдѣлало ихъ нерадивыми и лѣнивыми. Мужчины только занимаются искусствомъ убирать волосы и прикрасить лице: они вообще столько женоподобны,

что можно обмануться и подумать,
 что въ городѣ нѣтъ другого пола,
 кромѣ женщинъ. По крайней мѣрѣ
 хопъ бы женщины прикрывались
 покровомъ скромности, сею прекрас-
 ною маскою добродѣтели; но у нихъ
 нѣтъ ничего чистаго, ничего не-
 оскверненнаго, ни глазъ, ни ушей. У
 сего народа есть общесства, состав-
 ленныя изъ прекраснѣйшихъ жен-
 щинъ: это новыя секты философовъ:
 онѣ собираются для того, чтобы
 выдумывать новыя наряды, новыя
 забавы, или старымъ придашь новую
 прелестъ: эти общесства называ-
 ются цѣвшами. Впрочемъ веселіе
 сихъ изнѣженныхъ празднующихъ
 ни мало не завидно: оно только на-
 ружное, и служивъ покрывающею
 скуку, которая сѣдаетъ ихъ
 сердце. Всякое удовольствіе манивъ
 ихъ, пока оно ново; но скоро они его
 покидаютъ и хватаются за другое,
 которое также скоро наскучивъ.
 Кажется, что ихъ увялыя души
 способны чувствовать только одинъ
 мученія и скуку. Одна женщина не
 могла спать цѣлую ночь отъ того,
 что увидѣла мышъ въ своей комна-
 тѣ; мужчина занемогъ отъ того, что
 пѣшухъ раннимъ своимъ пѣніемъ раз-

будилъ его нечаянно. Изнѣженносць сполько ихъ ослабила, что они не въ состояніи сдвинуть съ мѣста ни самой легкой тяжести: цѣлый день сидѣвъ на ложахъ, и безпрестанно опдыхающъ, хощя и не знающъ никакихъ трудовъ. — Эта картина нравовъ Сардійскихъ приводитъ на память развратъ Сибаритовъ. — Точно такъ, оба сіи народы имѣющъ между собою совершенное сходство. Сибариты сполько преданы роскоши и нѣгѣ, что они хвастаются тѣмъ, что никогда не видявъ восходящаго солнца: они истребили въ своемъ гражданствѣ также, какъ и Сардійцы, всѣхъ пѣшуховъ и изгнали всѣ шумныя художества, которыя могли бы прервать ихъ сонъ. Когда приглашаютъ женщинъ на пиршество, то обыкновенно дѣлающъ сіе за годъ напередъ, чтобы женщины имѣли время приготоовать свои уборы. Правительство даетъ награду поворамъ, которые выдумаютъ самыя вкусныя яства; и кто выдумаетъ всѣхъ лучше, тому одному дается привилегія цѣлый годъ приготоовлять то кушанье для всего города, чтобы онъ могъ набогатиться за свое полезное изобрѣшеніе. Оба сіи народа, изъ коихъ

каждый можетъ спорить о преимуществѣ въ нѣгѣ и развратѣ, способны ли вопрошивишься первому пирану, который захопѣлъ бы наложить на нихъ иго рабства?»

Спарикъ говорилъ съ такою свободностію, съ такимъ огнемъ, что я думалъ видѣть предъ собою мудраго Нестора, орапорствующаго въ собраніи Грековъ. Я просилъ его познакомиться меня съ главнѣйшими божествами, наиболѣе уважаемыми опѣ Сардійцевъ. — «Цибела, Діана, а особенно Прозерпина, суть ихъ богини-покровительницы: въ честь сей послѣдней опправляютъ игры; въ жершву приносятъ ей черныхъ коровъ и увѣнчиваютъ ее маковыми цвѣтами. Но кромѣ сихъ богинь, прекрасную Венеру чтутъ наиболѣе: она имѣетъ храмы, въ которыхъ молодыя дѣвицы продаютъ себя, какъ въ Вавилонѣ и Кипрѣ; но за вырученныя деньги онѣ достаютъ себѣ мужей. Бахуса почитаютъ также своимъ божествомъ покровительствующимъ, и думаютъ, что онъ рожденъ въ ихъ странѣ. Поклоняются также Геркулесу; сей герой пришелъ въ сію страну истребить спрашнаго змѣя, опустошающаго окрестности города: онъ уви-

дѣлѣ Омфалу, царскую дочь; воспалился къ ней любовію, и сложивъ съ себя львиную кожу, укротивъ свою суровость, взялъ пряслицу и прядъ шерсть у ногъ своей обладашельницы.» Но часъ разлуки насталъ, день погасъ: щастливѣ, кто упопрѣбилъ его въ пользу! Возвратимся въ мирную свою хижину насладиться покоемъ, который пригошовленъ прудомъ и работою.

Оставивши его, мы съ Фаноромъ долго разсуждали, кто бы былъ эпитѣ Грекъ, коего видъ столь величественный, разговоръ столь уладишельный возвѣщали въ немъ челоуѣка гараздо выше людей обыкновенныхъ. «Какъ онъ великъ и почтенъ въ простотѣ своей! вскричалъ я.» Подлинно, сказалъ Фаноръ, я не переспавалъ ему удивляясь, даже тогда, когда восхищался милыми его внучками: онъ прелестны, и я не знаю, которой отдасть преимущество. Старшая имѣетъ такую плѣнительную красоту, такую неизобразимую пріятность, и характеромъ болѣе постоянна; а младшая живѣе, веселѣе, забавнѣе. — Замѣшь припомъ, что сіи двѣ прекрасныя дѣвицы соединяють съ прелестями

лица самое лучшее воспишаніе: разумъ ихъ обогащенъ чшеніемъ; онъ блискаетъ въ рѣчахъ ихъ и въ каждомъ словѣ; онъ видѣнъ также и въ нарѣчіи ихъ чистомъ и опборномъ: эпо настоящій Аппицизмъ, вмѣстѣ съ скромностію и цѣломудріемъ Спаршанскимъ. — Давно ужъ не вспрѣчались намъ такія фізіономіи, кошорыя вмѣстѣ и прельщаютъ и внушаютъ почтеніе. — Не забудь однако, что Сократъ называлъ красоту *маленькою тиранкою*, а Платонъ — *преимуществомъ натуры*. Я знаю уже ихъ имена! спаршая Апеннаида, а меньшая Фалоя.

ГЛАВА XI.

Упражненія старика; любопытный разговоръ; онъ объявляетъ о себѣ.

Еще на ранней зарѣ разбудилъ насъ пѣснью громкимъ своимъ пѣніемъ. Фаноръ проклиналъ его. — «Не прикажешь ли задавишь здѣсь всѣхъ пѣснуровъ, сказалъ я, чтобы не мѣшали намъ нѣжиться по Сардійски и Сибаритски? Пѣніе пѣснуровъ должно приводить насъ въ спыдъ, припомни-

ная намѣ, что свѣпоносный Царь
дня пробудился прежде насѣ. Вспанемѣ, пойдѣмѣ вспрѣчатѣ его. « Мы
попчасѣ одѣлись и пошли въ садѣ,
поздравивѣ своего хозяина съ добрымѣ упрѣмѣ. Тамѣ никого еще не
было, эѣо былѣ часѣ возрожденія
природы: росныя перлы блиспали на
помолодѣвшей правѣ, и благоуханія
цвѣшовѣ и расцвѣній разносились на
крыльяхѣ воздуха. Еще солнце не
сняло покровѣ ночи съ низменныхѣ
долинѣ; только на вершинахѣ горѣ
игралѣ бѣлый лучѣ его; хорѣ птицѣ
попсѣлѣ во срѣшеніе Царю природы
и привѣспововалѣ раждающуюся за-
рю согласнымѣ своимѣ пѣніемѣ. Мы
дожидались почтеннаго нашего сѣа-
рика, дыша живительною прохладою
утра. Онѣ скоро явился, сбросилѣ
съ себя палій и положилѣ посохѣ,
взялѣ заспунѣ и лейку, посадилѣ
нѣкоторыя овощи, попомѣ пошелѣ
къ колодцу, выпацилѣ воды и полилѣ
новыя свои расцвѣнія. Видя его за
работѣю, какѣ онѣ ходилѣ шуда и
сюда, бралѣ шо и другое, исправлялѣ
все наипочнѣе; никѣо не могѣ бы
подуматѣ, что онѣ слѣпѣ. Мы не
смѣли помѣшатѣ ему: только смѣ-
рѣли на него съ шѣмѣ почтитель-

нымъ молчаніемъ, которое невольнымъ образомъ родится въ храмъ предъ образомъ Верховнаго Правителя боговъ. Поливая цвѣты, онъ какъ будто лобызалъ ихъ; видно было, какъ лице его выяснилось, когда онъ прикоснулся къ нимъ, или обонялъ пріятное ихъ благоуханіе. Онъ врылъ подпорки для поддержанія виноградныхъ лозъ; поднялъ ихъ, обвилъ и такъ соединилъ, что сплетенныя ихъ вѣтви составили родъ древесной сѣни, подъ которою можно было гулять въ прохладѣ. Наконецъ мы подошли къ нему. «Вы видишь, сказалъ онъ намъ, что лѣность не наше божество: шрудъ, по словамъ Гезіода, есть спражь добродѣтели.» — Примѣтно, что вы любите деревенскую жизнь и сельскіе шруды. — «Жизнь въ деревнѣ, сельскіе шруды и удовольствія наиболѣе приличны спароспи. Гдѣ можно найши прохладныя убѣжища во время лѣшняго зною, какъ не въ деревнѣ, на берегахъ ручейка, освѣяемаго благоухающими деревьями? — Но вѣрно вы не всю жизнь обрабатывали сады? вы конечно носили прежде важныя званія, занимались общепользѣйшими упражненіями?—

Вижу, что вы желаете знать, кто я? это со временем. Ваша честность и скромность достойна моей доверенности; припомню же теперь, на краю поприща своего, я не имѣю уже пѣхъ причинъ скрываться, какія имѣлъ прежде; но вотъ и дѣла мои: пойдѣмъ начать день принесеніемъ жертвы богамъ. Мы слѣдуемъ обычаямъ Аѳинянъ.» (*) Мы пошли за нимъ въ священную скинию, сооруженную въ одномъ углу сада. Спарикъ возложилъ на жертвенникъ плоды, и вмѣстѣ съ своими внучками вознесъ сію молитву къ Юпитеру: «Творецъ всесильный! даруй намъ все нужное на пользу нашу, и удали отъ насъ все вредное, хотя бы мы много и просили.» Послѣ сей утренней молитвы онъ пригласилъ насъ на завтракъ чрезъ часъ. Когда мы къ нему возвратились, то онъ сказалъ: пойдѣмъ въ Гинекей (то есть учебный кабинетъ женской) къ дѣшамъ; тамъ онъ занимается чте-

(*) Въ Аѳинахъ всякой человѣкъ приносилъ жертвы поутру каждому дню на жертвенникъ, поставленномъ у воротъ его дому, или въ особомъ домовомъ пристворѣ.

ніємъ и размышленіємъ; я приучаю ихъ къ упражненіямъ ума. «Разумъ, говорю я имъ часпо, еспъ вѣнецъ, возвышающій челоуѣка выше безсловесныхъ шварей; совершенспвуя его, онъ приближается къ божеспву, а не рача о его образованіи, онъ унижаешъ себя къ скопу; да и какія удовольспвія могушъ бышъ чище, пріятнѣе, какъ удовольспвія ума и его произведеній. Невѣжа шого незнаешъ: эшо слѣпецъ ошъ природы, не имѣющій понятія о свѣтѣ.»

Въ такихъ разговорахъ пришли мы къ концу сада; шупъ начинается небольшая лавровая рощица, въ срединѣ которой увидѣли мы учебный кабинетъ. Двери его охраняла Минерва, сдѣланная изъ лимоннаго дерева. Хошя все шупъ было просто, однако ошмѣнная чистота, изящеспво и испуспво работы далеко превышало убожеспво хозяина. Сей небольшой храмикъ, посвященный Минервѣ, былъ ошлично прелестенъ и въ лучшемъ вкусѣ; внупри выложенъ дощечками изъ эбенова дерева вмѣсто обоевъ; маленькая библіотека и двѣ большія картины дорогой цѣны соспавляли главнѣйшее украшеніе.

Обѣ сестры, съ перомъ въ рукахъ, съ великимъ вниманіемъ занимались письмомъ. Увидѣвъ спарика, поспѣшася вспали, обняли его, и спѣшили общерешъ пошъ и пылъ съ лица его. «Что вы пишете, спросилъ онъ ихъ?» — Дѣлаемъ извлеченія изъ вашихъ записокъ о революціяхъ и правленіи Аѣинскомъ. — Далеко ли вы? — У Пришановъ. — Вамъ надобно эшо знашь на память. Посмотримъ, что вы замѣтили. Апенаида, расскажи намъ о Пришанахъ: гости наши послушаютъ съ удовольствіемъ.» Апенаида покраснѣла, помолчала нѣсколько времени, взглянула на насъ, пошупила глаза и наконецъ начала слѣдующимъ образомъ:

«Пришаны составляютъ важнѣйшее судилище Аѣинское, числомъ ихъ 500 судей; они выбираютъ изъ десяти народныхъ классовъ (прибусами называемыхъ), изъ каждаго по пятидесяти. Члены сего судилища должны опличаться беззастѣнчивымъ поведеніемъ, жизнію честною, чистыми нравами, порядкомъ и экономіею въ дѣлахъ домашнихъ, не должны имѣть никакихъ долговъ, быть почтительны къ своимъ родителямъ, и жертвовать своимъ имѣніемъ

на пользу опечесшва. Припанамъ поручено надзираніе надъ судопроизводствомъ, раздѣлъ свѣстныхъ припасовъ, гражданское благоустройство во всей Республикѣ, и все касающееся до войны или мира. Они собираются въ Припанеѣ и имѣющъ умѣренную шрапезу на щетѣ опечесшвенной казны. «— Прибавь еще, сказалъ спарикъ, что въ шрудныхъ обстоятельшвахъ Припаны собирающъ народъ, и увѣщающъ каждого гражданина помогать въ нуждахъ опечесшвенныхъ по своей возможности. На семъ собраніи, каждый въ свою очередь, провозглашаешъ громкимъ голосомъ, какую сумму онъ вношишь, и эша сумма вмѣстѣ съ его именемъ записывается въ реэспрѣ. Припанъ, а не жрецъ, приносишь жершву.— Скажи намъ о Припанеѣ.— » Эшо большая храмина, посвященная Вестѣ, и въ ней находящяся спашуи всѣхъ опечесшвенныхъ божесшвъ: Весты, Мира, Юпитера, Минервы, шакже спашуи великихъ людей, прославившихъ Аѣины. Тамъ хранятся Солоновы законы, написанные на дскѣ. Тамъ принимаются иношранные посланники, шакже и опечесшвенные приходящъ шуда опдашь оп-

чешѣ въ своемѣ посольствѣ. Въ Припанѣ также содержашѣ на щепѣ общеспвенной казны мужей, оказавшихъ важныя услуги опечеспву, и шѣхъ сиротѣ, коихъ опцы пали на сраженіи.» — Приглашену бышѣ къ столу Припановѣ, сказалѣ нашѣ спарикѣ, ешѣ такая почешѣ, на кошорую Аѣиняне весьма скупы.—«Вашѣ вѣрно много разѣ шуда приглашали, вскричала проворно Фалоя, и шопчасѣ покраснѣла при сихъ словахъ, быспро у нее вылепѣвшихъ. — Не меньше шого пораженѣ я бывалѣ и опѣ фракизмовѣ. — Но вѣдѣ весьма несправедливо. — Не ужѣ ли бы шы хошѣла, чшобѣ эшо было по справедливосши? Но окончи, Апенаида, чшо тебѣ оспалось горипѣ о Припанѣ.—«Вѣ семѣ мѣстѣ горипѣ безпреспанно священной, неугасимой огнь, хранимый вдовами; шамѣ же находяшѣся и магазины для прокормленія бѣдныхъ, но честныхъ семейспвѣ.» — Послѣ смерши моей, кошорая уже близко, вы пойдепѣ, дѣши мои, въ Аѣины; вы меня назовепѣ; вы скажете: онѣ былѣ добрый гражданинѣ, онѣ любилѣ свое опечеспво; онѣ былѣ справедливѣ, Аѣиняне, вы эшо знаете! Онѣ управлялѣ долгое время

вашими доходами, жилъ въ бѣдности, и не оставилъ намъ ничего. Не сомнѣваюсь, милыя мои дѣши, что при семъ воспоминаніи Аѳиняне призрѣвъ васъ, будучъ содержащъ въ Пришанеѣ и, можешъ бышъ, воздадутъ праху моему какую нибудь почестъ! Сей народъ хошя и вѣпренъ, но великодушенъ и челоуколюбивъ.» При сихъ словахъ слезы покапились градомъ изъ глазъ обѣихъ дѣвицъ; добрый шарикъ также плакалъ, обнимая ихъ.— «Такъ, прибавилъ онъ швердымъ голосомъ, Аѳиняне добры и сострадапельны. У нихъ не увидишь ни одного нищаго, просящаго милосшыни, и наносящаго позоръ гражданшву: ибо подлинно нищіе сущъ позоръ правительшву и гражданамъ. Но наши любезные гости вѣрно хошяшъ чего нибудъ перекусить; ужъ время завшракашъ.» Съ каждымъ словомъ почтеннаго нашего шарца любопышство мое возраспало, и уваженіе къ нему привязывало меня болѣе и болѣе.

Аспенаида и Фалоя привели козу, спали доить ея своими бѣлыми, нѣжными руками, и поднесли намъ въ глиняномъ сосудѣ шеплое и чистое молоко. Аспенаида подала воды шарцу, умышъ руки.—«Правда, сказалъ онъ

усмѣхнувшись, у меня шеперь за са-
довою работою не такъ чиспы руки,
какъ были въ то время, когда я оп-
правлялъ должностъ государствен-
наго Казначея въ моемъ опечесствѣ. «
Кромѣ молока подали намъ плодовъ,
сухихъ смоквъ и соповъ. Между шѣмъ
я разсмапривалъ двѣ каршины, кошо-
рыя украшали пріятное сіе убѣжище
Музъ.—Онѣ изъ воску, сказалъ спа-
рикъ; для такихъ каршинъ пригото-
вляющъ воскъ разныхъ цвѣтовъ, и съ
помощію огня накладывающъ его на
дерево или на слоновую кость: эшѣ
двѣ изъ слоновой кости,» — Я вижу
внизу имя Семиспокла; такъ, это
изображеніе сего великаго человѣка!—
«Такъ, онѣ имѣлъ превосходныя да-
рованія; но чрезмѣрное его честполю-
біе, скрываая завистъ ко всякой за-
слугѣ другаго, его сребролюбіе и все-
гдашнее лукавство зашмили нѣсколь-
ко блескъ его шалантовъ. Въ молодо-
сти своей онѣ велъ такую распуш-
ную жизнь, что опецъ лишилъ его
наслѣдства; но сіе безчестіе не толь-
ко не уронило его бодрости, но еще
болѣе ее воспламенило. Съ того дня
онѣ посвящилъ себя совершенно слу-
женію опечесства, цѣлыя ночи споялъ
подлѣ штапуи Мильшіада, плакалъ и

говори́лъ: «Мильшіа́дъ не дае́шь мнѣ спашь,» и онѣ сравни́лся съ нимѣ. — Какое содержаніе этой карпины? — «Онѣ представленѣ на военномѣ совѣтѣ насупрошивѣ Еврибіада, Лакедемонскаго полководца, копорый подня́лъ на него палку; Семиспо́клъ, не смущаясь ни мало, подставляе́шь ему спину.» — А! понимаю, живописецѣ выбралѣ ту мину́шу, когда сей молодой герой, въ жару благороднаго своего испу́тленія, говори́тъ Спаршанцу: *бей, только выслушай.*

На другой карпинѣ изображенѣ былѣ челове́къ важнаго и величественнаго виду; онѣ писалѣ на черепицѣ и усмѣхался: возлѣ него крестьянинѣ. Прошивѣ обыкновения, не было подписано имени подѣ сею карпиною. Что представляе́тъ эша картина, спросилѣ я у спарика, и кто эшо иише́тъ? — Эшо Ариспидѣ. — А! вскричалѣ я съ жаромѣ, Ариспидѣ справедливы́й! первѣйшій изѣ людей, слава и краса Аѣинѣ и цѣлой Греціи! — «Умѣрь похвалу свою, молодой челове́къ! если онѣ услыши́тъ тебя, ты застави́шь его краснѣть. Эша картина представляе́тъ крестьянина, копорый не умѣя писа́ть, обращае́шь къ Ариспиду, совсѣмѣ не зная его,

и просиѣ написашъ на черепицѣ
имя того гражданина, котораго онѣ
хочетѣ изгнать изѣ Аѣинѣ. Осталь-
ное вы знаете: Ариспидѣ спрашива-
етѣ, за что онѣ его гониѣ?—«Мнѣ
досадно слышатѣ отѣ всѣхѣ, что его
называютѣ справедливымѣ.» Ари-
спидѣ, не отвѣчая ни слова, пишетѣ
имя свое на черепицѣ. «Между тѣмѣ
я не спускалѣ глазѣ съ изображенія
сего великаго человѣка; я смотрѣлѣ
на него съ подобострастіемѣ. «По-
хожѣ ли онѣ? спросилѣ я. Спарикѣ
улыбнулся при семѣ вопросѣ, и я при-
мѣтилѣ лукавую усмѣшку на лицахѣ
обѣихѣ дѣвицѣ.—«Онѣ былѣ похожѣ,
сказалѣ спарикѣ; но теперь конечно
перемѣнился. Этой картинѣ ужѣ
придцать пять лѣтѣ. Время великой
губитель: старый Сатурнѣ пожира-
етѣ своихѣ дѣтей и самые камни пог-
лощаетѣ.» Дивясь, съ какою усмѣш-
кою приняѣ мой вопросѣ, я опять
обратилѣ глаза на картину и примѣ-
тилѣ нѣкоторыя сходныя черты съ
нашимѣ хозяиномѣ. Я ему это ска-
залѣ, и онѣ отвѣчалѣ: «мнѣ это часно
говорили.» Но какѣ я увидѣлѣ, что
Апенаида и Фалоя съ прудомѣ мог-
ли удержатѣся отѣ смѣху: тогда
болѣе не сомнѣвался, и вскричалѣ: «я

ошибаюсь: вы Ариспидъ! пошѣ справедливый, пошѣ мудрый, пошѣ мужественный гражданинъ, столь беззаконно изгнанный изъ своего опечесства! «—» Такъ, признаюсь: я Ариспидъ; пѣнадцатъ лѣтъ хранилъ я шайну эшу; но теперь судьба моихъ дѣшей, кошорыхъ спрашусь покинуть безъ всякой помощи, велитъ мнѣ желать возвратиться въ мое опечесство, дабы вручить ихъ покровительству Аѣинянъ, и испросить для нихъ милости именемъ чловѣчества и заслугъ моихъ. Я изгнанъ пому уже пѣнадцатъ лѣтъ. Я выѣхалъ изъ Аѣинъ, обремененный тяжестію шестидесяти семи лѣтъ и эшими двумя дѣвицами, кошорыхъ сшаршей было только пѣтъ лѣтъ, а другой еще при года. Не знаемый, въ лицѣ изгнанника, подѣ ложнымъ именемъ, скишался я по свѣшу, часшо угнешень бѣдноспію, часшо боролся съ злополучіемъ. Наконецъ крошкая рука Провидѣнія привела меня въ сіе пріятное убѣжище, и доселѣ изливаетъ на насъ истинныя блага, здравіе, неизвѣспность, и самое необходимое для жизни. Я носилъ съ собою повсюду сладоспное ушѣшеніе нѣкошорыхъ добрыхъ дѣлъ; ни несправедли-

востъ, ни жестокость Аѳинянъ не
могутъ изгладить изъ памяти моей
того вѣки незабвеннаго дня, въ ко-
торый, когда актеръ въ одной пьесѣ
Эсхиловой произнесъ сей стихъ въ
похвалу Амфіаріею:

*Онъ хотѣлъ тѣснымъ быть, а не
казаться тѣснымъ,*

то всѣ зрители успремили глаза на
меня, и на меня обратили сей стихъ.
Признаюсь, это была самая лучшая
награда за мою преданность добро-
дѣтели и отечеству: Семисполкъ,
послѣ сраженія Саламинскаго, будучи
принятъ съ рукоплесканіемъ на иг-
рахъ Олимпійскихъ, чрезъ цѣлый день
бывши предметомъ удивленія всѣхъ
Грековъ, признался, что это былъ
пріятнѣйшій день его жизни: равно и
тогда, въ который примѣнили ко мнѣ
сей стихъ, былъ пріятнѣйшій день въ
моей. «—Мнѣ сказывали, что это былъ
зависливый соперникъ былъ причи-
ною вашего изгнанія.—» Правда, онъ
разсѣялъ слухъ, будто я хочу соспа-
вить нѣкую монархію безъ пыш-
ности и шлохранищелей; будто въ
семъ намѣреніи присвоилъ себѣ право
рѣшить всѣ споры и судебныя дѣла;
а народъ, отъ природы гордый и на-
пыщенный своими побѣдами, подѣ

предлогомъ, будто хочеть испре-
битиъ пиранію въ самомъ началѣ, но
дѣйствительно завидуя той малой
славѣ, какую я приобрѣлъ, спекся со
всѣхъ селеній Аппики и поразилъ
меня изгнаніемъ оспракизма. Однако
я не только не раздраженъ былъ не-
справедливостію сего приговора, и
не помышлялъ о мщеніи своимъ со-
гражданамъ; но еще выходя изъ во-
ротъ городскихъ произнесъ сію мо-
литву: «да благоволятъ боги, чтобы
никакое несчастіе не постигло Ави-
нянъ, и не заспавило бы ихъ прибѣг-
нуть къ Ариспиду.» Я просилъ его
разсказать мнѣ обряды сего славнаго
оспракизма (*).

«Для сего предмета народъ соби-
рается въ храмъ Геркулесовомъ, или
въ Киносаргъ, а иногда и на публич-
ной площади. Тамъ поставленъ бы-
ваетъ большой сосудъ; девять Архон-
товъ и Сенафоры окружають его, а
граждане пишутъ на черепицахъ имя
того, кого хотять изгнать, и кла-

(*) Слово Оспракизмъ значитъ собст-
венно изгнаніе, дѣлаемое посредствомъ
черепицъ, отъ Греческаго *ὀσπράκιον*, чере-
пица или дощечка, на которыхъ народъ
подавалъ свои голоса объ изгнаніи.

дуть ихъ въ сосудъ : потомъ чиновники щипаютъ черепицы , и если найдутъ ихъ меньше шести тысячъ , то оспракизмъ недѣйствителенъ ; когдажъ соберется полное число , то щипаютъ , на чье имя пало больше голосовъ , и тогда бываетъ осужденъ . Сія ссылака продолжается десять лѣтъ , если не разсудятъ возвратишь ранѣе изгнанника ; однако позволяють изгнаннымъ пользоваться своимъ имуществомъ . Въ самомъ дѣлѣ , оспракизмъ не лзя называть наказаніемъ за преступленіе ; это не что иное какъ спрѣлы зависти , хощащей уязвить заслуги , копорыхъ она не терпитъ .» — Оемиспоклъ , мучимый безпрестанно завистию о вашей славъ и добродѣтеляхъ , всегда спарался вамъ вредить .» — Я забываю прошедшее . Увы ! нѣтъ уже сего героя ; оспалось только имя его , слава и заслуги . Несправедливо говорятъ о смерти его , будто онъ осправилъ себя ядомъ , испивши бычачьей крови : эша кровь не ядовита , я самъ дѣлалъ опыты ; но тогда ядъ , копорымъ онъ погубилъ себя , было раскаяніе и грызение совѣстной совѣсти . Молодые люди ! если вы хощите быть щасливы въ старости , сноситъ терпѣ-

ливо и спокойнымъ духомъ злощаспїя жизни сей, ищите доброй славы; да будущъ добродѣтель и честность звѣздами, водящими васъ безпрестанно по пупи жизни сей до конца вашего поприща. Спарайтесь прїобрѣсть прїятныя воспоминанїя для будущихъ дней: эшо такое благоуханїе, которое усладитъ васъ во всю вашу жизнь. Я давно уже простилъ сему великому человѣку; не смотря на его обиды, я не присоединился къ Кимону и Алкмеону, обвинявшимъ его въ уголовномъ пресупленїи; я молчалъ, скорбя о его нещастїи, и никогда не завидовалъ ни его славы, ни его благополучїю. Наше соперничество и вражды наши начались съ самаго дѣтства: будучи воспитаны вмѣстѣ, мы всегда были однимъ другому соперниками въ играхъ и забавахъ; но, чего весь свѣтъ не знаетъ, любовь посѣяла въ насъ первыя сѣмена зависти. Мы приближались къ юношескому возрасту, когда сердца наши воспламенились нѣжною страстію къ прекрасной Агаристѣ, которая была однѣхъ съ нами лѣтъ: этому прошло уже 70 лѣтъ. Подспрекаемые соперничествомъ, можемъ бытъ, еще болѣе, нежели любо-

вію , мы раскрывали малыя свои способности , и выискивали всѣ средства , какъ бы получить предпочтеніе. Я украшалъ цвѣточною гирляндою ворота дома моею юной богини ; въ одинъ день я нашелъ ихъ сорванными и испопшанными; догадываясь, кто сдѣлалъ такое ругательство , я помышлялъ о мщеніи. Напрошивъ дома Агарисшы жила знакомая мнѣ старушка ; я просилъ ее уступить мнѣ свою комнату на одно утро. На другой день , на ранней зарѣ , украсилъ я цвѣтами ворота Агарисшина дома и спалъ караулишь своего прошивника съ лаханью помоевъ. Скоро онъ явился съ лицомъ веселымъ , съ розовою гирляндою въ рукахъ; поспѣшавъ началъ срывать мои цвѣты и ихъ пощипать , какъ вдругъ помойной дождь окапалъ его съ ногъ до головы, и веселость его исчезла. Онъ меня увидѣвъ и съ яростію бросился въ домъ. Я его не спрусилъ; мы схватились, гошове задушили одинъ другаго. Началась спрашная бива ; но старушка и двѣ ея сосѣдки не безпрудно разняли насъ. Мать Агарисшина узнала о семъ сраженіи и сдѣлала конецъ нашей Иліадѣ, удаливши отъ насъ свою дочь. Вошъ вѣроятно

начало нашего соперничества и несогласія, не упоминая о несходствѣ нашихъ правилъ и характеровъ. О! мой любезной Оемиспокабъ, вскричалъ онъ, возвыся голосъ и поднявъ руки къ каршинѣ; тебя нѣтъ болѣе!... Смерть похишила сего великаго героя, съ копорымъ я шоржесествовалъ на Марапонѣ, при Саламинѣ! Повѣрь мнѣ, я жалѣю о тебѣ и никогда не питалъ къ тебѣ ненависти; я всегда уважалъ превосходныя твои качества, твой великой духъ. О если бы благоволили боги, чѣобы ты жилъ еще: дружба соединила бы наши души, очищенныя отъ всѣхъ низкихъ страстей, и я въ твоихъ объятіяхъ окончилъ бы послѣдній остатокъ моей жизни!»

Въ эту мину Фалоя сказала намъ, чѣо присланъ чиновникъ отъ Фарнабаза, Сатрапа Сардскаго. Онъ вошелъ и за нимъ невольникъ съ корзиною. Чиновникъ сказалъ Ариспиду, чѣо Фарнабазъ прислалъ ему малую дань своей дружбы и проситъ ее принять. — «Какая это дань, спросилъ Ариспидъ? — Два куска шелковой матеріи, шипой золотомъ, на плащя вашимъ внучкамъ. — Другъ мой, отнеси назадъ сіи матеріи, поблагодари Фарнабаза отъ меня и отъ

моихъ дѣшей: я боюсь, чтобъ эти прекрасныя плащя не сдѣлали ихъ безобразнѣе. «Посланный упорно настоялъ; но Ариспидъ сказалъ ему: одинъ Македонской Государь прислалъ Солону сто шалеровъ; сей спросилъ у посланнаго, по какой причинѣ и съ какими видами Король выбралъ его одного изъ столькихъ тысячъ Аѳинянъ, достойныхъ такого дорогаго подарка? — По той причинѣ, что Государь почитаетъ васъ человекомъ честнымъ и добродѣтельнымъ. — Если такъ, то пускай оставивъ мнѣ честное мое имя и мою добродѣтель.» Фарнабазовъ чиновникъ не смѣлъ болѣе прекословить; онъ удивился и взялъ свои дары. Когда онъ вышелъ, то Ариспидъ намъ сказалъ: эти Персы не имѣютъ понятія о нравахъ и душѣ гражданина Аѳинскаго. Думаю, что эти подарки присланъ мнѣ за мой добрый совѣтъ, копорый я не давно подалъ Фарнабазу (мы съ нимъ иногда видимся. У этого Сатрапа есть щастливья дарованія; онъ очень не глупъ, но его сребролюбие заимѣваетъ всѣ достоинства; онъ много скопляетъ, а раздаетъ мало). Онъ показывалъ мнѣ свой кабинетъ,

который лишь только опдѣланъ. Я хвалилъ вкусъ и живопись; шупъ онъ мнѣ сказалъ: «хотѣлъ бы я имѣть здѣсь такую картину, которой бы содержаніе было совсѣмъ ново и невидано въ моихъ палатахъ.» — Прикажете написать *Щедрость*. Эта свободная рѣчь вольнаго человека удивила его. — Ариспидъ не посрамляетъ своего характера, опкровенности и прямошты: онъ переноситъ въ Азію опечетсвенное свое расшѣніе. Совѣтъ вашъ хорошъ, и вы увидите, что онъ будетъ выполненъ. — «Я не думалъ, сказалъ я тогда Ариспиду, чтобы вы знакомы были съ Фарнабазомъ. — Это знакомство есть слѣдствіе приключеній жизни; она сполько была безпокойна со времени моего изгнанія, споль много обуреваема прошивностями, что я надѣюсь, повѣспованіе объ ней будетъ вамъ и любопытно и полезно. Сего дня ввечеру за прогулкою стану рассказывать вамъ мою исторію; вы расскажете ее Аѳинянамъ; можете бытъ и они будутъ слушать ее съ любопытствомъ. Теперь возвращусь къ своей полевой работѣ. Вамъ совѣшую посѣтитъ городъ Сарды: онъ достоинъ вниманія путешественниковъ.»

ГЛАВА XII.

Разговоръ между друзьями объ Апенаидѣ; страшное происшествіе.

Идучи въ Сарды, Фаноръ безпрестанно говорилъ мнѣ объ Апенаидѣ, расхвалилъ ея красоту, ея умъ, ея благородный и скромный характеръ. — «Берегись, сказалъ я ему, храни свое сердце: пушь любви пріятель, но скользокъ; не забудь, что мы здѣсь у почтеннѣйшаго изъ Грековъ, и милыя сіи дѣвицы должны внушатьъ столько же почтенія, какъ и любви. Это двѣ розы, возвращенныя добродѣтелью и осѣняемыя цѣломудріемъ. «Фаноръ увѣрялъ меня, что то удовольствіе, какое онъ чувствуетъ, будучи съ Апенаидою, совсѣмъ не похоже на любовь; что вожделѣнія не волнуютъ его души; онъ молчалъ, и только удивленіе наполняетъ его сердце, когда онъ видитъ добродѣтель подругою Грацій.

Солнце полуденными своими лучами палило воздухъ, какъ мы вышли въ Сарды; казалось, что въ этомъ обширномъ городѣ царствуетъ одно только молчаніе и безлюдство; все погружено было въ глубокой сонъ, все

опдыхало отъ усталости ночныхъ веселій; мы обѣгали весь городъ, и нигдѣ не встрѣтили ни одной души. Берега Пакшолы устланы плидами и усажены деревьями, кошорыя составляя тѣнистыя аллеи, призывали прохожихъ подъ сѣнь свою; площади, зданія, храмы, все носило на себѣ печать величія и пышности. Обѣгавши всюду, мы сѣли подъ тѣнію двухъ яворовъ, предъ однимъ домомъ, снаружи прекраснымъ. Мы смотрѣли на малое число прохожихъ, цѣнили ихъ фیزیоміи и беззаботно шутили; вдругъ выбѣгающъ изъ дому два невольника съ безпокойнымъ и встревоженнымъ видомъ; вскорѣ является претій и бѣжитъ со всѣхъ ногъ. Мы слышимъ шумъ; вороша были опворены, любопытство поджигало насъ; мы входимъ, пробѣгаемъ периспиль, окруженный мраморною колоннадою: вдали, по обѣимъ сторонамъ дверей, стояли два сфинкса изъ прекраснаго гранита. Мы не смѣли итти далѣе; великолѣпіе ослѣпляетъ насъ. Между тѣмъ невольники толпились, спѣшили взадъ и впередъ, не обращая на насъ вниманія; шумъ продолжался; намъ казалось, будто мы слышимъ шенаніе и

вопли горести. Наконецъ любопытство превозмогаеиъ, и мы въ слѣдъ за многими женщинами входимъ въ первую комнапу: она украшена была чешырьмя спашуями. Двери другой комнапы были зашворены; но скоро онѣ отшворились: женщина съ видомъ испуганнымъ подошла къ намъ и спрашивала, не врачили мы?—Да, смѣло отвѣчалъ Фаноръ. — Скорѣе же, скорѣе! помогите бѣдной моей госпожѣ! она мучишся, она умираеиъ! Несчастная! сего же дня по ушпру она была шакъ весела, благополучна! а теперь какія ужасныя мученія! Произнося сіи слова, она рвала на себѣ волосы и ломала руки; между шѣмъ мы вошли. Какія палаты! какое великолѣпіе! повсюду блисало золото. По срединѣ большой мраморной водоемъ, изъ котораго вода спремилась вверхъ и освѣжала воздухъ; края сего водомеша ушпавлены дорогими вазами съ ясминами и другими душистыми цвѣтами. Большая дверь и два окна опкрышыя представляли взору видъ пышнаго сада. Но какой спрашный коншраспъ! какая жалкая картина! молодая женщина, испуская пронзительные вопли, обезображенная

рукою смерти, лежишъ на злѣпобѣ-
гряномъ ложѣ, или лучше сказаши, на
одрѣ смершномъ: толпа невольниковъ
спараеши подаши ей помощь. Под-
вели мнимаго Греческаго врача:
онъ очень замѣшался въ своей ролю,
но на удачу приказалъ дать рвотное.
Между тѣмъ я разсмапривалъ сію
несчастную: видны были прелестныя
черты лица; но сіе лице, жилище
Грацій и смѣховъ, сдѣлалось предме-
томъ ужаса и отвращенія; ротъ ис-
кривился, мушныя ея глаза закапи-
лись глубоко подъ лобъ; всѣ черты
обезображены, а пронзительный ея
крикъ раздиралъ сердце. Подъ ея
постели въ серебряной нишѣ стояла
Венерина статуя изъ того же ме-
талла. Женщина принесла куриль-
ницу и у ногъ богини воскурила ей-
міамъ: тогда всѣ женщины расстя-
нулись на полу, рыдали, вопили и
умоляли богиню о помилованіи; сама
больная умоляла ее болѣзненными
воплями, но хромые (*) молебны не воз-
неслись къ престолу мащери любви.
Въ сіе время вошли лекаря, и за ними
толпа любопытныхъ; всѣ покои на-
полнились народомъ. Фаноръ усту-

(*) Такъ называешъ ихъ Гомеръ.

пилъ свое мѣсто Эскулапамъ, которые ужаснувшись силъ болѣзни, не нашли въ своихъ книгахъ ни помощи, ни лекарсва; мнѣнія ихъ пропировали. Вдругъ мы услышали всеобщій крикъ: «вопѣ онѣ! вопѣ онѣ!» Всѣ раздвинулись, дали мѣсто, и я увидѣлъ молодого человѣка, прекраснаго собою, въ великолѣпной одеждѣ, съ многочисленною свипою невольниковъ. Какъ скоро онѣ увидѣлъ сію жалкую добычу смерти, какъ скоро услышалъ болѣзненные ея вопли, бросился на нее, обливалъ ее слезами, билъ ногами въ землю и кричалъ лекарямъ: «спасите ее, спасите, возвратите мнѣ ее!» Они суешились, давали по облегчительныя, по слабительныя, по элексиры: ничто не помогало. Приказано выпши всѣмъ чужимъ: мы вошли въ садъ чрезъ лавровую аллею, усланную шпучными каменьями. Между каждыми двумя деревьями стояли спатуи самаго сладоспрасшнаго вида: Купидоны, Сирены, Леда; въ концѣ сей прелестной аллеи возвышался небольшой храмъ, поддерживаемый осмью порфирными колоннами; въ немъ была Венера спатуя, превосходная копія славной Праксипелевой

Венеры, что въ Гнидосѣ: по обѣимъ сторонамъ сего храма капились два источника въ мраморные водоемы. Въ саду видны были во многихъ мѣстахъ разсѣянные бесѣдки, прохладительныя купальни, гробы, выложенные самыми рѣдкими раковинами. «Какъ больно, сказалъ я Фанору, оставлять сіе жилище забавъ, и умереть въ нѣдрахъ роскоши и удовольствій!» Тутъ подошелъ къ намъ одинъ Персіянинъ, бывший не подалеку отъ насъ, и который говорилъ нѣсколько по Гречески. «Иностранныя, сказалъ онъ намъ, я знаю вашу землю; я былъ въ походахъ противъ Грековъ, и хотя вы насъ поощряли добрымъ порядкомъ, однако я все таки люблю вашу націю.» Мы поблагодарили его за такую привязанность, и воспользовавшись симъ случаемъ, спросили у него, кто такая эта юная красавица, умирающая столь жалостно, и это въ молодой Сапранъ, въ опечаленіи о ея смерти. — «Я удовольствую ваше любопытство; удалимся отъ толпы и сядемъ въ этой бесѣдкѣ.» Тутъ мы услышали въ покояхъ больной рыданія и вопли: всѣ кричали: умираетъ! умерла! Мы побѣжали туда: она только лишь испустила

послѣдній вздохъ. Сей нѣжный цвѣтъ
 красоты, сіе прелестное лице, на
 которомъ любовь и сладострастіе
 напечатали всѣ свои прелести, воз-
 будило теперь ужасъ и отвраще-
 ніе: синяя чернота покрыла его; не
 осталось ни одной черты прежней
 прелестницы: но молодой Самранъ
 все еще держалъ въ объятіяхъ хлад-
 ный ея трупъ; онъ въ отчаяніи
 рвался, мечется, вынимаетъ кин-
 жалъ; его оспанавливаютъ, его от-
 рываютъ и увлекаютъ. Мы также
 вышли съ новымъ нашимъ знаком-
 цемъ, и углубясь въ мрачныя мысли,
 удалились въ садъ. «Какая ужасная
 смерть! вскричалъ нашъ спутникъ:
 въ самыя цвѣщущія лѣта, на осмнад-
 цатомъ году! и съ такими лестными
 надеждами! Эту ночь провела она
 въ саду, освѣщенномъ пышью
 огнями: вкусный и богатой ужиной,
 музыка, пляски, благоуханія, любовь,
 все очаровывало чувства сей пре-
 лестной смертной. На разсвѣтѣ она
 легла въ объятія новаго своего лю-
 бовника, въ эту самую залу, на это
 пышное ложе, гдѣ смерть ожидала ее.
 Не прошло еще двухъ часовъ, какъ
 Фарнабазъ ее оставилъ. — Какъ!
 это молодой человѣкъ Фарнабазъ!

Антен. Т. III.

М

— Да, сынъ нашего Сатрапа; а его любовница называлась Спаширою. Она знашнаго роду: опецъ ея занималъ важный постъ въ Ксерксовой арміи: онъ убишъ при Термопилахъ, гдѣ мы потеряли болѣе двадцати тысячъ. Спашира осталась послѣ него еще въ колыбели, подѣ присмотрѣ своей матери, которая будучи еще молода и прекрасна, пустилась во всѣ забавы. Дочь ея была воспитана такъ, какъ обыкновенно воспитывающъ въ спранѣ, гдѣ нѣтъ ни нравовъ, ни философіи. Съ самаго дѣтства имѣ не говоряшъ ни о чемъ болѣе, какъ шолько о нарядахъ, о забавахъ, объ искусствѣ нравиться; учашъ ихъ пріобрѣташъ пріятныя таланты въ музыкѣ, въ пѣніи, въ танцованіи; въ двѣнадцать лѣтъ любовъ дѣлаешся уже главнымъ ихъ занятіемъ. Спашира, еще на зарѣ прекрасныхъ своихъ дней была окружена толпою вздыхашелей; но мать ея, при маломъ достаткѣ, особенно благопріятствовала молодому Мазарету, коего опецъ жилъ съ нею уже долгое время. Сей человекъ пріобрѣлъ великое богатство и знашность всѣми кривыми пушями лукавства и пронырства: его правила были его

корысть и щаспіе. Сынъ его, имѣя
 онъ пророды щаспливый характеръ,
 образовалъ себя въ честности и доб-
 родѣтели; онъ воспыла въ нѣжной
 страсти къ прелестной Спаширѣ,
 и она принимала его благосклонно.
 Свадьба ихъ была назначена; но его
 отецъ, думая, что сынъ его еще мо-
 лодъ, а больше будучи подспрекаемъ
 честолюбіемъ, послалъ его ко двору
 великаго Царя, дабы доставить ему
 возвышеніе. Во время его опусканія
 пріѣхалъ сюда молодой Фарнабазъ
 къ своему отцу: онъ соединялъ въ
 себѣ все, что можетъ обольстить
 юную красоту: молодость, пріят-
 ную наружность, модной тогда боль-
 шаго свѣта, пышность, имя и зна-
 ность своего отца; однимъ словомъ,
 все, что ослѣпляетъ тщеславный и
 легкомысленный полъ. Онъ увидѣлъ
 Спаширу, и сердце его воспыало
 любовію. Желанія знатныхъ вель-
 можъ, подобно изверженіямъ огнеды-
 шущей горы, ниспровергающъ всѣ
 препятствія: Фарнабазъ былъ лю-
 бимъ. Въ такой перемѣнѣ обща-
 ния Мазарезъ возвратился изъ
 Персеполя и легъ къ ногамъ своей
 возлюбленной; а она, условясь при-
 шворствовати, приняла его съ радо-

спію и нѣжностію. День свадьбы приближается, приготавлиющіяся празднества; но вчера, за день предъ свадьбою, при наступленіи ночи Сшапира убѣжала и укрывась у Фарнабаза къ сихъ черпогахъ, которые роскошь и пышность приготовили для ея принятія. Вошъ что я узналъ о сей спрашной перемѣнѣ: сего дня поутру Сшапира, разставшись съ своимъ любезнымъ, покупала крѣпительнаго бульону; вдругъ почувствовала ужасное колошье, начались конвульсіи. Тотчасъ спали искашь шу женщину, которая приготовила роковой сей напитокъ; но она скрылась: подозрѣнія пали на Мазареца и его отца, и я думаю, что уже дано приказаніе взять ихъ подъ стражу. Однако я очень сомнѣваюсь, чтобы эшотъ молодой человекъ способенъ былъ къ такому злодѣйству: чтожь до отца его, то не отрицаю отца него эшой чести; и еслили не онъ виновникъ сего убійства, по крайней мѣрѣ онъ къ тому способенъ. Если вамъ угодно, пойдемъ къ нему и посмотримъ, что тамъ дѣлается.» Мы еще прошли чрезъ покои Сшапиры; тамъ никого уже не было; всѣ ее оставили; одна сшарушка плакала

надъ нею. Молчаніе и безлюдство въ сей залѣ, которая за часъ предъ симъ наполнена была полною; взоръ на безчувственный шрупъ, поражали душу уныніемъ и ужасомъ. Мы прошли скорыми шагами. «Увы! говорили мы, вчера ее обожали, сего дня ужасающа ея!» Мы поспѣшили въ ту улицу, гдѣ жилъ Мазарецъ; она была уже наполнена толпами народа. — «Какъ это приключеніе встрѣтило весь городъ! сказалъ нашъ провожатой; не лзя иначе выманишь дорогихъ моихъ согражданъ изъ ихъ постелей и нѣги.» Въ сію минушу увидѣли мы молодаго Мазареца, идущаго подъ спражею; онъ былъ безъ шюрбана, волосы распрепаны, на рукахъ цѣпи; его нашли спящаго покойнымъ сномъ; его взоръ, его лице, его поступъ меньше обнаруживали страхъ, нежели удивленіе; онъ не понималъ, за что ведущъ его подъ спражу, въ цѣпяхъ, среди толпы народной. Опица его не нашли; догадывались, что онъ бѣжалъ съ своею злодѣйскою участницею. Этомъ побѣгъ оправдывалъ его сына. Мы слѣдовали за нимъ въ судилище правосудія. Одинъ изъ судей спросилъ его, гдѣ его овецъ? — «Не знаю, опивчалъ

онѣсѣ видомѣ невинности и истины; онѣ обнялъ меня сего дня поушру и сказалъ, что идешь спать; я также легъ и спалъ, какъ вдругъ меня разбудили, схватили, оковали и повлекли подѣ спражею, и за что? что я сдѣлалъ? какое пресупленіе?» Судья отвѣчалъ ему, что его обвиняютъ въ смерти Спаширы. — «О боги! Спашира умерла! вскричалъ онѣсѣ живѣйшею горестію. Такъ внезапно! но какъ? какою смертію? — Ее оправили. — Ахъ! несчастная, любезная моя Спашира! Простите моей горести; она мнѣ изменила, оставила меня; я любилъ ее чепыре года, и теперь люблю еще болѣе! — И эшо пвой ошецѣ учинилъ сіе варварское убійство. — Мой ошецѣ! нѣтъ, онѣ не способенѣ! — Ну, шакъ шы. Предайте его на мученія; пускай перзаніе и муки извлекутъ истину изъ устъ его. — Рѣшите мою судьбу, дайте мнѣ смерть. Я умру охотно; но пощадите опца моего; онѣ невиненѣ» Вдругъ является невольникѣ и говоритъ судьямъ: «эшотѣ молодой человекѣ невиненѣ! ошецѣ его одинѣ достоинѣ казни!» Тотчасъ судьи приказываютъ ему рассказать все, что онѣ знаетѣ. «Я былѣ

свидѣтелемъ, говоритъ онъ, какъ вчера ввечеру отецъ его пришелъ возвѣстивъ ему о побѣдѣ Спаширѣ; онъ окаменѣлъ. «Какъ, ты не отвѣчаешь, сказалъ ему старой Мазарецъ? ты не помышляешь объ опмщеніи? — Объ опмщеніи? кому? — Спаширѣ, эпой вѣроломной. — Спаширѣ! которую я ещѣ долго любилъ и теперь еще люблю спраспно! Пускай она будетъ щаслива, я ей прощаю. — Малодушный любовникъ! сынъ недостойный! хорошо; такъ я опмщу за тебѣя, я опмщу за отца твоего, за нашу честь.» При сихъ словахъ я видѣлъ, какъ сынъ упалъ къ его ногамъ, вздыхалъ, рыдалъ, умолялъ пощадить Спаширѣ. Наконецъ старой Мазарецъ, казалось, смягчился; но во всю ночь онъ по выходилъ, по возвращался. Сего дня поутру пришла къ нему старуха съ видомъ разспроеннымъ и поговорила съ нимъ наединѣ; потчасъ онъ закричалъ: лошадей! и они уѣхали!» Во все это время молодой Мазарецъ, съ поникшею головою, съ смертною блѣдностію на лицѣ, стоялъ безмолвенъ и проливалъ слезы. Судьи спросили его, узнаетъ ли онъ невольника? Онъ признался, что это невольникъ его отца.

Тогда все собраніе закричало, что онъ невиненъ, что должно снятъ съ него оковы. Судьи, повинаясь общему желанію и своему собственному убѣжденію, разрѣшили его.

Между тѣмъ солнце опускалось; часъ ужина наставалъ; мы поблагодарили нашего вожакаго и разстались съ нимъ, общая и впредь видашья.

ГЛАВА XIII.

Ужинъ Аристидовъ; анекдоты.

Аристидъ ожидалъ насъ: онъ велѣлъ накрыть столъ возлѣ колодца, чтобы освѣжить себя воздухомъ. На вопросъ его, не опяготилъ ли насъ жаръ во время пуши, я отвѣчалъ: всѣмъ нѣтъ, мы привыкли.—«Вотъ какъ вы щасливы, что можете переносить суровость воздуха; отъ сколькихъ болѣзненныхъ чувствованій вы чрезъ то избавились и сколько удовольствій можете себѣ доставить!» Между тѣмъ обѣ сестры поставили на столъ кушанье простое, умеренное, но приправленное чистою. Мы сѣли на деревянныхъ лавкахъ, и съ нами веселіе и удоволь-

спвіе. Я разсказалъ то печальное произшествіе, коего мы были свидѣтелями. Вошъ, вскричалъ Ариспидъ, до чего доводишь худое воспитаніе и развращъ нравовъ! Друзья мои, безъ нравовъ общество не только не дѣлаешь человѣка благороднѣе, но еще его унижаетъ и причиняешь ему безчисленное множество золъ и печалей, неизвѣстныхъ человѣку, находящемуся въ природномъ состояніи.»

Во время спола принесли Ариспиду письмо отъ Фарнабаза, въ которомъ онъ писалъ, что не почитаетъ въ числѣ друзей своихъ тѣхъ, кои отъказываются принять отъ него подарки, и что онъ весьма огорченъ симъ его поступкомъ. Ариспидъ тотчасъ отвѣчалъ чрезъ Апенаиду: «что онъ не принимаетъ того, въ чемъ нѣтъ ему надобности; но въ доказательство своего почтенія, и чтобы извѣстивъ, какъ дорого цѣнитъ его дружбу, проситъ прислать себѣ цинкорныхъ и салапиныхъ сѣменъ для посѣву въ своемъ саду, да глиняной горшокъ для варенья овощей, по тому что меньшая его внучка разбила спарый, который служилъ ему пяльцемъ.» Фаноръ и я удивлялись скромной и бѣдной эшой просьбѣ. «Фарна-

базу прудно поняшь, сказалъ Аристидъ, какъ можно опіказываься опѣ золота и подарковъ; въ первый разъ, какъ его увижу, расскажу ему одинъ случай съ Калліасомъ, моимъ родспвенникомъ. «Я просилъ его разскаать и намъ.—» Я оставляю это удовольствіе Апенаидъ. Мнѣ надобно еще полизъ свои расшѣнія прежде прогулки, а шамъ я начну вамъ свою Одиссею; впрочемъ не спану извиняься, что ужинъ мой, можетъ бытъ, слишкомъ философскій. Діонисій спаршій былъ нѣкогда приглашенъ Лакедемонянами къ ихъ столу, и ему весьма не понравились простыя и невкусныя яства, а особливо черная кашаца. «Дивисья нечему, сказалъ одинъ изъ нихъ: шумъ не было самой лучшей приправы.—А какой?—Труда, голода и жажды.—А я повпоряю вамъ шумъ же опѣвшъ, сказалъ я, какой сдѣлалъ Плашону Тимоѳей: «ваша прапеза не только пріятна тогда, когда ея наслаждаешься, но и на другой день, когда уже нѣтъ ее.»

Мы оставались одни съ двумя сеспрами, но и Фалоя скоро вышла, говоря, что она лѣтъ десять знаетъ эшотъ анекдотъ, и можетъ разскаать его не хуже сеспры. Апенаида

опвѣчала, что она охотно уступитъ ей это удовольствіе; но Фалоя опказалась.

Фаноръ подвинулся какъ можно ближе къ прекрасной Ашенайдѣ, и расположился слушать съ величайшимъ вниманіемъ.

«Двоюродный братъ моего дѣдушки, по имени Калліасъ, человѣкъ весьма богатый, факелоносецъ при таинствахъ (*), былъ нѣкогда обвиняемъ въ судѣ въ уголовномъ преступленіи. Въ день суда враги его слегка коснулись главнаго дѣла и весьма распространились о дѣлѣ, которое къ тяжбѣ не шло. «Вы знаете, говорили они судьямъ, Ариспида, сына Лизимахова, коего честность и мудрость всѣми прославляемы. Вы видите его въ нашихъ собраніяхъ въ обвѣщанной одеждѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что это бѣдный человѣкъ умираетъ съ голоду. Знайте же, что Калліасъ, богатѣйшій изъ гражданъ Аѣинскихъ и двоюродный братъ Ариспидовъ, ни мало об немъ не печется, и оспавляетъ его въ нищету, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми,

(*) Факелоносецъ былъ допускаемъ въ самыя сокровенныя таинства, съ повязкою на глазахъ.

забывъ, что Ариспидъ оказалъ ему великія услуги.» Къ щасію для Калліаса дѣдушка случился тогда не далеко; онъ поспѣшилъ къ нему на помощь, и видя, что судьи весьма худо расположены къ обвиняемому, спалъ среди собранія и объявилъ, что Калліасъ часомъ давалъ ему денегъ, но что онъ всегда отказывался принять. «Пристойнѣе Ариспиду, говорилъ онъ, шерпѣшь бѣднось, нежели принимашъ благодаренія отъ богача: не трудно найти людей, кои роскошествуютъ богатствами, употребляя ихъ на пользу или во вредъ; но трудно найти такихъ, кои умѣютъ сносить нищету шерпѣливо и равнодушно: нѣтъ сныда въ бѣднотѣ, если не будешь самъ причиною оной.» Сія рѣчь обезоружила враговъ Калліаса, и онъ оправданъ.

Тогда Фаноръ сказалъ шутя Апенайдъ, что онъ не знаетъ, что пріятнѣе, видѣть ли ее или слушаешь.— «А меня? закричала шумливо рѣзвая Фалоя, меня и не похвалише! Повѣрите ли, что я спала сномъ десяти лѣтъ, какъ Эпиминидъ, который оставилъ Аѳины въ сорокъ лѣтъ, а возвратился назадъ сна пятидесяти. И я расскажу вамъ анекдотъ, который

не менѣе дѣлаешъ чести дѣдушкѣ. Его выбрали государственнымъ казначеи въ Афинахъ, и онъ отправлялъ сію должность совѣи не такъ, какъ другіе казначеи, которые, какъ хищныя птицы, шучиють отъ попу и крови народной. Въ тотъ день, когда ему должно было опадать опчетъ, Семистокъ при помощи всѣхъ казначейскихъ приспавовъ осмѣлился обвинять его въ грабительствѣ и прихвсненіяхъ, и пребоавъ, чѣобъ наложили на него пеню; но старѣйшины города, люди честные и умные, воспрошивились такому несправедному суду; дѣдушка не только оправданъ, но и на слѣдующій годъ выбранъ опять казначеи. — «Я опмспилъ Афинянамъ, прервалъ Аристидъ, вошедши въ сію мину, и далъ имъ полезное наспавленіе. Припворясь, будѣо раскаяваюсь въ прежнемъ своемъ поведеніи, я далъ величайшее послабленіе всѣмъ приспавамъ; никогда не свидѣтельспвовалъ щеповъ; всякой могъ воровать безъ опасенія; чѣожъ вышло? всѣ сіи кровопійцы, ушопая въ богатствахъ, превозносили меня похвалами, и съ величайшимъ усердіемъ пребоавали, чѣобъ меня выбрали въ шрешій разъ. Въ

день выбора, когда я увидѣлъ, что всѣ подали голоса въ мою пользу, вспалъ, и важнымъ и спрогимъ голосомъ вскричалъ: Аѣиняне! когда я управлялъ вашими доходами съ вѣрностію и точностію, какъ честной человекъ, меня очернили, назвали плутомъ; теперь, когда я оставилъ ваши доходы въ добычу эгихъ грабителей, я въ глазахъ вашихъ человекъ безподобный, гражданинъ честнѣйшій. Аѣиняне! я спыжусь болѣе шѣхъ похвалъ, которыми вы меня нынѣ осыпаете, нежели того поруганія, которыми вы хотѣли замарать меня прошлый годъ: больно мнѣ видѣть, что, дабы снискавъ вашу пріязнь, надобно сперва угождать симъ плутамъ.» — «Ѣемиспоклъ, продолжалъ онъ, смѣялся сей моей рѣчи; и когда при немъ хвалили мое безкорыстіе, то онъ сказалъ, что этѣ похвалы съ равнымъ правомъ можно опдѣть и крѣпкому сундуку, который вѣрно хранитъ то, что въ него положено.» Ариспидъ произнесъ сіе важнымъ и громкимъ голосомъ и съ такимъ жаромъ, какъ бы споялъ онъ передъ Аѣинянами во всей крѣпости лѣтъ своихъ. Тутъ умолкъ на минушу, и попомъ сказалъ: «прохлада вечера

возбуждаешъ всѣхъ тварей къ насла-
 жденію и покою; пойдемъ и мы на-
 сладишься прелестями вечера и ве-
 ликолѣпнымъ зрѣлищемъ заходящаго
 солнца.—«О день! воскликнулъ онъ,
 о свѣтъ небесный! ты уже не бли-
 сцаешь въ глазахъ моихъ, ты не
 улаждаешь болѣе души моей! времена
 и лѣта возвращаются, но день не
 возвратишься для меня! Я, среди дѣ-
 шей своихъ, осызаю ихъ, прижимаю
 къ моему сердцу, слышу пріятный
 ихъ голосъ; но, ахъ! уже не вижу ихъ:
 вѣчная ночь окружаетъ меня. Боже
 Вышній! восемьдесятъ два года на-
 слаждался я красою, сіяніемъ вели-
 кихъ дѣлъ Твоихъ; увѣ! теперь оспа-
 лись мнѣ одни воспоминанія!» Мы
 старались разогнать горестныя сіи
 мысли и умягчить его скорбь. «По-
 вѣрьте, сказалъ онъ, я терпѣливо
 сношу сію потерю; есть другія го-
 раздо тяжестнѣе. Не помню, какой-
 то Государь далъ на выборъ одному
 пресупнику: хочешь ли онъ, чѣмъ
 ему отрубятъ руки, или выкололи
 глаза. Несчастный просилъ, чѣмъ
 ему позволено было сдѣлать опытъ
 и той и другой казни. Онъ велѣлъ
 связать себѣ руки, и пробылъ такъ
 три дни; другіе три дни ходилъ съ

завязанными глазами, и послѣ сего опыта предпочелъ выколопъ глаза. Но дайте мнѣ посохъ, и поведи́те меня на пошъ маленькой пригородъ, гдѣ воздухъ такъ чистъ и свѣжъ; тамъ услышите повѣсть моихъ приключеній.» Фалоя дала руку шарикю, а Фаноръ осмѣлился ипши съ Ашенандою. Онъ уже любилъ ее. Однажды она гонялась за бабочкою. «Не хо́пите ли вы сдѣлашь рѣзвую бабочку поспоянною? спросилъ онъ ее усмѣхаясь.—«Нѣтъ; у ней нѣтъ души; еслибъ я этого хо́тѣла, я выбрала бы себѣ другой предметъ гораздо важнѣе.» Она сорвала розу; Фаноръ выхватилъ у ней, и послѣ хо́тѣлъ опять опдашь.—«Оспавъте ее у себя, сказала она; я сняла съ нее колючій шернъ (*).

(*) Sono i vezzi esca d'amore.

Шутки и игры лица любви.

ГЛАВА XIV.

*Приключенія Аристидовы, когда онъ
укрывался въ пещерѣ.*

«По изгнаніиThemistocles Аѳины наполнились Сикофаншами и ябѣдниками, копорые гнали самыхъ знапныхъ и добродѣтельныхъ гражданъ. Народъ, ошъ природы гордый и своевольный, а еще болѣе напыщенный своими побѣдами и славою, слушалъ ихъ и ободрялъ. Нѣкто Діофантъ, чело-вѣкъ неизвѣстный, подлый угодникъ народа, осмѣлился обвинить меня въ лихоимствѣ, и будпо я вынуждалъ деньги у Іонійцевъ, когда налагалъ на нихъ подашь. Меня осудили запла-тишь пени 50 минъ. Я, не въ состоя-ніи будучи внесшь такую сумму, принужденъ былъ, какъ изгнанникъ бѣжать изъ моего опечесства. Я ли-шилсѣ сына своего Лизимаха, и оп-правилсѣ одинъ, взявъ съ собою, какъ Эней, двухъ своихъ внучекъ и домаш-нихъ боговъ. Упомясь ошъ публич-ныхъ должностей, а еще болѣе ошъ не-справедливости и злобы людей, пре-зирая ихъ, но безъ ненависти, ничего сполько не желалъ, какъ окончить жизнь свою въ шихомъ и безмятеж-

Т. III.

Н

номъ уединеніи: вошъ чѣмъ ограничилъ я все свое честполюбіе! Ночью сѣлъ на купеческой корабль въ Пирей, скрылъ свое имя, и называлъ себя Агезіемъ, желая бытъ неизвѣстенъ въ цѣломъ свѣтѣ. Пріѣхавъ въ Смирну, поселился въ предмѣстьи города, въ домъ одного рыбака, близь моря. Я занялъ для себя одну только небольшую избу, и одного блюда овощей довольно было для меня и для моей фамиліи на обѣдъ и на ужинъ. Однако добрый хозяинъ попчивалъ насъ иногда и рыбою: его жена, спарушка добрая и богобоязливая, присматривала за моими внучками и помогала мнѣ пригошовлять овощи; а я, въ награду за ихъ благодѣянія, почиивалъ ихъ неводы и училъ чипать ихъ сына, ребенка лѣтъ семи. Такимъ образомъ взаимныя наши услуги и помощь связали насъ такими узами, что наше товарищество было намъ весьма пріятно. Доброй рыбакъ считалъ меня бѣднымъ купцомъ, разорившимся отъ непоспоянства моря и судьбы. Около году блаженствовалъ я въ сей простой и неизвѣстной жизни; но шибъ случилось, что Лизандръ, Спаршанскій полководецъ и побѣдитель Аѣинъ, обнародовалъ повелѣніе по всѣмъ

Іонійскимъ приморскимъ городамъ, чшобы всѣ Аѳиняне, подѣ опасеніемъ смершной казни, наискорѣе возвра- шились въ свое опечесшво. Хозяинъ мой, совсѣмъ не думая, чшобъ это повелѣніе касалось и до меня, не пре- жде далъ мнѣ о томъ знанъ, какъ уже флотъ непріятельской вступалъ въ Смирнскую гавань. Тотчасъ Ли- зандръ велѣлъ сдѣлать розыскъ; къ щасстію хозяинъ мой былъ о томъ увѣдомленъ. Дѣло не терпѣло опсроч- ки: онъ берещъ свои неводы, кладещъ мнѣ на плеча; я иду впередъ, согбен- ный подѣ тяжесшію; онъ слѣдуещъ за мною. Мы проходимъ спражу, са- димся въ его челнокъ и выѣзжаемъ изъ гавани подѣ предлогомъ рыбной ловли. Онъ привезъ меня въ пещеру, находившуюся на берегу моря, за 20 стадій отъ города. Въ томъ же ве- черъ привезъ онъ ко мнѣ дѣшей мо- ихъ и свѣсшныхъ припасовъ.

«Сія пещера окружена скалами, ко- торыя закрываютъ въ нее входъ и защищаютъ ее отъ суровости вѣш- ровъ. У входу она мала и низка; но далѣе разширяется и подымается болѣе и болѣе. У подошвы скалъ ше- чещъ ручей чистый здоровой воды, сквозь разщелины утеса проходящъ

солнечные лучи, и воздухъ въ пещерѣ весьма чистой и не сырой. Добрый рыбакъ каждое утро приносилъ мнѣ пищу. Здѣсь-то, въ семъ глубокомъ уединеніи, въ сей мрачной пещерѣ, измѣрялъ я ничтожность жизни человѣческой. Въ одинъ день, сокрушаясь отъ унынія и печали, воскликнулъ я: «о добродѣтель! уже ли ты не иное что, какъ только мечта? уже ли боги не пекутся о судьбѣ смертныхъ, не зряшъ ни на пороки, ни на добродѣтели, ни на щастіе, ни на бѣдствіе людей? Нѣтъ, такая вѣра прошивна моему разсудку и сердцу. Добродѣтельный шествуетъ всегда предъ очами Бога вышняго, и награда его также безсмертна, какъ и онъ.»

«Я началъ привыкать къ сей дикой жизни, и уже не столько скучалъ ею, занимаясь своими дѣлами и ихъ воспитаніемъ; но въ одинъ день, о день ужасный! я и теперь дрожу отъ немъ! прошелъ потѣ часъ, въ который обыкновенно приносили мнѣ пищу, и никто не являлся. Я караулилъ цѣлый потѣ день, и никто не приходилъ. Какое ужасное состояніе! я проливалъ слезы—не о себѣ: смерть была бы для меня пріятна,—но бѣдныя мои дѣши! они просили хлѣба, и мнѣ нечего было

дашь. Ночью собралъ я на берегу нѣ-
 сколько раковинъ, и сею легкою пищею
 подкрѣпилъ немного испощенныя ихъ
 силы. Самъ я довольствовался только
 водою и дикими кореньями. Дѣти мои
 спали до другаго дня; но могъ ли я
 вкушать пріятности сна! Какъ
 скоро они проснулись, первый ихъ
 крикъ былъ хлѣбъ. Я обнялъ ихъ и
 плакалъ. Въ спрашномъ волненіи до-
 ждался я того часа, когда обыкно-
 венно приносили намъ пищу. Увы!
 часъ миновалъ, день прошелъ, и ни-
 что не являлся. О! какъ желалъ бы я
 тогда разрушиться и не быть!» Дѣти
 мои! любезныя мои дѣти! вопилъ я въ
 отчаяніи. Они лежали и плакали отъ
 изнуренія. Ашенаида, примѣтивъ сле-
 зы мои, сказала мнѣ: «не плачьше, ба-
 пюшка! мнѣ не очень хочется ѣсть.»
 Эти слова разтерзали мою душу.
 Какъ скоро настала ночь, я пош-
 щился на берегъ, собралъ нѣсколько
 раковинъ, и мои дѣти пожирали ихъ
 съ жадностію. Какая ночь! какія
 страшныя мечты ужасали мое во-
 ображеніе! Я слышалъ вздохи дѣтей
 моихъ, спонавшихъ и во снѣ! День
 насталъ, а съ нимъ и наши бѣдствія.
 «О солнце! воскликнулъ я, свѣтиль-
 никъ вселенныя! послѣдній разъ ты

освѣщаешь меня; и Ты, Отецъ природы! Существо всевышнее! прекрати нынѣ пятоспное бытіе мое: я прошелъ свое поприще; но призи дѣшей моихъ, младенцевъ! будь отецъ имъ, о Боже милосердый!» Аспенаида меня кликнула! она не смѣла просить хлѣба; она видѣла, что это слово раздираетъ мое сердце; просила только раковинъ: я общалъ ей. Видя предъ собою голодную смерть, чего мнѣ было опасаться? Я рѣшился, если въ шопъ день не принесли бы ко мнѣ пищи, итти на всѣ опасности, и вѣрять судьбу мою людямъ и богамъ. Въ крайнемъ ослабленіи силъ едва могъ держаться на ногахъ; однако пошазился ко входу пещеры: о радость вѣчная, незабвенная и погробъ! я увидѣлъ пищу изобильную. Я упалъ на колѣни и благодарилъ милосердое Провидѣніе, пекущееся о невинности. Эшопъ день есть пріятнѣйшій въ моей жизни. Побѣды Мараѣонская и Плашейская никогда не оживляли меня такою чистою небесною радостію. Можетъ быть радость о побѣдѣ происходитъ отъ щеславія; но то веселіе, которое ощущалъ я въ сей день, исшело изнутри сердца, изъ самой сущности натуры человѣ-

ческой. Однако я еще имѣлъ причину спрашиваться будущаго: не зналъ я, богъ ли какой, или человѣкъ сжалился надъ моею бѣдностію. На другой день, при восхожденіи солнечномъ, спрятался я за утесомъ, откуда могъ видѣть далеко, не будучи самъ видимъ. Скоро усмотрѣлъ я незнакомаго человека, съ мѣшкомъ на плечахъ; онъ вынулъ пищу, положилъ ее у входа пещеры, и потчасъ удалился не оглядываясь. Сей вранъ-пишпель продолжалъ приносить намъ пищу цѣлые пять мѣсяцевъ, всегда соблюдая ту же молчаливость, ту же скрытность. Между тѣмъ сія тайна меня безпокоила. Кто эптовъ добрый человекъ? что случилось съ моимъ другомъ рыбакомъ? Наконецъ, въ одно утро, какъ я ожидалъ его по обыкновенію въ скрытномъ своемъ убѣжищѣ, мнѣ показалось, будто эпто онъ. Я бѣгу къ нему съ радостнымъ крикомъ, бросаюсь къ нему на шею. Онъ, видъ себя отъвосхищенія, заключаетъ меня въ свои объятія, извѣщаетъ мнѣ свою радость, что еще меня видитъ. Тогда онъ рассказалъ мнѣ, что Спаршанцы хотѣли взять его на флотъ; что онъ скрылся, но былъ пойманъ и посаженъ въ шемницу;

что при дня не удалось ему ни съ
 вѣмъ говоришь; наконецъ онъ рѣшил-
 ся вступить въ службу на Спаршан-
 скомъ флотѣ, и тогда поручилъ судьбу
 мою одному честному и скромному
 другу, принявъ отъ него клятву, что
 онъ не будетъ любопытствовать
 меня видѣть и знать. Онъ приба-
 вилъ: «я нашелъ корабль, который
 перевезетъ васъ во Фракію: въ чест-
 ности Капитана я увѣренъ; онъ пре-
 буетъ самой малой цѣны за перевозъ,
 и она уже заплачена.» Я принялъ сіе
 предложеніе, говоря: «другъ мой! я
 беру на себя священный долгъ: надѣ-
 юсь когда-либо заплашешь его. А
 если не могу, то отдаю долгъ свой
 богамъ.»

ГЛАВА XV.

*Аристидъ поселился во Фракіи. Кли-
матъ сей страны. Нравы жителей.
Чѣмъ Аристидъ достаетъ себѣ
пропитаніе.*

«Я сѣлъ на корабль и отправился
сѣ дѣшми своими въ Гераклею, Фра-
кійской городъ. Мы вошли въ рѣку
Эгину, и я поселился между нею и
священною горою въ одной деревнѣ,
гдѣ занялъ для себя хижину. Мое
искусство учить чипать было здѣсь
безполезно: Фракійцы живутъ еще въ
самомъ грубомъ состояніи. Чшобы до-
стать себѣ пропитаніе, я нанялся
у одного богатаго жишеля, у котораго
были большія помѣстья и много-
численныя стада. Земледѣіе въ сей
спранѣ еще въ младенчествѣ: я по-
давалъ совѣты своему хозяину и смо-
трѣлъ за хлѣбопашествомъ. Моими
спараніями жатвы давали ему вдвое
прошивъ прежняго прибыли. Скоро
онъ сдѣлалъ меня начальникомъ надъ
работниками. Мнѣ удалось общи-
веннымъ примѣромъ и наученіемъ
поселить въ жишеляхъ охоту къ
землепашеству. Орфей умягчилъ ихъ
нравы согласными звуками лиры
своей; а я, какъ новый Тришполемъ,
Антен. Т III. О

образовалъ ихъ къ шрудолобію и хлѣбопашесѣву. Но климатъ сей страны становился мнѣ тяжостемъ: зима тамъ жестока и продолжительна; хотя, судя по широтѣ полюса, можно бы здѣсь ожидать умереннѣе климата, но горы привлекаютъ шуга облака и снѣгъ. Сверхъ того душа Аѳинянина не можетъ привыкнутьъ къ грубости сихъ народовъ.

«Фракійцы не боясь смерти; они думаютъ, что души ихъ возвращаются на землю, или переселяются въ страну щасливѣйшую. Другіе вѣрятъ только, что смерть воздѣлываетъ жизнь.

«У Травзійцевъ, Фракійскаго народа, когда родится младенецъ, то родилели его исчисляють надъ нимъ всѣ несчастія, какимъ бываетъ подверженъ человекъ во время своего существованія, и за сими жалобами слѣдуютъ сѣнанія и вопли. Когда же кто умретъ, то родственики предаются веселію и благословляютъ умершаго, что онъ избавился отъ всѣхъ мученій жизни.

«Крепонейцы, другой Фракійской народъ, имѣютъ право держатъ многихъ женъ. При смерти мужа родится между его женами великій споръ

опомѣ, которую извѣ нихѣ покойникѣ больше любилѣ: сію закалаеѣ ближній родственикѣ на гробѣ мужа ея, и такое предпочтеніе почищается величайшимѣ позоромѣ и несчастіемѣ для другихѣ.

«Иные Фракійцы продаюѣ дѣшей своихѣ съ пѣмѣ условіемѣ, чѣобѣ ихѣ вывезли извѣ отечества. Они позволяюѣ дочерямѣ своимѣ жить съ пѣми мущинами, которыхѣ онѣ полюбяѣ; но вышедши одинѣ разѣ за мужѣ, онѣ лишаются уже своей вольности и ихѣ сперегуѣ весьма спрого. Мужья покупаюѣ ихѣ у родителей дорогою цѣною. Знашныя носяѣ на пѣлѣ клейма, вѣ знакѣ своего благородства.

«Нѣѣ ничего почтеннѣе вѣ глазахѣ ихѣ, какѣ праздность, война и грабежѣ; и ничего безчестнѣе, какѣ земледѣліе. Божества ихѣ: Марсѣ, Бахусѣ и Діана. Одни Государи поклоняюѣ Меркурію, клянуѣся имѣ, и думаюѣ, чѣо онѣ него и сами происходяѣ.

«Я былѣ свидѣтелемѣ похоронѣ одного богача той страны. Мершвое его пѣло выставлено было на позорѣ цѣлые три дни. Закалали множество различныхѣ живошныхѣ, попомѣ

приготовили пиршество. Во время приготовления вопли и рыданія безпрерывно продолжались. По окончаніи пиршества шрупъ сожгли, прахъ зарыли въ землю; на могилѣ воздвигли курганъ, и празднество кончилось играми разнаго роду.

«Тѣ Фракійцы, у которыхъ яжилъ, не пьютъ вина. На пиршествахъ они разводятъ большой огонь и бросаютъ въ него извѣстные имъ сѣмена, коихъ дымъ производитъ опьянѣлость. Другіе же напрошивъ спрашно любятъ сей напитокъ, однако смѣшиваютъ его съ медомъ. Есѣли нѣтъ у нихъ вина, то они составляютъ крѣпкой напитокъ изъ пшеницы. Богамъ въ жертву приносятъ людей, а особливо идучи на войну. Когда громъ гремитъ, они спрѣляютъ на воздухъ, дабы усѣрашить боговъ.

«Гетты почитаютъ себя безсмертными, и думаютъ, что умершіе переходятъ къ богу ихъ Залмоксу. Каждый годъ выбираютъ по жеребью, кого послать къ нему деуташомъ. Вотъ какимъ образомъ поспунаютъ въ сѣмъ случаѣ: шрое держатъ копыя, каждый по одному, оспріемъ вверъхъ; другіе берутъ назначеннаго деуташа, на котораго палъ жеребій, и

бросаютъ его на воздухъ, такъ, чтобы онъ упалъ на копья. Если онъ умретъ отъ ранъ, то это знакъ, что богъ имъ благопріятствуетъ; еслижъ онъ останется живъ, то они казнятъ его какъ злодѣя, и посылаютъ другаго депутата, давши ему инструкции.

«Въ сіе время узналъ я, что младшій Киръ, сынъ Дарія, Царя Персидскаго, начальствуетъ надъ всѣми Сатрапствами Малой Азіи, и своею крошесію и великодушіемъ привязываетъ къ себѣ сердца всѣхъ подчиненныхъ. Онъ имѣлъ пребываніе свое въ Сардахъ, городъ, славномъ умѣренностію своего климата, своими водами, верпоградами и прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Я рѣшился въ немъ поселиться и ввѣрилъ сему молодому Государю свою тайну и жизнь. Дѣла мои и нещастія, думалъ я самъ въ себѣ, пронунъ его, и онъ призрилъ дѣшей моихъ. Я поручилъ себя всеуправляющей Судьбѣ. Плаваніе наше было благополучно. Но я чувствую прохладу ночи; время возвратиться въ наше пепелище; завтра, если вы любопытствуете, я расскажу вамъ продолженіе моихъ приключеній.»

ГЛАВА XVI.

Фаноръ влюбленъ. Какимъ способомъ открываетъ онъ свою любовь. Ужинъ. Анекдотъ о Кимонъ.

Когда мы удалились, то Фаноръ опять началъ говорить мнѣ объ Апенайдѣ. «Я люблю ее, сказалъ онъ, со всею горячностью первой спроси; чувствую, что это та, которую искала заблудшая душа моя столько долгое время; я столько ею плѣненъ, что думаю, она меня обворожила. Когда ея глаза обращаются на меня, мнѣ кажется, будто изъ сего очаровательнаго органа вылетаетъ какая-то невидимая сила, какая-то матерія тонкая и столько проникающая, что въ ту минуту душа моя воспламеняется, подобно какъ бы огонь небесный коснулся ей.—Ты приписываешь глазамъ непонятную силу: отъ чего жъ эта сила, эта тонкая матерія до меня не касается и не оставляетъ во мнѣ никакого впечатлѣнія?—Конечно отъ того, что между ею и тобою нѣтъ никакой связи, и взаимная симпатія не привлекаетъ васъ.—Прибавь еще, что

этому вздору я не вѣрю.—Воля швая, не вѣрь пожалуй; но изволь объяснить мнѣ одинъ феноменъ, копорому свидѣтелемъ былъ одинъ изъ друзей моихъ. Онъ увидѣлъ мышъ; жаба смопрѣла на нее выпаращивши глаза и разинувши пасть; бѣдная мышъ кружилась около нее и визжала: примѣшно было, какъ она прошивилась непреодолимой силѣ, влекшей ее къ жабѣ; она безпрестанно дѣлала круги, копорые всякой разъ спановились меньше и меньше, и наконецъ, не смопрѣ на свое сопрошивленіе, бросилась въ пасть сего своего врага. Ну, какъ ты думаешь? Не глаза ли жабы своею магнитною силою привлекли сію бѣдную мышъ? Глазъ сердитаго человѣка и взоръ любовника, пламенѣющаго сладострастіемъ, не попрясаешь ли души швоей? не разжигаетъ ли чувствъ? Онъ чего жъ все это, если не онъ шѣхъ тонкихъ частицъ, копорыя вылепаютъ изъ глазъ и проникаютъ въ душу? Скажу болѣе: ты помнишь, что вчера еще я былъ въ нерѣшимости, копорой изъ двухъ сестеръ отдашь преимуществво; а сего дни, какая перемѣна! сердце мое воспламенилось внезапною любовію, подобно какъ гора внезапно

извергаетъ пламя, скрывавшееся въ
 ея нѣдрахъ. Ошъ чего эшо? Смѣйся
 надо мною, но я увѣренъ, что любовь
 моя родилась ошъ моего неразумія;
 что я сего дни очень долго сидѣлъ на
 томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ и покоишься
 моя прекрасная Аѳинянка. Съ эшого
 времени я стараю пламенемъ любви.—
 О! все эшо легко можешь случиться
 ошъ воображенія; но ты напрасно
 ищешь причины такъ далеко; вспомни
 лучше, что ты испилъ воды изъ ис-
 точника Салмакійскаго: вотъ и дѣй-
 ствіе ея.—Можешь ли эшо спастись?
 Уже ли ты думаешь? . . . но вишь ты
 влюбленъ, а я нѣтъ; потому что я
 непилъ. Впрочемъ я не осуждаю любви
 швоей. Ашѣнаида заслуживаетъ са-
 мую искреннюю, самую нѣжную при-
 вязанность: ея добродѣтели, ея преле-
 сти, ея пріятности, умъ здравый и
 основательный, память, обогащенная
 всѣми благородными свѣденіями, дѣ-
 лающъ ее прелюбезною, предоспой-
 ною дѣвицею.—Такъ, надобно имѣть
 каменное сердце, чтобъ не обожать
 ее.—Однако я бы лучше любилъ пре-
 лестную Θεану, несравненную Аспа-
 зію, нѣжную Теофанію. . . . — Ты
 смѣешься! Мнѣ кажется, ты согласи-
 шься на мнѣніе Эврипида, который

въ своей Медеѣ говоришь, что желанельно было бы, еслибъ Нашура нашла иное средство распложать родъ человѣческой безъ учаспія женщинъ; что люди были бы тогда щасливѣе.— Эврипидъ былъ глупецъ въ этомъ пунктѣ, и онъ хорошо наказанъ за свою ненависть къ женщинамъ; ибо утверждающъ, что онъ, въ опмщеніе за себя, разперзали его. Но ночь приближается; уснемъ: можешь быть Морфей изъ волшебнаго своего чертога пошлетъ къ тебѣ прелестный сонъ, и ты обнимешь свою богиню въ пріятной розовой бесѣдкѣ.»

Мы проснулись очень поздно; наши хозяева были уже въ саду. Ариэидъ копалъ землю, а обѣ сестры кормили козъ и цыплятъ; голуби подходили клевать пищу изъ прекрасныхъ ихъ рукъ. Мы имъ помогали, ходили съ ними прогуливаясь; а позавтракавъ, онъ удалился въ свой гиней, а мы съ Фаноромъ пошли бродить въ поле. Фаноръ въ восторгѣ радости сказалъ мнѣ, что онъ нашелъ средство изъяснить свою любовь прекрасной Апенаидѣ. «Мы были подъ поповымъ деревомъ, говорилъ онъ, нѣсколько подалѣе отъ васъ; щегленокъ лепалъ вокругъ своей самки и пѣлъ;

Апенаида смотрѣла на него и слушала. «Какъ бы я хотѣла, сказала она, разумѣть языкъ эшихъ миленькихъ ппичекъ! вѣрно онѣ говорятъ что нибудь любезное.» — Если угодно, я могу быть ихъ переводчикомъ. Дѣдѣ мой, ппицегадапель Оивской, занимался изученіемъ ихъ языка, и открылъ мнѣ шаинспво сей науки. — Это очень завидное знаніе; посмотри: расскажите мнѣ разговоръ ихъ.» — Охотно: послушаемъ. «Я облетѣлъ много земель, говоришь любовникъ, видѣлъ много ппицъ вашего полу, но нигдѣ не находилъ прекраснѣе, любезнѣе себя.» — Вотъ самая умная ппичка! — Онѣ прибавляешь: «напура испощила на тебя всѣ свои дары, всѣ прелести, ослабляющія взоръ и цѣбяющія душу. Ни поля Елисейскія, гдѣ блаженспвуютъ щастливыя пѣнии, ни сады Гесперидскіе, гдѣ деревья произращаютъ золотые плоды, столько для меня не прелестны, какъ сіе уединенное жилище, украшаемое швоимъ присуспвиемъ.» Теперь онѣ умолкъ. — Эта ппичка кажется мила; однако не правда ли, что она слишкомъ льститъ? — Не намъ судить о доспоинспвѣ шой, которую онѣ любятъ; примѣрно од-

нако по спрашному его выраженію, что онъ говоритъ прямо отъ сердца; но послушаемъ, онъ оныя начинаеши. «Только при дни, какъ я тебя знаю, и при дни обожаю тебя. Спрѣла Юпитерова не столько быстра, какъ та спрѣла, коюрою ты пронзила мое сердце.»—У этого маленькаго живошнаго еси умъ; а что отвѣчаеши ему его любезная?—До сихъ поръ ничего; что бы вы отвѣчали на ея мѣсти? Я бы отвѣчала, что тошъ, кто умѣеши любиши и хвалиши тонко и искренно, хотя и льстиво, достоинъ по крайней мѣрѣ благодарности.» Тушъ вы подошли, и нашъ разговоръ кончился.» . . . — Любовь швоя, сказалъ я Фанору, родилась подъ щасливою звѣздою, и надежда открываетъ тебѣ прелестныя виды; но помни, что дочь Ариспидова, украшенная своими шаланшами и добродѣтелями своего отца, еси такое божество, къ копорому должно приближаться съ числѣншею жершвою.—Знаю: ея превосходныя качества, скромность, невинность, имя, все внушаетъ почтеніе. Мои намѣренія достойны ея; и если я буду щасливъ, что она ихъ одобриши, тогда, мой другъ, помоги мнѣ испро-

силь согласіе мудраго и справедли-
ваго Ариспида.»

Послѣ нашей прогулки мы ужинали
подлѣ колодца: эшо была наша споло-
вая зала въ хорошую погоду. Многіе
сосѣди приходили сюда черпать воду.
«Вашѣ садѣ для всѣхъ открытъ, ска-
залъ я Ариспиду; вы подражаете въ
этомъ Кимону, сыну Мильпіадову.»
— Да, мнѣ пріятно, также какъ и ему,
распочать свои сокровища; а всѣ мои
сокровища состоятъ въ эшой водѣ.
Кимонъ былъ благороднаго характера
и сполько щедролубивъ, что прика-
залъ разобрать заборъ около своего
саду, чтобы всякой нуждающійся и
спранникъ могъ пользоваться его
плодами и овощьми. Сполъ у него
всегда былъ простой и умѣренной,
шолько всего приговорено было весь-
ма обильно и всѣ нищіе были его го-
спи. Когда онъ выходилъ со двора,
то за нимъ слѣдовало множество не-
вольниковъ въ хорошихъ одеждахъ; и
если онъ встрѣчалъ какого нибудь
спарика въ нищенскомъ рубищѣ, то
одинъ изъ невольниковъ обмѣнивалъ
свою одежду на рубище сего бѣдняка;
они носили также съ собою мѣшки
съ деньгами, и Кимонъ раздавалъ ихъ
щедрою рукою бѣднымъ нуждающим-

ся; однимъ словомъ: сей другъ чело-
вѣческѣ превратилъ домъ свой въ
публичную Пристаню, и шѣмъ при-
водилъ на память Золотой вѣкъ,
когда всѣ блага были всѣмъ людямъ
общіи. Сей великій челоуѣкъ умеръ въ
Кипрѣ въ молодости служа своему
отечеству, и прахъ его не почіеиъ
въ Аѣинахъ! еще не воздвигнуиъ ему
памятникъ! Собакѣ Ксаншипповой
воздали больше почестей: она ле-
жииъ въ пышной гробницѣ.» Я спро-
силъ Ариспида объ этой Ксаншип-
повой собакѣ.—При нашествіи Пер-
совъ Аѣиняне принуждены были ос-
тавиъ свои жилища, храмы, оте-
чество. У Ксаншиппа была собака,
копоруу не удалось ему взяиъ съ
собою на корабль. Сія вѣрная собака
слѣдовала за нимъ вплавъ, но край-
няя усталость причинила ей смерть
на берегу Саламины, къ копорому
удалось ей доплыиъ. Ксаншипъ по-
хоронилъ ее на шомъ самомъ мѣстѣ,
гдѣ она умерла, и памятникъ ея су-
ществуетъ подъ именемъ *Кинеама*
(гробница собаки). Но настало часъ
нашей прогулки, я долженъ расска-
зати вамъ продолженіе своей исторіи:
пойдемъ на вчерашнее наше мѣсто.»
Ашенаида подала ему руку, и это

очень огорчило влюбленного Фанора; онъ надѣялся, что дорогою будешь имѣшь случай переводить ей съ пшичьяго языка.

Намъ попалась на встрѣчу толпа молодыхъ всадниковъ: всѣ были на лошадяхъ; впереди ихъ молодой Фарнабазъ, съ веселымъ видомъ, скакалъ на своемъ конѣ и шутилъ съ товарищами. Я обомлѣлъ; не вѣрилъ глазамъ своимъ: вчера еще видѣлъ его въ опчаянїи, какъ онъ рвалъ на себѣ волосы, мешался на шѣло прекрасной Спашеры, призывалъ смерть и хотѣлъ заколотъ себя кинжаломъ; а нынѣ веселіе и смѣхи засступили мѣсто спрашнаго опчаянїя. Я открылъ свое удивленіе Ариспиду, и онъ отвѣчалъ съ усмѣшкою: «эпошъ молодой человекъ болѣе философъ, нежели ты думаешь, настоящій ученикъ изъ Портика; подобно мудрецу, онъ возносится превыше печали, не страдаешь ничѣмъ. Прекрасный урокъ для молодыхъ дѣвушекъ, которыя такъ легко вѣряшъ, что любовники не могутъ пережить ихъ суровости, или ихъ пошери. Фарнабазъ былъ влюбленъ въ забавы, а не въ любовницу; онъ нашелъ ихъ въ другомъ мѣстѣ, и ушѣшался.

ГЛАВА XVII.

Продолженіе Аристидовыхъ приключеній. Описаніе дворца Кирова. Разговоръ Аристидовъ съ сирѣ Государемъ.

Когда мы взошли на пригорокъ, то Арисидъ началъ говорить слѣдующимъ образомъ: «помнишься, вчера мы прибыли въ Сарды благополучно, хопя и упомянулись ошъ дорсги. Я ошпановился въ одномъ постояломъ дворѣ, и на другой день спрашивалъ своего хозяина, въ кошорый часъ могу видѣшь Кира? Вопросъ мой удивилъ его; онъ окинулъ меня глазами съ ногъ до головы, и опвѣчалъ съ Сардосскою улыбочкою: для васъ опкрыпъ доспупъ во всякое время; вы конечно прѣхали просипъ какого нибудъ важнаго мѣста или покровительсхва? — «Нѣпѣ, опвѣчалъ я, оторченъ его насмѣшкою; я прѣхалъ пребовашъ опѣ швоихъ согражданъ поболѣ здраваго смысла, а опѣ Государя швоего уваженія ко мнѣ.» Сіи слова, произнесенныя голосомъ швердымъ и важнымъ, поразили его, и онъ сказалъ мнѣ, въ какое время опворяющся враша Царскаго двора. Я

пошелъ шуда, такъ какъ вы меня теперь видите, босыми ногами, съ непокрытою головою; густая борода закрывала лице. Прохожіе забавлялись надо мною и смотрѣли на меня, какъ на заморскаго звѣря. У воротъ перваго двора стояла многочисленная гвардія; шувъ меня пропустили, у другаго остановили меня. Я спросилъ у невольниковъ, кто изъ нихъ разумѣетъ Іоническое нарѣчіе?—«Я, отвѣчалъ знавшійшій изъ нихъ.— Поди жъ и скажи Киру, что нѣкто изъ Грековъ хочетъ видѣть его и съ нимъ говоритъ.» Невольникъ стоялъ неподвиженъ, устремивъ на меня глаза.— Поди, сказалъ я, важнымъ и повелительнымъ голосомъ, и принеси мнѣ отвѣтъ. Онъ запряся и пошелъ. Между тѣмъ въ ожиданіи отвѣта сѣлъ я на камень; солнечные лучи палили меня: но я привыкъ сносить зной. Воины дивились моей крѣпости въ такую лѣтнюю жару. Они хохотали и были въ кипшарахъ (*), однако прятались и жались подъ тѣнь.

(*) Кишшары, родъ Персидскихъ шапокъ, къверху остроконечны. Королевская кишшара украшена была повязкою голубою и бѣлою.

Тутъ-шо я кинулъ взоръ на протекшую славу свою. «Эпо ли пошъ Ариспидъ, думалъ я, копорый на Марапонскомъ полъ раздѣлялъ лавры съ Мильшіадоми? копорый съ Оемиспокломи поржеспвовалъ при Саламинѣ? копорый при Плашеѣ одержалъ побѣду, предводишельспвуя Аѣинянами? Эпо ли Ариспидъ, копорому Греки совокупно поручили налагашъ подаши, и облекли его власпію неограниченною?» — Прибавьте, сказала Ашенайда, чшо время вашего начальспвованія названо *Золотымъ временемъ*, въкомъ Сатурновымъ. — «Такъ, дочь моя! И эпошъ Ариспидъ, думалъ я, сидишъ здѣсь на камнѣ, у ворошъ Сатрапа Персидскаго, среди подлой черни, незнаемъ, безпомощенъ, поруганъ, ища покровишельспва враговъ своихъ, копорыхъ прежде успрашалъ и поражалъ! О щастіе! эпошвоя забава. Въ сію минушу вспомнилъ я шого славнаго Креза, Царя Лидійскаго, копорый въ эпоми самомъ городѣ упалъ съ высоты престола въ оковы своего побѣдителя. Мысли мои прерваны возвращеніемъ посланнаго, копорый объявилъ миѣ, чшо его Государя можно видѣшь не прежде, какъ чрезъ два часа. —

Т. III.

II

Воропись и скажи ему, что мнѣ нѣкогда дожидаться; что молодой человекъ обязанъ почтительностію старости, и Сатрапъ Персидской вольному Греку.» Невольникъ осполбенѣлъ и не безъ труда рѣшился опшесъ мой опвѣстѣ. Киръ согласился наконецъ принять меня. Я прошелъ чрезъ многія комнапы, украшенныя золопомъ, серебромъ, шелкомъ, прекрасными шашуями и дорогими вазами; я шелъ по богатѣмъ коврамъ; но ша зала, въ которой былъ Киръ, окружена шолпою придворныхъ, превосходила всѣ прочія великолѣпіемъ и вкусомъ: парке мозаической работы изъ прекраснѣйшихъ мраморовъ, стѣны выложены блестящимъ алебастромъ; восемь порфировыхъ колоннъ поддерживали куполъ залы, и на немъ кистъ славнѣйшихъ художниковъ изобразила аль-фреско Венеру, выходящую изъ нѣдръ моря; она окружена прекрасными Нереидами и Купидонами, летяющими около нее. Молодой Киръ сидѣлъ подъ симъ куполомъ, разлегшись на серебряномъ ложѣ, покрытомъ богатою тканью. Признаюсь, я удивленъ былъ великолѣпіемъ, роскошью и вкусомъ сей залы! не могъ вообразить ничего

споль очаровашельнаго. Но мнѣ пришли на память слова Діогена у Платона, и я сказалъ: *попираю ногами роскошь и гордость Кирова!* Одежды придворныхъ, униженные золотомъ и драгоценными каменьями, придавали новый блескъ сему ослѣпляющему зрѣлищу. Сказывающъ, что Соломъ, проходя палаты Крезовы, принималъ каждого придворнаго за самаго Государя; я могъ бы также легко обмануться. Какъ скоро я вошелъ, то вся толпа раздвинулась и дала мнѣ дорогу; я прошелъ мимо ихъ швердыми спопами и съ возвышенною головою. Тѣ, кои были поумнѣе, смотрѣли на меня съ удивленіемъ, а прочіе молокососы, коихъ было большее число, смѣялись надъ спранностию моего наряда и надъ чуднымъ моимъ видомъ. Я спалъ предъ Киромъ, копорый, не прогаясь съ мѣста и не перья своей величавости, спросилъ у меня на Іоническомъ діалектѣ мое имя, сосояніе, опечесство, и чего я опъ него желаю. «Прикажи выдти эшимъ несмысленнымъ молодымъ людямъ, копорые оскорбляющъ взоръ вольнаго человека, и тогда я назову себя.» Киръ сдѣлалъ знакъ, и всѣ вышли. Тогда онъ

посмотрѣвъ на меня пристально, и я примѣшилъ, что онъ получилъ обо мнѣ лучшія мысли. — «Теперь мы одни, сказалъ онъ; говори, кто ты? — Аѳинянинъ, который причинилъ много вреда Персамъ, но который имѣетъ о тебѣ и о своемъ великодушіи такое хорошее мнѣніе, что въ несчастіяхъ своихъ пришелъ въ вѣришь тебѣ свою судьбу и просишь гостепріимства. — Имя твое? — Аристидъ Аѳинской: знаешь ли ты его? — Аристидъ! такъ; твои добродѣтели и слава твоя проникли въ наши придѣлы.» Съ сими словами онъ встаетъ, подаетъ мнѣ руку; мы сѣли вмѣстѣ и начали продолжительный разговоръ о дѣлахъ Греціи и о состояніи Аѳинъ. Сей молодой Принцъ, будучи еще двадцати лѣтъ, украсилъ уже разумъ свой всѣми полезными свѣдѣніями. Щастливый его характеръ, неограниченное щедролубіе, его милыя качества, сдѣлали его любимымъ всей Персіи; но я замѣтилъ, что честолубіе снѣдаетъ его, что онъ дѣлаетъ пышныя планы къ великимъ завоеваніямъ. — «Знаешь ли ты, сказалъ я ему, какая это бездна война? какія суммы денегъ она поглощаетъ? — Я все предусмотрѣлъ;

у меня кучи денегъ. — Выслушай небольшую басенку: «Луна просила однажды масть свою сдѣласть себѣ плащъе впору. Какъ это можно? опробчала ей масть: ты ни на одинъ день не сохраняешь своей величины; безпрестанно прираспаешь и убываешь; плащъе не будетъ уже впору, какъ скоро оно поспѣетъ. «То же можно сказать и о воинскихъ издержкахъ: не лзя опредѣлить суммы, какую поглотитъ сіе чудовище. Въ одномъ храмѣ Аѳинскомъ есть спашуя Мира, держащаго на рукахъ младенца Плутуса; а въ Оивахъ не меньше умно изображенъ сей богъ богащства на рукахъ Щассія. Важныя философскія истины! Подлинно, Миръ, чадо Небесъ, есть податель щассія и богащствъ. Война, загорѣвшаяся отъ честполюбія, есть величайшее злодѣйство, вопіющее на небо.» Молодой Сапранъ, смущенъ моими словами, но ни мало не убѣжденъ, перемѣнилъ разговоръ; онъ сказалъ мнѣ, что жалѣетъ объ участи такого человѣка, какъ я, въ изгнаніи, въ бѣдѣности, всѣми оставленнаго. — «Много вамъ обязанъ; но скажу вамъ словами Аристиппа, что бѣдѣность почтеннѣе невѣжества; по-

тому что бѣдность показываеиъ нищету богашства, а невѣжесство обнаруживаеиъ нищету ума.» Спали говоришъ о нравахъ Персовъ. Киръ признался, что ихъ нравы, споль спротіе и постоянные въ прежніе времена, быспро склонились къ развращу. Прежній образъ воспитанія нашего, которому и донынъ сполько удивляющся, совершенно забыиъ и презрѣиъ. Со временъ великаго Кира Персы раздѣлены на чепыре класса: на дѣшей, юношей, мужей совершенныхъ и на спариковъ. Дѣши до пяши лѣиъ остающся на рукахъ женщинъ, дабы пошеря ихъ, если кто умремъ, не сполько была горесшна опщамъ. Въ пяшъ лѣиъ учащся они вѣдишъ верхомъ. У насъ ешъ публичное мѣсто, раздѣленное на чепыре часпи; въ каждомъ опдѣленіи 12 надзирашелей: надзирашели надъ дѣшми выбирающся изъ спариковъ, а надъ юношами изъ мужей совершенныхъ. Дѣшей мало учаиъ граммашикъ, но преподаюиъ обспояшельныя правила нравспвенности и правосудія. Неблагодарность предспавляюиъ имъ самымъ гнуснымъ порокомъ; спарающся сдѣлашъ ихъ скромными, воздержными: хлѣбъ, огородные овощи,

вода — вошѣ обыкновенная ихѣ пища и пишье; главныя ихѣ упражненія: стрѣляшѣ изѣ лука и мешашѣ копья: шаковѣ ихѣ образѣ жизни до семнадцати лѣтѣ. Потомѣ переходяшѣ они вѣ классѣ юношей на десяти лѣтѣ, и вѣ сіе время служатѣ своему Государю, исполняяшѣ повелѣнія начальниковѣ, опыскиваяшѣ и испребляюшѣ воровѣ и разбойниковѣ; ночью облачаяшѣ спражею Царскій дворецѣ, охраняюшѣ публичныя зданія и городѣ. Половина изѣ нихѣ одинѣ разѣ вѣ мѣсяцѣ провожаетѣ Царя на охоту; жизнь ведушѣ суровую, и приучаюшѣ кѣ трудностямѣ воинскимѣ. По прошествіи десяти лѣтѣ, они вступаюшѣ вѣ классѣ мужей совершенныхѣ; здѣсь продолжаюшѣ служишѣ начальству и дѣлаюшѣ сами начальниками. Вѣ этомѣ со-
стояніи провождаютѣ двадцать пять лѣтѣ; по прошествіи сего срока, будучи уже слишкомѣ пятидесяти лѣтѣ, вступаюшѣ вѣ званіе стариковѣ: тогда уже не выходятѣ изѣ своей земли, и оканчиваюшѣ жизнь вѣ спокойствіи и почтеніи. Они избираюшѣ вѣ наставники для молодыхѣ людей, рѣшаѣ шажбы и судяшѣ уголовныя дѣла: они избира-

юшѣ государственныхъ начальниковъ. Къ тому прибавлю еще похвальный нашъ обычай, что одинъ чиновникъ каждый день, при пробужденіи Царя, говоритъ ему сіи слова: «помни, Государь! что ты обязанъ исполнять волю Оромаза.» — Послѣ сего повѣствованія Киръ спросилъ меня о нѣкопрыхъ подробностяхъ главныхъ сраженій, при коихъ я находился. «При Марапонѣ, сказалъ я, насъ было десять военачальниковъ, предводительствовавшихъ попеременно; когда очередь дошла до меня, я уступилъ начальство Мильтіадѣ, дабы внушилъ прочимъ военачальникамъ, чтобъ они предпочитали пользу опечесства своему самолюбию. Всѣ послѣдовали моему примѣру; однако Мильтіадѣ не уступилъ намъ въ благородствѣ духа: онъ не прежде далъ сраженіе, какъ въ полъ день, въ который главное начальство ему принадлежало.

Предъ Салиминскою бапаліею я находился въ изгнаніи уже за три года. Тутъ узналъ я, что Оемиспокъ, начальникъ надъ Аѳинскимъ флотомъ, и Эврибидъ, предводитель флота Спартанскаго, въ несогласіи между собою; что Эвриби-

адѣ хотѣлъ оставишь Саламину, спрашась многочисленнаго флота непріятельскаго, который запиралъ входъ въ заливъ. Хошя и былъ я изгнанникъ, однако никогда не помнилъ несправедливости моихъ согражданъ: немедленно отправился изъ Эгины, преплылъ сквозь флотъ непріятельскій, среди великаго множества опасностей, и прибылъ ночью къ напавкѣ Оемиспокловой. Не сказывая своего имени, велѣлъ просишь, чѣмъ онъ вышелъ поговорить со мною наединѣ: онъ увидѣлъ меня и изумился. «Оемиспокъ! сказалъ я ему, оставимъ теперь всякую вражду; пускай благороднѣйшее поревнованіе возродится въ душахъ нашихъ! Спанемъ спорить, кто изъ насъ лучше послужитъ опечесству: я пришелъ исполнять твои повелѣнія и помогаю тебѣ моими совѣтами и этою рукою. — Удивляюсь твоему великодушію, опѣвѣчалъ Оемиспокъ, и приверженности къ опечесству; мнѣ остається только подражать тебѣ, и я найду въ себѣ столько швердоси.» Тутъ онъ открылъ мнѣ, какою хитроспсю намбрень обманушь непріятеля, и голосъ мой въ совѣтѣ былъ полезенъ ему и

цѣлой Греціи; ибо я убѣдилъ всѣхъ
принять его предложеніе. — Можете
быть Аристидъ одинъ способенъ къ
такой высокой добродѣтели. — Ска-
жите лучше: республиканецъ. Я вспо-
миналъ одинъ весьма примѣчатель-
ный поступокъ этого великаго вое-
начальника. Онъ шелъ противъ не-
пріятеля и не примѣчалъ въ своихъ
воинахъ того жару, который обѣ-
щаетъ побѣду; дорогою онъ увидѣлъ
двухъ пѣшуховъ, дерущихся съ ве-
ликою упорностію; онъ остановилъ
войско и сказалъ: «видите, съ какимъ
ожесточеніемъ сіи пѣшухи дерутся;
что придаетъ имъ столько жару?
одно желаніе побѣды». А вы, сра-
жаясь за отечество, за вашихъ бо-
говъ, за гробницы вашихъ пред-
ковъ, за вольность... Сіи слова
воспламенили духъ воиновъ, и побѣда
его была несомнительна. Въ память
сего случая Аѳиняне установили
празднество бисвы пѣшуховъ. — Я
думаю, что при Платонѣ вы предво-
дительствовали Аѳинянами? — Такъ,
я имѣлъ эту честь, и признаюсь,
что суровая дисциплина и неуспра-
шимость Спартанцевъ привели меня
въ удивленіе. Предъ сраженіемъ они
убирали себѣ волосы, надѣвали на

головы пѣвпочныя вѣнки, умащали
 шло благовонными мазьми. Какъ
 скоро войско поставлено въ боевой
 порядокъ, то флейщики заиграли
 пѣснь Каспорову. Павзаній, Царь
 ихъ, ударилъ первый на непріятеля;
 за нимъ всѣ его воины, съ веселымъ
 лицомъ, шли твердымъ шагомъ, въ
 наилучшемъ порядкѣ, повторяя ту
 же пѣснь. Скажу еще примѣчатель-
 ное о семъ сраженіи, что побѣди-
 тели, вознесши побѣдные трофеи,
 послали вопросить Оракула Дель-
 фійскаго, какую жершву и кому при-
 нести? Оракулъ повелѣлъ соорудить
 олтарь Юпитеру, но не прежде за-
 класть жершвы, доколѣ не будетъ по-
 тушенъ военный пожаръ въ спранѣ,
 оскверненной непріятелями, и доколѣ
 не будетъ принесенъ изъ Дельфъ
 чисмый священный огонь. Мы пови-
 новались. Евхидъ Плашейскій бѣ-
 житъ въ Дельфы рано по утру, очи-
 щаетъ себя, окропляется святою
 водою, надѣваетъ лавровый вѣнокъ,
 беретъ съ жершвенника горящую
 головню, бѣжитъ назадъ съ возмож-
 ною поспѣшностію и, еще до захож-
 денія солнечнаго возвращается въ
 Плашею; онъ поздравляетъ своихъ
 соопечесшвенниковъ, вручаетъ имъ

головню , падаешъ и издыхаешъ у ногъ ихъ. Онъ пробѣжалъ пысячу спадій въ одинъ день. Плашейцы похоронили его въ Діаниномъ храмъ, и на гробницѣ написали: *здѣсь почит-ся Евкхидъ, который умеръ отъ того, что изъ усердія къ отечеству ходилъ въ Дельфы и возвратился оттуда въ тотъ же день.*

Я опишу вамъ, какія почести воздаюшъ каждый годъ Грекамъ, поперявшимъ жизнь свою на Плашейскомъ сраженіи.

«Въ 16 день Мемакшеріона (Декабря), на разсвѣтѣ, начинается процессія при звукѣ шрубъ; попомъ слѣдуюшъ колесницы съ вѣнками и миршовыми вѣшьями; за ними ведушъ чернаго вола; далѣе, молодые люди несущъ сосуды съ виномъ, молокомъ, деревяннымъ масломъ и благоуханными водами. Невольники не бываюшъ допускаемы къ сей церемоніи; всю процессію замыкаешъ Архонъ, или главный начальникъ Плашейцевъ: онъ шествуетъ въ багряноцвѣтной ризѣ, препоясанъ мечемъ и съ урною въ рукѣ. Въ иное время запрещается ему прикасаться къ оружію, или носить другую одежду, кромѣ бѣлой. Какъ скоро процессія придетъ къ

гробницамъ, то Архонтъ почерпаетъ урною воды изъ источника, обмываетъ сполбики, напираетъ ихъ благоуханными мазьми; попомъ закаляетъ вола на кострѣ, и, принеши мольбы Плутону и Меркурію, призываетъ шѣни умершихъ героевъ къ сему празднеству, къ симъ торжественнымъ изліяніямъ, и изливаетъ чашу вина, восклицая громко: сія чаша храбымъ воинамъ, умершимъ за вольность!»

Разговоръ склонился на полипику. Киръ спросилъ меня, въ какомъ правленіи желалъ бы я жить? — Въ такомъ, въ которомъ всѣ подчинены закону, и въ коемъ законъ сильнѣе людей. — Но гдѣ оно существуетъ? — Не знаю; только для меня тамъ благополучнѣйшее гражданство, гдѣ наиболѣе равенства. — Согласенъ; но сіе равенство можетъ существовать только между весьма немногимъ числомъ людей бѣдныхъ, скипающихъ въ степяхъ. Обширная демократія есть химера; ибо всякое многочисленное гражданство необходимо дѣлается богатымъ и могущественнымъ: тогда всѣ спраси, властолюбіе, жадность къ богатству, насильство и своеволие потрясаютъ его,

воспламеняютьсѣ спрашныя пожары и скоро разрушаютьсѣ до основанія. Я чиналь вѣ одномѣ изѣ вашихѣ Поэшовѣ, что Эолѣ, оковавѣ вѣшпы неразрывными цѣпями, заключилѣ ихѣ вѣ глубокія пещеры; а безѣ того необузданная ихѣ свирѣпость смѣшала бы весь видѣ природы. Нѣкогда, вѣ угожденіе Юнонѣ, Эолѣ разрѣшилѣ ихѣ узы: тогда успремилась яростныя вѣшпы терзали вселенную и оставили повсюду слѣды опустошенія и гибели. Сей вымыслъ есть самая вѣрная карѣтина буйства и неукротимости народной вѣ демократическомѣ правленіи. Часто смѣшиваютьсѣ вольность политическую съ гражданскою. Сія послѣдняя имѣетѣ благопшворное вліяніе на всякое общество; каждый членѣ гражданства наслаждается ея благодѣяніями: она заставляетѣ любить пошѣ образѣ правленія, вѣ которомѣ мы живемѣ. Но политическая вольность даруетѣ выгоды свои только малѣйшей части народа; да и то не рѣдко властолюбивые грабители похищаютѣ ихѣ для себя однихѣ, не давая другимѣ пользоваться ими. Чшобѣ быти совершенно свободнымѣ, надобно жити, какѣ Скионы,

скипаться изъ степей въ степи, возя съ собою въ кибишкахъ всѣ свои богатства, свое семейство и боговъ своихъ. Вольность гражданская можетъ существовать во всякомъ правленіи, даже въ самой монархіи. По мнѣ наилучшее правленіе есть то, гдѣ всѣмъ спрашамъ положены предѣлы, и гдѣ вся политическая машина движется самыми просвыми пружинами. Одинъ изъ вашихъ философовъ утверждаетъ, что монархическое правленіе есть самое твердое и надежное. Благосостояніе народа, говоритъ онъ, въ монархическомъ правленіи зависитъ отъ доброты одного; въ аристокраціи оно зависитъ отъ доброты многихъ, а въ демокраціи отъ доброты всѣхъ. Но гораздо легче найти одного добродѣтельнаго, одного достойнаго, нежели сто, нежели тысячи, нежели миллионы. Еще повторю: не образъ правленія даетъ благосостояніе гражданству, но добрыя качества правителей и вождей. Еслибъ ты не былъ Киръ, естлибъ ты былъ простой гражданинъ: хотѣлъ ли бы ты родиться Аѳиняниномъ или Персіяниномъ?—Аѳиняниномъ, но изъ самолюбія. Демократія не имѣетъ ни основа-

ніяни прочності. Необходимо нужно, чтобы глава общесства, или главные его вожди наружною пышностію и другими внѣшними опличіями сдѣлали себя важнѣйшими въ глазахъ народа: а безъ того никакіе законы не будутъ имѣть силы, и правленіе рушится. Ваши Аѳиняне сами признаются, что они были щасливы въ правленіе Пизистрата; а при его сынѣ Гиппархѣ возвратился къ вамъ Золотой вѣкъ. Если народъ считающъ своихъ правителей равными себѣ, то онъ ихъ презирающъ; а между тѣмъ хитрые властолюбцы, подлые народо-угодники пользуются симъ междоцарствіемъ, посѣвуютъ раздоры, и во всеобщемъ смятеніи вырываютъ вожди правленія. — Я согласенъ на ваше мнѣніе; а для того-то предпочитаю ограниченную аристокрацію демокраціи. Одинъ Лакедемонянинъ совѣщавалъ Ликургу устроить народное правленіе, въ которомъ бы послѣдній гражданинъ имѣлъ столько же важности, какъ и самой знашной — «Попробуй, сказалъ онъ ему, самъ завести такой порядокъ въ своемъ домѣ.»

Киръ хотѣлъ помѣститъ меня въ своемъ дворцѣ, давалъ мнѣ денегъ и

пышную мебель. Я ошказался ошбъ всего: «Прикажи наняшь для меня на берегу Пакшпола хижину съ небольшимъ садикомъ; я спану обрабошываешь садъ, и что выбрабашаю, шого довольно для уплашы за наемъ и для содержанія малаго моего семейштва. Впрочемъ прошу хранишь въ шайнб мое имя; хочу бышь извбшпенб подб именемъ Агезіаса. Надбюсь найши при шебб свою безопашносшь и спокойшпвіе.» Онб оббщаль и увббрыаль меня, что будешб сохраниаешь мое спокойшпвіе не меньше, какб и спокойшпвіе города. Онб просилб меня видашься иногда съ собою; я согласился, шолько съ шбмб условіемб, чтобы его спража не ошпанавливала меня, и чтобб я безб задержки имблб свободный доступб. Разговорб нашб продолжался около двухб часовб, къ великому удивленію придворныхб, кошорые ломали голову, выдумывая, кто бы я былб, и что за причина моего посбщенія. Но удивленіе ихб еще болбе умножилось, какб они увидбли, что Кирб провожаешб меня и дружески со мною шушишь.

«Когда я возвращился на постпоялый дворб, шо хозяинб мой спросилб меня, видблб ли я Государя и дово-

денѣ ли его пріемомъ? — Очень дово-
ленъ, мой другъ; онъ принялъ меня
такъ хорошо, какъ я хотѣлъ. Пожа-
луй приготожь мнѣ для ужина блюдо
овощей, такъ я и шобой буду дово-
ленъ.»

«Спусти нѣсколько времени при-
ходишь мой хозяинъ и объявляетъ
мнѣ, что ужинъ готовъ. Я замѣтилъ
въ немъ большую перемену: онъ дѣ-
лалъ мнѣ такіе комплименты, гово-
рилъ такія унизишельныя привѣт-
ствія, какихъ только могъ ожидать
первѣйшій вельможа при великомъ
Царѣ; просилъ припомъ извиненія,
что онъ, по невѣжеству своему, не
изъявилъ мнѣ должнаго высокопочи-
танія, какое слѣдуетъ высокой осо-
бѣ. Я отвѣчалъ ему, что онъ меня
ничѣмъ не оскорбилъ, и что я уволь-
няю его отъ всѣхъ комплиментовъ
и почтишельности. Едва только
прихожу я къ столу, вижу множе-
ство блюдъ и богашую посуду. —
«Другъ мой! кто приказалъ тебѣ
поднять такой пиръ? Развѣ ны за-
былъ, что я спрашивалъ одно блюдо
овощей?» — Онъ отвѣчалъ мнѣ, что
Киръ присылалъ отъ себя чиновни-
ка и велѣлъ угощать меня какъ мож-
но лучше. — «Прими эши блюда, и

оставь для меня только овощи; а когда еще придетъ эшотъ присланный, то скажи ему, что я совѣшую его Государю беречь издержки: у него больше нужды, нежели у меня.» Но конецъ моей исторіи долго бы насъ задержалъ, а между тѣмъ Морфей дожидается: пойдѣмъ вкусишь его благошворенія.»

ГЛАВА XVIII.

Любовь Фанорова. Его волненіе.

Фаноръ цѣлую ночь мучился воспоминаніемъ о своей любезной Ашенайдѣ. Онъ сочинилъ восемь спичковъ, и рано по утру вырѣзалъ ихъ на томъ чинарѣ, подъ тѣнію котораго часто покоилась его любезная. Вотъ они:

*Чинарѣ кудрявый и тѣнистый!
Завидна участь мнѣ твоя:
Какъ часто здѣсь, въ день ясный,
густый,
Покоится милая моя!*

*Чинарѣ! когда тебѣ слугится
Въ веселый часъ ее узрѣть:
Скажи ей, какъ мой духъ томится;
Спроси—мнѣ жить, или умереть?*

Вѣ это упрѣ онѣ былѣ еѣ недово-
ленѣ, нашедши больше обыкновен-
наго небрежности вѣ еѣ одеждѣ.—
«Вчера, говорилѣ онѣ, у ней на голо-
вѣ были цвѣты, волосы также при-
браны; сегодня нѣтъ цвѣтовѣ и во-
лосы распрѣпаны. Я еѣ обѣ этомѣ
сказалѣ; она опѣвѣчала, что просто-
та томѣ же уборѣ. Да и вообще сего-
дни она кажѣтся гораздо молчали-
вѣе, холоднѣе, нежелѣ прежде.» Худо
ты понимаѣешь языкѣ любви: самая
эѣта небрежность вѣ одеждѣ, эѣта
оспорожность вѣ словахѣ и поступ-
кахѣ для тебѣ щасливые признаки:
она не убираѣтся, боясь обнаружитѣ,
что желаетѣ тебѣ нравитѣся; а мол-
чаливость еѣ и холодность проис-
ходяѣтъ опѣ того, что любовь дѣла-
етѣ юное сердце боязливымѣ и мни-
тельнымѣ. И такѣ тебѣ не о чемѣ
груститѣ, напротивѣ ты можѣешь
ласкаѣться прѣятнѣйшею надеждою.
— Во весь эѣтомѣ день онѣ часто
приходилѣ къ тому дереву, на кото-
ромѣ вырѣзалѣ стихи; наконецѣ уви-
дѣлѣ, что слово *умереть* изглажено.
Тотчасѣ прибѣжалѣ сказаѣть о томѣ
мнѣ; любовь и боязнѣ сполько омра-
чили еѣ умѣ, что онѣ не знаѣлъ, что
думаѣшь обѣ эѣтой помаркѣ. — Какѣ

ты не поймешь? сказалъ я ему; тебѣ даюшъ знать, чѣмъ ты живъ. Однако я вижу, ты не даромъ хвашилъ воды изъ источника Салмакійскаго.

Онъ поспѣшъ оставилъ меня, чѣмъ занявъ свою Музу милою своею Апенайдю. Еще сочинилъ стихи и поднесъ ихъ своей любезной, подъ пѣсмъ видомъ, будто они спекли съ пера Мосха, сочинителя извѣстной поэмы *бѣлый Купидонъ*. Апенайда очень поняла обманъ; но припавъ, будто вѣришь, имѣла удовольствіе читать сіи стихи и хвалила сочинителя. Вотъ они:

Благословляю тотъ день, тотъ часъ и ту минуту, когда Судьба привела меня въ первый разъ узрѣть прелестные твои глаза!

Благословляю стократно и пламенную мою любовь, и глубокую неизцѣлимую рану, и острую стрѣлу, которая каждую минуту проникаетъ далѣе и далѣе въ сердце!

Благословляю прелести лица твоего и розовыя уста, дышущія любовью, и пріятный голосъ, и небесный взоръ, воспалившій сердце мое неугасимымъ пламенемъ.

Въ э́тоиъ вечерѣ холодный вѣтерѣ помѣшалъ нашей прогулкѣ; но послѣ ужина Аристидѣ ввелъ насъ въ учебный кабинетъ, ч́тобы докончи́ть повѣствованіе о своихъ приключеніяхъ.

Г Л А В А XIX.

Продолженіе Аристидовыхъ приключеній. Щедрость Кирова. Благородный поступокъ Аристидовъ. Взятіе Вавилона.

«Мы остано́вились, сказа́лъ онѣ, на посѣщеніи́ дворѣ, за сполосомъ самымъ умѣреннымъ и здоровымъ. Спусти́ нѣсколько дней, Кирѣ присла́лъ проси́ть меня къ себѣ. На э́тоиъ разѣ придворные, казалось, привыкли къ спранныму моему наряду. Я чи́салъ во взорахъ ихъ почтительность и уваженіе, смѣшанное съ любопытствомъ. Молодаго Сапрапа нашелъ я въ саду: шу́тъ прекрасныя деревья, симметри́я и пріятныя благоуханія обворожи́ли мои чувства.—Каковъ вамъ кажется мой рай? спроси́лъ онѣ меня.—Прекрасенѣ, и расположенѣ въ наилучшемъ

вкусѣ. — Эпо мой планѣ: я самѣ са-
дилѣ многія изѣ эшихѣ деревьевѣ.—
Какѣ вѣ эпомѣ великолѣпномѣ убран-
ствѣ, сѣ эшими блестящими персп-
яями, сѣ эшимѣ дорогимѣ оже-
рельемѣ, опрысканѣ благовонными
духами, шы самѣ работалѣ, насаж-
далѣ, украшалѣ эпошѣ садѣ?—Точ-
но шакѣ; когда я здоровѣ, я не сяду
за столѣ, пока не попржусѣ до по-
шу лица, занимаясь или воинскими
упражненіями или сельскою рабо-
тою.—Кирѣ! шы достоинѣ своего
благополучія, потому что насажда-
ешь добродѣтель вѣ полѣ богатствѣ!«
Тутѣ онѣ увѣдомилѣ меня, что на-
шелѣ мнѣ убѣжище, какого я желалѣ.
Мы прохаживались по саду, и за на-
ми, вѣ почшипельной опдаленности,
шолпа придворныхѣ. «Видишь ли
шы, сказалѣ мнѣ Кирѣ, вѣ сей столѣ
эшу блѣдную, сухощавую харю?
Эпошѣ негодай, вѣ моемѣ присуш-
ствіи, наскучаешь мнѣ своими ла-
скапельствами, а за глаза говоришѣ
обо мнѣ самыя обидныя рѣчи. Какое
наказаніе заслуживаешь онѣ?—Вотѣ
мой опѣшѣ: однажды вѣ Аѣинахѣ
должно мнѣ было рѣшипѣ шяжбу
двухѣ частныхѣ людей. Одинѣ на-
чалѣ свой процессѣ шѣмѣ, что его

противникъ ищешь вредить мнѣ во
 всякомъ случаѣ, и всегда опзываетъ
 ся обо мнѣ худо.—Э! послушай, мой
 другъ! прервалъ я рѣчь его: скажи
 только, чѣмъ онъ тебя обидѣлъ? ибо
 это твой процессъ, а не мой. Одинъ
 великій Государь обнародовалъ за-
 конъ, которымъ запретилъ судъ-
 ямъ наказывать за злорѣчіе, отно-
 сящееся лично до него.» Если обви-
 няемый, сказано въ томъ законѣ,
 злорѣчивъ по вѣщренности, то долж-
 но его презрѣть; если по глупости,
 должно объ немъ жалѣть: если жъ
 по злобѣ, изъ желанія намъ вредить,
 то должно его простить.» Сіи при-
 мѣры возбудили великодушіе въ серд-
 цѣ молодого героя, и онъ обѣщалъ
 никогда не мстить. Разспаваясь со
 мною, онъ хотѣлъ, чтобы я принялъ
 отъ него мѣшокъ золота. «Это те-
 бѣ на раззаводъ, для хозяйства, ска-
 залъ онъ; неслыханное дѣло, такому
 человѣку, какъ ты, терпѣть нужду
 и жить въ такой близости отъ бѣднос-
 ти!»—Не думаешь ли ты, Государь,
 что я глупѣе этого садовника, кото-
 рый, работая въ пошлѣ лица, съ такимъ
 удовольствіемъ поетъ заунывную
 свою пѣсенку?—Кого можно сравнить
 съ тобою въ мудрости?—Но вѣдь

эпошѣ чловѣкѣ живешѣ скуднѣе, не жели я, и однако доволенѣ. Кѣ чему мнѣ швое золошо, если я его не упо-шребляю? Мы тогда шолько шасшливы, когда имѣемѣ необходимое: желаніе излишняго поршипѣ наше шасшіе и дѣлаешѣ насѣ бѣдными и жалкими.» Сей Государь велѣлѣ опвесшѣ меня вѣ шу хижину, кошорую онѣ нанялѣ: она мнѣ сполько понравилась, что я, не медля, переселился сюда сѣ своимѣ семейшвомѣ и своими домашними богами.

«Я продолжалѣ видашѣся иногда сѣ Киромѣ: его любезныя свойсшва привязывали меня кѣ нему болѣе и болѣе. Онѣ опкрылѣ мнѣ свою душу, охотно спрашивалѣ моихѣ совѣшовѣ; а я за сію довѣренность плашилѣ ему всѣмѣ шѣмѣ, что внушали мнѣ слабыя мои свѣденія и моя опышность. Онѣ нашелѣ умное средсшво обязашѣ меня нечаянно, когда я совѣмѣ и не помышлялѣ о шомѣ. Эпого кабинеша, гдѣ мы шеперь, не было. Однажды спросилѣ меня сей Государь, каково мое уединенное убѣжище?—«Не лѣзя лучше, сказалѣ я; недоспаешѣ шолько маленькаго кабинеша вѣ серединѣ моей лавровой роши. Но я подожду, когда Азія

завоевана будетъ Греческими войсками: тогда, надѣюсь, и кабинетъ у меня будетъ.» — Чѣмъ произвести въ дѣйство сей обширный планъ, надобно дожидаться моей смерти.» — Эша шушка пѣмъ и кончилась; я думалъ, что она забыла. Чрезъ восемь дней послѣ сего прислалъ онъ за мною рано по утру, и подъ разными предлогами удержалъ у себя цѣлый пошъ день; показывалъ мнѣ свою переписку съ Лизандромъ, Спаршанскимъ полководцемъ; уговорилъ меня съ собою обѣдаться; изъ уваженія ко мнѣ, допустилъ къ своему столу только двухъ вѣрнѣйшихъ своихъ вельможей, людей весьма умныхъ и уже немолодыхъ. Разговоры наши относились до предметовъ важныхъ и занимательныхъ: обширный и гибкій умъ молодого Государя удобно могъ подладить подъ всѣ поны. Мы говорили о старости; я взялся доказать, что и она имѣетъ свои пріятности. «Правда, молодой человекъ бываетъ всегда окруженъ забавами и веселіями, и поному почищаетъ себя щастливѣе старика; но если старикъ не жалуетъ о сихъ забавахъ, если разборчивый вкусъ его доставляетъ ему новыя наслажденія

что онъ перьяшъ? Легкость и сила принадлежащъ молодымъ лѣшамъ; но сіи же свойства еще въ вышшей степени даны и оленю и быку. Такъ не уже ли мы для этого несчастнѣе сихъ животныхъ? Одинъ только бичъ старости есть уединеніе и скука, опягощающія бремя нашей жизни; но кто съ молодыхъ лѣтъ образовалъ и усовершенствовалъ свои таланты, привыкалъ къ трудолюбію и добродѣтели: тотъ въ осеннѣ время жизни своей вкушаетъ онъ посѣянныхъ добрыхъ сѣмянъ; онъ никогда не остается празденъ, всегда занятъ, всегда наслаждается. Платонъ умеръ на восемьдесятъ первомъ году съ перомъ въ рукѣ, до конца жизни философъ и щастливъ. Исократъ на девяносто четвертомъ году началъ трагедію, называемую Панапенея, и кончилъ ее на девяносто седьмомъ году; его учитель Горгіасъ не переставалъ учиться и писалъ даже до ста семи лѣтъ, т. е. до конца своей жизни. Нѣкто спросилъ его, не скучно ли ему такъ долго жить? Горгіасъ отвѣчалъ: «я не имѣю ни малѣйшей причины жаловаться на свою старость.» Вы поселите во мнѣ

желаніе соспарѣться скорѣе, сказалъ Киръ. — Я желаю вамъ долголѣтія Аргантанія, Царя Таршезійскаго, который царствовалъ восемьдесятъ лѣтъ въ окружностяхъ Кадикса, а жилъ сто двадцать. Впрочемъ, при смертномъ часѣ, прошедшее кажется намъ какъ сонъ, и все, что миновало, представляется, какъ бы того не было.

«Послѣ обѣда молодой Государь разсказалъ мнѣ о взятіи Вавилона великимъ Киромъ.

«Когда сей Герой увидѣлъ превысокія и прешолстыя стѣны Вавилонскія, то раскаялся въ своемъ безразсудномъ предпріятіи, иѣмъ болѣе, что Вавилоняне запаслись сѣбѣспыными припасами на тридцать лѣтъ, а въ водѣ не могли имѣть недосыпка, потому что рѣка Евфратъ протекаетъ чрезъ городъ шириною на двѣ стадіи. Но умъ его, равный его храбрости, внушилъ ему хитрое средство, которое и произвело желанный успѣхъ. Онъ облегло городъ и приказалъ рыть глубокой ровъ вокругъ стѣнъ; изъ вырытой земли сдѣлалъ валъ и на немъ поднялъ башни. Осажденные смѣялись надъ его работами. Онъ сносилъ ихъ насмѣшки, и

ожидалъ дня мщенія. Между тѣмъ узналъ онъ, что наступаешь праздни- ки у Вавилонянъ, въ который они провождаютъ ночь въ веселостяхъ и забавахъ. Симъ случаемъ Киръ воспользовался. При захожденіи солнца велѣлъ онъ открытъ рвы отъ праншей даже до рѣки; вода устремилась по новому своему логу, и въ короткое время можно было ходишь по дну рѣки. Не медля Киръ велѣлъ ийти по ней, вступаешь въ городъ со всѣмъ войскомъ: шумъ и смяшеніе праздника помѣшали жителямъ примѣшнъ его входъ. Онъ идетъ прямо ко дворцу: Царь Валтазаръ ожидалъ его съ мечемъ въ рукѣ предъ своею гвардіею; онъ убишь. Киръ, занявъ дворецъ, обнародовалъ по всему городу, что-бы никто изъ жителей не осмѣлился выходишь изъ домовъ, подъ опасеніемъ смертной казни. Вавилонъ столь обширенъ, что живущіе на краю его были уже покорены, прежде нежели жители центра узнали о судьбѣ своей. Когда насталъ день, то они опдались въ волю побѣдителя.

«Я ходилъ поклонишься праху сего Героя, оросилъ гробъ его слезами чувствительности и сокрушенія. Трофеи вашего Мильшіада возмущали

спокойствіе Темиспоклово; подобно
 тому, слава великаго Кира волнуеѣ
 духъ мой и величѣ мнѣ стыдѣсь
 моею неизвѣсностію. — А! молодой
 человѣкъ! вскричалъ я, что наша сла-
 ва? — Мечша! она подобно свѣту,
 всегда болѣе драгоцѣнна для пѣхъ,
 копорыя насъ видѣхъ во свѣтѣ, не-
 жели для насъ самихъ. Выслушай,
 что со мною случилось. «Вся Греція
 избрала меня главнымъ государст-
 веннымъ Казначеемъ и ввѣрила мнѣ
 власъ налагать и собирать подати:
 постъ важный, и я сполъ на немъ
 со всею вѣрностію честнаго чело-
 вѣка. Возвращаясь въ Аѣины, меч-
 шалъ, что весь городъ занимается
 только моею славою. Въ одномъ Ап-
 пическомъ селѣ, Алимѣ, нашелъ я
 нѣкоторыхъ Аѣинянъ, также не не-
 знаемыхъ, удалившихся въ деревню
 за нѣсколько предъ пѣмъ дней; одинъ
 изъ нихъ спрашивалъ у меня, что
 новаго въ Аѣинахъ? Я изумился; оп-
 вѣчалъ, что съ давняго уже времени
 меня въ Аѣинахъ не было; что я оп-
 правлялъ важную миссію. — Да, да!
 вскричалъ онъ; вишь вы возвращаете-
 сь изъ Лакедемона? — Э, нѣтъ!
 опвѣчалъ угрюмо другой, онъ былъ
 при Персидскомъ дворѣ въ качествѣ

посланника. Признаюсь, такая ихъ безпечность уколола мое самолюбіе. Но пусть-то я увидѣлъ, что за бездѣлка слава; смѣлся отъ всего сердца, и съ того времени пересталъ обольщать себя мечтаніями славы. Но расскажите мнѣ, гдѣ гробница Кирова? — Въ Пасагардѣ; она изъ массивнаго золота и украшена несмѣнными сокровищами. Камбизъ, сынъ Кирова, ввѣрилъ спражу сей гробницы Магамъ, копорые и охраняли ее при его наслѣдникахъ. Каждый мѣсяцъ они приносятъ ему въ жертву коня. Вотъ его эпитафія: «я Киръ, сынъ Камбизова, основатель Персидской Имперіи, побѣдитель Азіи; не позавидуй мнѣ въ эпомѣ памятникъ, гдѣ покоится мои кости.» — Если бы сей памятникъ былъ изъ простыхъ камней, то Киръ покойнѣе почивалъ бы въ своей гробницѣ.

«Сей молодой Государь открылъ мнѣ причину изнѣженности и разврата нравовъ Лидійскихъ.» Когда великій Киръ разрушилъ шронъ Крезовъ, то оставилъ въ Сардахъ гарнизонъ. Во время его отсутствія Лидійцы взбунтовались. Киръ клялся испребишь ихъ. «Накажи главныхъ

зачинщиковъ бунта , сказалъ ему Крезъ; чтожь до Лидійцевъ, то приведи ихъ только въ несостояніе бунтовавъ впредь : запрети имъ имѣть оружіе , прикажи носить великолѣпныя одежды , опущенныя до земли и неподпоясанныя, ходишь въ высокихъ кошурнахъ, учишь дѣтей ихъ играть на инструментахъ; пидай и умножай въ нихъ склонность къ забавамъ, къ изнѣженности , и ты скоро увидишь мужей , превратившихся въ женъ; тогда ни тебѣ, ни твоимъ наслѣдникамъ нечего будетъ опасаться возмущенія.» Киръ принялъ сей совѣтъ, и съ того времени Лидійцы болѣе славятся изнѣженною и роскошною своею жизнію, нежели славилась прежде воинскими своими подвигами и побѣдами. — «Совѣтъ Крезовъ, сказалъ я ему, только съ перваго взгляду кажется лестнѣе, но въ самой сущности непроченъ и безчестнѣе. Въ подобномъ нѣсколько слушаю я далъ Аѳинянамъ совѣтъ иной совѣтъ.Themistocles объявилъ нѣкогда въ полномъ собраніи народа, что имѣетъ предложить дѣло величайшей важности, полезное для опеческива, но такого рода, что оно требуетъ величайшей скрыш-

ности. Народъ приказалъ ему сообщить о своемъ предпріятіи мнѣ. Семиспоклъ повиновался. Намѣреніе его было сжечь всѣ корабли соединенныхъ Греческихъ гражданствъ, съ копорыми мы тогда находились въ мирѣ; и такимъ смѣлымъ шагомъ мы сдѣлались бы власшелинами всей Греціи. Я ничего не отвѣчалъ Семиспоклу; но вошедъ въ собраніе, сказалъ: «Аѳиняне! намѣреніе, которое мнѣ ввѣрилъ Семиспоклъ, есть самое полезнѣйшее для васъ, но вмѣстѣ и самое несправедливое.» Аѳиняне отвергли его, даже не зная, въ чемъ оно состоитъ. Киръ былъ бы болѣе великъ, если бы онъ упопребилъ подобную справедливость и кротость. Развращая народы, въ намѣреніи поработить ихъ, есть не что иное, какъ желать царствовать надъ полпою рабовъ, которые не только не могутъ быть подпорою трона, но еще имѣютъ нужду въ защитѣ другихъ. Твердѣйшее основаніе и подпора гражданствъ суть добродѣтели и честные нравы.»

«Такимъ образомъ Киръ удержалъ меня до самой ночи. Когда я пришелъ домой, то дѣти мои жаловались только на мое долгое отсутствіе и

болѣе ничего. На другой день всталъ я гораздо раньше, чѣмъ наградить потерю вчерашняго дня, и поспѣшилъ въ садъ. Представъше мое удивленіе! вижу прекрасную бесѣдку шамъ, гдѣ ничего не было; прошираю глаза, подхожу, прикасаюсь руками, не смѣю вѣрить своимъ чувствамъ. Бесѣдка споймъ, какъ бы выросла изъ земли въ одинъ день. Вхожу внутрь: прекрасный кабинетъ, все шамъ хорошо прибрано, со вкусомъ украшено; вижу двѣ картины: портретъ Семиспокла и мой. «Что за чудо! вскричалъ я: не съ неба ль упалъ эшопъ кабинета?» Дѣти мои слѣдовали за мною, и хотя еще были очень молоды, однако веселились моимъ удивленіемъ. Ашенаида не могла удержаться отъ смѣху; я спросилъ ее, и она наконецъ открыла мнѣ загадку. Въ эшопъ день, какъ Киръ удержалъ меня у себя до самой ночи, спо работниковъ построили это зданіе. Дѣлать было нечего, нельзя опоздать отъ подарка и возвративъ его назадъ. Спусти нѣсколько времени, сей молодой Сапрапъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ, гораздо милѣе моему сердцу и достойнѣе его великой души.

«Я рассказалъ ему о своемъ приключеніи въ Смирнѣ, о дружбѣ, челоѣколюбіи и благопворишельности рыбака и его друга, которые приносили мнѣ пищу въ пещеру; я примолвилъ, что въ ту минушу, когда я разспавался съ сими добрыми людьми, въ первой разѣ въ жизни желалъ бы быть богатымъ; что опдалъ бы все на свѣтъ, для заплавы за ихъ благодаренія. Сей великодушный Государь поступилъ и въ семъ случаѣ такъ же благородно, какъ и съ бесѣдкою: онъ, не сказавъ мнѣ ни слова, тайно велѣлъ выдать отъ моего имени немаловажную сумму прежде моему хозяину и его другу. Я совсѣмъ ничего не зналъ. Вдругъ въ одинъ день приходилъ ко мнѣ всѣ шрое: рыбакъ, жена его и другъ; благодарилъ меня тысячу разъ; говорилъ о благодареніи, о признательности. . . . «Но, друзья мои! сказалъ я, не вамъ, а мнѣ должно благодарить васъ; вы меня обязали, и я сполько еще нещасливъ, что не могу заплатить. Они опвѣчаютъ: «вы насъ обогатили; сумма весьма большая.» — Какая сумма? что вы говорите? — Та, что вы намъ прислали.» — Я болѣе и болѣе приходилъ въ удивле-

ніе. Наконецъ, разспрашивая подробности, спалъ догадываюсь, что это шушка Кирова. Тотчасъ описалъ къ нему, что онъ наложилъ на меня шягоспное бремя, котораго я неспи не въ состояніи; что шрое гражданъ Смирнскихъ ввалились ко мнѣ въ домъ побдашь мой хлѣбъ, подв предлогомъ, будшо пришли благодарить мнѣ за какую-то услугу, которой я вовсе не имѣлъ случая имъ оказашъ; что у меня нѣшъ ни хорошаго вина, ни кушанья, чѣмъ ихъ угощашъ; а какъ онъ причиною ихъ прѣвзду, то ему должно и неспи убытокъ. И такъ я прошу его прислать мнѣ нѣсколько бушьлокъ вина для эшихъ добрыхъ людей. Киръ отвѣчалъ, что онъ охотно выплашпъ свою подашь, какую я наложу, и что радъ бы чаще выплачивашъ подобную. Я удержалъ у себя на цѣлую недѣлю сихъ добрыхъ людей, и угощалъ ихъ, какъ лучше могъ. Киръ видѣлъ ихъ, и наградилъ по Царски. Признаюсь, что сіе благодѣяніе Кирова, радость милыхъ моихъ прежнихъ хозяевъ были лучшею въ жизни моей опрадою.

«Увы! шолько при года наслаждался я щаспіемъ, живучи съ симъ любезнымъ Сапрапомъ, который

называлъ меня своимъ опцемъ и оказывалъ ко мнѣ прямо сыновнюю нѣжностъ и почтительностъ. Дарій, отецъ его, сдѣлался боленъ; Кирова Парасиша, любя его больше, нежели старшаго сына Аршаксеркса, призвала его ко Двору, надѣясь, что отецъ назначивъ его наслѣдникомъ престола; но намѣреніе ея не удалось. Опѣвѣдъ Кировъ нанесъ мнѣ глубокую рану. Я и теперь еще каждый день съ горестію воспоминаю объ немъ. Трудно найти въ Государѣ, или даже въ частномъ человѣкѣ, столько любезныхъ, превосходныхъ качествъ: щедръ, но съ разборчивостію, и не распочителенъ; благошворителенъ изъ челоуколюбія, а не изъ щеславія; пылокъ, дальновидѣнъ, дѣятеленъ, неушомимъ въ шрудахъ; скоръ въ дѣлахъ до невѣроятности; мужественъ и терпѣливъ; вѣренъ въ словъ, хранящій тайну ввѣренную; при столькихъ добрыхъ качествахъ вѣжливъ въ разговорахъ, пріятенъ и уменъ въ рѣчахъ. Совершенства его помрачило нѣсколько неограниченное честолюбіе и желаніе громѣть въ попомшвѣ. Видъ его, ростъ геройскій; но крошечность и пріятство смягчали нѣ-

сколько величавость его и гордость. При нашей разлукѣ, съ моего согласія, онъ ввѣрилъ мою шайну и меня самого Фарнабазу, который, по усильнѣйшей его прозьбѣ, соблюдалъ мое спокойствіе и дѣлалъ мнѣ самое лестное опличіе. Такимъ образомъ жизнь моя печетъ въ неизвѣспности, мирно, и, какъ сказать, безъ движенія, какъ по и сродно въ молѣща, и я приближаюсь къ смерти непримѣнымъ ходомъ, подобно какъ тихая, медленно-текущая рѣка несется погрузиться въ бездну моря.»

ГЛАВА XX.

Страсть Фанорова. Замѣчанія о Спарте и ея правленіи.

Между тѣмъ слишкомъ чувствительный Фаноръ таялъ отъ любви, помился и не могъ привыкнуть къ хладнокровію равнодушной Аспенаиды. Наконецъ сказалъ мнѣ: «хочу наказать ее; припворюсь, что я влюбленъ въ сестру ея; можетъ быть ревность...— Не совѣщавалъ бы я тебѣ: эпитъ способъ хорошъ съ женщиною обыкновенною, болѣе щеславною, не-

жели чувствительною; но Апенaida не только не ограничится своею перембною, но еще приметъ ее съ презрѣніемъ; ты потеряешь ее почтеніе. А кого она не почитаетъ, къ тому не можешь имѣть привязанности: не самолюбіе, чувствительность ее надобно пронуть.—Если бъ я былъ увѣренъ, что она меня любитъ, что не отвергнетъ руки моей: то сію жь минуту сдѣлалъ бы ей предложеніе; но я боюсь отказа; спрогосъ Аристидова меня пугаетъ.—Угодно ли, чтобъ я попытался, поразвѣдалъ?—Обождемъ; эшотъ плодъ, столько приманчивый, еще не зрѣлъ. Если мнѣ откажутъ; если надобно удалиться отсюда: то я умру съ досады.»

Тутъ увидѣлъ я, что пылкая, чувствительная душа Фанорова нашла наконецъ въ предметъ любезномъ и добродѣтельномъ предѣлъ своему непосоянству, и что онъ старалъ пламенемъ порывистой, но самой чистой, непришворной спрасти: благошворное дѣйствіе добродѣтели, когда она является въ образъ прелестномъ красоты и невинности!

Между тѣмъ, не смотря на холодную, скромную наружность Апенайдъ, подозрѣвалъ я въ ней тайную

склонность къ Фанору. Съ нимъ она говорила мало, за то со мною много; со мною часто играла, рѣзвилась, даже ласкала меня, и тѣмъ возбуждала въ немъ ревность. — «Жалкой человѣкъ! говорилъ я ему: не видишь ли ты, что эта пріязнь, эти ласки, которыми ты завидуешь, по силѣ отраженія обращаются на тебя? Я швой сашеллишь и передаю къ тебѣ лучи солнца. — Сперва обходилась она со мною пріятнѣе, веселѣе, съ улыбкою на устахъ; теперь какая розница! — Непрудно отгадывать причину. Сперва ты показался ей любезнымъ; она тебя слушала, шутила съ тобою, какъ съ человѣкомъ, котораго сердцу ея не чего было бояться. Когда жъ примѣшила твою спрасть, заглянула въ себя самое: тогда призвала къ себѣ на помощь боязливость, скрышность, благоразуміе, разсудокъ, и, по совѣту ихъ, приняла наружность спешенную, важную. Дѣвушка молодая, нѣжная, но боязливая, смѣло играетъ съ чижищемъ, между тѣмъ какъ соколъ, при всемъ блескѣ своихъ перьевъ, спрашиваетъ, пугаетъ ее. — Я чижище, ты соколъ.»

Одно маленькое приключеніе, случившееся за обѣдомъ, открыло мнѣ

еще ясиѣ душу Апенаиды. Аристидѣ спросилъ у нее воды посвѣжѣе; Фанорѣ, чѣмъ избавишь отъ труда Апенаиду, бросается самъ, но такъ неловко, что ногою задѣваетъ за столъ, упалъ, и паденіемъ своимъ чужь не опрокинулъ его. Апенаида вскрикиваетъ и блѣднѣетъ. Фалоя надрывается со смѣху. Узнавъ, что Фанору не сдѣлалось никакой бѣды, Аристидѣ сказалъ Апенаидѣ съ усмѣшкою: «послѣ столь многимъ подвиговъ и трудовъ, понесенныхъ, подобно Улиссу, на сушѣ и на моряхъ, я считалъ себя гораздо мужественнѣе. Вошъ какъ судьба играетъ слабыми смертными! Въ то самое время, какъ мы наслаждались величайшею безпечностію, Фанорѣ падаетъ и столъ колышется. Такъ-то грады и царства колеблются, низвергаются съ высоты славы и могущества.»—Когда онъ говорилъ это, живой румянецъ покрылъ лилии прелестной Апенаиды, копорая, сисясь принять видъ шушливой, сказала, что паденіе Фанорова есть хорошій знакъ и предвѣщаетъ, что нѣкогда Греки завладѣютъ Азією.

«Молодой человѣкъ!—сказалъ потомъ Аристидѣ Фанору—за страхъ, копорымъ ты насъ подчивалъ, дол-

женѣ ты съ нами поплашишься. Разскажи намѣ кое-что о Спартиѣ, сообщивши намѣ примѣчанія свои о тамошнемъ правленіи. Ты конечно путешествуешь не изъ пустяго только любопытства, или не для перемѣны только мѣста.»—Тутъ Фаноръ, желая подать Аристиду и Апенаиду выгодныя мысли объ умѣ своемъ и знаніяхъ, собрался съ духомъ и говорилъ слѣдующее:

Твердосѣ Спартианцевъ и мужество ихъ въ перенесеніи бѣдъ для меня всего примѣчательнѣе. У нихъ осправлялся однажды большой праздникъ; спеченіе иноспранцевъ было превеликое; всѣ были въ амфитеатрѣ, гдѣ юноши и молодыя дѣвушки, раздѣлясь на двѣ части, сражались другъ съ другомъ совершенно нагиа. Въ то самое время являются гонцы изъ войска съ извѣщеніемъ, что оно разбито, и что полководецъ его палъ мертвъ на полѣ сраженія. Не смотря на сію ужасную новостъ, Эфоры, хотя крайне пронужные, приказываютъ очень хладнокровно продолжать празднество. Они разослали списокъ убитыхъ ко всѣмъ ихъ родственикамъ, а сами оспались въ театрѣ для окончанія игръ и пляски.

«На другой день родственники убишыхъ, съ лицомъ великодушнымъ и радостнымъ, поздравляли, обнимали другъ друга на улицахъ, на площади; напрошивъ того родственники воиновъ, оставшихся въ живыхъ, запиралась дома, какъ бы въ глубокой печали; если жъ дѣла заставляли ихъ показываться, то они были унылы и безмолвны, и ходили повѣсивъ голову. У женщинъ особливо различіе сихъ ощущеній еще разительнѣе изображалось на лицѣ: нѣ, кои ожидали сыновей своихъ, были смутны и молчаливы; нѣ жъ, коихъ дѣти пали поражая враговъ опечесства, съ свѣплымъ лицомъ бѣжали во храмъ для возблагодаренія безсмертнымъ; дѣлали взаимныя посѣщенія и поздравляли себя. — «Такое посоянство въ зоключеніи, сказалъ Ариспидъ, дѣлаетъ весьма много чести симъ гордымъ республиканцамъ. Эта Спарта пугаетъ меня, и я очень боюсь, чшобъ любочесствіе и мужество ея не нанесли когда нибудь бѣдспвеннаго удара Аѣинамъ и Греціи. Приключеніе, бывшее одинъ разъ съ мудрымъ и неуспрашимымъ Ксенофонтомъ, знаменитымъ ученикомъ Сократовымъ, подаетъ высо-

кое понятіе о героизмѣ Лакедемонцевъ. Среди шоржеспвеннаго жершвоприношенія извѣщають Ксенофонта о смерти сына его, убишаго на сраженіи. Не показавъ и виду смущенія, не прерывая обряда, онъ снимаетъ съ себя вѣнокъ и спрашиваетъ, какимъ образомъ юноша умеръ? — «Съ оружіемъ въ рукахъ, отвѣчають ему.» — Тутъ снова Ксенофонтъ возлагаетъ на себя вѣнокъ и свидѣтельствуется богами, что онъ болѣе веселился о мужествѣ и неуспрашимости сына своего, нежели скорбитъ о потерѣ его. — Но скажи намъ, продолжалъ Аристидъ, что нибудь о правленіи Спаршанскомъ? — Въ сей Республикѣ, говорилъ Фаноръ, престолъ раздѣленъ между двухъ Царей, изъ разныхъ поколѣній. Въ ихъ преимуществъ: по произволению своему объявляютъ они войну, предводительствуютъ войскомъ, и будучи въ походѣ, имѣють спо шѣлохранителей изъ отборнѣйшихъ воиновъ. Кожа и хребетъ всѣхъ живошныхъ, приносимыхъ въ жертву, принадлежатъ имъ. Вездѣ занимають они почетное мѣсто, а на пиршествахъ производятся имъ двойная доля. Когда не присушествуютъ они за обще-

народнымъ споломъ, що имъ опсылають на домъ нѣкошорое количесво ячменю и вина. На нихъ возложено смошрѣніе за дорогами. Если кто пожелаетъ усыновить себѣ дитя, шо не иначе можетъ исполнишь дѣйствіе сіе, какъ въ ихъ присушствіи. Голосъ ихъ считаешся за два; но они не могутъ ничего учредишь, ни узаконишь безъ согласія Сенашоровъ.

«Восемьдесятъ спарцевъ составляютъ Сенашъ и оспаються въ семъ званіи по смерть. Надобно имъ шесъдесятъ лѣтъ, чшобъ удостоишься бышь членомъ Сенаша. Народъ назначаетъ ихъ, и избраніе происходитъ слѣдующимъ образомъ: каждый изъ ищущихъ сего званія по жеребью являешся въ свой чередъ на площадь, гдѣ собранъ народъ; проходитъ ее медленнымъ шагомъ, не говоря ни слова; при чемъ сопровождаютъ его одобрительныя восклицанія въ большемъ или меньшемъ числѣ. Депутаты, скрывающіеся въ ближайшемъ домѣ, изъ кошораго однако не видно имъ избираемыхъ, замѣчаютъ на письмѣ шѣ минушы, когда восклицанія раздаются громче и продолжаютъ долѣ: ихъ донесеніемъ

рѣшился желаніе народа. — «Мудрено, сказалъ Ариспидъ, бытъ плутовству при таковыхъ избраніяхъ. Правда! народъ можетъ бытъ ослѣпленъ, предубѣжденъ, какъ то часто видалъ я въ Аѳинахъ... однако продолжай.» —

— «По окончаніи выбора, новый Сенапоръ надѣваетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, и ходитъ изъ храма въ храмъ для возблагодаренія богамъ, въ сопровожденіи многочисленной толпы молодыхъ людей, превозносящихъ его добродѣтели, и женщинъ, поющихъ въ честь ему похвальные стихи и благословляющихъ мудрый образъ его жизни. Помомъ посѣщаетъ онъ каждого изъ своихъ родственниковъ, который угощаетъ его, встрѣчая сими словами: «городъ даетъ тебѣ эшомъ праздникъ» — По окончаніи такихъ посѣщеній, онъ идетъ по обыкновенію съ поварищами своими за общую трапезу; ему производится двойная доля, которой одну часть онъ берегаетъ. По окончаніи стола, всѣ родственницы его представляются ему у входа въ столовую; онъ подзываетъ изъ нихъ ту, къ которой имѣетъ особенное почтеніе, и отдаетъ ей остальную долю, говоря:

«это дано мнѣ въ награду за добродѣшель; я также даю тебѣ» — Красавица, удостоенная такой опличной чесши, возвращается домой, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ родственницъ, а онъ выходящъ, окруженный всѣми мущинами.» —

«Скажи намъ, спросилъ Аристидъ, въ чемъ состоишь должностъ Эфоровъ? —

«Ихъ пять: они избираемы изъ всѣхъ классовъ гражданъ. Первый называется Эфоръ-Эпонимъ, и годъ означаеся его именемъ, равно какъ въ Аѣинахъ именемъ Архонта-Эпонима. Они почищаются представителями народа, который распространилъ власть ихъ далѣе власти Царей и Сенапоровъ. Одни Эфоры не встають съ мѣстъ своихъ при входѣ Царей. Они могутъ требовать ихъ предъ судъ, и по прещему зову должно непременно повиноваться: Эфоры имѣють право посадить ихъ въ тюрьму. Каждый мѣсяцъ Лакедемонцы присутствуютъ при общемъ собраніи, гдѣ разсуждаеся о важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Въ прииданіи лѣтъ всякой гражданинъ, не замѣченный ни въ чемъ предосудительномъ, имѣетъ право подавать свой

голосъ. «— «Сіе безпредѣльное вла-
стоначаліе Эфоровъ, сказалъ Ари-
спидъ, рано или поздно испроверг-
нетъ законоположеніе Ликургово.
Цари имѣютъ только одну шѣнь
царственнаго сана; Сенапоры дро-
жатъ предъ сими новыми владыками.
Народъ, прошивупославивъ неогра-
ниченную власть Царямъ и восьми-
десяти Спарѣйшинамъ, думалъ рас-
пространить свою свободу; но онъ
пѣмъ въ пѣснѣйшихъ узахъ и болѣе
порабощенъ самовластію. Еще жъ
скорѣе падетъ надменная Спарша сія
отъ развращенія нравовъ. Помню,
какъ въ первую Мессенскую войну,
когда войско Лакедемонское оспавалось
десять лѣтъ подъ Мессенною,
большая часть дѣвушекъ сдѣлались
матерями безъ брака, безъ супруговъ.
Тутъ явилось въ нѣдрахъ граж-
данства новое поколѣніе, не призна-
вавшее никакого отца. Дѣтей сихъ
назвали Парѣенійцами (*). Сказыва-
ютъ, что изъ арміи посланы были
знаменѣйшіе и здоровѣйшіе молодые
люди для вознагражденія ущербу,

(*) Парѣенійцы — рожденныя отъ дѣвъ,
или незамужнихъ: отъ Греческаго слова
παρθένος, дѣва.

причиненнаго войною. Между тѣмъ республика не хотѣла никогда признашь сихъ дѣшей за гражданъ, и они принуждены были основать селеніе въ Тарентѣ. — Тутъ спросилъ я Аристиду, лучше ли ему кажется правленіе Аѣинское? — «Лучше, еслибъ народу не давали слишкомъ большой власти; иначе городъ сей погибнетъ отъ своевольства своихъ собраній. Униженіе почестей ускоришь еще паденіе Аѣинъ: чести раздаются безъ разбору людямъ низкимъ, наглымъ и безъ воспитанія. Скоро самый любочестивый искашетъ презрѣть сіи мнимыя достоинства. Тогда республикѣ нечѣмъ будетъ награждать заслуги, дарованія и самую славу, кромѣ золота. Судья, воинъ, философъ, художникъ, будетъ прельщаться только стяжаніемъ сокровищъ. Когда жъ деньги составляютъ единственную пружину правленія, тогда нѣтъ болѣе гражданъ: честность тогда — безуміе; слава — мечта. Никто не знаетъ стыда: ухищреніе, обманъ, хищничество, суть пороки общенародные; а лучше сказать: тогда нѣтъ другихъ пороковъ, кромѣ бѣдности и неprovорства.

«Легкомысліе Аѣинянѣ можеть также пособствовать ихъ погибели. Я видѣлъ, какъ многочисленное собрание, въ то самое время, когда разсуждаемо было о важнѣйшихъ дѣлахъ общесѣвенныхъ, вдругъ поднялось и бросилось за пшичкою, пущенною молодымъ Альцибіадомъ, который говорилъ тогда въ первой разѣ предъ народомъ.

«Не смотря на то, у Аѣинянѣ есть нри превосходныя учрежденія: они говорящъ ежегодно похвальное слово гражданамъ, убишымъ на войнѣ; содержащъ на общесѣвенномъ иждивеніи сѣариковъ и сиротъ до совершеннаго возраста, а въ это время дарящъ имъ по полному воинскому убору; и они могутъ избрать такой родъ службы, какой имъ угодно. Республика Сѣаршанская основана на суровости и надменности. Философія и прочія науки, смягчающія и украшающія нравы, изгнаны изъ нее. Образъ жизни Лакедемонцевъ совершенно воинсѣвенный. Сверхъ того они не могутъ перѣбъ другихъ народовъ. Аѣиняне сполькожъ мужесѣвенны, какъ и они; однако война не есть ихъ единсѣвенное ремесло. Они упражняются въ краснорѣчіи,

спихотворсшвѣ, во всѣхъ наукахъ. Городъ ихъ есть жилище веселій, забавъ, обходительности и вкуса. Они любяшъ и ласкающъ иностранцевъ. — Но принесемъ жершву Минервѣ, богинѣ покровительницѣ нашего города. » — Тогда взялъ онъ осшавленную имъ часшъ мяса и велѣлъ сжечь. Попомъ мы разошлись.

ГЛАВА XXI.

Отгаяніе Фанорова. Разговоръ Антенора съ Атенаидою. Щастливая развязка.

Дни пролетали быстро въ семъ пріяшномъ убѣжищѣ. Однакомъ мнѣ хотѣлось возвратиться въ Аѣины: я горѣлъ желаніемъ увидѣть дорогую свою Ласеенію, но Фаноръ меня удерживалъ. Разспашься съ Ашенаидою было для него невозможное: смерть казалась ему сноснѣе. Никогда не видалъ я его въ такой сильной спрашси; сонъ, покой осшавили его. Онъ не жаловался на Ашенаиду; былъ признашеленъ за ея пріязнъ, за ея ласковосшъ, но не думалъ, чшобъ его любили, и эша мысль шерзала его. Однажды ищу его, и нахожу на бе-

регу Пакшокла; глаза его мупны, опчаяніе свирѣпспвуеѣ на лицѣ. Чшо ты здѣсь? сказалъ я ему; чего ищешь? — Смерти. — Ошкуда шакое мрачное опчаяніе? — Я несчастнѣйшій изблюдей: я предметъ ненависти! — Почему ты это знаешь? — Я хотѣлъ опдаѣ ей письмо; но жестокая св варварскою суровостію опказалась приняѣ его. Не помня себя, побѣжалъ я сюда, самъ не знаю св какимъ намѣреніемъ; но если опчаяніе мое не пройдеѣ, жизнь моя на волоскѣ. — Ты мнѣ жалокъ! Какое малодушіе! малѣйшее препятствіе приводиѣ тебя вѣ уныніе. Ты не вѣ состояніи дождаѣся, какъ молодая, боязливая и скромная дѣвушка, которая можеѣ быѣ хочеѣ испытаѣ шебѣ, обнаружитѣ сама свою склонностѣ. Вспомни, чшо ты хотѣлъ бросиѣся св Левкада и умереѣ жерпвою кокешки Оеаны. Не ужѣ ли ты каеѣся, чшо не пошеѣ на этоѣ опыѣ? — Ну! ну! да чегоѣ шебѣ хочеѣся? чего ты опѣ меня пребуеѣ? — Чшобѣ ты умѣлъ шерпѣль. Вооружись бодростію и постоянспвомѣ. Между шѣмѣ дай мнѣ свое письмо, можеѣ быѣ чшо его и прочитаюѣ. — Ты возвра-

пишь мнѣ жизнь и спокойствіе! « Сей лучъ надежды разогналъ мракъ, его покрывавшій.

На другой день поуспру мы вошли въ садъ и заспали уже шамъ обѣихъ сестеръ. Фалоя, встревоженная блѣднымъ, унылымъ видомъ моего друга, спросила его, не боленъ ли онъ. — Очень боленъ, ошвѣстствовалъ я, смотря на Ашенайдю; онъ провелъ самую безпокойную ночь: здѣшній воздухъ весьма вреденъ для него. — Да, да, перехватила Фалоя; мнѣ извѣстно его горе: онъ влюбленъ въ сестрицу, которая его не любитъ, а можешь быть и любишь, право не знаю; потому что она такъ скрышна, такъ скрышна! «... — Такой напѣвъ заславилъ покраснѣвъ Ашенайдю: она позамѣшалась, мы были не по себѣ. Къ счастью Фалоя насъ покинула, а я далъ знакъ Фанору, чтобъ и онъ удалился. Оставшись одинъ съ Ашенaidою, говорилъ я: «вы слышали, что сказала сестрица? — У нее голова наполнена вздохами. — Извините: она сказала сущую правду. Нѣтъ ничего вѣрнѣе, что Фаноръ терзается жестокою и несчастною страстію. Въ порывистыхъ волненіяхъ ея онъ къ вамъ пи-

шетъ; вы не принимаете письма его. Вдругъ голова его кружится, и воображеніе предпавляетъ ему въ будущемъ однѣ ужасныя картины. Вчера нашелъ я его на берегахъ Пакшюкла гошоваго бросишь въ воду. Сжалъсь надъ нимъ, надъ его спрдаіемъ! — Когда я говорилъ такимъ образомъ, Апенаида, съ поупленными въ землю глазами, безмолвна, углубясь въ самое себя, размышляла; минуша казалась мнѣ рѣшительною. — Позвольте, сказалъ я ей, прочешъ вамъ это несчастное письмо; и потчасъ, не дожидаясь опвѣща, началъ чипать:

«Жестокой другъ хочетъ испоргнушь меня опсюда, по естъ, опняшь у меня жизнь! Не могу рѣшишься ни жишь, ни умереть! Тягосъ бышя подавляетъ меня; а въмысль, больше васъ не видашь, разлучишься съ вами навсегда — эша въмысль дѣлаетъ мнѣ смерть ужасною.»

Вы видите его положеніе! оно убивственно! — Вижу, сказала Апенаида, что онъ не умѣетъ обуздывать своихъ спрасшей; что не имѣетъ ни малой власши надъ собою; что не только не слушаешся разсудка. . .

Разсудокъ, прекрасная Апенаида, управляешь кораблемъ только во время пишины. Но, посмотри далѣе.

«Непреодолимая спросишь удержи-
«ваешь меня здѣсь, оковавъ желѣз-
«ными цѣпями. Эпошь домъ будешь
«или гробомъ моимъ, или храмомъ
«верховнаго блаженства. Учасъ моя,
«мое бытіе, зависишь ошь васъ. Пред-
«лагаю вамъ руку свою, жизнь, всего
«себя, всю вселенную, еслибъ то
«было въ моей власпи. Рука моя дро-
«жишь, мысли шемнѣюшь, густой
«мракъ окружаетъ меня. изне-
«могаю.» —

Онъ въ опасности: не уже ли вы не пронесешь такимъ бѣдспвеннымъ его соспоянiемъ?—Онъ миѣ жалокъ; дочитайше. —

«Я еще дышу; но душа моя уше-
«каетъ. Жгущее, сокрушительное
«пламя поглощаетъ жизнь мою. Если
«я умру, пролей хощя нѣсколько слезъ
«на прахъ мой; живи и будь благо-
«получна!» —

Тутъ взглянулъ я на Апенаиду; тяжкой вздохъ поколебалъ грудь ея. Умильное соспраданіе, крошкое смущеніе, разлившееся по лицу ея, придавали ей видъ привлекательнѣйшій. И такъ, сказалъ я ей, помолчавъ нѣ-

сколько минути, какой отвѣтъ при-
несу я этому спрадальцу? въ же-
сточайшихъ мукахъ ожидаетъ онъ
своего приговора. Не ручаюсь за
жизнь несчастнаго, если вы не обод-
рите его хоть словомъ. — «Подите,
скажете ему, что я подумаю объ
немъ, и сего дни же дамъ отвѣтъ.»

Разговоръ этотъ, пересказанный
Фанору, прохладилъ жестокую го-
рячку, которая свѣдала его. Онъ до-
ждался рѣшенія Апенаиды довольно
покойно. Наконецъ прислала она за
мною сестру. — «Не знаете ли вы,
спрашивалъ я, что ей угодно? —
Нѣтъ! она такъ молчалива, какъ
нашъ Гермесъ въ саду.

Какъ скоро пришелъ я, Апенаида
говорила: «открою вамъ всю душу
свою. Съ перваго взгляда на Фанора
почувствовала я, что сердце мое со-
творено для любви. Сперва, безъ раз-
мышленія и страха, предавалась я
удовольствію быть съ нимъ вмѣстѣ
и разговаривать. Боялся ли грозы
при наступленіи прекраснаго дня?...
Я видѣла, слушала Фанора, ничего
не опасаясь; но какъ однажды подъ
видомъ, будто изъясняетъ мнѣ раз-
говоръ пщицъ, обьяснилъ онъ, впро-
чемъ весьма тонко, свои ко мнѣ чув-

спива : тогда открыла я глаза и увидѣла , что любовь опутываетъ меня своими сѣтями. Въ такомъ случаѣ единственнаго мое приближеніе было дѣдушка : я ввѣрила ему свои страхи , свою склонность и любовь Фанорову. Онъ отвѣчалъ : « мнѣ бы пріятнѣе было , еслибъ это дѣло касалось Антенора. По моимъ замѣчаніямъ онъ разсудительнѣе и поспѣяниѣе своего друга. Фаноръ кажется мнѣ легкомысленъ , вѣтренъ ; впрочемъ я не вижу въ душѣ его никакихъ слѣдовъ порока. Ты знаешь , любезная дочь , что единственнаго мое теперь желаніе есть желаніе твоего счастья. Послушайся меня , испреби , или по крайнѣй мѣрѣ скрой спроси свою къ этому молодому человѣку ; между тѣмъ я со вниманіемъ стану замѣчать характернаго. Если онъ таковъ , каковъ долженъ быть зять Аристидовъ ; если сердце и умъ его образованы , нравы чисты и укрѣплены правилами добродѣтели ; коротко сказать : если онъ можетъ составить твое благополучіе , то не только не хочу мешать любви вашей , но еще благословлю ее , и бракъ вашъ будетъ утѣшеніемъ и оправдою послѣднихъ дней моихъ . » — Послѣ этого Фаноръ

Антен. Т. III.

Ф

опчасу входилъ въ большее почтеніе у дѣдушки. Помните, какъ въ послѣдній разъ спрашивалъ онъ его о правленіи Спаршанцевъ? Ему извѣстно оно по крайней мѣрѣ столько же, сколько и другу вашему: но дѣдушка хотѣлъ знать, съ пользою ли онъ путешествовалъ, способенъ ли замѣчать и судить, и остался доволенъ его оповѣщаніями. — «Вижу, говорилъ онъ мнѣ, что у Фанора своего есть умъ, и умъ правильный, который и есть настоящій; а съ лѣтами онъ сдѣлается постояннѣе и разсудительнѣе. Не хотѣлъ бы я выдавать себя за глупца или невѣжду. Женщина умная и хорошо воспитанная не можетъ быть счастлива съ такимъ муженькомъ: первое потому, что глупецъ не умѣетъ сдѣлать пріятною и собственною своей жизни, не только жизни другаго; второе потому, что жена такого человѣка не можетъ любить; супружеское, безъ взаимнаго уваженія и привязанности, есть колючій терновникъ.» — Вотъ слова дѣдушки. Теперь спрашиваю васъ: Аншеноръ конечно не захочетъ, для минушаго счастья друга своего, сдѣлать несчастною внуку Ариспидову, за ея къ нему

пріязнь и доброхопство. Не поспайте жь опъ меня ничего, опкройте мнѣ харакперъ, душу и сердце Фанорова.— Скажу вамъ сущую правду, со всею искренностію, какъ честный человекъ. Впервыхъ, я весьма дорого цѣню его дружбу, коея неразрывнымъ узломъ соединены мы на всю жизнь. И такъ если вы сколько нибудь почишаете меня, то должны почипать и друга моего. Не возможно, прекрасная Апенаида, чтобы добрая душа прильпилась къ душѣ развращенной. Дружба, какъ вамъ извѣстно, есть растѣніе чуждое сердцамъ порочнымъ. Фаноръ чувспвишенъ и добродѣтеленъ.» — Тутъ представилъ я въ примѣръ поступокъ его въ Вавилонѣ съ молодую Аріаспою, и Апенаида была опъ того въ восхищеніи. Къ тому прибавилъ я: «нравспвенныя правила его непоколебимы. Одно, что можно причесать ему въ порокъ, есть непосоянство его въ любви. Впрочемъ я обвиняю его напрасно: до сихъ поръ онъ не былъ влюбленъ; минувшая склонность, чувспвенныя желанія часто обманывали его сердце и заставляли думать, что онъ любитъ. Онъ не находилъ еще предмета,

который могъ бы внушить ему истинную спрасъ, раждающуюся изъ соединенія пріятносшей, красоты, разума и добродѣтели, и который бы могъ, успроивъ его щасіе, положишь навсегда предѣлъ его непоспоянству. — Люблю вѣрить вамъ, пощому что люблю Фанора. Теперь пойду увѣдомишь дѣдушку о нашемъ разговорѣ, и ходатайствовашъ за друга вашего и за себя.» —

При выходѣ Ашенaida встрѣпилась съ Фаноромъ, котораго начиналъ уже мучить весьма продолжительный разговоръ нашъ, и сказала ему пріятнымъ голосомъ; «не надобно жаловаться на облака, которые временемъ закрываютъ отъ насъ солнце; когда оно разгонитъ ихъ, свѣтъ его покажется намъ чище и оправдѣ.» — Фаноръ былъ на верху блаженства, узнавъ, что онъ любимъ. Чрезъ полчаса Фалоя пришла за мною отъ спарика; я пошелъ. — «Скажи пожалуй, кричалъ мнѣ почтенный Ариспидъ, чего хочешь молодой эшотъ человекъ съ неумѣренною своею любовію? онъ думаетъ жениться на моей внукѣ?» — Къ тому клонялся всѣ его желанія. Если спрасъ его оскорбляетъ васъ;

если вы откажете ему: то повергнете его въ опщаніе.—«На эшо скажу тебѣ по же, что сказалъ Пизиспратъ роднѣ своей, побуждавшей его на мщеніе противъ одного молодого человѣка, который, въ жару любви своей, обнялъ дочь его при опщаніи священнаго обряда: «если спанемъ ненавидѣшь, или наказывашъ тѣхъ, кои насъ любящъ; то какъ же поступимъ съ тѣми, кои насъ ненавидящъ?» И шущъ же объявилъ его своимъ зятемъ.—Вы конечно поступише по примѣру Пизиспратову? —Да; пошому что Фаноръ нравился моей внукѣ. Конечно для меня пріятнѣе, если въ выборѣ ея сколько жѣ участвуемъ и размышленіе, сколько и любовь. Сильныя спраски воспаменяющія, не имѣя въ виду никакого достоинства. Эшо пылающія изверженія огнедышущихъ горъ, которыя скоро погасающъ, оставая вокругъ себя одни слѣды опустошенія и ужаса. Впрочемъ въ супружествѣ, какъ и въ войнѣ, должно что нибудь предоставишь форшунѣ. Одно только дѣлаю при эшомъ условіе, то есть, что бракъ не прежде совершился, какъ чрезъ шесть мѣсяцевъ.

Между тѣмъ Фаноръ возвратишя въ Оивы и поспашаеши опличить себя чѣмъ нибудь полезнымъ для блага своихъ согражданъ. Въ его лѣша покой естъ — безчестье; праздность — порокъ. Опечесству должны мы жертвовати своими трудами, своимъ временемъ, способностями, молодостью своею. Эгоистъ естъ сполькожъ дурной супругъ, какъ и гражданинъ; эгоистъ, живущій на счетъ другихъ. Сверхъ того, во время оплучки Фаноровой, я буду имѣть случай испытать постыженье жениха и невѣсты. Если оно оспашеши непоколебимо; то чрезъ шесть мѣсяцевъ другъ вашъ возвратишя къ намъ, и бракосочетаніе совершится здѣсь. Попомъ всѣ опправимся въ Оивы; а тамъ я посмопру, можно ли мнѣ будещъ переселиться въ Аѣины и въ нѣдрахъ матери-опчизны кончить опшпнокъ дней своихъ. Надѣюсь, что изъ уваженія къ сѣдымъ моимъ волосамъ и прежнимъ заслугамъ, простятъ мнѣ пеню, на которую осудили меня споль неправедно.» — Фаноръ богатъ, онъ въ состояніи снабдитъ васъ эпою суммою. — «Въ мои лѣша не занимающъ, не имѣя доволь-

но времени для заплашы долгу.—
 Однакожъ поди за нимъ, но не ска-
 зывай ничего; я первый хочу обвѣ-
 явить ему эту новоспѣ.—Когда мы
 вошли съ Фаноромъ, то Аришидъ
 оборотившись къ нему, кричалъ:
 «какъ, молодой человѣкъ! говоряшъ
 ты хочешь похитить мою внуку?
 Въ такомъ случаѣ ты возьмешь и ме-
 ня, потому что мы неразлучны: не
 правда ли, Апенaida?» Между тѣмъ
 румянецъ весенней розы покрылъ ея
 щеки; во взорахъ, на лицѣ ея блис-
 тало тихое веселіе и чувствитель-
 ность. Я никогда васъ не покину,
 оповѣщивала она. При сихъ сло-
 вахъ Аришидъ обнялъ ее, и взявъ
 за руку, подвелъ къ Фанору.—«Возь-
 ми, сказалъ онъ, я тебѣ ее вручаю,
 и увѣренъ, что дѣлаю тебѣ доро-
 гой подарокъ: постарайся сосре-
 вить ея благополучіе; ты оповѣща-
 ешь мнѣ за это. Сладости супру-
 жества и домашней жизни для душъ
 неразвращенныхъ имѣютъ неизбѣс-
 нимую прелесть, которой пороки
 чувствовать не способны. Это пер-
 вый законъ Природы, которая удо-
 вольствиями простыми и невинны-
 ми награждаетъ сердца добродѣ-
 тельныя.» — Чтобы поразвеселилъ

эпо прогашельное зрѣлище, добрый старецъ сказалъ Фалобъ: «когда будемъ въ Аѣинахъ, шо надѣюсь, что сограждане мои дадутъ тебѣ приданное и жениха.»—Фалоя шумливо ошвѣчала, что она надѣется, по примѣру сестры, и безъ помощи Аѣинянъ выдти за мужъ.

Восемь дней пробыли мы еще въ семъ пѣнишьномъ, блаженномъ убѣжищѣ, гдѣ водворяется мудрость и умѣренность; потомъ распались, проливая слезы. Не безъ труда испоргнулъ я Фанора изъ обѣщаній Апеннаиды: шестимѣсячная разлука казалась ему въкомъ спраданій.

ГЛАВА XXII.

Прибытіе ихъ въ Аѣины. Праздникъ, называемый Лампасъ. Очищеніе себя по сдѣланіи невольнаго смертоубійства. Продолженіе исторіи Теаниной и Бапта Теона.

Мы приспали къ Наксу для покупки вина, кошорое не хуже нектара, Гебою подносимаго Юпишеру. Островъ эпошъ называется также Діонисіадою, потому что Вакхъ или Діонисъ, первое шамощнее божество,

на немѣ воспишывался. Его величаютъ еще Царемѣ Цикладскихъ острововѣ (*), по обширности и изобилію; а жилиши тамошніе называютъ себя чадами Вакха и веселости, и проводящѣ дни свои въ забавахъ и пиршесствахъ.

При попушномѣ вѣтрѣ скоро приплыли мы въ Пирейскую пристань, которая обнесена каменною стѣною и простирается до самыхъ Аѣинѣ. Длина ея сорокъ стадій, вышина сорокъ локтей, а ширина шакова, что двѣ колесницы могутъ развѣзжать по ней рядомъ. Мы вошли въ Аѣины около вечера. Тотѣ же часѣ полетѣлъ я къ Ласееніи; но она была въ деревнѣ. Мы остановились у Эссала, друга Фанорова и повѣреннаго въ любовныхъ его дѣлахъ съ Сеаною. Нашедъ городъ освѣщеннымъ, спрашивали мы о причинѣ, и получили въ отвѣтъ, что тогда былъ праздникъ, извѣстный подъ именемъ

(*) Цикладскими называются многіе острова, лежащіе на Эгейскомъ морѣ или Архипелагѣ. Имя Цикладскихъ получили они отъ того, что положеніемъ своимъ составляющъ кругъ около острова Делоса.

Лампаса, или *Лампады*. «Выдемте на улицу, говорилъ нашъ хозяинъ; вы увидите бѣгъ факеловъ. Торжество это опшправляется въ честь и возблагодареніе премъ божествамъ: Минервѣ, Вулкану и Прометею. Минерву благодаримъ за деревянное масло, которое она дала намъ; Вулкана за изобрѣшеніе лампы; а Прометей за то, что онъ съ неба принесъ огонь.» — Эссалъ повелъ насъ по улицѣ, которая идетъ опъ Академіи, и на которой толпился весь городъ. Молодые люди разспавлены были въ равныхъ разстояніяхъ, начиная опъ жертвенника Прометеева, который въ Академіи. Народъ далъ знакъ: юноша, ближайшій къ жертвеннику, зажегъ свой факелъ и бѣгучи передалъ своему сосѣду, потѣ своему, и такимъ образомъ факелъ ходилъ поочередно изъ рукъ въ руки. Тѣ, у которыхъ онъ гаснулъ, выступали изъ ряду вонъ. Даже двое изъ этихъ молодыхъ людей, которые бѣжали неуклюже, были осмѣяны и бишы. Нѣкто, по имени Горгій, провозглашенъ побѣдителемъ; потому что онъ всякой разъ пробѣгалъ свое поприще съ факеломъ горѣвшимъ. Если всѣ факелы погаснутъ, то никто не объяв-

ляеяся побѣдипелемѣ, и награда оставлеяся до предбудущаго времени. Лишь только мы успѣли возвраишьяся домой и хопѣли сѣсть за столѣ, какѣ вошелѣ человекѣ, у коего на лицѣ изображалась дикая мрачностѣ. Не говоря ни слова, сѣ пошупленнымѣ взоромѣ, сѣлѣ онѣ у камина, вынулѣ свой кинжалѣ и вошкнулѣ въ землю. Мы удивились; но Тессалѣ намѣ сказалѣ, что эио одинѣ изѣ его друзей, копорый, какѣ видно, имѣлѣ нещасиѣ сѣблѣ невольное смершубийство, и что онѣ конечно пришелѣ кѣ нему пребовашѣ очищениѣ. «Я сѣблѣю ему эшу услугу.» Тутѣ онѣ вышелѣ и скоро возвратился сѣ невольникомѣ, копорый несѣ за нимѣ поросенка. Тессалѣ закололѣ его, и кровью помазалѣ руки кающагося; пошомѣ окропилѣ его очисшительными водами, призывая Юпипера, оппускающаго грѣхи; послѣ эшого сожегѣ опресноковѣ, сѣ изліяниѣмѣ воды и сѣ молишвою кѣ богамѣ, для умилоспивлениѣ милосердиѣ ошѣ Зевса. По окончаниѣ шакого обряда кающійся оставилѣ насѣ. Тессалѣ увѣрялѣ, что симѣ образомѣ убийца очищался совершенно, если прегрѣшениѣ было невольное.

За столомъ навѣдывался Фаноръ о щеголѣ Θεонѣ и прекрасной Θεанѣ. — Какъ! ты еще не позабылъ этой вѣроломной? — Не забылъ, только не изъ любви, а пошому соучастію, какое чувствительный человѣкъ всегда принимаетъ въ предметъ первой своей спраси. Къ шому жъ, мнѣ бы хотѣлось знать, щасливо ли она живетъ? — Совсѣмъ напротивъ: она жестоко наказана за свою къ тебѣ невѣрность. — Тѣмъ хуже. Не смотря на ея измѣну и безпущство, я бы хотѣлъ бросить нѣсколько цвѣтковъ на ея участь. — Пусть къ щасію ей загражденъ; ея правила, воспитаніе, вѣрность, нравы соврапили ее навсегда съ него. Я расскажу тебѣ конецъ ея приключеній:

Въ первые три мѣсяца замужества ей казалось, будто она щаслива. Краткое время сіе пролетѣло во взаимныхъ ласкахъ, восторгахъ, угожденіяхъ, забавахъ и пиршествахъ; но ко всему этому можно привыкнуть: желанія прищупляются и гаснутъ. Новобрачные, коихъ разумъ и сердце были пусты, необразованы, скоро предались неумѣреннымъ и вреднымъ наслажденіямъ; пихія и съ разумомъ согласныя занятія, сокра-

щающія долгошу дня, были имѣ неизвѣсны. Супруги и даже самые любовники, чтобы сдѣлать другъ другу пріятнымъ взаимное свое обхожденіе, особливо это тягостное одинъ-на-одинъ, должны имѣть душу благородную, добродѣтельную, и разумъ украшенный разнообразными свѣденіями.

«Къ супругамъ прокралась скука, неудовольствіе, ссоры. Θεонъ искалъ разсвѣнія, веселостей внѣ своего дому. Θεана, ревнивая не по чувству, но по самолюбію, мучила его своими подозрѣніями и упреками. Супругъ, худой послѣдовапель Сократова нравуученія, не только не слушалъ ихъ, но еще вошелъ въ любовную связь съ славною Фриною, сперва тайно, потомъ открыто; съ Фриною, которая сдѣлалась бессмертна какъ красотою своею, такъ и рѣзцомъ Праксителя, помѣстившаго сіе мастерское произведеніе искусства въ Дельфійскомъ храмѣ. Скоро молва дошла объ этомъ и до Θεаны. Какое опечаленіе! какая казнь для женщины, столько гордившейся своею красотою! Желаніе опмститься мучило ее и день и ночь; она умирала отъ неперпблливости посрамишь, наказавъ свою соперницу

Праздникъ Элевзинскихъ таинствъ приближался: вы конечно знаете, что это за праздникъ? — «Нѣтъ, отвѣчалъ Фаноръ; ты сдѣлаешь намъ удовольствіе, рассказавъ объ немъ кое-что.» — «Городъ Элевзисъ опстоишь отъ Аѣины стадій на тридцать, или на сорокъ. Къ нему идешь по возвышенной мостовой, называющейся святою дорогою. Храмъ Цереринъ стоишь у подножія одного холма. Праздникъ этотъ устроенъ, изъ благодарности, въ честь Цереры и Прозерпины. Говорятъ, что Церера, будучи принята дружески Аѣинянами, когда она искала дочери своей, и желая наградить ихъ гостепріимство, научила ихъ земледѣльству и внушила имъ сію вѣжливостъ и сію опличающую ихъ понокостъ въ обхожденіи. Праздникъ начинается въ половинѣ мѣсяца Воетро Міона (Сентябрь). Къ этому времени изъ всѣхъ Греческихъ городовъ бывають ходы въ Элевзисъ. Набожные люди, составляющіе ихъ, собираются сперва всѣ въ Аѣины, откуда потомъ идешь въ процессіи къ храму богини хлѣбодащельницы. Праздникъ продолжается девять дней, изъ которыхъ первые четыре

проходящѣ въ жершвоприношеніяхъ и чашныхъ обрядахъ. Подъ вечеръ четвертаго дня бываеѣ ходъ Корзины, копорая везеѣся на колесницѣ, запряженной волами, въ сопровождаіи многочисленной толпы женъ Аѣинскихъ, несущихъ другія корзины подъ багрянымъ покровомъ, въ которыхъ содержатся различныя вещи нужныя для обряда. Пятый день называеѣся днемъ Факеловъ, поѣому что весь народъ, муѣины и женщины бѣгаюѣ ночью съ факелами. Шестой посвященъ Бахусу. Въ эѣтомъ день бываеѣ великолѣпный ходъ, часто изъ приѣдцани тысячь богомольщиковъ состоящій, копорый начинаеѣся отъ Керамика, продолжается чрезъ городъ, и отправляеѣся въ Элевзисъ по святой дорогѣ. При эѣтомъ случаѣ несущѣ истуканъ бога, увѣнчанный мирѣомъ и держащій въ рукъ факелъ. Предъ началомъ шества приносяѣся жершвы Церерѣ и Зевсу и совершаюѣся изліянія изъ двухъ сосудовъ, изъ которыхъ одинъ выливаюѣ на восѣокъ, а другой на западъ. Дорогою поюѣтъ гимны въѣчесѣ богини; часто останавливаюѣся, и на каждомъ стояніи закалаюѣся

жертвы. Въ продолженіе сего праздника жрецы и народъ, въ память странствія Цереры, искавшей Прозерпины, разсѣваются по полямъ съ горящими пламенниками. Седьмой день посвященъ играмъ и шѣлеснымъ подвигамъ: мѣра ячменю составляетъ всю награду побѣдителя. Что касается до двухъ послѣднихъ дней, то они не очень примѣчательны, и предоставлены нѣкопорымъ неважнымъ обрядамъ. Скажу еще, что Элевзійской Цереринъ храмъ весьма великолѣпенъ, и такой свящости, что на помостъ поспилаютъ кожи живописныхъ, изъ опасенія, чтобъ непросвѣщенные не осквернили его прикосновеніемъ ногъ своихъ, и пушъ еще эпи непросвѣщенные должны стоятъ на одной лѣвой ногѣ до шѣхъ поръ, пока очистятся. Въ немъ два жертвенника: одинъ посвященный богинѣ жатвы, другой Прозерпинѣ и адскимъ божествамъ. Предъ первымъ служатъ жрицы, избираемыя изъ знатнѣйшихъ Аѣинскихъ домовъ, числомъ чешыре сѣа; а предъ другимъ жрецы отъ колѣна Эвмолпидовъ, изъ коихъ первенствующій, называемый Гіерофантъ, облачается въ блистательную ризу,

имѣя чело увязанное діадимомъ и распущенные по плечамъ волосы.

«Въ семѣ званіи первосвященства оспаютъ на всю жизнь; но для полученія его нужно имѣть прекрасный голосъ и не быть никогда въ брачномъ союзѣ.

«Вшорый изъ Архоншовъ начальствуетъ при сихъ праздникахъ. Должность его состоишь въ соблюденіи вездѣ порядка и шишины.

«Возвратимся къ Сеанѣ. На шестой день праздника Фрина явилась въ ходу Аѣинскомъ, въ щегольскомъ, великолѣпномъ нарядѣ, во всемъ блескѣ красоты и драгоценныхъ камней, разливая вокругъ благоуханія и привлекая къ себѣ одной взоры и сердца ошборнѣйшаго юношества. Сеана, пришедъ въ большее бѣшенство отъ сего поржества, приказываетъ евнуху бросить грязи на великолѣпную одежду своей соперницы. Раздраженная такою наглостію, Фрина дышала однимъ мщеніемъ. Спрашно изверженіе огнедышущихъ горъ, но спрашнѣ бѣшенство двухъ женщинъ, другъ на друга злобствующихъ! Чшобъ нанести ударъ вѣриѣ, Фрина молчала и поджидала случая. Блишательный Альцибіадъ явился тогда снова въ

Аѳинахъ, украшенъ лаврами пер-
ваго своего похода и прелестями
юныхъ лѣтъ. Теана увидѣла его, и
пламя любви пропекло по ея жиламъ.
Забывъ своего мужа, забывъ его не-
вѣрность, она распочала свои взоры,
свои ласки для сего молодого героя,
который столькожъ алкая забавъ,
какъ и славы, не пренебрегъ сего за-
воеванія. Это любовное приключеніе
скоро сдѣлалось содержаніемъ разго-
воровъ большаго свѣща, и Фрина съ
сей минутой пригостила планъ сво-
его мщенія. Извѣстно, каковъ Аль-
цибіадъ: онъ непостояннѣе погоды.
Хитрая Фрина заманила его къ себѣ
и умѣла возбудить въ немъ спросъ,
или по крайней мѣрѣ желанія; но все
оплакала сдачу крѣпости, разумѣв-
ся, чѣмъ пуще воспламенилъ сердце
молодаго воина; а между тѣмъ подку-
пила одного изъ его невольниковъ,
повѣреннаго въ любовныхъ его дѣ-
лахъ. Этотъ невольникъ увѣдомилъ
ее однажды, что у господина его съ
Теаною назначено свиданіе. Фрина
засылае къ себѣ Альцибіада немного
попреди назначеннаго часа, испо-
щаетъ все свое искусство, всю очаро-
вательность, и чѣмъ больше рас-
палилъ милаго своего героя-плѣнника,

позволяешъ ему нѣкопорыя неважныя
 шалости. Когдажъ онъ, въ огнѣ души
 своей, молишъ ее о полномъ блажен-
 ствѣ: то лукавица принимаетъ на
 себя видъ безпокоющейся, ревнующей
 любовницы, и не иначе хочешъ сдаться,
 какъ съ условіемъ, чѣобы онъ на-
 писалъ записку къ Ѳеанъ, съ копо-
 рою, какъ ей извѣстно, положено у
 нихъ нынче свиданіе, и увѣдомилъ
 бы ее, чѣо ему никакъ не лзя испол-
 нишъ даннаго слова. Спрасный
 Альцибіадъ, копорый успѣлъ уже и
 позабышъ, чѣо его ожидающъ въ
 другомъ мѣстѣ, вмигъ пишешъ эшу
 записку и отдаешъ для доставленія
 вѣрному своему невольнику. Между
 шѣмъ Фрина шайкомъ присовокуп-
 ляешъ къ шому слѣдующее крапкое
 приписаніе своей руки: «посылаю
 «къ опасной Ѳеанъ письмо отъ вѣр-
 «наго Альцибіада, котораго прошу
 «успушишъ мнѣ на нынѣшній вечеръ.
 «Оспанься, сударыня, покойно дома;
 «но не изволь ни сердиться, ни ревно-
 «вашъ, ни кручиниться о поперѣ бла-
 «женныхъ минушъ, копорыя назна-
 «чены были для ушѣхъ любви. Ты
 «ихъ легко вознаградишъ: Забавы и
 «Амуры въ швоихъ повелѣніяхъ.» —
 Вообразише бѣшенство, ошчаяніе,

вспыдѣ надменной любовницы при
чненіи такой записки! Проклятія ея
могли бы привести въ ужасъ и самую
преисподнюю. Она занемогла и не
смѣла казаться нѣсколько мѣсяцевъ.
На послѣдокъ время и прелестъ но-
вой побѣды розогнали мракъ ея по-
ски и возвратили къ ней игры и
смѣхи. Влюбившись въ новаго воз-
дыхателя, увлекаема пламеннымъ во-
ображеніемъ, предалась она всему
спремленію необузданныхъ спра-
сней, всѣмъ возможнымъ крайно-
стямъ. Такая неумѣренность повре-
дила ея здоровье, которое и पुще
разстроила она спрогою, непомѣр-
ною діетогою. Это лекарство упопре-
бляющъ наши женщины, чѣобы не
располстѣть и не обезобразить
стройности своего стана. Сверхъ
того Теана, для сохраненія всегдаш-
ней свѣжести въ лицѣ, испортила же-
лудокъ свой холодными декокшами.
Это также слишкомъ общее злоупо-
требленіе между женщинами, копо-
рыя никакъ не хотѣвъ разумѣть,
что красота и блистательный цвѣтъ
лица зависитъ единственно отъ
здороваго сложенія. Теана примѣрно
шала; прелестная свѣжесть ея про-
пала; тонкія, нѣжныя черты загру-

бѣли; коротко сказаць: участь ея схожа съ участію розы: она красовалась одно только утро; теперь трудно даже узнать ее. Послѣдній любовникъ скоро опѣ нее опсшалъ. Къ большому несчастію, распочинельность, непомѣрная роскошь обоихъ супруговъ, повергла ихъ въ нищету и уныніе, которое неминуемо за нею слѣдуетъ. Красавица Сеонъ, не въ силахъ будучи поправить зданіе своей фортуны, ни великодушно переносить поперю ея, къ помужу изнемогши опѣ безпушства, грызомый поскою, кончилъ бѣдное, ничтожное свое существованіе. Что касается до Сеаны, она живетъ еще, предметъ жалости; и къ крайнему ея уничиженію, Фрина, эта ненавистная соперница, Фрина, говорящъ, облегчающъ нищету ея пайнымъ подаваніемъ. — Таковы плоды дурнаго воспитанія! такъ бѣдственъ эпошъ даръ красоты! « —

Фаноръ вздохнулъ о несчастіяхъ Сеаны; по чувствительности своей онъ принималъ участие во всякомъ спраждущемъ существѣ: могъ же ли быть равнодушенъ къ спраданіямъ женщины, которую любилъ? Онъ оставилъ нѣкоторую сумму Сеа-

саму и просилъ переслать ее къ
ΘеанѢ.

На другой день очень рано отпра-
вился онѢ въ Θивы. Мы разсѣва-
лись не болѣе, какъ на шесть мѣся-
цевъ, но разлука наша была самая
горестная. Оставшись одинѢ, я по-
лѣпѣлъ потчасъ въ деревню къ лю-
безной своей Ласѣеніи.

ГЛАВА XXIII.

*АнтенорѢ приходитъ къ Ласѣеніи.
Комната, гдѢ завтракаютъ. Нѣ-
которыя герты Альцибіада. При-
ключеніе живописца Агатарна.*

Приближаюсь къ жилищу Ласѣе-
ніи. Сердце пренещетъ, душа по-
гружается въ море сладостей. Спра-
шиваю. — Она въ кабинетѢ, опѣвѣ-
чаеъ невольникѢ. — Поди, доложи
ей, что одинѢ чужеземецѢ, съ бере-
говъ Эвксинскаго моря, пришелъ ви-
дѣть ее и принеши ей дань удив-
ленія. Ласѣенія выбѣгаеъ и спус-
каеъ пронзительный крикѢ, не
смѣеъ вѣришь своимъ чувсшвамъ.
Я повергаюсь въ ея объятія. — Лас-
ѣенія! обожаемая Ласѣенія! какое бла-

женство! какія минушы!» — Опомнившись ошъ изумленія, она сказала мнѣ: «пойдемъ ошсюда, другъ мой! я задыхаюсь; намъ нужно освѣжиться прохладою воздуха.» — Въ молчаніи прошли мы чрезъ садъ; но это молчаніе было сосредоточіе блаженства. Между шѣмъ представлялись мнѣ прелестныя уединенныя мѣста, нѣкогда таинственныя свидѣтели нашихъ воспоговъ. Одины вздохъ, слово, взоръ давали знашь Ласѣеніи, какого роду были мои воспоминанія и сожалѣнія. Она понимала меня, пошупляла глаза, и нѣжный румянецъ разливался по щекамъ ея. Послѣ безчисленныхъ вопросовъ и опвѣшовъ о моемъ здоровьѣ, о моихъ путешествіяхъ, вспрѣшились мы съ гулявшимъ старикомъ. Ласѣенія бросается къ нему, обнимаетъ его и представляетъ мнѣ, говоря: «это мой бапюшка; а вонъ бѣжитъ, какъ серна, меньшая моя сестрица, Телесилла.» — Когда я поздоровался съ ними, Ласѣенія сказала: «можно подумать, что Телесилла не сестра мнѣ, а дочь; ей только шнадцать лѣтъ; но вишь она ошъ другаго брака.» — Тушъ старикъ напомнилъ, что время завшракашь, и

спрашивалъ Ласеенію , гдѣ прика-
жетъ изгоспосишь. — «Въ залѣ Ми-
нервы» — былъ опивѣнъ; и мы пер-
вые съ хозяйкою шуда опправились.
— «Возможно ли! вскричалъ я во-
шедши: эшо храмъ Флоры!» — Точно
такъ , но подѣ другимъ названіемъ.
Вмѣсто спашуи бога молчанія, вмѣ-
сто рѣзвыхъ Амуровъ и сосудовъ съ
цвѣтами , видишь ты здѣсь спа-
шую мудроси , съ изображеніями
ея любимцевъ, великихъ философв
и ученыхъ. Ты молчишь? задумался?
— Вижу по всему, что эшо святили-
ще не Мнемозины; боюсь, не пьютъ
ли здѣсь воды изъ Лепы (*). —
Страхи твои напрасны , мой лю-
безный! то , въ чемъ участвуемъ
сердце, никогда не должно исчезнуть:
но бываюмъ лѣта , когда надобно
бросишь игрушки молодоси. По-
смотри на всѣхъ эпихъ знамени-
тыхъ мужей: ихъ благородное , ве-
личественное лице возвышаетъ ду-
шу , воспламеняетъ любовію къ сла-
вѣ и добродѣтели. — «Важность,
говоришь одинъ Индѣйскій фило-
софъ, есть только кора мудроси. —
Пусть и такъ: но эша кора сохра-

(*) *Лета*, рѣка забвенія.

ияещѣ ея. Подѣ каждымъ изображеніемъ представленныхъ здѣсь мужей велѣла я вырѣзать по одному нравоучительному правилу, или опличительному ихъ изреченію.» — И по длинно надобно признаюсь, что это самое величественное сословіе. Бюсты, изъ прекраснаго бѣлаго мрамора, разставлены были вокругъ залы на порфировыхъ подножіяхъ и подѣ каждымъ вырѣзано что нибудь.

Подѣ Аристиппомъ:

Я владѣю Лаисою, но она не владѣетъ мною.

Подѣ Солономъ:

Вѣкъ живу, вѣкъ учусь; устарѣлъ, а все учусь.

Подѣ Аристотелемъ:

Надежда есть сонъ неспящаго.

Подѣ Хилономъ:

Всего труднѣе хранишь тайну; умѣешь употреблять свое время и безъ роптанія переносишь обиды.

Подѣ Віасомъ:

Поелику свѣтъ наполненъ людьми злыми; то надобно любить ихъ такъ, какъ будто нѣкогда будешь ихъ ненавидѣть.

Подъ Клеобуломъ:

Выходя изъ дому, сперва разсмотри, куда и за чѣмъ идешь; а возвратившись домой изслѣдуй, что ты сдѣлалъ.

Подъ Эпикуромъ:

Щасіе соспоишъ въ наслажденіи.

Подъ Анаксагоромъ:

На обрабошываніе ума своего употребилъ я время, которое бы мнѣ употребить на обрабошываніе своего поля.

Подъ Питтакомъ:

Если увидишь, что врагъ швой хочешъ сѣсть на праву, подъ копрою кроетсяя змѣя, и не предостережешь его, ты поступишь безчесшно.

Подъ Антисѣеномъ:

Единственное добро, котораго ничто похиштишь у насъ не можешъ, есть удовольствіе, чувствуемое по сдѣланіи добраго дѣла.

Подъ Феофрастомъ:

Величайшая расшочительность, какая только бытъ можешъ, есть, когда мы расшочаемъ время.

Подъ Зенономъ:

Съ добродѣтелию можно быть щасливымъ и въ самыхъ жесточайшихъ мученіяхъ.

Подъ Оалесомъ:

Вы не должны ненавидѣть другъ друга за то, что мнѣнія ваши не одинаковы.

Подъ Сократомъ:

Я бы ударилъ себя, еслибъ не былъ сердитъ.

Я доканчивалъ это чтеніе, какъ вошла Телесилла съ опцомъ. Намъ принесли Гиметскаго меду, плодовъ и сухихъ смоквъ, которыя показались мнѣ превосходнаго вкуса.—«Ашшическія смоквы, сказалъ спарикъ, почитающіяся лучшими во всемъ свѣтѣ, особливо въ великой они чеспи у Персидскихъ Царей; и Ксерксъ напалъ на Грецію для того, чтобъ имѣть въ своемъ владѣніи наши смоковницы (*). Аѳиняне, любя этошъ плодъ

(*) Говоряшъ, что однажды за столомъ поданы были Ксерксу Ашшическія смоквы. Царь спросилъ, откуда онѣ? Услышавъ же, что изъ Ашшики, приказалъ ихъ снять и клялся, что до тѣхъ поръ не станешъ бсть, пока не получишъ ихъ въ свое владѣніе.

до чрезвычайности, запрепили закономъ, подъ спрожайшимъ наказаніемъ, вывозъ его въ другія земли.»— Между шѣмъ, какъ мы завпракали, рѣзвая Телесилла уходила, приходила, опянь уходила, и возвращалась съ цѣвшами. Она поднесла мнѣ пучокъ миршъ и яминовъ со всею пріятностію и чиспосердечіемъ, какое сродно ея лѣшамъ. Вообще она была красивѣе своей сеспры, и однако имѣла съ нею сходство. Ласѣенія превосходила ее бѣлизною; въ черпахъ ея соединялась крошость съ величіемъ; на лицѣ Телесиллы изображалась веселость съ живостію; изъ черныхъ глазъ ея сыпались искры огня; лобъ, руки, ноги, словомъ, вся она была прекрасна, пѣнипельна. Ласѣенія примѣшивъ, что вниманіе мое обращалось на сеспру ея, сказала мнѣ смѣясь: «я скоро приревную; шы очень часто заглядываешься на Телесиллу.— Удивляюсь обѣимъ вамъ: одна похожа на розу распускающуюся, другая на розу во всемъ ея блескѣ.»— Тушъ вошелъ молодой человѣкъ, великолѣпно разряженный, ловкой, прекрасный; поклонился съ видомъ благороднымъ, и Ласѣенія приняла его, какъ коропкаго знакома. Любопытство, а мо-

жепѣ бытъ и ревностѣ, обрашпили на него все мое вниманіе. Онѣ говорилѣ умно, ловко, со всею Апшическою пріятностію; взорѣ его былѣ горделивѣ, глаза черные большіе; ростѣ геройской; спанѣ, казалось, вышелѣ изѣ рукѣ Фидіа; прекрасные черные волосы были намащены благовоніями и переплечены съ золошыми кузнечиками (*). Лице его было улѣплено мушками; кѣ ушамѣ привѣшены цвѣшны; хипонѣ его изѣ тончайшаго льну, ослѣпительной бѣлизны, развѣвался при каждомѣ дуновеніи вѣтра. Вмѣсто маншіи, онѣ носилѣ широкую, по землѣ проспирающуюся ризу: доказательство упоенной роскоши и нѣги. Вѣ рукѣ имѣлѣ шпоспчку, а башмаки его были новаго и спраннаго покроя. Такая выспавка чванства и распочительности сперва подаѣ мнѣ обѣ немѣ невыгодныя мысли: я почиалѣ его женоподоб-

(*) Аѣиняне были помѣшаны на древности своего происхожденія, то есть, думали, что они современны землѣ, на кошорой жили; и для шого долго носили маленькихъ золошыхъ или серебряныхъ кузнечиковѣ, какѣ знакѣ своей древности, будучи шаного мнѣнія, что эшо насѣкомое родилось изѣ земли.

нымъ въ нравахъ и неспособнымъ ни къ какой важной роли въ Республикѣ. Между тѣмъ онъ говорилъ весьма сильно и съ великимъ краснорѣчіемъ о источникахъ могущества Аѳинянъ, о различныхъ планахъ къ усмирению надменности враждующей Спарты; потомъ рассказалъ намъ весьма забавный анекдотъ.

«Однажды прохаживался я съ другомъ моимъ Тразибуломъ. Говоря о томъ и о другомъ, мы заспорили. Дѣло шло о двухъ стихахъ. Я утверждалъ, что они есть въ Иліадѣ; а Тразибулъ стоялъ въ томъ, что нѣтъ. На ту пору случились мы противъ одного училища; я предложилъ другу своему войти туда.—«Тамъ найдемъ мы, говорилъ я ему, Гомера, который рѣшитъ споръ нашъ.»—Входимъ, видимъ множество учениковъ и двухъ учителей. Тотчасъ прошу одного изъ нихъ пожаловать намъ для справки шворца Иліады.—«Сынъ Клиніевъ! опивается онъ, жаль очень, но у меня нѣтъ Гомера.—Ты вѣрно шутишь?—Ни мало. Клянусь Поллюсомъ, что говорю правду.—У тебя нѣтъ Гомера, а ты называешься Грамматикомъ?—Грамматикомъ и Поэтомъ; прошу не гнѣваться.»—Тутъ вѣпилъ я ему

пощочину, приговаривая: «не забудь купишь Гомера!» — Оборотившись попомъ къ ученикамъ, сказалъ: «найде, мои друзья, что учитель вашъ глупецъ.» — После такого общаго поученія хотѣлъ я идти, какъ другой учитель остановилъ меня, и возвыся голосъ, сказалъ: «молодой человекъ! умѣрь свою запальчивость и свои упреки. Вошь Гомеръ.» — Беру и читаю. — «Что значатъ эти вымаранные стихи, спрашиваю я его, и эти строки, писанные на поляхъ? — Это мѣста, копоры я переѣнилъ, и сдѣланные мною поправки; ибо я читаю Гомера и поправляю. — Плашишь ли тебя за это Правительство? — Ни бола. — Такъ вошь тебя награда.» — Другая пощочина мелькнула, и попрясла челою самозванца — Аристарха. Мы вышли съ Тразибуломъ смѣясь, и оставили двухъ педагоговъ въ спѣдѣ и бѣшенствѣ. — Рѣчь зашла попомъ о роскоши. Роскошь, говорилъ онъ, есть источникъ сокровищъ; она смягчаетъ нравы, украшаетъ общество, какъ цвѣты и зелень украшаютъ лугъ. — «Но, прибавилъ онъ, роскошь не должна пресупать границъ. Надобно умѣть спать на землѣ,

также какъ и на багрянѣмъ ложѣ; пишь съ такимъ же вкусомъ солоноватую воду, какъ и вино Лесбійское. Въ Спартѣ показалъ бы я примѣръ воздержанія; въ Аѣинахъ и Персеполѣ, возлежа на розахъ, желалъ бы уиисься всѣми сладостями нѣги.»

Чѣмъ болѣе говорилъ эпопъ волшебникъ и раскрывалъ свои таланты, тѣмъ болѣе ревность моя усугублялась. Я подозрѣвалъ въ немъ опаснаго для себя соперника. Къ щасію, ему должно было присутствовать въ народномъ собраніи, гдѣ слѣдовало тогда избирать военачальниковъ для похода противъ Персіи. Ласеенія увѣряла его, что вниманіе всей Республики обращено на него; а я спрашивалъ, какъ происходишь это избраніе? — «Двоjakимъ образомъ, ошвѣщствовалъ онъ: во первыхъ по жеребью, во вторыхъ поднятіемъ рукъ. Выборъ по жеребью происходишь въ Тезеевомъ храмѣ, и пошъ, на комъ больше бываетъ бѣлыхъ бобовъ (*),

(*) Въ народныхъ собраніяхъ Аѣиняне давали голоса посредствомъ бѣлыхъ и черныхъ камушковъ, или посредствомъ бѣлыхъ и черныхъ бобовъ.

получаетъ предпочтеніе. Что касается до втораго выбору, то онъ производится подлѣ крѣпости. Чермошпы (*) представляющъ избираемаго народу, который означаетъ свое согласіе поднятіемъ рукъ.» — Послѣ такого объясненія эшопъ удивительный человекъ опкланялся Ласееніи и сѣлъ въ пышную свою колесницу, запряженную бѣлыми Сакіонскими лошаками. Я спросилъ объ его имени. — «Какъ! сказала мнѣ Ласеенія: даже и не видѣвши никогда, ты бы могъ узнать знаменистаго Альцибіяда, прекраснѣйшаго изъ Грековъ; Альцибіяда, удивительное соединеніе всѣхъ прошивуположностей. Можно подумать, что въ шѣлѣ его двѣ души: воздержанъ и сластолюбивъ, простъ и величавъ, прилѣженъ къ дѣламъ и разсѣянъ: сущій Промей! кажется, будто онъ нарочно произведенъ для шѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился. Онъ все умѣетъ употребить въ пользу: и свои пороки, и прелести своей красоты, и очаровательность своего

(*) Законоблющители — чиновники, кои въ особенностяхъ пеклись о сохраненіи законовъ.

ума. Чѣшбы понравилсья, плѣнитсь, сполитсь полько ему показансья. Сверхъ того онѣ весьма храбрѣ и великой полководецѣ (*). — «Эполѣ человѣкѣ не менѣ опасенѣ въ мирѣ, какѣ и въ войнѣ, сказалѣ я, бросивѣ на нее значительный взглядѣ. — Такѣ, для республики; пошому чѣ онѣ движетсь и управляетсь народомѣ по своей волѣ. Но извѣстно, каковѣ народѣ: непостояненѣ и переменчивѣ, какѣ погода (**). Сего дни онѣ богошворитсь его; завтра низвергнетсь съ престола, на кошорой самѣ возвелѣ. Я ему это предсказывала. Мудрый Анахарсисѣ называлѣ народную Аѣинскую площадь теапромѣ несправедливости; но Альцибидѣ, упоенный своими успѣхами, по самолюбію слишкомѣ на себя надежный, не слушаетсь Анахарсиса и не вѣритсь моему пророчеству. Однажды шелѣ онѣ изѣ народного собранія съ видомѣ весьма довольнымѣ, покрывѣ

(*) Альцибидѣ, надѣленный въ избыткѣ всѣми дарами Нашуры, употребилѣ ихъ во зло; и обѣ немѣ исключительно можно сказать, чѣо сказано о Грекахѣ вообще: онѣ былѣ отецѣ пороковѣ.

(**) *Bellua multorum caritum.*

славою, окруженъ многолюдною толпою; человеконенавистникъ Тимонъ не только не бѣжалъ отъ него, какъ обыкновенно бѣгаешь отъ всѣхъ людей; но еще пошелъ къ нему на вспрѣчу и кричалъ: «прекрасно, сынъ мой! ты очень хорошо сдѣлаешь, если войдешь въ силу и достигнешь первыхъ степеней въ Республикѣ: ибо это къ гибели народа.»

—Итакъ это народъ весьма сильно предубѣжденъ въ его пользу?—Теперь пока такъ; впрочемъ надобно сказать, что это хитрый политикъ очень искусно водилъ его за носъ. Суди по слѣдующему, опмѣнно спранныму случаю. У него была собака чрезвычайной величины и прекрасная собою, за которую онъ заплатилъ семьдесятъ минъ. Однажды привелъ онъ ее ко мнѣ въ такое время, когда у меня было большое собраніе. Вообрази же себѣ наше удивленіе! собака безъ хвоста, безъ лучшаго своего наряда! Всѣ приступили къ нему и наперерывъ допытывались, гдѣ дѣвался хвостъ ея? — Я велѣлъ опрубить давича поушру. — Клянусь Юпитеромъ: это безуміе! вскричалъ одинъ изъ гостей; себя забранялъ. — «Того-то мнѣ и хочется. Я желаю,

чтобъ Аѳиняне занимались хвостомъ моей собаки, а не мною и не моими замыслами.» — Эта черта показываешь тебѣ его властолюбіе и хитрость; но, что расскажу тебѣ, покажешь его дерзость.

«Агашаркѣ, славный живописецъ, написалъ для сына Клиніева портретъ одной женщины. Альцибіадѣ хвалилъ блескъ красокъ, свѣжестъ колорита, правильность выраженія; но оуждалъ грудь. Такіе огромные сосцы, говорилъ онъ, идушъ развѣкъ одной плодовишой Церерѣ. Щекотливое самолюбіе художника оскорбилось; онъ не забылъ этого.»

«Спусти нѣкоторое время, понадобилось Альцибіяду расписать у себя одну залу. Онъ опнесся къ Агашарку, и получилъ отказъ. Прозьбы, обѣщанія, ласки, ничто не могло прельстить злопамятнаго художника; но Альцибіадѣ, непреклонный въ своихъ желаніяхъ, рѣшился получить хитростию, чего не могъ доспастъ изъ доброй воли.

«Однажды, въ вечеру, случилось живописцу иппи по Альцибіядовой улицѣ, въ которой не было на ту пору никого. Сынъ Клиніевъ, давно велѣвшій за нимъ присматривать,

приказалъ его схватишь. Схватили, и не смотря на крикъ и сопрош-
вленіе, заперли его въ опдаленную
комнапу. Агашаркъ, изумленъ, не
понимая спранныости такого пос-
тупка, безпокоюсь о развязкѣ, былъ
въ сильномъ волненіи и ходилъ ско-
рыми шагами; какъ Альцибіадъ, съ ви-
домъ смѣющимся, непринужденнымъ
вошелъ пощаенною дверью и просилъ
у художника извиненія, что столь
спраннымъ образомъ привлекъ его къ
себѣ. Агашаркъ надрывается съ до-
сады, осыпаетъ его укоризнами, жа-
луется. — «Правда, сказалъ Альци-
біадъ, винюсь предъ тобою; я по-
ступилъ не такъ, какъ бы должно;
но это отъ того, что высоко цѣню
швое искусство. Я имѣю въ немъ ну-
жду, и ты не прежде отсюда уй-
дешь, какъ исполнивъ мое желаніе.
Клянусь Аѳиною (*), что скорѣе
брошу въ огонь всѣ свои кисти! Я
Аѳинянинъ, такъ же свободно рож-
денный, какъ и ты: возвращи мнѣ
свободу, или спрашисъ мщенія зако-
новъ! — Выслушай хладнокровнѣе:
если ты согласишься одолжишь меня,
то въ продолженіи работы своей бу-

(*) Минерва.

дешь раздѣляшь со мною всѣ удовольствія, всѣ пріятности моего дома; музыка, прекрасный сполъ, несравненныя купальни, все готово. Въ вечеружѣ, чѣмъ развеселишь швое уединеніе и подкрѣпишь себя послѣ дневныхъ трудовъ, двѣ прелесныя невольницы, одна Іонянка, другая Милешянка, придуть провести съ тобой ночь; а когда кончишь свою работу, чепыре Апшическіе шаланша будутъ швоею наградою. Еслижъ, попрошивъ, ты все спанешь упрямишься, то не погнѣвайся, я буду плащать тебѣ тою же монетою.» — Сказавъ эшо, онъ поклонился и исчезъ.

«Агашаркѣ, оставшись одинъ, шумитъ, бранитъ, клянеть, призываетъ на мщеніе людей и боговъ; но ни люди, ни боги не приходятъ къ нему на помощь.

«Наступилъ часъ обѣда; невольникъ въ молчаніи приносить ему вкуснѣйшія яшвы. Агашаркѣ, ополкнувъ его и съ кушаньемъ, хочетъ уйши; но другіе примѣчавшіе за нимъ невольники препяшпвуютъ его побѣгу. Въ опчаяніи бросается онъ на постелю, и призывая сонъ, си-

лился забышь и посничанье свое и започеніе.

«На другой день пошѣ же невольникѣ явился съ такимѣ же превосходнымѣ кушаньемѣ, и принесѣ сверхѣ того кисти, палиспру и весь живописный приборѣ. Агашаркѣ, мучимый голодомѣ, взялъ кушанье, а прочее бросилѣ подѣ ноги и истопталѣ. Тажѣ самая комедія повторяема была и въ слѣдующіе три дни; на четвертый, вмѣсто прекрасной, вкусѣ улаждающей пищи, приготовили ему снѣдѣ совершенно по-Спартански. Надобно было ѣсть, пошому что онѣ не имѣлѣ охоты умереть съ голоду. На седьмой принялся онѣ за кисти и началѣ пачкашь сѣбѣ. Тутѣ снова появились вкусныя яствы: его угощали, какѣ роскошнаго Аѣинца; между тѣмѣ кисти его, управляемая досадою и негодованіемѣ, производила только недостойные его рисунки.

«Около вечера вошла въ его комнату молодая невольница, кошорую почелѣ онѣ за самую Афродиту (*).—«Я Юнѣнка Аспашина (**), сказала она ему,

(*) Венера.

(**) Аспашина значить бѣлая, какѣ снѣгѣ.

ша самая, о которой говорилъ тебѣ господинъ мой Альцибидъ: я пришла плясать и пѣть съ тобою. Тутъ начала она пѣть и плясать съ такою пріятностію, что восхищенный Агасаръ бросался съ распростертыми руками обнимать ее; но Аспасина, легкая какъ зефиръ, вмигъ увертываешься и изъ-за дверей кричишь: «шутъ все, что мнѣ позволено сдѣлать для тебя нынѣшній день! Если хочешь опять меня видѣть, смарай, что до сихъ поръ написалъ, и спарайся, чтобы работа твоя была достойна творческихъ твоихъ дарованій. Проспи!» — Живописецъ пребылъ нѣкоторое время холоденъ и неподвиженъ; но скоро негодованіе его пробудилось, ругательства и проклятія снова посыпались градомъ на дерзкого похитителя. На другой день, вставъ съ зарею, онъ принимается за работу, говоря самъ себѣ: «посмотримъ, удержишь ли-то свое слово Аспасина, придетъ ли опять! спанемъ прудишься. Долго ли мнѣ смарать это, коли захочу?» — Между тѣмъ воспоминаніе прелестной Іонянки, соединясь съ подспреканіемъ надежды, воспламеняетъ его творческую силу:

онѣ испощаетъ всю очаровательность своего искусства. Работа Агашаркова продолжалась съ часъ, какъ вдругъ восхищительная музыка поражаетъ слухъ его: онѣ слышитъ пѣсни, въ которыхъ прославляется высокое искусство живописи; воображеніе его воспламеняется, гений художества увлекаетъ его кисть, летаетъ по холсту, и мгновенно пворитъ превосходныя произведенія, удивляющія его самого. Въ порывахъ творческаго духа и изступленій, очарованъ прелестію работы, Агашаркъ забываетъ свою неволю, забываетъ поступокъ Альцибѣдовъ, пишетъ цѣлый день. Уже подъ вечеръ вспомнилъ онѣ, что Аспапина обѣщалась придти.— «Посмотримъ, говоришь онѣ, исполнишь ли она свое обѣщаніе!» — Тутъ вдругъ является Аспапина, болѣе прелестна, нежели звѣзда Венерина, блистающая сквозь тучь; въ награду за трудъ даетъ ему поцѣлуй, пляшетъ, поетъ, и входящая Аврора еще заспаетъ ее съ нимъ. Оставляя его, Аспапина спрашиваетъ: согласенъ ли онѣ за такую цѣну пожизнь въ своемъ зашоченіи и кончить работу? Щаст-

ливый художникъ общалъ все , чего хошѣли, и прелеспная Аспашина пошла увѣдомить о томъ Альцибіяда.

«Сынъ Клиніевъ не замедлилъ явиться къ своему плѣннику, и входя, говорилъ: «извини , что такъ долго не навѣщалъ тебя; мнѣ извѣстно было, что ты все досадуешь , и я не хошѣлъ усугубить твоего негодованія. Теперь же , когда гнѣвъ твой проходитъ, подобно вѣпру , мало по малу усихающему, я пришелъ спросить тебя: хочешь ли ты быть моимъ другомъ и собесѣдникомъ? Ты знакомъ уже съ Іонянкою Аспашиною; еще назначаю тебѣ, (потому что переменна есть душа забавъ), Милипянку Мильшо (*), свѣжую какъ цвѣтокъ упренній; только общай докончивъ свою работу.» — Агашаркъ, видъ себя отъ радости и признательности, далъ слово, и поспѣшъ пошелъ занять первое мѣсто на пиру хозяйскомъ. Когдажъ работа была совсѣмъ, онъ получилъ въ награду обѣщанные чепыре Апшичскіе шаланта. Съ тѣхъ поръ Агашаркъ остался всегдашнимъ любов-

(*) Мильшо значитъ розовой цвѣтъ.

никомъ прелестной Аспапины, и присуспівовалъ на всѣхъ пирахъ Альцибіядовыхъ. — Однакожъ прекрасный день вызываешъ насъ къ прогулкѣ. Я подражаю Аристоделю и люблю съ учениками своими прохаживаться. Пойдемъ на гору Иметъ: далеконько правда, отсюда двадцать чешыре спадіи; за то много пріятности тамъ ожидаетъ насъ.

ГЛАВА XXIV.

Видъ съ горы Имета. Исторія Импареты.

Мы пошли, взявъ съ собою одного невольника. Дорогою еще говорилъ я Ласѣенію объ Альцибіадѣ, о его умѣ и красотѣ. — «Эпопъ человекъ занимаетъ тебя, отвѣчала она мнѣ, не столько по своимъ блистательнымъ свойствамъ, сколько по связи своей со мною. — И то правда, впрочемъ я разсуждаю, какъ и всякой бы разсуждалъ на моемъ мѣстѣ. Альцибіадъ видѣлъ Ласѣенію развѣ, два, три; и послѣ не могъ уже быть, чѣмъ не видалъ ее. — Онъ весьма часто у меня бываешъ. Но вошъ и Иметъ.

Гора эта имѣетъ въ окружности восемь миль; пойдѣмъ на нее пихонько, и спанѣмъ разсмаприваешь красоты ея мѣспоположеній, веселоспѣ ея рощицѣ; будемъ дышать ароматическими испареніями пмина, өиміама и другихъ благовонныхъ распѣній, покрывающихъ ее. Посмотри, какое множесство ульевъ! здѣсь собираютъ медъ, лучшій во всей Греціи. Аѣиняне спрашные до него охопники; они кладутъ его въ соусы и дѣлаютъ изъ него пирожное. Медъ этотъ весьма здоровъ: увѣряютъ, что онъ продолжаетъ жизнь и весьма полезенъ для спариковъ. — Вотъ два жерпвенника, посвященные, одинъ Юпишеру дождливому, другой провидцу Аполлону. — Мы взошли на вершину. — «Опдохнемъ здѣсь, сказала Ласенія, и выкупаемся въ воздухѣ, который чище и жизненнѣе: кажется, что на высотахъ душа разрываетъ свои оковы; что она дѣятельнѣе, болѣе имѣетъ живоспи. Какое сіяніе! легкая, прозрачная спихія окружаетъ насъ; пихая, плодотворная теплоша оживотворяетъ, развѣтываетъ сѣмена жизни. Сюда — по долженъ приходишь мудрый возносишься выше бѣдспивій челоѣчества,

выше ничтожности величія и сует-
 ности; здѣсь дыханіе свободнѣе,
 мысль свѣплѣе. Посмотри, посмо-
 три, мой другъ, на сіе необозримое
 пространство, ограничивающееся
 далекимъ горизонтомъ. Аѳины пе-
 редъ нами какъ на блюдечкѣ, а во-
 кругъ большая часть Греціи. Какая
 великолѣпная картина! Вонъ свяшая
 дорога, простирающаяся на принад-
 цать тысячъ шаговъ, до самыхъ во-
 ротъ Элевзинскихъ, и уставленная
 по сторонамъ испуканами, капи-
 щами и мавзолеями. Тамъ, вдоль по
 берегу, видишь ты разные острова,
 а еще далѣе видишь другіе. Посмо-
 три, какое множество купеческихъ
 судовъ! они оживляютъ картину. По-
 смотри, какъ море сіе, грозное, ве-
 личественное, съ шумомъ разби-
 ваетъ валы свои о неколебимыя пре-
 грады земли: между тѣмъ какъ по-
 верхность ея, испещренная цвѣтами
 и вѣчною зеленью, возвышается надъ
 водами. — Зрѣлище прекрасное! но
 чтобы наслаждаться имъ, удив-
 ляясь ему, надобно не быть съ Лас-
 сею, или забыть ее. — Оставь сіи
 земныя помышленія; помни, что мы
 касаемся Олимпа, жилища боговъ.
 Знаешь ли ты Темпейскую долину?

—До сихъ поръ нѣтъ еще.—Тамъ позволено пипать гореспныя мысли. Для меня это почно убѣжище меланхоліи. Гораздо больше нравился мнѣ видъ свъ Имепта; здѣсь душа исполняется одними чистыми, сладостными впечатлѣніями. Она сугубится, такъ сказать, при воззрѣніи на прекрасную, изобильную спрану, обипаемую блаженными и свободными смерпными.—Приходила ль сюда Ласѣенія когда нибудь свъ Альцибіадомъ разсмапривать эту великолѣпную картину?—Эпошъ человекъ занимается тебя. Спустимся нѣскольکو внизъ; мы найдемъ гробъ, въ кошорой часпо уединяюсь я чипать и размышлять. Тамъ сядемъ, и я удовольствую швое любопытство.» — Ласѣенія привела меня въ пещеру, убѣжище тишины и прѣхлады, дышущее ароматами цвѣповъ и благовонныхъ растѣній. Сѣли. И шакъ рѣчь шеперь объ Альцибіадѣ, сказала она. Помнишься, я уже обѣявила тебѣ, что онъ бываетъ у меня часпо; къ этому прибавлю, что Альцибіадъ любилъ меня, или, лучше сказать, искалъ славы умноживъ мною число своихъ завоеваній. Казалось, что любовь его шла быспрыми шагами, какъ вдругъ

происшествіе, въ копоромъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, обратило на себя вниманіе города.

«Жена его, Ипарета, выведена была наконецъ изъ терпѣнія его невѣрностями. Да и не удивительно; для него это игрушка. Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы своей Альцибіадъ повстрѣчался съ Анишомъ, и когда эшотъ сказалъ: «возможно ли, чѣобы блистательный Альцибіадъ, эшотъ герой, позволилъ себя оковать такимъ образомъ?» — то онъ отвѣчалъ ему: «пустое, другъ мой! однѣ маленькія пшички вязнушъ въ сѣни; но орелъ разрываетъ ихъ, или уноситъ съ собою.»

«Ипарета, по наущенію злыхъ людей, рѣшилась требовать разводу. Въ такомъ случаѣ законъ предписываетъ, чѣобы жена внесла сперва въ присущственное мѣсто письменную разводную, и при томъ предъ народомъ. Это для того, чѣобы дать супругамъ время на размышленіе. Ипарета предстала предъ судьей и говорила: «граждане! и вы, мудрые служители Минервы! я представляю вамъ, сообразно съ законами, разводную свою съ Альцибіадомъ, до сихъ поръ моихъ супруговъ.» Едва успѣла

она сказаць эго, какъ вдругъ яв-
ляется Альцибїадъ. Каково было ея
смущеніе! она обомлѣла, колѣна ея
дрожали; она готова была упасть;
но Альцибїадъ поддерживаеиъ ее,
рветъ разводную, береиъ Ипарету
подъ руку и опводииъ домой при
рукоплесканїяхъ всего народа. Слухи
о семъ произшествїи скоро дошелъ
и до меня, но съ примѣсю такихъ
околичностей, которыя бы крайне для
меня были прискорбны, еслибъ я не
находила всегда убѣжища въ совѣсти
своей отъ несправедливости и кри-
выхъ людскихъ толковъ. Ипарета
обвиняла меня, что я похишила у
нее сердце супруга и причиною его
безпорядковъ. Тѣмъ, кои мнѣ объ
этомъ говорили, опвѣчала я, что
Ипарета предубѣждена и судиъ
обо мнѣ по однимъ слухамъ, не зная
меня лично; что впрочемъ еслибъ я
была и обижена, то нахожу удо-
вольствїе прощати. Я навѣдывалась
о ея состоянїи, и узнала, что дни
ея текли въ горести, и что она
не переславала приписывать мнѣ
своихъ несчастїй. Я почла, что луч-
шїй способъ оправдати себя предъ
нею будетъ стараться о прекраще-
нїи мукъ ея.

«Она меня не знала. Подъ чужимъ именемъ пребую я свиданья съ нею, и назначаю къ тому малый храмъ Венеринъ, въ которомъ находишься извѣстное масперское произведение Зевксиса, изображеніе Амура, увѣнчаннаго розами. Она согласилась. Я первая пришла въ назначенное мѣсто. Какъ скоро Ипареша появилась, я узнала ее по мѣшкашней поступкѣ, по боязливымъ взглядамъ, которые бросала она вокругъ. Подхожу и спрашиваю ее; пошому что она шрепешала, какъ голубка, попавшаяся въ сѣти. Тутъ начинаешь разговоръ нашъ. — «Знаю ваше горе, сказала я, и принимаю въ немъ столько участія, сколько можетъ принимать искренній другъ вашъ. Я знакома съ Альцибїядомъ и хочу, если вамъ не противно, вмѣстѣ съ друзьями своими, ходатайствовать предъ нимъ въ вашу пользу. Мы употребимъ всѣ способы, какіе только можно употребить съ человекомъ его свойствъ.» — «Чувствую цѣну вашей прїязни, отвѣщивовала она, вашего дружескаго соучастія, и благодарю васъ. Вы имѣете причину жалѣть обо мнѣ; я несчастнѣйшая изъ женщинъ. Я обожала Альцибїяда, но сама на одну

Антен. Т. III. III

минушу была предметомъ его вниманія, или, лучше сказать, его свое-
нравія. Вѣроломный! едва прошло два
мѣсяца послѣ нашего соединенія, и
онъ началъ уже распочать свои чув-
ства, свои ласки для другихъ, для
прелестницъ. Теперь какая-то Лас-
еенія, которая выдаетъ себя за фи-
лософку; которая шѣмъ опаснѣе, что
носитъ личину благоприспособности
и добродѣтелей, чуждыхъ ее сердцу...
— «Ну, чтожъ эша Ласеенія?» —
«Опущала супруга моего своими сѣ-
шьями. Она опшимаешъ его у меня,
пишаешъ его холодноспъ, возбужда-
ешъ въ немъ презрѣніе къ законной
супругѣ.» — «Мнѣ кажется, вы слиш-
комъ предубѣждены противъ эшой
Ласееніи: я слышала объ ней до-
вольно хорошаго. Она не выдаетъ
себя за философку, но съ удоволь-
ствіемъ занимается нравственною
частію любомудрія; она учинся умѣ-
рять свои спрасши, укрощать дви-
женія души, направлять ихъ къ до-
брому и похвальному; короче, я смѣю
увѣрить васъ, что между нею и
Альцибѣядомъ нѣтъ иной связи, кромѣ
дружества, и что она не только не
принимаетъ участія въ его безпо-
рядкахъ, но за удовольствіе бы поча

возсπανовитъ между вами эпу шишину, эпо сладкое единство сердець, которое дблаещъ супружество испочникомъ живѣйшихъ радостей и невозмутимаго блаженства. Но оставимъ эпу женщину; можетъ быть виновата она въ самомъ дѣлѣ, а можетъ быть только кажется виноватою. Откройте мнѣ сердце свое, если я спою вашей довѣренности, и скажете, чего вы пребуете отъ Альцибιάда?» — «Ахъ! чѣмъ онъ простилъ безразсудный поступокъ мой предъ Правительствомъ! Съ сего несчастнаго дня онъ совсѣмъ ко мнѣ не кажется. Пусть онъ возвратится къ супругѣ своей; пусть оцѣлуютъ ее своимъ присутствіемъ, бесѣдою, и возвратитъ ей жизнь. Она помилосердитъ, сохнетъ, изнываетъ.» — «Успокойтесь: Альцибιάдъ великодушенъ. Между тѣмъ послушайте моего дружескаго совѣта: снесите терпѣливо его невѣрности. Онъ столько молодъ, столько любезенъ, столько щастливъ, что не въ состояніи прожить прельщенію забавъ, его окружающихъ. Но мужъ честный — человекъ, всегда возвращается къ женѣ своей, или, лучше сказать, никогда ея не покидаетъ: она лучший

другъ его, искренній его повѣренный; она по потребности, успокоеніе сердца его. Женщины пребудутъ отъ мужей своихъ больше любви, нежели дружбы; и это-то самое скопляется на горизонтѣ супружеской жизни столько шучь. Любовь, дѣлая желанія: что въ нашей власти, того мы перестаемъ желать. Дружба растетъ и укрѣпляется отъ времени: привычка рождаетъ довѣренность, пріязнь и сопрягается отчасу тѣснѣе узелъ супружества. Я увижусь съ Альцибіадамъ, поговорю съ нимъ сама и чрезъ друзей своихъ; и если вамъ угодно завтра придти въ этотъ храмъ, то, надѣюсь, получите благопріятный отвѣтъ.» — И парета согласилась, увѣряя меня со слезами въ дружбѣ своей и признательности.

«На другой день послала я звать къ себѣ Альцибіада. — «У меня есть важное до васъ дѣло, сказала я ему. Судя по наружности, вы нѣсколько цѣните пріязнь мою. — Я бы не пожалѣла ничего, чтобы имѣть счастье вамъ понравиться. — Въ какой услуги я отъ васъ пребуду. Видно вы очень дружны съ Клеомедомъ? — Это искренній мой пріятель, малой умный, любезный Эпикуреецъ, весельчакъ, въш-

ренникъ; сласполюбивъ, какъ Аѳи-
нецъ, но опваженъ въ совѣтѣ и не-
успрашимъ на войнѣ.—Точный его
порпрепѣ. Но не довольно бытъ оп-
важнымъ и любезнымъ: надобно еще
бытъ справедливымъ, и, для содѣ-
ланія собспвеннаго своего щаспія,
дѣлать щасплыми окружающихъ
насъ. Клеомедъ вашъ обходится съ
супругою своею Эринною весьма хо-
лодно, даже не удостоиваетъ гово-
рить съ нею. Не только не спарается
загладишь предъ нею грѣховъ своихъ
противъ заповѣдей Гименеевыхъ, онъ
еще выспавляетъ свои невѣрности,
хвалился своими побѣдами и спа-
рается имѣть видъ самый равнодуш-
ный.—Это непроспительно; я побра-
ню его.—Эринна, кошорая все любитъ
его, Эринна мучится, сохнеть, пла-
чешся на судьбу свою.—Ну! ну! что жъ
мнѣ дѣлать? вы знаете, что я самъ
первый волокиша; что я всего чаще
ссорю супруговъ, а не мирю.—И од-
нако, по прозьбѣ моей, надобно вамъ
поспупишь на эшопъ разъ не такъ,
какъ вы обыкновенно поспупаете, и
примиришь Клеомеда съ Эринною;
надобно усовѣспишь друга вашего,
чтобъ онъ впередъ обходился съ су-
пругою своею любовнѣе и имѣлъ быкъ

ней шу вѣжливоспѣ и вниманіе, какое
 честный человекъ обязанъ имѣть къ
 подругѣ дней своихъ. Для этого при-
 ведете вы любезнаго Эпикурейца въ
 малой Венеринъ храмъ. Жена его бу-
 детъ тамъ же. Въ семъ-то храмѣ,
 предъ образомъ богини, поклоненся
 онъ невѣ въ рности къ ней (это сверхъ
 силъ его), но въ томъ, что будетъ лю-
 бишь ее, уважать, стараться о ея
 благополучіи.—Это суцая бездѣлка;
 мнѣ бы хотѣлось доказать вамъ пре-
 данность свою чѣмъ нибудь важнѣй-
 шимъ. Даю слово повидаться съ Клео-
 медомъ, объяснюсь съ нимъ по круп-
 нѣе, припомню ему обязанности суп-
 руга.—Онъ теперь здѣсь, гуляетъ въ
 саду. Пойдемъ къ нему.»—Клеомедъ
 былъ со мною въ заговорѣ; я переска-
 зала ему ролю его, и онъ ожидалъ
 только минуть выступить на сцену.
 Какъ скоро мы пришли, Альцибиадъ
 напалъ на него безъ всякой пощады;
 представлялъ ему, что друзья, что
 всѣ Аѳины не одобряютъ поступковъ
 его съ Эринною; прибавилъ къ тому,
 что когда свѣтской человекъ имѣетъ
 несчастіе обмануть жену, то по край-
 ней мѣрѣ шалости свои долженъ онъ
 вознаградить отличнѣйшимъ внимані-
 емъ къ ней, ласковостію. Клеомедъ

признавался, что онъ не безъ грѣха; винился коевъ какихъ неважныхъ просупкахъ, и не шайлъ, что любовь къ разсѣянности и забавамъ иногда заводилъ его далеко.—«Оставьте меня, примолвилъ онъ, еще нѣсколько лѣтъ въ покоѣ; пусть пройдетъ эта горячка молодости: а тамъ, даю честное слово, тамъ буду носить ярмо Гименеево безъ ропота, съ терпѣніемъ самаго Сократа (*).»—«Эпо когда-то еще будешь, опивчаешь Альцибѣядъ; одного общанія для насъ не довольно. Конечно, мы не запрещаемъ тебѣ, иногда, шихонько и погулять; но требуемъ теперь искренняго твоего примиренія съ Эриною, и вѣрнаго слова, что сдѣлаешь ее сколько щастливою, сколько въ твоей возможности.»—Клеомедъ, послѣ минушаго припворнаго колебанія, какъ будто чтобы опвязаться опъ насъ, общалъ полное удовлетвореніе женѣ своей.—«Вѣрю очень твоему доброму расположенію, сказалъ Альцибѣядъ; но человекъ перемѣчивъ, сердце его непостоянно. Хочу обязать тебя клятвою. Мы дадимъ знать Эринѣ,

(*) Ксаншиппа, жена Сократова, весьма часто испытывала терпѣніе своего мужа.

чтобъ она пришла въ храмъ Венеринъ,
и сами будемъ шуда. Предъ образомъ
богини ты поклоннешся женѣ своей
въ дружбѣ, въ почтительной нѣжно-
сти, въ томъ, что будешь покоишь
ее.—Согласенъ на все. Какъ не послу-
шаться такого важнаго, любомудраго
примиришеля? — Я взялась увѣдо-
мишь Эринну; а собравшись положено
при захожденіи солнца. И пареша, за-
вѣшенная покрываломъ, была уже въ
храмъ предъ изображеніемъ Циперы.
Слабый свѣтъ освѣщаль ее. Альци-
біадъ подошелъ къ ней и взялъ за
руку, чтобъ подвести къ Клеомеду;
но чувствуя, что рука ея дрожитъ,
говорилъ: «ободришесь; супругъ вашъ
гошовъ загладитъ свои вины предъ
вами; онъ поклонится въ томъ предъ
лицемъ боговъ. Ну, любезный мой
Клеомедъ! произнеси сладостнѣйшій
обѣтъ.—Я гошовъ, но пожалуй ска-
зывай мнѣ, я стану повѣрять за
побою. — Охотно, охотно, ошвѣча-
ель шушливо Альцибіадъ. Ну, говори:
«клянусь Венерою и сыномъ ея, хра-
«нишь всегда къ супругъ моей при-
«вязанность, дружбу, уваженіе, по-
«чтительную нѣжность; клянусь
«оказывать ей возможные угожденія
«и спараться о ея благополучіи.

«Если жѣ я пресуплю кляпву свою;
 «що да поразитѣ меня богиня всемѣ
 «гнѣвомѣ своимѣ, и да воспламенишѣ
 «во мнѣ, какѣ въ Пазифаѣ, звѣрскую
 «спрасшѣ къ какому нибудь чудови-
 «щу, опвратишельнѣйшему самага
 «Минопавра!» — Послѣ такихѣ за-
 «ключеній служишель олпаря заклалѣ
 «жертву, возліалѣ въ избыткѣ вино, и
 «воскликнулѣ: «да проліеши по землѣ
 «кровь того, кто пресупитѣ кляпву
 «свою, какѣ вино и кровь сей жерш-
 «вы проліянна по олпарю сему!» —
 «Принимаю обѣщѣ! вскричала шущѣ
 «Ипареша, клянусь Кипридою, ея
 «нешлѣбною красотою, бышѣ всегда
 «вѣрною Альцибіяду и вѣчно любишѣ
 «его. Въ прошивномѣ же случаѣ да
 «превратишѣ богиня кляпво пресуп-
 «ницу въ лепучую мышѣ, какѣ пре-
 «вратила она дочерей Минеевыхѣ!» —
 Каково было положеніе Альцибіада,
 когда онѣ узналѣ голосѣ Ипарешы,
 жены своей. Онѣ осполбенѣлѣ подоб-
 но слабой Прокрисѣ, когда она въ
 обольстишель своемѣ узнала Кефала,
 своего супруга, принявшаго на себя
 чужой образѣ. Тогда я сказала ему съ
 усмѣшкою: клятва произнесена; Ве-
 неры слышала: осмѣлиши ли Альци-
 біадѣ нарушитѣ ее? — Бышѣ такѣ.

Вижу, что я въ западнѣ.—Ты только что прочелъ мнѣ, сказалъ ему Клеомедъ, такое прекрасное поученіе о должностяхъ супруговъ! не прикажешь ли повспоришь его?—Не прудишь; я помню, что сказалъ, и почишаю правила свои споль основательными, споль согласными съ разсудкомъ, что охотно подтверждаю свою кляпву.—Тутъ обнялъ онъ Ипарету, которая въ восторгъ своего блаженства не помнила себя; но радость ея уступила мѣсто замѣшательству и стыду, когда Альцибидъ сказалъ: «благодари Ласеенію. Мы ей обязаны примиреніемъ своимъ.» — Ласеенію? вскричала она.—«Точно такъ, примолвилъ Клеомедъ: любезную, чувствительную философу Ласеенію.» При сихъ словахъ она еще больше замѣшалась и потупила глаза. Чтобы вывести ее изъ такого безпокойнаго положенія, я тихонько вышла, оставивъ ее съ Клеомедомъ и Альцибидомъ.

«На другой день Ипарета посѣтила меня и засыпала благодарностями своими и извиненіями, что имѣла такія обидныя на меня подозрѣнія, что такъ худо обо мнѣ думала. «Я эшимъ не оскорбляюсь, отвѣчала я.

Всякой благомыслящій человекъ долженъ спараться пріобрѣсти почтеніе своихъ согражданъ; но если они несправедливы, пристрастны, крикорушны; то ему надлежитъ искать тогда убѣжища въ совѣсти своей, довольствоваться собственнымъ своимъ уваженіемъ и ожидать отъ времени безприсуднаго суда. Если бы Прокопенъ изобразилъ меня отъ однимъ глазъ, подъ чертами оправащельными, въ твоихъ мысляхъ, что я дѣйствительно такова: то могла ли бы я твоимъ обижаться? Ни мало. Я только бы смѣялась его ошибкѣ. Вы поступили такъ же, какъ эпостъ живописецъ. Не зная меня лично, вы составили себѣ вообращельный портретъ, а не мой. Я довольно уже опомщена, если успѣла возстановить ваше щастіе, если вы примите мою дружбу и удостоите меня своей.»—Разговоръ нашъ кончился живѣйшими, протавельнѣйшими извѣщеніями взаимной привязанности и любви. Съ твоихъ поръ я часто выдаюсь съ нею, подкрѣпляю ее дружескими совѣтами, которыхъ она не опвергаетъ, и гораздо съ большимъ терпѣніемъ и равнодушіемъ переноситъ шалости въпренаго Аль-

цибіяда. За то онѣ оказываеѣ ей всѣ ласки, всѣ возможныя угожденія.

«То, что я шеперь рассказала тебѣ, примолвила Ласеенія, должно разсѣять всѣ твои подозрѣнія и показать тебѣ ощушительнымъ образомъ, что у меня съ Альцибіядомъ ничего нѣтъ больше, кромѣ дружеской связи. Онѣ никогда не былѣ для меня опасенѣ, и я смѣю льститься надеждою, что Паллада, заступница Аѣинѣ, охраненію которой и я поручила себя, покроетѣ меня впредѣ эгидомъ своимъ отъ стрѣлъ любви.— Но время намѣ возвращиѣся домой. Часѣ обѣда приближается; думаю, гости ждутѣ меня.

ГЛАВА XXV.

Обращеніе на путь истинный прелестницы Дамо. Обѣдѣ у Ласееніи. Что есть мудрецъ? Забавная гелта Сократова.

На возвращенномъ пути встрѣтили мы невольника, который шелѣ увѣдомитѣ Ласеенію, что Полемонѣ и Дамо уже пожаловали.—«Какѣ! Полемонѣ, сказалѣ я, этотѣ первоспашейной сластолюбецѣ, который сдѣ-

лааѣ надѣ собою такой внезапный и чудный переломѣ; который однимѣ скоткомѣ изѣ обѣяній нѣги очутился вдругѣ среди суровостей философіи?» — Точно такѣ. Чѣ касается до Дамо, ты ее не знаешь. Это была славная прелестница, славная своимѣ умомѣ, красою, любовными зашѣями и отвѣтомѣ своимѣ софисту Спильгону, укорявшему ее, чѣ она развращаетѣ юношество. — «Не все ли равно? отвѣчала Дамо: прелестница ли развращаетѣ его, или Софистѣ. — Самая эта Дамо, эта нимфа развраща, эта соблазнительница, увидѣла однажды поршрѣ Полемоновѣ. Важный, величавый видѣ его и эта ясность во взорахѣ, доказательство невозмутимой, чистой совѣсти, сдѣлали на нее такое сильное впечатлѣніе, чѣ она успѣдилась ложныхѣ своихѣ забавѣ и раскаялась въ своихѣ проступкахѣ. Исправленіе ея было скоростпжное. Она перемѣнила совершенно образѣ своей жизни, начала посѣщать училища философовѣ, особливо то, въ которомѣ преподавалѣ наставленія свои Полемонѣ; приказала поспрошѣ себѣ маленькой домикѣ въ сосѣдствѣ съ нимѣ, и теперь живетѣ, по

собственному ея признанію, во спю разѣ благополучіѣ, занимаясь въ тишинѣ философіею, исполненіемъ правилъ добродѣтели и обрабошываніемъ своего садика. Сполько - шо правда, какѣ говоришѣ одинѣ изѣ нашихъ мудрецовъ, что живопись и рѣзное искусство больше дѣйствуюшѣ на исправленіе нравовъ, нежели поученія философв!

Когда мы пришли, я шотчасѣ оправилисѣ въ купальню, гдѣ, имѣя воображеніе, наполненное Ласѣеніею, не переставалѣ обѣ ней думать. Разумѣ ея, болѣе украшенный; философія, болѣе привлекашья; ея прелести, сохранившія отѣ порядочной и дѣяшьяной жизни всю свѣжесшъ свою, воспламенили снова огонь, который не погасалѣ, а шолько шлился подѣ пепломѣ, и опяшѣ сдѣлали меня спрашьянымъ любовникомѣ. Я мечшалѣ, погруженный въ сихѣ сладкихѣ думахѣ, какѣ пришли сказашѣ мнѣ, что обѣдѣ гошовѣ.

Сполѣ Ласѣеніинѣ былѣ школою умѣренности. Ласѣенія любила ея во всемѣ не шолько изѣ экономіи, имѣя не слишкомѣ большой досташокѣ, котораго она не спараласѣ никогда приумножишѣ, но и по главѣйшему

закону Игфенны. Не смотря на то, лучшие люди изъ Аѳинъ, по своей любезности, по своимъ дарованіямъ и свѣденіямъ, искали чести бытъ за споломъ у Ласееніи. Она также допускала къ нему людей и самыхъ простыхъ. Когда ей объ этомъ говорили, она отвѣчала, что это люди честные и добрые, и что *сердце скорѣ дружитъ насъ, нежели разумъ*. Сама она составляла лучшую приправу своихъ пировъ своими дарованіями, шихою веселостію и пріятностію своего голоса. Въ числѣ гостей былъ Прошагоръ, пріобрѣтшій великую славу краснорѣчіемъ, въ копоромъ онъ упражнялся сорокъ лѣтъ. Съ помощію его нажилъ онъ больше, нежели сколько бы могли нажить вмѣстѣ десяти славнѣйшихъ художниковъ своими произведеніями. Онъ сказывалъ намъ, что ученикъ его Продипъ, орацоръ, какъ и онъ, говорилъ рѣчи за всякую плату. — «Я кое что объ немъ знаю, сказала Ласеенія, потому что имѣла любопытство ходишь слушать его. У него есть рѣчи цѣною отъ двухъ оболъ до пятидесяти драхмъ. Я слышала всякія и нашла, что пятидесятидрахмныя очень дороги.» — Проша-

горѣ, какѣ и всѣ софисты, въ помѣ пославлялъ славу, чѣмъ безъ приговора говоришь обо всѣхъ предметахъ. Одно и то же онъ защищалъ и опровергалъ по желанію слушателей. Рѣчь зашла о помѣ, чѣмъ есть мудрый, и мы просили Протагора дать намъ его изображеніе.—«Вотъ оно, говорилъ софистъ: надѣюсь, чѣмъ Полемонъ и Ласеенія узнаютъ себя въ сихъ чертахъ.»—Полемонъ отблагодарилъ смиренно-гордымъ наклоненіемъ головы; а Ласеенія со всею скромностію опустила глаза.—«Мудрый умѣетъ владѣть собою; онъ мало заботится о происшествіяхъ. Доволенъ будучи своимъ состояніемъ, онъ не желаетъ другаго. Онъ все испыталъ и знаетъ, чѣмъ перемѣною участи своей не выиграетъ ничего; онъ весьма мало имѣетъ нужды въ другихъ. Безпрестанно занимаюсь упражненіемъ душевныхъ своихъ способностей, онъ наслаждается, безъ отвращенія, безъ терзанія совѣсти, собою и міромъ. Такой человекъ есть безъ сомнѣнія существо ближайшее къ счастью. Удовольствія физическія и нравственныя, которыми наслаждается онъ попеременно, упрочиваютъ его благополучіе. Въ

напасяхъ и бѣдахъ онъ спрадаешъ меньше другаго. Сила души подкрѣпляетъ его, разумъ утѣшаетъ.»

Мы расхвалили Протагора за вѣрность порицанія и согласились единодушно, что свѣденія, таланты, образованіе ума и сердца доставляютъ чистыя наслажденія, расширяютъ кругъ нашихъ удовольствій, сугубяютъ дѣятельность жизни и служатъ охранительнымъ средствомъ отъ безчисленныхъ золъ, существенныхъ или мнимыхъ, обременяющихъ большую часть людей. Дамон и Полемонъ признавались, что лучъ блаженства не прежде озарилъ ихъ, какъ когда возпрянули они изъ пины ложнаго эпикуреизма и спали на спезю добродѣтели и философіи.

Зашла рѣчь о смерти философа Хризиппа. — «Слышно онъ опился виномъ, сказала Ласеенія—конецъ, достойный мнимаго мудреца, осмѣливагося сказать: «еслибъ я зналъ кого нибудь, больше меня свѣдущаго, ябы потчасъ пошелъ къ нему учиться!» Думаю, что попомство весьма усердно посмѣется надъ ребяческою кичливостію нашихъ философовъ.— «Не спорю съ вами, что онъ былъ самой заносчивой человѣкъ, опивш-

спововалъ Пропагоръ; но что касается до слуховъ о его кончинѣ, это сущій вздоръ: онъ не опъ вина умеръ, а опъ того, что слишкомъ много смѣлся, смотря, какъ оселъ изволилъ кушати смоквы изъ серебрянаго сосуда.» —

«Полемонъ, который, послѣ нравственнаго своего превращенія бросилъ вино, сказалъ шушъ: «положимъ, что Хризипъ не опился; но то неоспоримо, что излишнее употребленіе вина должно было разсстроить его здоровье. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, нѣтъ ничего вреднѣе, ничего смѣшнѣе даже, какъ всякой день опиваться эшимъ обезумливающимъ напишкомъ. Виноградъ, говаривалъ Анахарсисъ, приносишъ проякой плодъ: *веселость, опьянѣлость и раскаяніе*. Природа дала намъ для питья воду. Всѣ прочія животныя пьюшъ ее одну и всегда здоровы. — «Полемонъ забываетъ, сказалъ Пропагоръ, что вино у Эскулапа было всеобщимъ лекарствомъ для больныхъ. Инымъ предписывалъ онъ его для возбужденія ихъ, другимъ для усыпленія; а чтобы доказать доброту своего пользованія, Эскулапъ побился объ закладъ, что

самъ не будешь болѣе никогда. Онъ выигралъ, потому что умеръ отъ паденія, уже въ глубокой старости. Самъ мудрый Иппократъ совѣщивалъ пить, отъ времени до времени, чистое вино, и даже напиваясь до пьяна. Да и какъ иначе? вино весьма годится для человѣка: оно помогаетъ варенію, дополняетъ умаленіе соковъ, поправляетъ желчь, умножаетъ испарину и жизненную теплоту, которая убываетъ. Мы все помнимъ, какъ недавно Филократъ, послѣ сильной Димосееновой рѣчи пропивъ Филиппа, взмостился на кафедру, не дожидаясь зову публичнаго крикуна (*), и сказалъ не думавши, не гадавши: «Аѳиняне! мудрено ли, что Димосеены и я совсѣмъ пропивныхъ мнѣній? Онъ пьетъ воду, а я пью вино.» Эта необыкновенная рѣчь

(*) Когда народъ уже былъ въ собраніи, то крикунъ возглашалъ, не желаетъ ли кто говорить, кому болѣе пятидесяти лѣтъ? Послѣ него онъ кричалъ опять: еще кто? Такимъ образомъ каждый имѣлъ свой чередъ. Потомъ, въ силу закона Солонова, старшіе имѣли право говорить прежде. Но этотъ законъ при Димосеенѣ не во всей строгости наблюдался.

произвела великой смѣхъ въ народѣ, Говоря такъ убѣдительно о спасительныхъ дѣйствіяхъ вина, Пропагоръ однимъ залпомъ осушилъ чашу свою.—«Вижу ясно, отвѣчалъ Полемонъ съ усмѣшкою, что противникъ мой защищаетъ здѣсь сторону своей любовницы; но ему, думаю, извѣстно, что вода чистая естъ самое главное и употребительнѣйшее питье людей; что она великое разрѣшающее вещество; что тѣ, кои пьютъ воду, здоровѣе и крѣпче употребляющихъ вино; что у нихъ вообще мысли чище, память пверже, чувства понѣе и нѣжнѣе. Славный нашъ Демосѣенъ служилъ тому примѣромъ. Пустьъ Пропагоръ и Аншифилъ (имя одного изъ гостей), которые такъ часто ласкаютъ эту червленную чашу, пусть, говорю, скажутъ мнѣ: будутъ ли они, вспавая изъ за стола, чувствовашь, какъ я, эту легкость въ тѣлѣ и эту ясность въ душѣ — доказательство порядочнаго и легкаго сваренія? Не думаю. Напрошивъ голова ихъ опяжелѣвъ, глаза помутяшся, ноги ослабнушъ.» — Поелику дѣло дошло до меня, отвѣчалъ Аншифилъ: по я скажу Полемону, что онъ смѣшиваетъ злоупо-

прѣбленіе вина съ умѣреннымъ его упопрѣбленіемъ. Вино веселишъ сердце человѣка. Въ немъ есть шеплошворное вещество, оживляющее чувства, придающее бодрости.» — *Полемонъ*. Не вѣрю. Поселяне, не знающіе другаго напишка, кромѣ воды, гораздо крѣпче городскихъ жителей, упопрѣбляющихъ вино. — *Антифилъ*. Нѣкопорые такъ думаютъ, но я иначе мнѣнія. Это еще не доказано. — «Для прекращенія вашего спору, сказала пущъ Ласѣенія, совѣшую Антифилу чаще примѣшивать воды къ своему вину, а Полемону иногда вина къ своей водѣ.» — Такое рѣшеніе произвело смѣхъ. Между тѣмъ говорили Полемона выпить Лесбійскаго вина, припомнивъ ему пословицу, что не мѣшаетъ кстати и подуратиться (*).

Послѣ того сказалъ намъ Антифисъ, что Динокрахъ Аргосянинъ одержалъ побѣду въ ристалищѣ колесницъ на Олимпійскихъ играхъ. — «Слава, примолвилъ онъ, пропругила уже объ немъ по всей Греціи. Уже пишны и живописцы наперерывъ стараются предать потомству имя его.

(*) Dulce est desipere in loco.

и образъ. Увѣнчанъ лавровымъ вѣн-
комъ, онъ возвратился въ свою от-
чизну. Дорога, по которой онъ ѣхалъ,
была для него, отъ начала до конца,
пирожественнымъ шествіемъ. Аргосъ
принялъ его съ большимъ великолѣ-
піемъ и почестями, нежели Аѣины
Мильціада послѣ Мараѳонской по-
бѣды. . . . «Полемонъ, выслушавъ съ
улыбкою Анטיפила, сказалъ намъ:
«эпо пирожество, эпи почести
приводящъ мнѣ на память забавный
Сократовъ поступокъ съ Альцибіа-
домъ, возвратившимся изъ Олимпіи,
увѣнчаннымъ шрѣмя наградами за
одержаніе побѣды на ристалищѣ ко-
лесницъ. Вся Греція наперерывъ по-
здравила его и пирожествовала бо-
гатырскій его подвигъ. Лишь только
появился онъ въ Аѣины, весь городъ
бросился къ нему опрощенью; одного
Сократа не было. Уже на другой день
пожаловалъ онъ, и вмѣстѣ побѣди-
теля спрашивалъ побѣдителей. Какъ
невольники его не понимали, то онъ
велѣлъ проводить себя въ конюшню;
вошелъ туда со всѣми, при немъ быв-
шими, и просилъ показатъ бѣгуновъ.
Когдажъ ихъ вывели, онъ подошелъ
къ нимъ, свидѣтельствовалъ имъ
глубокое свое почипаніе, наставлялъ

множество вѣжливостей на щепѣ ихъ проворства, и привѣтствовалъ съ приобрѣтенною славою. Зубоскалы прокричали предъ ними Эврипидову оду, сочиненную въ честь Альцибіаду. Послѣ такой комедіи Сократъ ушелъ, не спросивши даже побѣдоноснаго рыцаря.» —

Разговоръ и между самыми учеными есть пшица, перепорхивающая съ вѣпки на вѣпку. Въ бесѣдѣ не заходятъ глубоко ни въ какое разсужденіе. Говорятъ о многомъ, ничего не изслѣдывая въ тонкость, и безпрестанно прыгая отъ предмета къ предмету. Такимъ образомъ зашла рѣчь о зависши, которая ядовитымъ зубомъ своимъ перзаеетъ дарованія и достоинства, и которая хвалитъ мерзвыхъ изъ ненависти къ живымъ. — «Въ саду у себя, сказалъ Протагоръ, поставилъ я въ гротѣ изображеніе этого чудовища. Вотъ описаніе его: «глаза мушные, глубоко-впалые, цвѣтъ посинѣлый, по всему лицу морщины; на головѣ, вмѣсто волосъ, извивающія змѣи; въ одной рукѣ держитъ оно при змѣи, въ другой седьми-главую гидру, а грудь его грызетъ скорпіонъ.»

ГЛАВА XXVI.

Трагическое произшествіе.

Къ слову о зависти, Дамо разсказала намъ трагическое произшествіе, случившееся въ бытность ся въ Коринѣ съ двумя живописцами, Эгезиппомъ и Каллистрапомъ. — «Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ были они весьма дружны, но дружба ихъ сдѣлалась еще тѣснѣе, когда Каллистрапъ женился на Клеобулинѣ, сестрѣ Эгезипповой. Участь сихъ прехъ смертныхъ была бы самая блаженная, еслибъ демонъ зависти не вкрался въ душу перваго. Искусство Эгезиппа съ каждымъ днемъ приходило въ совершенство, геній его спланировался опважиѣе, его картины возбуждали удивленіе и превосходили, по мнѣнію знамоковъ, работу друга его. Къ тому жъ Эгезиппъ, будучи характера самого любезнаго и пріятнаго, веселъ и обходителенъ, имѣя сверхъ того фізіономію самую щастливую и скромность рѣдкую, находилъ вездѣ свободный досугъ, вездѣ принималъ былъ своимъ личнымъ удовольствіемъ и уваженіемъ. Но

Калиспрапу не было такой удачи. Сии успѣхи, сіе предпочтеніе раздражили его еще больше. Онѣ не имѣли ни одного изъ любезныхъ качествъ своего друга; опчасу дѣлался мрачнѣе, брюзгливѣе, такъ, что жена осмѣлилась выговаривать ему, хотя съ опшѣнною тихосцію. Зяпѣ его, приписывая эту пасмурность какому нибудь неблагопріятному обороту форшуну, предложилъ ему своей кошелекъ и просилъ брать сколько ему угодно: ничто не могло смягчить сего звѣрскаго сердца. Эгезиппѣ прудился надъ прекрасною картиною, коея содержаніемъ былъ—«споръ Венеры съ Амуромъ: кто изъ нихъ скорѣе наполнилъ корзинку свою цвѣтами. На одной половинѣ представлена была богиня, съ улыбкою на устахъ, увѣнчанная миршами и розами; на другой Амуръ, машущій росписными своими крылушками, пурпуровыми и свѣтлоголубенькими, и порхающій вокругъ цвѣтовъ, копорые онѣ порошилъ срывать. Но позади Киприды была Периспера, молодая, прелестная Нимфа, копорая украдкою приносила ей цвѣты и бросала ихъ въ ея корзинку.» — Эгезиппѣ нѣсколько разъ просилъ

Каллиспрата придти посмотрѣть его картину и сообщить ему свои объ ней замѣчанія; но злонамѣренный художникъ всегда опговаривался подъ разными предлогами, и увидѣвъ картину только тогда, когда Эгезиппъ совсѣмъ ее кончилъ. Это произведение было такъ прекрасно, опдѣла такъ совершенна, что уязвленная зависть не могла заплашить ей дани удивленія. Каллиспратъ судилъ, оуждалъ, пребывалъ во многихъ мѣстахъ поправокъ, хотѣлъ смарать самыя лучшія черпы. Эгезиппъ не пренебрегалъ его мнѣній; но удивляясь строгости и брюзгливости своего Аристарха, онъ опнесся еще къ людямъ столько же знающимъ и гораздо безпристрастнѣйшимъ, и по совѣту ихъ выставилъ на зрѣлище свою картину такъ, какъ она была. Успѣхъ превзошелъ чаяніе: толпами сбѣгались смотрѣть ее, и слава провозгласила вездѣ имя Эгезиппово. Какая мучительная рана для души завистливой! Между тѣмъ Каллиспратъ спарался утѣшить себя надеждою, что картина, надъ которою онъ вшайнѣ прудился, чтобы пропивопоставить ее произведенію своего соперника, заппишъ

его совершенно, и помрачитъ славою
 творца своего славу Эгезипову. Эта
 картина представляла — «десяти-
 «мѣсячнаго Геркулеса, лежащаго съ
 «братомъ своимъ Ификломъ, копо-
 «рый моложе его одною ночью, на
 «широкомъ щипѣ опца ихъ Амфи-
 «пріона. Два змѣя ужасной величины
 «заползли на эпошъ щипѣ; изгиби-
 «стый хребетъ ихъ воздымается и
 «клубится; изъ челюстей печетъ
 «черный ядъ. Ификлъ, блѣдный, пре-
 «пещущій отъ ужаса, кажется ис-
 «пускаетъ страшный вопль. Герку-
 «лесъ маленькими ручонками своими
 «схватываетъ за горло двухъ чудо-
 «вищъ, и улыбаясь къ матери своей
 «Алкменѣ и Амфипріону, прибѣжав-
 «шимъ на крикъ Ификловъ, пока-
 «зываетъ имъ змѣй умерщвленныхъ.
 «Амфипріонъ имѣлъ на себѣ щипѣ
 «и препоясанъ былъ широкимъ ме-
 «чемъ.» — Эта картина выставлена
 на зрѣлище безъ имени художника,
 спустя нѣсколько дней послѣ кар-
 тины Эгезиповой. Но какъ коло-
 ритъ ея былъ слабъ, а особливо недо-
 ставало ей живоспи и силы выраже-
 нія; то она не произвела никакого
 дѣйствія. Объ ней поговорили день,
 и оставили ее, чтобъ занимать

масперскимъ произведеніемъ Эгезиппа. Такая неудача воспламенила душу Каллисπραшову злобою фурій; и онъ въ бѣшенствѣ своемъ поклялся погубить слишкомъ щасливаго соперника. Въ одну темную ночь, переодѣтый, съ кинжаломъ въ рукѣ, онъ ожидалъ его въ улицѣ, которая прямо идетъ къ Лехею (*). Какъ скоро Эгезиппъ показался, онъ бросается на него, поражаетъ двумя ударами, повергаетъ на землю и оспавляетъ плавающего въ крови своей при подножіи бронзовой Меркуріевой статуи. По совершеніи злодѣйскаго умысла своего извергъ поспѣшъ возвращается домой. Жена, встревоженная смертію его блѣдностію, съ дикимъ видомъ, съ свирѣпыми взглядами, приступаетъ къ нему, спрашиваетъ; но онъ не отвѣчаетъ ни слова, ходитъ скорыми шагами, садится, встаетъ. Видя его въ такомъ жестокѣмъ волненіи, Клеобулина спарается успокоить несчастнаго, осмѣливается употребить ласки; но онъ сурово отклоняетъ ихъ; бѣшенство его, кажется, тѣмъ усугубляется. Въ ту минуту слышенъ у дверей

(*) Коринѣская гавань у Ишма.

спукъ : это Эгезиппъ умирающій идетъ искашь приспанища въ дому друга своего. Прохожіе нашли его покрышаго кровью, ползущаго съ усиленіемъ ; спрашивающъ , куда онъ прикажетъ себя опнести. — « Къ Каллиспрапу , ошвѣстивуешъ онъ , къ другу , брапу моему ; онъ приметъ послѣдней вздохъ мой. » — При имени Эгезиппа ужасъ поражаетъ убійцу ; онъ бѣжитъ сокрыпъся во мракъ , въ верхней часпи дома. Клеобулина бросается къ брапу , рыдаетъ , не знаешъ что дѣлать , испощаетъ всѣ пособія. Между тѣмъ Эгезиппъ спрашиваетъ Каллиспрапа , хочешъ его видѣть , прижасть къ сердцу своему , пока оно еще бьется. Клеобулина ищетъ злодѣя , приводитъ его насильно. Онъ обнимаетъ кончающаго своего друга ; какъ крокодилъ , плачетъ надъ ранами его ; дерзновенно спрашиваетъ , какой извергъ могъ посягнуть на такое ужасное злодѣяніе. — « Не знаю , мой другъ , ошвѣстивуешъ Эгезиппъ голосомъ мершвѣющимъ ; я не могъ различить его ; но знаю то , что никогда не оскорбилъ никого , по крайней мѣрѣ съ умысломъ ; я не заслужилъ такой горькой учаспи. — Такъ , любезный

мой Эгезиппъ! вскричалъ его палачъ, такъ, неоцѣненный мой другъ! одно чудовище могло на тебя поднятъ убійственное желѣзо.» — При сихъ болѣзненныхъ восклицаніяхъ онъ наклонился къ нему, осыпавъ его нѣжными ласками; казалось, изчезалъ отъ скорби. — «Смерть моя не совсѣмъ горька, сказалъ Эгезиппъ: ибо умираю въ объятіяхъ моего брата, моего друга; дай мнѣ руку свою; хочу пожать ее въ послѣдній разъ.» — Каммиспратъ поднимаетъ оледенѣлую эту самую руку, которая пронзила сердце друга, и не спрашивая подастъ ее умирающему. — «Не плачь по мнѣ, любезный мой Каммиспратъ, примолвилъ Эгезиппъ; утѣшись; скорбь твоя для меня мучительна; не оставляй сестры моей; а тебя, Клеобулина, препоручаю твоего супруга, лучшаго изъ друзей моихъ. Прости же, будьте благополучны.» — Это послѣднія слова его. Какъ скоро испустилъ онъ духъ, Каммиспратъ убѣгаетъ; терзаемъ грызеніями совѣсти, преслѣдуемъ Фуріями, злодѣй повергается на ложе, вскакиваетъ, толкаетъ въ стѣну, воемъ, терзаетъ на себѣ волосы, раздираетъ плащъ. Жена, слѣдовав-

шая за нимъ, видящъ его въ такомъ
изспуленіи, въ такихъ порывахъ
бѣшенства, не смѣетъ спускаться да-
ль и дрожитъ отъ страха. Калли-
спрашъ уснапривающъ ее и, имѣя
еще довольно надъ собою власти,
принимаетъ личину прищворства,
подходитъ къ ней и говоритъ: «ты
видишь, до чего доводишь меня
смерть такого любезнаго друга! я въ
опчаяніи; даже не имѣю утѣшенія
опмстивъ за своего брата, испорги-
нувъ духъ у проклятаго его убійцы:
увы! я не знаю, кто онъ. — Ты не
знаешь его? такъ я знаю. — Ты? — Да,
я; и скажу тебѣ его имя; ты, самъ ты
это чудовище! возьми кинжалъ и
поражай убійцу! дыханіе мое ядо-
вито; оно управляетъ воздухъ, ко-
торымъ ты дышешь!» — Послѣ та-
кого спрашнаго восклицанія Клеобу-
лина убѣгаетъ изъ дому и скрывается
у одной изъ сестеръ своихъ. Кал-
лиспрашъ въ ту же ночь удался
изъ Коринѳа, и отъ тѣхъ поръ не слы-
хала я ничего о судьбѣ этого изверга.
Нѣтъ сомнѣнія, что если онъ извѣ-
щенія людей, то пламень небесный
пожретъ его.» —

Сердце у насъ обливалось кровью
при семъ плачевномъ повѣствованіи.

Проклятія градомъ сыпались на главу
этого чудовища, называемаго зави-
спію, которое преслѣдуетъ дарова-
нія, алкая поглотить ихъ съ корнемъ,
или оправишь ядовишою своею пѣ-
ною. Тутъ Ласеенія спросила Поле-
мона, былъ ли онъ въ Коринѣ? —
«Когда я пресмыкался еще по кри-
вымъ стезямъ распутной жизни,
то имѣлъ-было намѣреніе шуда пу-
шешеспвовавъ; но теперь не осмѣ-
лился бы приближиться къ городу,
гдѣ соблазнительницы не только въ
чеспи и во всеобщемъ уваженіи, но
гдѣ еще молящся Венерѣ о сохраненіи
ихъ въ мирѣ цѣлыхъ и здоровыхъ, и о
размноженіи племени ихъ.» — Послѣ
того просили Полемона прочесть что
нибудь изъ сочиненія, которое онъ
писалъ о нравахъ, характерѣ и обы-
чаяхъ Аѳинянъ. — «Весьма охотно,
ошвѣчалъ онъ, и больше попому, что
для приведенія къ окончанію моей
работы за нужное почишаю подвер-
гнуть ее спрогому взору моихъ дру-
зей и суду какогонибудь Ариспарха.»
— Въ эту самую минушу Прешагоръ
чихнулъ. Здравствуй! сказалъ Поле-
монъ, и всѣ повпорили: здравствуй!
Посмотримъ, примолвилъ Полемонъ,
станетъ ли онъ по прежнему кушавъ

— «Все конечно, отвѣчалъ Протагоръ, и ѣсть и пить.» — За симъ непосредственно выпянулъ онъ чашу вина. — Поздравляю! иначе, то есть ежелибъ вы чихнувши потеряли аппетитъ, это бы былъ самый дурной для васъ знакъ. — А я сколько жъ бы этого испугался, сколько нездоровой печенки какойнибудь жершвы.» — Тутъ Ласеенія просила Полемона опложишь на минушу свое чтеніе и поговорить о чиханьѣ; о томъ, какъ вошло въ обычай поздравлять съ нимъ и выводять изъ него иногда добрыя, иногда худыя предвѣщанія. — «Съ удовольствіемъ, сказалъ философъ; тѣмъ больше, что это крашкое општупленіе не лишнее будетъ въ каршинѣ нравовъ.» —

ГЛАВА XXVII.

О происхожденіи обычая поздравлять тихающихъ.

«Обычай, поздравлять шѣхъ, кои чихающе, есть изъ самыхъ древнихъ и весьма употребительныхъ. Преданіе говоритъ, что Прометей, обрзовавши перваго человѣка, похишилъ съ неба огонь и принесъ его въ маленькой склянчкѣ, которую приставилъ къ носу спатуѣ, чтобы возбудить въ ней силу обонянія. Божественный флогистонъ проникъ пошчасъ въ голову, прошелъ въ фибры мозга, разлился по всѣмъ жиламъ, и первый знакъ жизни этого новаго существа былъ: *тихнуть!* Прометей, обрадованный до безконечности симъ движеніемъ, пошчасъ вскричалъ: *здравствуй!* Это желаніе сдѣлало на человѣка такое впечатлѣніе, что онъ послѣ употребленія его всегда при подобныхъ случаяхъ, и передалъ своимъ потомкамъ.

«Аристотель и другіе думали, что обычай, поздравлять чихающихъ, произошелъ отъ благоговѣйнаго почитанія, которое вспарину имѣли къ головѣ, какъ опличнѣйшей части

шѣла, служащей обителію для души, гдѣ производишь она всѣ свои дѣйствія. Египтяне и Греки такого мнѣнія, что чиханье есть Божеское извѣщеніе, такъ ли, или иначе поступишь намъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ; или лучше онъ есть предсказаніе какого нибудь щасливаго, или несчастнаго событія. Когда Ксенофонъ говорилъ рѣчь къ своимъ солдатамъ, то одинъ изъ нихъ чихнулъ. Это почтено всѣмъ войскомъ за знакъ Божескаго благоволенія, и Полководецъ принесъ жершгу благодаренія Вышнимъ. Однажды, какъ вѣрная Пенелопа молилась о возвращеніи Улисса, юный Телемакъ чихнулъ такъ сильно, что весь теремъ Царской, говорящъ, задрожалъ, и нѣжная супруга сія не сомнѣвалась послѣ того о исполненіи своихъ желаній.

«Вамъ извѣстно, что наши Піицы, когда хопящъ подольстившись къ красавицамъ, поющъ въ своихъ стихахъ, что Амуры чихали при ихъ рожденіи. Я зналъ одну молодую дѣвушку, которая, писавши къ любовнику своему, чихнула, и почла это за такой щасливой знакъ, что не сомнѣвалась больше о его любви. Мы, Греки, говоримъ обыкновенно другъ другу,

когда кто чихнешь: ζήθι! или Ζεῦ
σώσω! (живи! или, Зевс да сохра-
нитъ тебя!) Но есть люди, которые
въ подобныхъ случаяхъ сами себѣ
дѣлають такое поздравленіе.

«Надобно разбиратьъ время и часъ,
когда кто чихнешь. Если гощь чих-
нешь за обѣдомъ, и переспаетъ ку-
шашь: это дурной знакъ. Если чих-
нешь, вставая по утру съ поспе-
ли; то берегись во весь потъ день.
Время самое благопріятнѣйшее для
чиханья почишаешь съ полдня до
полуночи и когда мѣсяцъ бываетъ
въ знакахъ Тельца, Льва, Вѣсовъ, Ко-
зерога или Рыбъ. Что касается до
прочихъ созвѣздій, онѣ не предвѣща-
ють добраго.

Надобно замѣтитьъ еще, что чи-
ханье почишается знакомъ порядоч-
наго, здороваго и крѣпкаго состоя-
нія головы. Въ этомъ смыслѣ мы не
даромъ другъ друга привѣспивуемъ.
Напрошивъ того нѣкоторые Врачи
ушверждаютъ, что оно есть опасное
и насильспвенное дѣйспвіе. Если
это такъ; то подлинно весьма не
лишнее поздравлять чихающаго (*).

(*) Вотъ что говорятъ Гаввины о чи-
ханьѣ: По созданіи Богъ сперва уста-

«Вопѣ все, что мнѣ извѣстно о семъспранномъ обыкновеніи. Нынѣче не лѣзя чихнушь безъ церемоніи; если это когда выдешъ изъ моды, я жалѣшь не буду. Теперь прочту вамъ нѣкоторыя мѣста изъ замѣчаній моихъ о здѣшнихъ нравахъ; выбираешь не стану: что попадется.» Тутъ развернулъ онъ свѣшкѣ и началъ.

вилъ, чтобъ человѣку чихнушь одинъ разъ въ жизни и чтобъ это была послѣдняя его минуша. Этошъ одинъ родъ смерти извѣстенъ былъ до временъ Іакова. Сей мудрый Папріархъ смирился предъ Господомъ и просилъ Его освободить раба своего отъ такой кончины. Молишва его услышана: онъ чихнулъ, и не умеръ, и шѣмъ привелъ въ крайнее удивленіе всѣхъ присутствовавшихъ. Іаковъ занемогъ: новое чудо! пошому что до шѣхъ поръ не знали другой болѣзни, кромѣ смершнаго чиханья. Тогда не сомнѣвались болѣе, что Навура перемѣнила свои законы; и почли приличнымъ, въ послѣдствіи, говорить чихающимъ: *здравствуй!*

Этошъ обычай есть почти у всѣхъ народовъ. Римляне наблюдали его во всей точности; они говорили чихающему: *salve* (здравствуй), что ошѣчаетъ Греческому: *ῥαί. ῥαί*. Когда Царь Моношпской чихнешъ, то повѣщающъ о томъ

ГЛАВА XXVIII.

Нравы Аѳинлянъ.

«Аѳины такой городъ, коего отличительныя черты суть: умъ, великосиѣ, непостоянство, въспренность. Его обуреваютъ безпрестанныя народныя волненія. Въ немъ около шестидесяти тысячъ жителей, не считая невольниковъ. Аѳиняне любятъ щедрость; нравы ихъ близки къ изысканности. Они носятъ, какъ женщины, широкое платье; какъ женщины подкрашиваютъ себѣ лицо, сурмятъ брови, пудрятся, нашиваютъ драгоценными ароматами, привѣшиваютъ къ ушамъ серьги, имѣютъ шуалетъ, носятъ карманъ

шотчасъ во всемъ городѣ, и вездѣ раздаются восклицанія и крики: *да здравствуетъ Царь!*

Въ Америкѣ, когда Кацикъ Гвакаекой чихалъ, говоритъ Сочинитель завоеванія Флориды, всѣ Индейцы преклонялись, повергались ницъ предъ нимъ, и воздвѣвъ руки на небо, молили Солнце, да сохранитъ ихъ Обладателя, да просвѣтитъ его, да будетъ всегда съ нимъ!

ния зеркала, гошваленки; жалуются
 на мигрень, на круженіе головы, на
 шрепешаніе нервѣ. Молодые люди
 знашнаго рода ужинаютъ съ ним-
 фами радости, проводятъ время свое
 у нихъ, или на площади въ народ-
 ныхъ собраніяхъ, или въ лавкахъ
 аромашопродавцевъ, золотыхъ дѣлъ
 масперовъ и брадобрѣевъ, куда входъ
 для всѣхъ отворенъ. Тамъ болта-
 ютъ они безъ умолку о новостяхъ,
 до кошорыхъ всякой Аѳинецъ жа-
 денъ, и стараются пересмѣять,
 освистать другъ друга. Будучи отъ
 природы насмѣшливы, они не ща-
 дятъ ни святыни, ни міра. Осталь-
 ное время ихъ посвящено прогулкамъ,
 зрѣлищамъ, посѣщеніямъ. Важныя
 занятія ихъ состоятъ въ томъ,
 чѣобы присутствовать при жерп-
 воприношеніяхъ, при торжествахъ
 въ честь боговъ, при народныхъ со-
 вѣщаніяхъ, и чѣобы являться въ
 Пришанѣ во всемъ блескѣ модныхъ
 нарядовъ. Толпами валятъ они въ
 Одеумъ (театръ), гдѣ играетъ дур-
 ная музыка и гдѣ мимы, неблагопри-
 стойными пѣлодвиженіями и сладо-
 страстною пляскою, представляють
 картины не позволенной любви. Люди
 молодые и люди совершенныхъ лѣтъ,

чиновники, философы и вообще всѣ
 шѣ, кои имѣютъ доспашокъ, живутъ
 такимъ образомъ. Сперва большая
 часть Аѣинянъ ходили босы; но Аль-
 цибидъ ввелъ новую обувь, приня-
 ную всѣми щеголями: эшо родъ баш-
 маковъ, которые надѣваются безъ
 чулокъ. Здѣсь найдете вы также
 подъ разными поршиками опборныя
 общесства и наспавишельныя бесѣды.
 Народъ сходитсѣ, особливо зимою,
 въ публичныхъ баняхъ. У каждаго
 частнаго, сколько нибудь заживоч-
 наго челоука есть своя. Обыкновен-
 нойъ бывають въ банѣ послѣ прогул-
 ки, а всего чаще предъ обѣдомъ. Боль-
 шую шерстяную шляпу, съ подо-
 бранными полями, носятъ Аѣиняне
 только въ дорогѣ. Въ городѣ или по
 близости его ходятъ обыкновенно
 пѣшкомъ, съ палкою въ рукахъ; но съ
 нѣкотораго времени люди богатые и
 роскошныя начали ѣздить въ коляс-
 кахъ, запряженныхъ бѣлыми дорогой
 цѣны лошаками, которыхъ получа-
 ютъ они изъ Сикіоніи или Пелопон-
 неса. Поваръ въ Аѣинахъ есть важ-
 ный челоукъ. Не лзя удержаться
 отъ смѣху, вспомнивъ, какъ Прави-
 шельство пожаловало право граж-
 данства какому-то Херипсу за то,

что отецъ его изобрѣлъ прекрасный соусъ изъ трюфелей.

«Аѳиняне, не будучи приспращены къ пьянству, любятъ хорошее вино. На столѣ ихъ бывають кузнечики, саранча, даже крошкы и ослина. Лѣтомъ, чтобы прохладить вино, спавяютъ его въ снѣгъ. Опробирѣнныя цвѣты украшаютъ столъ ихъ зимою. У нихъ не проходитъ пирушки безъ шума. Молодые люди спрашно любятъ охоту, верховую ѣзду, вольшижированье. Аѳиняне выкармливаютъ множество павлиновъ и великіе охотники до всякихъ иностранныхъ животныхъ. У нихъ есть попугаи Африканскіе, фазаны, Сицилійскіе голуби, Мальшійскія и Лакедемонскія собаки, Фессальскія и Арголидскія лошади, Пелопонезскіе лошади и обезьяны. Разговоръ ихъ легкой, пуспой, и однако блестящій искрами ума, скользитъ, такъ сказать, по предметамъ, не останавливаясь ни на одномъ. Они грубы и обходительны, вѣжливы и злоязычны, особливо съ женщинами. Они не хотятъ вѣрить, чтобы гдѣ нибудь индѣ, кромѣ Аѳинъ, можно было мыслить, веселиться и жить щасливо. Уважають породу, особливо шѣхъ,

коихъ предки послужили великими примѣрами добродѣтели и мужества, или проходили первыя государственныя званія; одержали побѣды, или получили вѣнки на общенародныхъ играхъ. Впрочемъ знашность породы не даетъ никакого исключительнаго права, никакого предпочтенія; но воспитаніе знашныхъ облегчаетъ имъ доступъ къ почестямъ, къ высокимъ степенямъ; и народъ за удовольствіе почитаетъ вспомошествовать честолюбивымъ ихъ домогательствомъ. Сенатъ состоитъ изъ пяти сотъ старѣйшинъ, ежегодно перемѣняемыхъ. Къ концу года всякой классъ представляетъ себѣ пятьдесятъ уполномоченныхъ и такое же число Старѣйшинъ, избранныхъ по жеребью, для смѣны старыхъ Сенаторовъ; но надобно, чтобы избранные отличились чистотою нравовъ и примѣрною жизнью. Блаженно правительство, гдѣ сіи postanовленія свято наблюдаемы! Но въ Аѳинахъ государственныя званія раздаются теперь единственно гражданамъ развращеннымъ и любоспяхательнымъ. Уполномоченные, приступая къ своей должности, обязуются клятвенно быть безприспашными въ

подаваніи голосовъ, сообразовавъсь съ почною силою закона и во всемъ имѣвъ въ виду только общественную пользу. Они получаютъ отъ Республики по драхмѣ на день, и продолжаютъ собранія во весь годъ, исключая дней праздничныхъ и шѣхъ, кои почтипаются злознаменательными.

«Природа надѣлила Аѳинянъ прекраснѣйшими въ свѣтѣ глазами и крайне оспрымъ зрѣніемъ (*). Превосходству глазъ ихъ должно приписать ихъ успѣхи въ искусствахъ, непосредственно зависящихъ отъ рисованья. Мущины отличаются правильностію и красою формъ, и превосходявъ въ этомъ самыхъ женщинъ, такъ что не безъ причины можно было опасаться уменьшенія власи ихъ надъ нами. И для того поставлены чиновники, извѣстные подъ именемъ Гинекономовъ, числомъ десять, коихъ должностъ состоитъ въ наблюденіи за уборомъ прекраснаго пола. Отъ женщинъ требуется, чтобъ съ пѣнительною благопри-

(*) Павъ увѣряетъ, что они за десять миль могли видѣть перья на шлемѣ Минервиной ешауи. Не ужь ли онъ этому вѣритъ?

стойностію соединялась красивость и вкусъ въ ихъ нарядѣ. Спрогосѣ этого суда чрезмѣрна; Гинекономы налагаютъ по тысячѣ драхмъ пени на женщинъ, кои худо одѣшны, или у которыхъ голова худо убрана; вносятъ имена ихъ въ списокъ и прибываютъ на площади для всенароднаго свѣденія. Тѣ изъ женщинъ, кои имѣютъ несчастіе подвергнуться такому наказанію, теряютъ навсегда доброе имя.

«Съ правильностію формъ соединяютъ Аѳиняне великую крѣпость и силу плѣсную; особливо въ части, называемой Колипосъ, родящая прекраснѣйшія дѣшны (*). Сими преимуществами обязаны мы благораспоренію воздуха и опімѣнно выгодному положенію нашихъ горъ, защищающихъ насъ отъ бурнаго дыханія сѣверныхъ и отъ влажной перемѣнчивости западныхъ вѣтровъ. Здѣсь живутъ долго, не зная никакихъ разительныхъ и повальныхъ болѣзней. Еще придаетъ крѣпости нашему сложенію всегдашнее употребленіе меду, который превосходитъ въ Ашшикъ: доказательство несомни-

(*) Павъ повѣствуетъ, что эти дѣшны начинаютъ говорить ранѣе другихъ.

шельное чистоты воздуха. Всякой предметъ производишь въ Аѳинцѣ весьма сильное, живое впечатлѣніе; все говоришь въ немъ: движенія, положенія шѣла, сила и выразительность взоровъ. Нѣкопторый наблюдатель сказалъ, что въ Аѳинахъ наговоришь больше въ одинъ день, нежели въ Спаршѣ въ цѣлый годъ.

«Для сбереженія здоровья и для доспавленія шѣлу гибкости и проворства, Аѳиняне весьма часпо пользуются теплыми ваннами, за изобрѣшеніе которыхъ обязаны мы славной Медеѣ. Видъ огня и большихъ кошловъ заспавляетъ народъ думая, что въ самомъ дѣлѣ помолодѣешь, когда покипишь въ горячей водѣ. Простодудимы шѣмъ болѣе въ эшомъ увѣрены, что Медея не открыла никому тайны своего леченія, и шѣмъ оставила для врачей всегдашній камень прешыканія. Смерть, какую приписываютъ Пеліасу, есть только народная сказка; а въ самомъ дѣлѣ онъ задохся отъ пару въ банѣ (*).

(*) Пеліасъ, какъ говоришь баснословіе, въ надеждѣ погубить Язона, послалъ его для завоеванія Злашаго Руна. Но когда, совершивъ успѣшно свое препорученіе, Язонъ

«Въ осьмнадцать лѣтъ Аѳиняне записывающся въ военную службу и обязывающся кляпвенно служить опечеству до шестидесяти лѣтъ (*). Одни граждане допускающся къ присягѣ. Теперь въ Аѳинахъ счисляющъ ихъ двадцать тысячъ, десять тысячъ иностранцевъ и около сорока тысячъ слугъ или невольниковъ (**). Правительство печется о воспитаніи юношества. Гимназіи или Палестры суть мѣста, опредѣленные для упражненій ума и тѣла. Здѣсь

возвращался съ Медеєю; то Медея, въ наказаніе ширану за его злодѣйства, присовѣщовала дочерямъ его умершвишь своего отца и сварить его въ котлѣ, убивъ ихъ, что онъ этого онъ помолодѣеиъ.

(*) Спаршанцы записывались въ военную службу въ шринадцать лѣтъ, и продолжали ее до шестидесяти. Тѣмъ, кои были сшарѣ или моложе, содержали караулъ въ городѣ. Невольниковъ вооружали въ самой крайней нуждѣ, и то не болѣе десяти тысячъ человекъ.

(**) У Аѳинянъ были слуги наемные, люди свободные и невольники, полоненные на войнѣ, или купленные у торгующихъ ими, кошорые почти всѣхъ ихъ вывозили изъ Фригіи и Мизіи.

учащѣ танцованью, которое выправляеиѣ шѣло и придаеиѣ ему прїятность, благородство, ловкость; музыка, которая укрощаетѣ снраси, смягчаеиѣ жестокость нрава; но которая теперь, также какѣ и танцванье, сдѣлалась слишкомѣ сладоснрасна и естѣ одна изѣ причинѣ развращенїя нравовѣ. Верховая ѣзда и воинскїе подвиги принадлежатѣ также къ числу шѣлесныхѣ упражненїй. Чѣто касается до занятїй ума: то училии преподаютѣ учащимся Просодїю, Синтаксисѣ, правила о произношенїи, и разбираютѣ съ ними красноты и прїятности ошечеснвеннаго языка. Отсюда родилсѣ эиотѣ тонкой вкусѣ, эиа любовь къ плавнымѣ, красивымѣ стихамѣ, которыми Аѣиняне за удовольствїе спавяиѣ обогащаютѣ свою память. Все эио доспавляетѣ имѣ у иностранцевѣ самый лесный прїемѣ.

«Болѣе же всего любяиѣ Аѣиняне упражняиѣсь въ краснорѣчїи, которое опкрываетѣ имѣ дорогу къ почестямѣ и славѣ.

«Эсхинѣ, одинѣ изѣ первыхѣ нашихѣ Орашоровѣ, который шесннадцатью годами спарѣ Демосѣена, былѣ его соперникѣ въ краснорѣчїи.

Когда жь народъ хотѣлъ присудить сему послѣднему золотой вѣнокъ; то Эсхинъ взошелъ на кафедру и говорилъ противъ Кпезифона, сдѣлавшаго такое предложеніе; а Демосѣенъ защищалъ его. Оба соперника сражались сильно, испожили всю мѣру великихъ своихъ дарованій; на послѣдокъ Эсхинъ побѣжденъ и приговоренъ къ изгнанію; но великодушный Демосѣенъ не только не хотѣлъ подавить его штыгоспїю своей славы, но еще заставилъ проситьъ себѣ шоржесство свое. Въ то самое время, какъ Эсхинъ выходилъ изъ Аѳинъ, противникъ его побѣждалъ къ нему, предложилъ свой кошелекъ и принудилъ взять его. Изгнанникъ пронухъ былъ до глубины сердца такимъ поступкомъ.—«Какъ не почипашъ мнѣ, воскликнулъ онъ, опечесшва, въ кошоромъ оставляю полъ великодушныхъ враговъ, что въ другомъ мѣстѣ едва ли найду и друзей, имѣющихъ добрыхъ?»—

«Извѣстно, что Демосѣенъ запирается по цѣлымъ мѣсяцамъ въ одной подземной горенкѣ; и чтобы опиять у себя всю возмозноспъ выдти опшуда прежде назначеннаго времени, онъ обыкновенно брѣшетъ себѣ поло-

вину головы. Здѣсь-то, при свѣтѣ
тихой лампы, сочиняетъ онъ без-
смертныя свои рѣчи.

«Изъ училища Исократова вышло
множество краснорѣчивыхъ Орапо-
ровъ и знаменитыхъ людей. Говоря
объ эпомъ великомъ человѣкѣ, не дол-
жно забыть, что онъ одинъ осмѣ-
лился носить прауръ по Сократѣ въ
глазахъ народа, его убійцы (*). Дерево
философіи также расцвѣло и обра-
боцовывается въ Аѳинахъ; но подѣ-
лню его зародилась пѣва мнимыхъ
философовъ, вооружившихся лже-
умствованіемъ и хитроуловляющими
доводами. Эпи пвари, налѣпивъ на
себя нѣсколько лоскутковъ опѣ ман-
ши мудраго, дерзаютъ проповѣды-
вать его ученіе, его правила, раздроб-
ля ихъ по своему и принаравливая
въ превращенномъ смыслѣ къ безум-
нымъ или вреднымъ своимъ сиспе-
мамъ. Есть молодые люди, которые
помѣшаны на томъ, что во всемъ хо-
тятъ быть на Спаршанскую спашь:

(*) Аѳиняне воздвигли Исократу двѣ ста-
туи, и приказали соорудить на его гроб-
ницѣ колонну въ сорокъ футовъ выши-
ны, на которой поставили изображеніе
Сирены, знаменіе его краснорѣчія.

въ нравахъ и одеждѣ поддѣлываются они подѣ Лакедемонцевъ; носятъ весьма коропкой изъ самой грубой шкани хипонъ, и закушываются въ пребольшую полспую епанчу. Сложенные волосы ихъ распрепаны по плечамъ. Они носятъ длинную бороду, ходятъ босы, или въ красныхъ туфляхъ, и выступаютъ важнымъ, мѣрнымъ шагомъ, опираясь на полспую палицу; бдятъ же они лежа на дубовой лавкѣ, облокотясь на камень, или на деревянный опрубокъ.

«Вообще можно сказать, что нравы Аѳинянъ весьма перемѣнились. Жадность къ забавамъ заступила мѣсто возвышающихъ душу благородныхъ спрасей; любовь къ славы исчезла; жизнь сдѣлалась безвкусна; алчность къ спянжанію и скупость возрасли до того, что эпитъ Аристофановъ спихъ, въ которомъ говорится объ Аѳинцѣ:

«И умираючи, пропягиваетъ руку» — вошелъ въ пословицу. Лже-философія, ограничивающая все чувствами, осмѣливается всенародно въ открытомъ театрѣ проповѣдывать гибильное свое ученіе. Стихотворецъ Алексисъ первый распроспранилъ сіи Эпикурейскія правила. — «Что вы

«болтаете, говоривъ онъ, о Лицеѣ,
 «объ Академіи, или Порпикѣ? Это не
 «иное что, какъ попѣшныя мѣста
 «Софисповъ, гдѣ не найдемъ мы ни-
 «чего пущаго. Наслаждайся, роско-
 «шесвуй за вкуснымъ споломъ: вошъ
 «прямое блаженство жизни! Добро-
 «дѣшель, почести, достоинства! вы
 «призракъ и сонное мечтаніе. При-
 «дешь часъ, и смерть оледенивъ на-
 «ши чувства; что выжили и свѣли,
 «то только наше. Въ самомъ дѣлѣ,
 «что теперь Периклы, Кодры, Миль-
 «іады? горсть праха.»—Какая раз-
 «вращенность! какое ученіе! Его не
 «спыдялся проповѣдывать! и Пра-
 «вительство терпѣлъ. Здѣсь найде-
 «те вы вмѣстѣ мудрость и великоду-
 «шіе съ безуміемъ и подлостью, сво-
 «боду съ тиранствомъ, спрогую воз-
 «держность съ постыднымъ любо-
 «спрасніемъ; философію Анаксаго-
 «ровъ и Сократовъ, помраченную лже-
 «умствованіемъ и ребяческими поню-
 «снями мишурныхъ мудрецовъ. Аѳины
 «можно назвать теперь училищемъ
 «забавъ и разврата, словесности и
 «философіи.»—

Тутъ Полемонъ, чинавшій съ ве-
 «ликимъ жаромъ, остановился, по-
 «прозьбъ нашей, отдохнувъ; напился

воды и скушалъ кусокъ молоденькой ослины.

Когда жъ онъ укрѣпилъ такимъ образомъ свои силы, то Ласеенія спросила его: не ужъ ли онъ въ изображеніи Аѣинскихъ нравовъ забылъ про женщинъ?— «Ни мало; иначе картина моя не имѣла бы лучшей прелести, лучшей занимательности своей. Но чѣмъ изобразить женщинъ вѣрно, надобно ихъ знать; а для этого требуется много проницательности и долговременное наблюденіе. Я только что обрисовалъ портретъ ихъ; вотъ нѣкоторыя отдѣльныя его черты.

«Аѣинянки, чѣмъ не подпасть поносному суду, о которомъ я выше упомянулъ, въ разсужденіи одежды и убора пустились въ разорительную роскошь и въ самыя нелѣпыя моды. Никогда никакой просвѣщенный народъ не употреблялъ въ такомъ излишествѣ бѣлизы, и румянъ, и всякаго рода припираній. Женщины наши сурмятъ себѣ брови и веки, расписываютъ щеки и губы сокомъ червяницы (*), и подшпугашуриваютъ цѣлыми слоями бѣлизы и румянъ грудь и лице.

(*) Червяница (orcanite) даетъ краску карминнаго цвѣту, только посвѣтлѣе.

Слои эпи такъ толсты, что всѣ почти женщины кажутся ошѣ того другъ на друга похожи; а эпо припухаетъ чувствѣ мужчинъ, ушомля ихъ обновленіемъ. Аѣинянки сполько помѣшаны на помѣ, чѣобъ имѣть красивый спанъ, чѣо спятывающъ себя чрезвычайно узкими шнуровками; посшяшся, чѣобъ не разполсѣтъ, и принимающъ крѣпительные и бдкіе порошки, опасаясь, чѣобъ не разрослась грудь, между шѣмъ какъ корпусъ сильно сжашъ въ шнурованьи. Маленькой лобъ почищается у нихъ принадлежностію красоты; и для того кудри ихъ достаютъ до самыхъ бровей; волосы ихъ убраны цвѣтами и напудрены желтою пудрою; обувь у нихъ гораздо выше: эпо не иное чѣо, какъ просшая подошва, которая прикрѣпляется на ногъ ленточками или заспежками. У первоклассныхъ женщинъ обувь эша изъ золота. Онѣ употребляютъ вѣеры, и выходя, всегда надѣваютъ покрывало. Законъ запрещаетъ знашнаго рода женщинамъ днемъ показываться на улицахъ, исключая важныхъ причинъ. Въ такомъ случаѣ невольники закрываютъ ихъ ошѣ солнечнаго жару зонтиками изъ слоновой кости. Ночью

не иначе выходяшѣ онѣ, какѣ при свѣшѣ факела, копорый несешѣ слуга. Въ праздничные дни показывающіеся въ сопровожаніи евнуховѣ, Араповѣ, невольниковѣ и невольницѣ, собственно имѣ принадлежащихѣ, или наемныхѣ. Надобно упомянуть еще, что до рѣдкихѣ ппщѣ знашныя Аѣинянки крайне приспрасшны. Чшо касается до ихѣ нравовѣ, то никакіе законы не сильны опшрашшѣ ихѣ опѣ кокетства. Спрогій присмотрѣ и всѣ мѣры ревности воспламеняющѣ только пуще ихѣ воображеніе. Проводя жизнь въ праздности, въ забавахѣ, подѣ вліяніемѣ разнѣживающаго климаша, главное свое упражненіе поставляющѣ онѣ въ нарядахѣ и волокишствѣ. Вся ихѣ добродѣтель, все спараніе состоишѣ въ томѣ, чшобы скрышѣ подѣ завѣсою пайны лобовныя свои инприги. «— Вы нападаете на нихѣ безѣ всякой пощады! вскричала Ласѣенія; однакожѣ я осмѣливаюсь защищать ихѣ. Не лѣзя не признашѣся, что поведеніе Аѣинянокѣ не совсѣмѣ порядочное; но примѣрѣ мужчинѣ оправдываетѣ нѣсколько вины ихѣ. Большая часѣ мужей только заботяшѣся о томѣ, чшобѣ имѣшѣ опѣ женѣ своихѣ

дѣшей для продолженія своего имени;
 женяпся на нихъ только для того,
 чшобѣ онѣ смопрѣли за ихъ хозяй-
 сшвомѣ; а ласки и нѣжноспи свои
 берегаютьѣ они для прелесшницѣ,
 которыя у нихъ на содержаніи.»—
 «Какѣ бышь? вліяніе эшихъ прелесш-
 ницѣ на нравы ничушь не удивитель-
 но: онѣ лучше воспитаны, болѣе
 знаютьѣ, говорятьѣ чище опечесшвен-
 нымѣ языкомѣ, нежели почшенныя
 Аѣинянки. Первыя посѣщаютьѣ учи-
 лища философѣвъ, между тѣмѣвъ какѣвъ
 воспитаніе послѣднихъ до того пре-
 небрежено, чшо ихъ по справедли-
 воспи можно почесъть сущими невѣ-
 жами.—«И какѣ онѣ, говорятьѣ Сафо,
 «не срывали розѣвъ въ саду Музѣвъ: шо
 «не спанутьѣ говорятьѣ обѣвъ нихъ при
 «жизни, забудутьѣ ихъ по смерпи, и
 «изѣвъ сѣни неизвѣстностпи пересе-
 «ляпся онѣ во мракѣ могилы.»—

ГЛАВА XXIX.

*О Кратесѣ. Анекдоты. Исторія
Амазонокъ.*

Пропагоръ сказалъ потомъ за новоспъ, что Правительство опредѣлило содержащъ Циника Кратеса въ Пришанѣ. Всякъ изъ насъ охуждалъ поступокъ Правительсва, доказывая, что такой человекъ, какъ онъ, бесполезный для общества, не заслуживаетъ, чтобъ его содержащъ на счетъ казны.—«А мнѣ кажется, опивчаль Пропагоръ, Кратесъ полезенъ для согражданъ своихъ, нежели вы думаете: онъ судья и примиритель всѣхъ ссоръ, всѣхъ домашнихъ раздоровъ; особливожь печется онъ о соблюденіи согласія между супругами. Недавно помирилъ онъ врача Никомаха съ женою его Праксиллою. Эпонтъ ревнивый мужъ имѣлъ глупость возврашиться однажды домой изъ народнаго собранія прежде, нежели оно кончилось, и засталъ Праксиллу съ любовникомъ ея Мизономъ въ положеніи рѣшительномъ. Въ бѣшенствѣ, съ кинжаломъ въ рукѣ, бросается онъ на своего соперника; но Праксилла

вдругъ кричитъ: «онъ не оболь-
стилъ меня, а употребилъ насиліе.»
— «Точно такъ, прибавляетъ Ми-
зонъ: и я прибѣгаю подъ защиту
закона.» — Сіи слова обезоружива-
ютъ руку Никомаха. Надобно вамъ
знать, что законъ позволяетъ мужу
умершвишь любовника жены своей,
пойманнаго съ нею въ неприличномъ
положеніи; но запрещаетъ это смер-
тоубійство въ такомъ случаѣ, когда
она объявитъ, что любовникъ наси-
ліемъ, а не обольщеніемъ довелъ ее до
грѣха.» — Этого законъ, прервалъ
я, мнѣ кажется очень страненъ. —
«Напротивъ, это законъ мудрый и
спасительный, отвѣчалъ мнѣ Проша-
горъ. Обольщеніе есть орудіе гораздо
опаснѣйшее и удобнѣйшее, нежели
насиліе, хоть рѣдко возможное.
Однакожь и въ этомъ послѣднемъ
случаѣ пресупленіе не остается
безъ наказанія: мужъ имѣетъ право
развестись съ женою и пребывать,
чтобъ употребившій насиліе осуж-
денъ былъ заплащать въ пользу ея
значную денежную пеню. Раздра-
женный Никомахъ хотѣлъ посу-
пить по всей строгости законовъ;
Праксима была женщина погибшая;
ей бы запретили присутствовать.

при богослужительныхъ обрядахъ; она бы не смѣла наряжаться, и всякой бы могъ обременять ее ругательствами и рвать ея плащье. Въ такой крайности прибѣгла она къ Крапесу, который друженъ былъ съ мужемъ ея, и Крапесъ общался за нее поспряпать. Онъ приходилъ къ Никомаху, пламенѣющему бѣшенствомъ и мщеніемъ.—«Не спану, говоришь онъ ему, утѣшаясь тебя, приводя въ примѣръ людей и боговъ, и доказывая, что какой-то непріязненный рокъ посѣваетъ сіи плевелы на полѣ Гименовомъ; а только спрошу: чья добродѣтель, по мнѣнію швоему, шверже и безопаснѣе отъ поползновенія? шого ли, кто въ совершенной безпечности ходилъ на краю пропасти, или шого, кто, упавъ однажды, знаетъ камень, о которой прешкнулся? Одинъ Спаршанецъ умышленно подвергся смерти на войнѣ за то, что на сраженіи при Термопилахъ нѣкопшрая робость помѣшала ему пожертвовать опечесшву своею жизнью. Да и кто изъ насъ непоколебимъ въ добродѣтели? Какой Спшкъ поручился, что онъ никогда не придетъ въ искушеніе? Слабость шолько жъ сродна человѣческой на-

шурѣ, сколько пягошеніе веществу.»
 — Никомахѣ называлѣ такое умсп-
 вованіе хипрыхъ пустословіемѣ; уш-
 верждалѣ, что человѣкѣ по существу
 своему свободенѣ; что независимая
 воля его самовласно избираетѣ до-
 бро или зло; и что не лзя не бытъ
 добродѣтельнымѣ, если только швер-
 до захочешѣ. Крапесѣ понялѣ, что
 умспвованѣ или просишѣ значило
 бы понапрасну теряшѣ здѣсь и время
 и слова, и что пошребны совсѣмѣ
 другаго роду орудія, чшобы подвиж-
 нушѣ на жалость душу оскорблен-
 наго супруга. Вотѣ что сдѣлалѣ Кра-
 тесѣ: онѣ уговорилѣ Наису, прелест-
 ницу славную и весьма хипрую, пе-
 реселишѣся кѣ нему вѣ домѣ на нѣ-
 которое время, подѣ именемѣ его
 племянницы, будшо недавно прѣхав-
 шей вѣ Аѣины для поправленія здо-
 ровья. Нимфа одѣлась вѣ самое про-
 шное плашье, и вѣ эшомѣ смирен-
 номѣ нарядѣ приняла видѣ и пошѣ
 тихой, боязливой крестьянки. Когда
 все было гошово кѣ представленію,
 Крапесѣ пришелѣ кѣ Никомаху, извѣ-
 явилѣ ему свои опасенія вѣ рассу-
 женіи здоровья молодой своей пле-
 мянницы и просилѣ его приняшѣ на
 себя шрудѣ полечить ее. Для врача

нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ подви-
зашься въ спасительномъ своемъ ре-
меслѣ, особливо когда дѣло касается
до молодой и любезной женщины. Онъ
бѣжипѣ къ Наисѣ и находипѣ ее про-
спершую на ложѣ, спраждущую, въ
изнеможеніи. Ученикъ Иппократовъ
щупаетъ пульсъ и спрашиваетъ: не
чувспвуетъ ли она боли, круженія въ
головѣ? — Чувспвую. — Тошноты? —
Чувспвую. — Онѣмѣлости, безпо-
койства въ ногахъ? — Чувспвую. —
Трепешенія? — Весьма часто. — До-
вольно, прекрасная Наиса! знаю при-
чину твоей болѣзни: но мы этому
поможемъ. Прежде всего надобно
спараться бытъ повеселѣе и ни чужь
не задумываться: смѣхи и игры пер-
вое въ этомъ случаѣ лекарство. Тутъ
Никомасъ оборотился съ усмѣшкою
къ мнимому дядѣ и сказалъ пихонькѣ,
что болѣзнь племянницы его проис-
ходитъ отъ избытка смиренному-
дрія, и что поскорѣе надобно искасть
ей жениха. — Буду спараться, оп-
вѣчалъ Кратесъ также съ усмѣшкою;
но въ ожиданіи надобно почаще на-
вѣдываться къ ней и облегчать ея со-
стояніе. Никомасъ приписалъ ванну
для ногъ, молока, расщипельныхъ со-
сѣставовъ, и ушелъ, давъ слово побы-

вапѣ потѣ же день въ вечеру. Возвратившись, находилъ онъ ее съ одною невольницею, которая по благодарности своему почла за приличное удалиться. Наиса приняла его съ тою скромною радостію, какую внушаетъ присутствіе врача, имѣющаго нашу довѣренность, и съ шѣмъ боязливымъ удовольствіемъ, какое рождается при видѣ любимаго предмета. Легкая одежда ея давала видѣть прекраснѣйшія формы и въ половину открывала бѣлую прелестную грудь; въ комнатѣ царствовалъ пріятный сумракъ; унылая Наиса часто обращала прекрасные свои помные глаза на милаго Эскулапа, который воспламенялся, давалъ совѣты и предписанія въ нескладныхъ словахъ. Она жалуется, что чувствуетъ колику. Никомасъ хочетъ освидѣтельствовать причину боли; даетъ волю рукъ своей. Наиса вздыхаетъ, дѣлаетъ слабое только сопротивленіе, и врачъ приходитъ въ забытіе себя. Голова его кружится; онъ бросается въ объятія больной, но больная испускаетъ пронзительный крикъ, и Кратесъ во мгновеніе появляется. Какое зрѣлище! какой громовой ударъ! всѣ онѣмѣли. — «Что это? восклицаетъ

на послѣдокъ Циникъ; что я вижу? Какъ! ты, человѣкъ споль самонадежный, сполько владѣющій собою, сполько непреклонный на снисхождение къ слабостямъ другихъ, ты упопреляешь во зло мою довѣренность, ищешь соблазнишь ребенка, сущую невинность?» — Никомахъ хопѣлъ бы, чтобъ на ту пору провалилась подъ нимъ земля и поглотила его. Онъ окоченѣлъ, обезумѣлъ; хочешь извиняться, но слова замираютъ на устахъ его. Наконецъ Кратесъ умилосердился. Пожуривши и побранивши грѣшника, онъ сказалъ ему, что философія его гораздо снисходительнѣе; что онъ, Кратесъ, согласенъ молчать, проспишь, сполько съ условіемъ, чтобъ и онъ, Никомахъ, также проспилъ подобную же слабость женѣ своей, и освободилъ бы молодого Мизона отъ прѣбуемой имъ пени. Врачъ-любownikъ почелъ себя еще слишкомъ щасливымъ, что такъ дешево купилъ разрѣшеніе грѣховъ своихъ. Миръ былъ принявъ и скрѣпленъ рукоприкладствомъ.

«Въ другое время эпопѣ же самый Кратесъ сказалъ Горгію софисту, увѣщавшему Грековъ ко всеобщему между ними и вѣчному миру: «какъ

возможно себѣ согласить столь про-
швиположныя выгоды народовѣ,
когда ты не можешь соблюсти ти-
шины въ собственномъ дому своемъ,
который однако состоишь не болѣе,
какъ изъ трехъ душъ: изъ тебя,
жены твоей и одного невольника?» —

Когда Пропагоръ пересталъ гово-
рить, Полемонъ разсказалъ намъ жал-
кое приключеніе Лизіаса, философа
съ преобширными познаніями. Онъ
имѣлъ нещастіе лишиться жены сво-
ей, и былъ такъ сильно пораженъ
симъ ударомъ, что вдругъ опіялась
у него память. Съ нимъ живущъ двѣ
взрослыя его дочери, которыя кли-
чущъ его, зовущъ по имени, обнима-
ющъ; онъ сморщивъ во всѣ глаза, не
узнающъ ихъ и опклоняющъ ихъ лас-
ки. Я самъ былъ свидѣтелемъ жал-
каго этого зрѣлища. —

«А знаете ли вы Фессалійца Гилла,
философа, софиста, врача и слав-
наго говоруна? Пятнадцать только
дней какъ онъ здѣсь. Онъ рассказы-
валъ мнѣ довольно забавное приклю-
ченіе, бывшее съ нимъ въ Сиракузахъ,
у старшаго Діонисія. Тиранъ, мучи-
мый страхомъ и подозрѣніями, какъ
и всѣ ему подобныя, жаловался од-
нажды предъ своими придворными,

что онъ окруженъ множествомъ злоумышленниковъ. Гиллъ былъ тутъ же и вздумалъ сказать: «дай мнѣ шаланъ, и я открою тебѣ тайну, какъ узнавать шѣхъ, кои посягають на жизнь твою.» — Діонисій общалъ пребуемое, если тайна подлинно дѣйствительна. Гиллъ опшелъ при семъ ширана на спорону и сказалъ ему: «прикажи выдать мнѣ сей же часъ пребуемую сумму; измѣнники, удословляясь изъ того, что я въ самомъ дѣлѣ научилъ тебя, какъ узнавать ихъ, не осмѣляясь впередъ злоумышлять на жизнь твою.» — Діонисій нашелъ, что выдумка удачна и хитрость весьма тонка; попребовавъ казначея и приказалъ выдать Гиллу шаланъ.» — Къ спашу! примолвила Дамо, я расскажу вамъ нѣчто про Филиппа Македонскаго, можетъ быть столь же забавное, какъ и анекдотъ Полемоновъ.

«На одномъ сраженіи взялъ эшотъ Государь великое множество плѣнниковъ и велѣлъ ихъ продавать, въ присутствіи своемъ, съ аукціону. Онъ сидѣлъ на креслахъ, и по неосторожности плащъ его приподнялось слишкомъ высоко, такъ что положеніе было не самое благоприспое-

ное. Одинъ изъ невольниковъ примѣ-
шилъ это, и въ то самое время, какъ
объявили его имя и положенную на
него цѣну, онъ вскричалъ: «Фи-
липпъ! пощади меня, не вели прода-
вать: вишь я другъ тебѣ и всему
швоему дому.—Какъ же бы это? оп-
вѣчалъ Государь; откуда такая ме-
жду нами дружба? — Если хочешь
знать это, я скажу тебѣ на ухо.» —
Государь приказалъ подвесити не-
вольника, который ему шепнулъ ши-
хонько: «опусти переднюю часть
своего плащя; ты показываешь пред-
стоящимъ то, что благоприспой-
ность великъ скрываешь.» — Фи-
липпъ, весьма довольный такимъ по-
нимъ оспереженіемъ, тотчасъ же ве-
лѣлъ его расковать. — «Да, сказалъ
Государь, я и позабылъ-было; онъ въ
самомъ дѣлѣ изъ друзей моихъ.» —

Послѣ такой всякой всячины По-
лемонъ спросилъ меня: видѣлъ ли я въ
бытность свою въ Азіи рѣку Термо-
донъ (*) и эпитъ славныхъ Амазо-
нокъ, у которыхъ Пеншесилея и Ан-

(*) Термонъ течетъ въ Каппадокіи и
впадаетъ въ Эвксинское море. Эта рѣка
прославилась исторіею или баснею объ
Амазонкахъ.

пѣіона были Царицы, обѣ громкія въ Исторіи: первая попому, что мужественно сражалась при осадѣ Трои; а вторая, что осмѣлившись рабовать съ Геркулесомъ, была имъ побѣждена и приневолена выдти за Тезея, съ которымъ прижила она Ипполита.—Нѣтъ, отвѣчалъ я, путешествованіе мое не простиралось такъ далеко; но будучи въ Каппадокии, я освѣдомлялся о образѣ жизни и нравахъ знаменитыхъ богатыровъ. Историки утверждаютъ, что онѣ не терпятъ ни одного мужчины въ своемъ обществѣ, но что всякой годъ по одному разу выѣзжаютъ на границу для любовнаго свиданья съ своими сосѣдями; что, послѣ родовъ, дѣвочки оставляютъ у себя, а мальчиковъ отсылаютъ къ ихъ опцамъ. Еще повѣствуютъ, что Амазонки прижигаютъ себѣ одну шишку, чтобы лучше стрѣлять изъ лука, а другую оставляютъ, чтобы кормить дѣшей своихъ. Я не крипикъ, однако же сіи рассказы нахожу сомнительными, или по крайней мѣрѣ думаю, что истина прикрашена здѣсь многостесненіемъ вымысловъ. А вошъ преданіе, которое кажется мнѣ самымъ правдоподобнымъ, почь впочь, какъ

я слышалъ оное отъ одного тамошняго спарика, человѣка заслуживающаго вѣрояніе.

« Греки напали на владѣніе сихъ богатырокъ, разбили ихъ совершенно и привели плѣнными на свои суда. Когда выѣхали въ открытое море, Амазонки разорвали свои оковы, перебили своихъ побѣдителей и овладѣли судами; но, не смысля ничего въ мореходствѣ, онѣ плутали по волѣ въпоровъ и волнъ. Послѣ долговременнаго и пруднаго плаванія, приспали наконецъ къ городу Кремнамъ, на Меопійскомъ морѣ(*), гдѣ жили Скиѣы, народъ вольной. Амазонки, пробираясь во внутренность земли, опустошали ее. Скиѣы изумленные берущся за оружіе и слѣдшамъ въспрѣвшии неизвѣстнаго непріятеля, копорый, казалось, сошелъ съ неба, или изверженъ бездною морскою. Сраженіе начинается; но Скиѣы, узнавъ по шѣламъ убитымъ, оставшимся въ ихъ власти, какого роду былъ ихъ пропивникъ, не хотѣли больше воевать. Они

(*) Теперь называется оно Забахскимъ (de Zabache) и есть великой сѣверной заливъ Чернаго моря, коего берега принадлежатъ нынѣ Россіи.

сосшавили совѣшѣ и положили, опобравѣ шакоежѣ число молодыхъ людей, сколько было Амазонокѣ, расположивѣ ихѣ лагеремѣ по сосѣдству съ ними, съ повелѣніемѣ избѣгашѣ всякаго сраженія, а напрошивѣ спарашѣся приобрѣсѣ ихѣ дружбу. Намѣреніе Скиѣовѣ было при семѣ то, чѣшобѣ молодые люди совокуплялись съ эшими воинствующими женщинами и имѣли опѣ нихѣ дѣшей. Молодежѣ во всей почности исполнила предписаніе спарѣйшинѣ. Амазонки, видя, чѣо не спараются имѣ вреднѣ, пребывали въ бездѣйствіи и безопасности. Между шѣмѣ оба спана сближались всякой день; и Скиѣы примѣшили, чѣо нѣкоторыя Амазонки, иногда по одной, иногда самѣ другѣ, оплучались изѣ лагеря. Одинѣ изѣ Скиѣовѣ посмышленѣе началѣ ихѣ подсматривашѣ, какѣ подсматривающѣ голубку, когда хопяшѣ ее поймашѣ, и примѣшилѣ, какѣ Амазонка, опдѣлившись опо всѣхѣ по другѣ своихѣ, входила въ лѣсѣ; онѣ побѣждалѣ за нею и настигѣ ее. Прекрасная героиня не шолько не дичилась и не убѣгала опѣ юноши, но еще улыбалась кѣ нему самымѣ пріятнымѣ образомѣ. За неимѣніемѣ

общепонятнаго имъ языка, они изъяснились движеніями, говорили глазами; наконецъ природа и любовь дали знакъ, и это нѣмое предешавленіе кончилось шѣснѣйшимъ сочешаніемъ. Амазонка крайне довольна была произшедшимъ и дала разумѣнье своему побѣдишелю, что завтра придетъ она опяшь на то же мѣсто съ одною изъ подругъ своихъ и будетъ ожидать его также съ товарищемъ. Скиѣ не опказался. По возвращеніи въ лагерь онъ разсказалъ приключеніе свое, а на слѣдующій день съ однимъ изъ поварищей явился, во всей исправности, въ назначенное мѣсто, и нашелъ тамъ вчерашнюю Амазонку съ ея подругою. Обѣ были молоды и прекрасны, и время упошреблено такъ же хорошо, какъ и наканунѣ.

«Нечувствительнѣе молодые наши Скиѣы освоили всѣхъ эшихъ воишельницъ, грозныхъ на полѣ Марсовомъ, но ушупчивыхъ на полѣ Ниприды. Такимъ образомъ связь между ними опчасу сшановилась шѣснѣе; наконецъ оба лагеря соединились, и каждый юноша взялъ женою себѣ шу изъ Амазонокъ, съ которою онъ любился. Когда начали они понимать

языкъ другъ друга, по Скиѣы предложили своимъ супругамъ соединиться съ прочими ихъ соопечесвенниками и жить вмѣстѣ. — «Въ такомъ случаѣ, ошвѣспвовали онѣ, мы не могли бы поладить съ вашими соопечесвенницами; ихъ обычаи слишкомъ опличны опѣ нашихъ. Мы спрѣляемъ изъ лука, бросаемъ копья, ѣдимъ верьхомъ; за то не приучены къ упражненіямъ своего пола. Ваши же женщины, напрошивъ того, знаютъ только занятія и работы женскія; онѣ никогда не оспавляютъ своихъ повозокъ (*). Но какъ вы хошите утвердить навсегда брачный союзъ нашъ, то удалимся опсюда и учредимъ жилище наше по шу спорону Дона.» — Скиѣы согласились, и переправившись чрезъ рѣку, продолжали путь свой при дни къ воспоку; наконецъ доспигли спраны, гдѣ живущъ шеперь подѣ именемъ Савро-

(*) Скиѣы сіи были народъ кочующій. Жены ихъ проводили жизнь въ шельгахъ. Мущины ѣдили верьхомъ. Они переселялись съ мѣста на мѣсто, ведя съ собою своихъ лошадей, быковъ и барановъ. На одномъ мѣстѣ оспавались они только до шѣхъ поръ, пока сшада ихъ находили себѣ пищу.

машовъ. Женщины сохранили древніе свои обычаи: онѣ ѣздяшъ верьхомъ, бывають на охошъ, иногда однѣ, иногда съ мужьями своими, съ копорыми шакже ходяшъ и на войну. Одежда у мужчинъ и женщинъ одинакая. Чшо касается до бракосочетанія, у нихъ естъ законъ, чшо дѣвица не иначе можешъ выдти за мужъ, какъ убивши по крайней мѣрѣ одного непріятеля. Многіе старѣются и умирають, не заслуживши чести супружества.» —

Послѣ всѣхъ такихъ разсказовъ, Дамо и Ласѣнія произносили сцены и стихи изъ многихъ Поэшовъ. Полемонъ, къ слову объ удовольствіи, какимъ наслаждались мы на этой пиршкѣ у любезной философки, сказалъ, чшо мудрый не долженъ слѣдовать примѣру просполудимовъ, которые, чшобы предашъся веселію, ждущъ праздника Сашурнова, Бахусова, или Венерина. Душа, говорилъ онъ, сама собою спремишъ къ предметамъ любезнымъ и пріятнымъ. Когда мы слышимъ согласіе мусикійскихъ орудій, или сладкое пѣніе пшичекъ; когда видимъ свѣшное, величественное небо, или живописное сельское мѣстоположеніе, или молодень-

кихъ живошныхъ, рѣзво по правкѣ прыгающихъ и забавляющихся: тогда душа наша распускается, такъ сказать, и вкушаетъ сладостное тихое веселіе. Пускай злодѣи крушились и чернишъ жизнь; Карнеадъ говаривалъ: «какъ ящикъ, въ кошоромъ заключались драгоценныя масли, сохраняешъ пріятный запахъ и тогда, когда уже ихъ въ немъ нѣтъ: такъ мудрый, сохраняя память своихъ добродѣтелей и благихъ дѣлъ своихъ, долженъ бытъ щасливъ по вся дни своей жизни.»— «Такъ! воскликнулъ Полемонъ: міръ есть храмъ, достойный величія верховнаго Бога; а жизнь непрерывное празднество для добраго человѣка!»—

Тутъ кешапи прочиталъ онъ намъ чешыре епишка, сочиненные Солономъ въ староспи. Эпошъ великой, эпошъ спрогой законодатель, примолвилъ онъ, былъ такъ же другомъ забавъ, какъ порядка и благочинія.

*Вакхъ! оживи меня цѣлебнымъ пи-
тіемъ;*

*Амуры! порхайте надъ сей главою
сѣдою;*

*Ты жъ, Мюза! цѣляжи тело мое вѣнцемъ
И цслади еще меня своей игрою!*

ГЛАВА XXX.

Замѣзанія обѣ Аѳинахѣ. Покупка невольника. Тимонѣ желовѣконенавистникѣ. Столы для народа. Загородное Аѳинское поле. Нравственныя Ласоеніины правила.

Въ вечеру предложила мнѣ Ласоенія иди съ нею на другой день въ городѣ, гдѣ ей надобно было купить невольника. Мы отправились очень рано, и прибыли по Академической дорогѣ, кошорая усажена кипарисами.—«Здѣсь не лѣзя спущишь шагу, говорила Ласоенія, не попирая праху какого нибудь Героя. Вошѣ жершвенникѣ Музѣ; вошѣ Меркуріевѣ, Минервинѣ, Геркулесовѣ. Эшо большое оливковое дерево, кошорое у шебя на правой рукѣ, по происхожденію своему вшорое въ Аппикѣ. Эшо гробница Оразибулова, Хабріева, Форміонова. Здѣсь кеношафы (*) храбрыхъ вои-

(*) Кенотафы пусшыя или порожнія гробницы, поставленныя въ честь шѣмѣ, коихъ шѣла шумѣ не находящся, а погребены или въ другихъ мѣстахъ, или во-
Антен. Т. III.

новѣ, убишыхъ на сраженіи; имена и мѣсто ихъ рожденія вырѣзаны на маленькихъ колоннахъ, что подлѣ нихъ.» — Входя въ Аѣины, говорилъ я Ласфеніи: «для меня городъ вашъ очень худо построенъ, улицы узки, не прямы и крайне неправильны, дома незначущіе, худо расположенные, исключая развѣ нѣкопрыхъ. Сіи лѣстницы, выводящія на улицу; эпи верхніе выдавшіеся впередъ перемы обезображиваютъ фасадъ, заслоняютъ свѣтъ и мѣшаютъ обращенію воздуха. Не нравятся мнѣ также эпи каменные гермесы (спашу или сполбы), кубической фигуры, стоящіе у вѣроу домовъ; я люблю лучше эпи жерпвенники, покрытые дерномъ, которые подлѣ нихъ: они гораздо пріятнѣе для взора. Въ городъ одинъ только источникъ (*): недостаюу эпоу, правда, дополняется колодцами и

все не отысканы. Древніе думали, что умершіе, коимъ не учинено погребенія, помятсѣ на берегу адской рѣки, не будучи допускаемы въ царство Плутонново. (*) Въ Аѣинахъ былъ одинъ источникъ, но посредствомъ девяти подземельныхъ каналовъ вода доставляема была изъ него во многія части города.

всдоемами. Короче сказаць, я ищу
 Аѣинѣ въ Аѣинахѣ.—«За при года
 назадѣ ты не дѣлалѣ эгихѣ замѣча-
 ній. Видно, что пупешествіе образо-
 вало вкусѣ пвой. По случаю пвоей
 крипики скажу шебѣ, что кақой-то
 весельчакѣ, входя въ Аѣины и видя у
 городскихѣ воротѣ храмѣ, посвящен-
 ный двумѣ божеспвамѣ, сказалѣ: «на-
 добно мнѣ воропипсья назадѣ; коли
 здѣсь для двухѣ боговѣводна кваршира,
 шо мнѣ ужѣ гдѣ найши для себя?»
 —Спору нѣтъ, что въ городѣ все
 просто; за шо великолѣпіе блистаешѣ
 въ порпикахѣ, въ храмахѣ, въ обще-
 ственныхѣ зданіяхѣ. Кимонѣ прика-
 залѣ посадишь сїи величественные
 яворы, служащіе лучшимѣ украше-
 ніемѣ Академической площади, гдѣ
 сперва было песчаное и голое мѣсто.
 Эшотѣ безплодный грунтѣ преобра-
 зилѣ онѣ въ препріятную рощу, оро-
 шаемую криспальными ручеиками,
 убранную многими большими просѣ-
 ками и длинными песочными доро-
 гами для бѣганья. Впрочемѣ знашные
 и зажипочные Аѣиняне, любя спра-
 шно деревенскую жизнь, истоща-
 ютѣ пышность и вкусѣ свой въ за-
 городныхѣ домахѣ. Тамѣ найдешѣ ты
 прекраснѣйшее расположеніе вмѣстѣ

сѣ богашествомъ уборовъ; найдешь
комнашы самыя прохладныя, жилище
нѣги и сладоспраспїя, и сады, дос-
шойныя бышъ храмомъ Нашуры.»—

Когда мы пришли на публичную
площадь, гдѣ продають невольниковъ,
Ласеенїя мнѣ сказала: «вошъ жерш-
венникъ Жалоспи, кошорой одни Аѣи-
няне воздають поклоненіе! Эшо до-
спочшимое божество научаешъ насъ
соболѣзновать о нещаспїяхъ ближ-
няго, и переносить сѣ великодушїемъ
и преданностїю собственныя свои
бѣдспвія. Чеспвованіе, воздаваемое
сей богинѣ, и жершвенники, воздвиг-
нутыя Аѣинянами Спыдливоспи,
доброй Славѣ и Бдишельноспи, дока-
зываютъ, чшо они народъ самой бла-
гочеспивой въ Греціи.»—Невольники
всякаго возраста, пола и происхож-
денїя стояли кучею на срединѣ пло-
щади. Какъ скоро Ласеенїя погово-
рила сѣ купцомъ, то онъ приказалъ
своей толпѣ спать круговенькою и
велѣлъ плясать, чшобъ мы сами мог-
ли судить о крѣпоспи ихъ и провор-
ствѣ. Эши нещаспные прыгали, ко-
веркались изо всей мочи; когда жъ
успавали, хозяинъ подгонялъ ихъ
лозою. Ласеенїя топчасъ приказала
переспать эшой жалкой пляскѣ; на-

чала шорговашь одного молодого Скифа, св виду пріяшнаго и неглунаго, и спрашивала купца о шѣлесныхъ и другихъ его недоспашкахъ (*). — «Онъ не охотникъ шрудиться, опѣвчалъ купецъ; нраву печальнаго; вмѣсто шого, чшобы работашь, онъ часшо пошѣваешъ любовныя и заунывныя шѣсенки, кошорыхъ бы не могли слушашь безъ кручины и самыя совы: но св помощію лозы вы скоро его исправише.» — Не смошря на всѣ такія обвиненія, Ласѣенія выбрала его. — «Жалосшь, присушесшвующая здѣсь, сказала она миѣ, ходатайсшвуешъ за него въ моемъ сердцѣ. Сверхъ же шого я предпочишаю духъ вещесшву; надѣюсь, чшо мои попеченія и льгота его неволи возврашашъ ему веселосшь, а можешъ бышъ и шаспие; онъ будешъ ходишъ за моими цвѣтами и овощами, а я приму на себя шрудъ обрабошывать сердце его и разумъ.» — Ласѣенія заплашила за него шесшъ сотъ драхмъ. Тутъ зашла между нами рѣчь о шорговѣ людми, о семъ

(*) Торгующіе невольниками, при продажѣ ихъ, должны были обьявляшъ пороки и недоспашки, кошорые за ними знали; иначе шоргъ не могъ сосшояшъся.

жестокомъ и поносомъ для человѣческаго промысла. Ласкѣнія признавалась, что это часто причиняло боль ея сердцу; что рабство оскорбляетъ Нашуру, унижаетъ равно и продавца и покупателя; но что это такое злоупотребленіе, котораго почти невозможно испребишь. — Этого рода торговли въ цѣвущемъ состояніи у Грековъ: въ одной Аппики считаютъ четыреста тысячъ невольниковъ. Невольники пашутъ здѣсь землю, работаютъ на фабрикахъ, въ каменоломняхъ, вырываютъ руды и несутъ всякаго рода службы. Тѣхъ изъ нихъ, кои лучше воспитаны и коимъ щастіе больше благопріятствуетъ, упражняются въ наукахъ и занимаются искусствами. Надобно отдать справедливостъ Аѳинянамъ: они не такъ жестоко поступаютъ съ своими невольниками, какъ Спаршанцы съ илошами. Здѣсь никакой господинъ не имѣетъ права надъ жизнію раба; онъ можетъ только посадить его въ желѣза, осудить на мѣлничную работу, запретить ему жениться, или разлучить съ женою. Еслижъ какой нибудь варваръ поступаетъ съ ними звѣрскимъ образомъ, онъ можетъ искать убѣжища въ

Тезеевомѣ храмѣ: здѣсь будучи, пребываетъ онѣ чловѣколюбивѣйшаго господина и не рѣдко получаетъ желаемое. Законѣ, подѣ спрогимѣ наказаніемѣ, запрещаетъ обижаѣ чужаго невольника. Невольники обязаны бриѣ голову и носиѣ колпакѣ; а хитонѣ ихѣ не долженѣ быѣ ниже колѣна. Они могутъ, или за оказанныя услуги, или за выкупѣ, собранный трудами ихѣ и бережливостію, получиѣ свободу; но если употребятъ ее во зло, если господинѣ докажетъ въ судѣ, что невольникѣ его попустилѣ съ нимѣ неблагодарно: въ такомѣ случаѣ онѣ беретъ его обратно, и заключаетъ въ цѣпи, говоря: «будь рабомѣ, пошому что не умѣешь быѣ свободенѣ.»

Разговаривая такѣ, увидѣли мы чловѣка, странно одѣшаго, за которымѣ бѣжало множество народу. Ласеенія узнала его. — «Это мизантропѣ Тимонѣ, сказала она: онѣ рѣдко показывается въ городѣ, и какѣ сова боится свѣту; онѣ ненавидитъ людей и бѣгаетъ отъ нихѣ, какѣ отъ звѣрей дикихѣ. Посмотримѣ, что-то ему угодно. Ба! да онѣ карабкается на кашедру: слушай! — «Аѣиняне! закричалъ онѣ голосомѣ

Спенпора (*): у меня въ деревнѣ есть смоковница, на которой многіе изъ васъ уже повѣсились. Теперь я хочу ее срубить, потому что мѣсто, гдѣ она стоишь, нужно подѣ спроеіе. Если кто изъ васъ намѣренъ еще воспользоваться прекраснымъ моимъ деревцомъ, то пусть не мѣшкаетъ и вѣшаетъ поскорѣе: я даю вамъ сроку только двадцать четьре часа.» — Послѣ такого крапкого, но душеспасительнаго увѣщанія, онъ слѣзъ съ кашедры и удалился спокойно. Народъ не только не обидѣлся такою выходкою брюзгливаго человѣконависника, но еще смѣялся во все горло и провожалъ его съ рукоплесканіемъ.

Проходя по улицамъ съ Ласеенією, увидѣвъ я множествъ споловъ, уславленныхъ кушаньемъ.—«Конечно сего дни праздникъ, сказалъ я, или какое нибудь торжество, для котораго дается эшопъ пиръ?»—«Развѣ ты забылъ, что при каждомъ новолуніи богачи угощаютъ споломъ неимущую брашю, въ честь богини Гекашы?

(*) Стенторъ славный крикунъ, упоминаемый въ Гомерѣ: голосъ у него былъ такой громкой, какъ у 50 человѣкъ вмѣстѣ.

Всѣ шѣ, которыхъ ты видишь сбѣгающихся и кушающихъ съ такимъ усердіемъ, содержащяся на иждивеніи города; эшо бѣдняки, которымъ ни жишь не чѣмъ, ни работаешь нечего. Аѣины весьма многолудны: Апшика можешь поставишь двадцать тысячъ воиновъ. Не упоминаю обѣ иноспранцахъ, которые не только не счишающяся наравнѣ съ природными жишелями, но еще должны избирашь себѣ покровишелей между гражданами и плашишь ежегодную подашь съ души: по двѣнадцати драхмъ съ мужины и по шести съ женщины.»

Я не покидалъ Ласѣеніи во весь день, и эшотѣ день пролетѣлъ для меня съ быспропою молніи. Чшо пріяпшѣ, какъ бышь вмѣстѣ съ женщиною, копорую мы любимъ, копорая говоришь такъ сладко, такъ умно, такъ наспавишельно, и вмѣстѣ такъ скромно! Между шѣмъ нѣкопорое безпокойство возмущало мое блаженство. Ласѣенія не говорила ни о чемъ, кромѣ дружбы; весьма щцашельно ошклоняла самыя сладкія воспоминанія; и при всякомъ выраженіи, сколько нибудь понѣжнѣ, она принимала видъ спрогой важности. Мы сговорились на другой день вмѣстѣ идши

прогуливатъся; и я положилъ веспи
ее въ самыя пѣмѣста, копорыя по-
сѣтили мы въ первые пріятныя дни
любви нашей; въ сіе уединенное, ди-
кое убѣжище, гдѣ получилъ я первый
ея поцѣлуй, гдѣ взоръ ея и языкъ
общали мое блаженство. Первыя
ласки любви, и самыя неважныя, ос-
тавляютъ толь глубокія впечатлѣ-
нія, что малѣйшее воспоминаніе про-
буждаетъ нашу чувствительность,
а нерѣдко раздуваетъ плающій подъ
пеломъ огонь нашихъ желаній.

Мы пошли поутру рано и напра-
вили путь свой чрезъ Педіонъ или
Аѳинское поле. Ласкѣныя показывала
мнѣ красота его. «Педіонъ, говорила
она, орошается водами Цефизы, Эри-
дана и Илисса (*); послѣдній посвя-
щенъ Музамъ и многимъ другимъ бо-
жествамъ. На берегахъ его есть при-
творъ Борею, похищившему Ориѳію,
и жершвенникъ для служенія Музамъ;

(* Илиссъ, омывавшій сѣбѣны Аѳинскія,
теперь не похожъ больше на рѣку. Онъ
раздѣленъ на многіе каналы, коими до-
ставляется вода въ орудные сады;
Цефизы жѣ, копорая текла чрезъ самый
городъ, нѣтъ совсѣмъ: ея не осталось
и слѣдовъ.

также храмы Церерѣ и Діанѣ, гдѣ
 приносилъ въ жертву множество
 козъ. Не лѣзя не удивляясь, мой
 другъ, видя, что могутъ сдѣлать
 трудолюбіе, промышленность, дѣя-
 тельное правленіе и благораспоряди-
 тельность воздуха. Земля сія, унижен-
 ная, такъ сказать, горами и камен-
 ными утѣсами, представляешь од-
 нако привлекательнѣйшую и самую
 живописную картину: вездѣ веси,
 вездѣ многолюднѣйшія селенія. По-
 смотри на это множество густоли-
 ственныхъ оливъ, образующихъ не-
 обозримый лѣсъ; на эти холмы, по-
 крытые виноградомъ, кленовыми де-
 ревами, кедрами, пихтами и вязами.
 Эти величественные яворы, обра-
 щаютъ Иліасъ, часто покрывали го-
 сподарствомъ твоимъ своею божест-
 веннаго Сократа. Здѣсь-то, безъ
 сомнѣнія, въ сихъ священныхъ мѣ-
 стахъ, низводилъ онъ съ неба Фи-
 лософію и распространялъ съ нею
 по излучищамъ спелеямъ человѣче-
 ского сердца. Но всего привлекатель-
 нѣе для меня въ сей великолѣпной
 картинѣ видъ и судьба людей. Часто
 приближаюсь я къ поселянамъ; часто
 вхожу въ ихъ жилища, и вижу только
 щастливцевъ, или по крайней мѣрѣ

смертныхъ, коимъ чужды губительныя заботы и шерзанія. Пахарь, управляя плугомъ своимъ, напѣваетъ пѣсенку; ремесленникъ веселъ, занимаясь своею работою; а философъ, размышляя въ сихъ уединенныхъ сѣняхъ о бѣдствіяхъ человѣческой жизни, скорбя о нашихъ несчастіяхъ, самъ щасливъ. Но вотъ гробница и надпись; прочтемъ.

*Я въ томъ свою жизнь проводилъ,
Что блъ да пилъ и есѣхъ бранилъ.*

—А какъ звали этого честнаго человека? — «Тимакреонъ. Онъ былъ Ашлепъ и спихопворецъ весьма колкой, и великой прожора. Эпишафію эту написалъ ему Симонидъ, копорого онъ, также какъ и Семиспокла, явилъ въ своихъ стихахъ.» — «Хотя этотъ портретъ Тимакреоновъ не есть общій портретъ всѣхъ людей; однако жъ эпишафія годилась бы для многихъ.» —

Такимъ образомъ продолжая идти разговаривать безъ плану, безъ цѣли, заманилъ я Ласеенію въ лощину, окруженную горами, гдѣ любовь моя и побѣда надъ свирѣпѣвшимъ звѣремъ были награждены первымъ поцѣлуемъ. Когда мы вошли туда, пом-

ная задумчивость овладѣла моею душою; унылые взоры мои успрямились на дернѣ, гдѣ нѣкогда сидѣли мы вмѣстѣ.—«Что съ тобою сдѣлалось? сказала Ласеенія: ты, кажешься, придумался?—Такъ. Нѣжное воспоминаіе приводитъ мнѣ на мысль блаженнѣйшія минушы моей жизни. А Ласеенія развѣ забыла ихъ? развѣ покушала она эшого лотоса (*), опшимающаго память, о которомъ говоритъ Гомеръ?—Нѣтъ, мой другъ: сіи мѣста и ихъ опасность еще не изгладились изъ моей памяти; воспоминаніе объ нихъ мнѣ дорого.—Эпи скалы суть тѣ же, эша вода все спруишся въ той же желобовинкѣ; эпи высокія древа опять простирающъ къ намъ дружественную тѣнь свою; ничто не переѣнилось: одна Ласеенія уже не та.»—Она не опвѣчала ничего, и повѣся голову, предалась своимъ размышленіямъ. — «Посмотрите, продолжалъ я, на эшу надпись, которую рука моя изсѣкла здѣсь на скалѣ: Если бы жизнь моя была столькожъ долговѣчна, какъ сіи граниты; я бы всегда любилъ Ласеенію. Посмотрите сюда;

(*) Лотосъ — растѣніе, коего свойство описано въ текстѣ.

вошѣ другая на эшихѣ деревьяхѣ: *Растите, древа, и покрывайте Ласоенію; растите съ моею любовію.* Прочтите еще эти два стихи на челѣ этой Наяды, ліющей изѣ урны своей спруисную влагу:

*Одинѣ съ Ласоеніей, средѣ горѣ, пустынь, лѣсовѣ,
Вѣ ней нахожу свою вселенну и богговъ.—*

Ласоенія чипала и продолжала молчашѣ; тяжкой вздохѣ вылетѣлъ изѣ ея сердца. Мы сѣли другѣ подѣ друга, и я заговорилѣ языкомѣ нѣжнѣйшей спрасши; клялся, что люблю ее пламенно, болѣе, нежели когда нибудѣ; что я боготворю ее. — «Ахѣ, мой другѣ! вѣ какое приводишь ты меня замѣшательство! Какое воспоминаніе! Аншенорѣ, одинѣ Аншенорѣ наполнялѣ сердце мое и не имѣлъ никогда соперника. Симпанія ли это, слабостѣ ли, обольщеніе ли чувствѣ, или потребностѣ души, не знаю; знаю только, что непреодолимая прелестѣ влекла меня кѣ себѣ; я жила, дышала шобою. Сопрошивленіе мое было слабо; вѣ придцашѣ лѣтъ заплашила я данѣ любви. Опускаю завѣсу на прошедшее. Но сѣ шѣхѣ порѣ

я много размышляла о сей спрассти, копорая сама по себѣ можетъ быть не пресшупленіе, но пресшупленіе тогда, когда оскорбляетъ законы и нравспвенность. По силѣ гражданскихъ уставовъ, наслажденія непо-зволеной любви безчестны. Какая же узда воздержитъ на спезѣ раз-враща женщину, пренебрегающую законы скромности и спыдлиности? Добродѣтели всѣ соединены друже-скимъ союзомъ: испреби одну, про-чія исчезнутъ нечувспвительно. Кпо не дорожитъ добрымъ о себѣ мнѣ-ніемъ своихъ согражданъ, токъ скоро не успыдится никакого порока. И такъ, любезный Аншеноръ, позволь забытъ мнѣ прежніе мои просшупки; ограничимъ чувспвованія свои кру-гомъ дружбы; такъ я рѣшилась, и такъ непремѣнно быть должно: воз-вращеніе на прежнюю дорогу уни-зило бы меня въ собспвенныхъ мо-ихъ глазахъ, и я бы не проспила шебѣ упорныхъ швоихъ въ семъ слу-чаѣ желаній.» — Я зналъ совершенно швердосъ ея характера и не могъ льспишься ни малѣйшею надеждою поколебать или спягчить ея правила; но воспламенясь еще больше преле-стію такихъ добродѣтелей, я пред-

ложилъ ей вступишь со мною въ законный бракъ. — «Еслибъ я опѣвѣчала пеперь же, то опѣвѣшь мой былъ бы опказъ. Но какъ, по словамъ швоимъ, здѣсь дѣло идешь о швоемъ благополучіи, и конечно о моемъ: то я пребую двадцать чепыре часа на размышленіе; эшо не много для такого важнаго предмета. Теперь спанемъ опяшь гуляшь и говоришь о чемъ нибудь другомъ.

«Видишь ли ты, на правой рукѣ, зданіе, возвышающееся на пригоркѣ, посреди кипариснаго лѣсу? Эшо храмъ Эскулаповъ; пойдешь къ нему. — Думаешь ли Ласеенія, что богъ врачевства исцѣлишь меня опѣ любви моей? — Для чегожъ и нѣтъ? Не воскресилъ ли онъ Ипполита? А развѣ тебѣ кажется, что шруднѣе возвращишь жизнь мершвецу, нежели испребишь любовь въ сердцѣ человека?»

Мы проходили шѣми самыми мѣстами, гдѣ нѣкогда имѣлъ я побоище съ бѣжавшимъ на нее воломъ, и побѣдилъ его. Я ошпановился и вздохнулъ. — «Опяшь вздохи! что эшо значишь? — Помнишь ли Ласеенія эшо поле сраженія и эшо чудовище, посягавшее на жизнь ея? — Кшо забываетъ такая чершы мужества, особливо та-

кую важную услугу? — За чѣмъ не могу я сразиться еще съ Миношавромъ, или съ Лернейскою гидрою, и получишь такуюжъ награду за свою побѣду? — Побойсье было бы опаснѣе, а награда не столь пріятна. Повпorenнныя ласки любви подобны выдохшимся напишкамъ, въ копорыхъ убыло и крѣпоси и вкуса.»

ГЛАВА XXXI.

Встрѣга съ Аристономъ. Его исторія.

Тутъ увидѣли мы идущаго на встрѣчу къ намъ человѣка, копорый одѣтъ былъ весьма просто. — «Вопъ, сказала мнѣ Ласенія, философъ довольно оригинальный: но ты самъ увидишь.» — Подошедъ къ нему, спросила она: все ли онъ въ добромъ здоровьи, и какъ проводишь свое время? — «Здоровъ, ошвѣчалъ мудрецъ; а время провожу въ шомъ, что закрываю и ошкрываю глаза; смотрю, слушаю, берегу свободу свою и покой: шеперь же иду къ дому эшого глупца Теофраста. — Глупца? вскричала Ласенія: какое названіе! Развѣ Аристону неизвѣстно, что законъ

Т. III.

Ю

Солоновъ запрещаетъ худо говорить о мертвыхъ? — Нужды нѣтъ; у меня обычай называть всякого шого глупцомъ, кто сохнетъ, умираетъ надъ работою, надъ сочиненіемъ. Я называю глупцомъ эшого Карнеада, которъй такъ углублялся въ ученіе, что пренебрегалъ опрятность шѣла, не обрѣзывалъ ни волосъ, ни ногшей; забывалъ даже пищу, такъ что надобно было служанкѣ пихать ему въ ротъ куски: а все эшо для шого, чтобъ начинить память свою кичливою ученостію, которую сущая малость, одно мгновеніе у насъ похищаетъ. Мнѣ знакомъ былъ нѣкто Гермогенъ, великой и, по своимъ лѣтамъ, удивительный риторъ; пошому что въ пятнадцатъ лѣтъ началъ онъ вишійственное свое поприще; въ осьмнадцатъ сочинилъ свою Риторикъ, которая въ великомъ уваженіи; а на двадцатъ четвертомъ году, по спранныму несчастному случаю, убишъ такимъ нравственнымъ параличомъ, что забылъ совершенно прошедшее; и память его, подобно бочкѣ Данаидъ, не можетъ больше ничего удержатъ. Подлинно стоило труда чахнуть въ безпрестанной работѣ, убивать молодость свою

ученьемъ, чѣшбы послѣ впастъ въ
 безсмысліе! — Но Теофрастѣ сохранилъ
 памятъ и разсудокъ до послѣдней
 минушы своей жизни. — Но онѣ
 умерѣ: чѣш проку ему шеперь въ его
 трудахъ и мнимой его славѣ? Мы
 созданы больше дѣйствовать, а не
 разсуждать; больше наслаждаться,
 а не умничать. Истинныя блага сущѣ
 шѣ, кои посылаетъ намъ Природа.
 Небо, земля, сельское убѣжище, поле
 опцовѣ нашихъ: вотѣ неисчерпае-
 мые источники нашего блаженства!
 Дѣльно говорилъ стихотворецѣ Кал-
 лимахъ, чѣш большая книга естѣ
 большое несчастіе. Впредѣ вселенная
 будетѣ моя книга, опытъ мой учи-
 шель. — Но и Аристонѣ, великой го-
 нишель науки и знаній, Аристонѣ
 самѣ большую часть жизни своей
 провелѣ въ ученыхъ трудахъ. — То-
 шо и худо. Не знаю, какѣ это на-
 звать: спрасью ли, или безуміемѣ?
 впрочемѣ это все равно. Я учился
 такѣ усердно, чѣш сдѣлался шоще
 пищцы Минервиной. Одинѣ изѣ на-
 шихъ философовѣ говаривалѣ, чѣш
 въ жизни своей раскаявался онѣ въ
 шрехѣ вещахъ: первое, чѣш ввѣрилѣ
 тайну женѣ; шпорое, чѣш спранспиро-
 вавалѣ по водѣ, когда можно было

идши по суху; а прешье, что про-
велъ день, ничего не сдѣлавъ. Ахъ! и
я грѣшный сдѣлавъ также при вели-
кія пресупленія: чахнулъ надъ кни-
гами цѣлыя пять лѣтъ, разъ; же-
нился, два; принялъ богатое наслѣд-
ство, три. — Спранно! какъ можно
жаловаться на женидбу шому, у
кого была такая любезная, такая
прекрасная, милая супруга? — Оковы,
какъ ни позолоти ихъ, все однакожъ
оковы; и жена, самая любезнѣйшая,
все жена. — А наслѣдство какъ могло
быть вамъ въ шягосъ? — Св нимъ
змѣсѣ, какъ нечистые духи, вошли
ко мнѣ въ домъ заботы, принужденіе,
хлопотня, спрахъ, скупосъ. А! бо-
гатство тяжелая ноша! Веспи без-
преспанные щоты, имѣтъ при-
смопрѣ за невольниками, таскашъ
по шяжебнымъ дѣламъ, управляшъ
св должниками, спроишъ, почини-
вашъ, обрабатывашъ земли... какая
бездна! Хочу ли пушешествовать?
домъ, уборка винограду, посѣвъ хлѣба
удерживающъ меня безпреспанно.
Хочу ли обѣдать? повара не гошovy.
Пресышъ избыткомъ, поперялъ я
аппетишъ, желудокъ мой не варилъ.
Дома, на улицѣ, толпились вокругъ
меня мнимые друзья, которые весьма

учпиво надобдали мнѣ. При малѣйшемъ со мною припадкѣ, родня и врачи сбѣгались и не давали мнѣ выздороувѣшь самому собою. Напослѣдокъ, соскучивъ смертельно своимъ богатствомъ, книгами и своею женою, рѣшилъ я непремѣнно сбросить съ себя обременявшую меня пягость и разорвать всѣ свои связи. Началъ съ жены: извѣстно мнѣ было, что одинъ молодой человекъ изъ ея родственниковъ любилъ ее; но какъ эшопъ дѣшина болѣе нагруженъ былъ чувствительностію, нежели деньгами, то ему опказали. Я пришелъ къ опсставному любовнику и сказалъ безъ околичностей: знаю, что жена моя тебѣ нравится, и предлагаю тебѣ ея руку; знаю также, что ты не богатъ; беру на себя нужныя издержки и дарю тебѣ для свадьбы довольно не дурную дачу, кошорая у меня въ Вравронѣ, подлѣ горы Пентелика, доспавляющей намъ такой прекрасной мраморъ.» — Тутъ, не дожидаясь косноязычныхъ извѣялений его признашельности, я взялъ его за руку и повелъ къ женѣ моей. — «Вотъ, сказалъ я ей вошедши, Фидиппъ, новой твоей супругъ; онъ молодецъ препорядочной и пречеспи-

ной; любишь тебя и себя подв пару; теперь пойдешь въ судъ претовашъ разводу.» — Она изумилась и не отвчала ничего. — «Оспавайшесь же здѣсь оба, примолвилъ я; переговоры и расположите, какъ чему бышь; а я пойду въ судъ, подамъ прозбу и скажу, чѣмъ васъ шуда потребовали.» — Возвратившись домой, нашедъ я любовниковъ къ ладахъ, — и дѣло съ концомъ.

«Сваливши съ себя эту пягость, я еще пягошилъ богашствомъ. Позвалъ я обѣдаться къ себѣ двухъ своихъ братьевъ, людей недоспапочныхъ, которые вѣрояшно смолрѣли на мой избытокъ окомъ несыпымъ и почиали меня счастливишимъ человекомъ: ибо одинъ мудрый знаешъ ничтожество благъ земныхъ. Пригласилъ также большую часть моихъ друзей на эту пирушку, которая была и великолѣпна и роскошна. Мѣстомъ предспавленія былъ мой прекраснѣйшій увеселительный домъ. Столъ и поставъ ломились отъ золоша и серебра, отъ всякой драгоцѣнной посуды и пріятнѣйшихъ напитковъ. Вакхъ разливалъ свои сокровища; всѣ наперерывъ хвалили мое великолѣпіе, вкусъ мо-

ихъ яспѣвъ. Къ концу обѣда принесена была пребогатая червленнаго цвѣту чаша съ крышкою. Гости изумились при видѣ сего осьмага чуда; не могли довольно выхвалишь матеріялъ и работу. Я отвѣчалъ, что какъ сосудъ эшотъ имъ полюбился, то и прошу ихъ принять его со всѣмъ, что въ немъ ни имѣется. Обрадовавшись моему подарку, они посѣвшили открышь чашу, думая, что она полна золоша; но удовольствіе ихъ гораздо поубавилось, когда не нашли въ ней ничего, кромѣ старыхъ свершковъ. Между тѣмъ просилъ я одного пріятеля, славнаго чтеца, прочиташъ намъ, что написано на эшихъ свершкахъ. Вообразите жъ себѣ удивленіе всего собранія и восторгъ братьевъ моихъ, когда они услышали, что эшосдѣланная по формѣ уступка имъ всей моей золошой и серебряной посуды, всѣхъ домовыхъ уборовъ; словомъ, всего моего имѣнія движимаго и недвижимаго, съ оставленіемъ только за мною одной простенькой дачи, которой всѣ украшенія состояшъ въ небольшомъ лѣскѣ и источникѣ, да нѣсколькихъ глиняныхъ сосудовъ и прекрасной мраморной сѣпашуи, находящейся въ сре-

динѣ лѣса, которую поставилъ я Нашурѣ. Братья мои, въ изумленіи, въ замѣшательствѣ, не знали, принять ли имъ предлагаемое, или отказаться. Они просили меня настоятельно удержатъ свои милости, или по крайней мѣрѣ оставитъ для себя участокъ побольше.—Нѣтъ, отвѣчалъ я, намѣреніе мое непремѣнно, и вошъ на чемъ я утверждаюсь: однажды софистъ Ансифонъ подошелъ къ Сократу въ полномъ собраніи его учениковъ и сказалъ ему: «я думалъ, что философія должна служить къ сдѣланію людей щасливейшими; но вижу, что швой примѣръ доказываетъ прошивное. Ты живешь хуже всякаго невольника; одежда и пища швая самая бѣдная; денегъ ты не берешь никогда, и однакожъ деньги веселятъ сердце человека, доставляя ему опличіе и всѣ возможные удовольствія. Правду тебѣ сказать, Сократъ, если швои ученики идутъ по швоимъ стопамъ; то ты показалъ имъ путь къ жалкой и несчастной жизни!»—Вижу ясно, отвѣчалъ Сократъ Ансифону, что ты скорѣе бы согласился умереть, нежели жить по моему. Но скажи мнѣ, имѣю ли я въ чемъ недоспашокъ?

жалуюсь ли на жаръ, на холодъ, на голодъ, на жажду? Ты думаешь, что благополучіе состоитъ въ пышности; а я думаю, что шибъ, у кого ско-ро можно менѣе нуждъ, есть смершнй ближайшій къ Божеспву. Всѣ эти люди, которыхъ называешь ты богатыми и щасливыми, весьма довольны, когда получающъ какую нибудь прибыль: съ какою жъ прибылью можно сравнить наслажденія добродѣтели? — Ласенія прервала Ариспона вопросомъ: не случилось ли съ нимъ того же, что съ нѣкоторыми Царями, сложившими съ себя царственнй санъ свой? то есть, не случилось ли ему такъ же жалѣть о своемъ богатствѣ, какъ шъ не разъ жалѣли о своемъ вѣнцѣ? — Сами судите, могу ли я сколько нибудь жалѣть объ немъ. Теперь иду я одинъ, куда хочу, на торжище, на площадь, гуляю; иду пѣшкомъ, или ѣду верхомъ; обѣдаю въ городѣ, или за городомъ; подъ смоковницею, или у себя въ комнатѣ, и тогда, когда мнѣ угодно. Хочется мнѣ спать, ложусь; встаю рано, или поздно, по своей волѣ; работаю въ саду, читаю книжку, или остаюсь въ совершенномъ бездѣйств-

віи, смопря по тому, какъ мнѣ вѣду-
маешся. Если мнѣ жарко, иду въ
холодѣ; если холодно, грѣюсь; городѣ
мнѣ наскучилѣ, бѣгу въ маленькой
мой лѣсокѣ, гдѣ я живу и царствую.
Исцѣлившись совершенно отъ че-
столюбія и сребролюбія, и смопря
на суешу мірскую, на вывѣску пыш-
ности и великолѣпія, часто, часто
восклицаю я съ наставникомъ сво-
имъ Сократомъ, сколько вещей для
меня ненужныхъ!—

ГЛАВА XXXII.

*Домъ Теофрастовъ. Правила и уче-
ніе сего философа. Муха Аристо-
нова. Храмъ Эскулаповъ. Что въ
немъ при насъ случилось.*

Между тѣмъ приближились мы къ
дому Теофрастову, въ которомъ
жилъ тогда другъ Аристоновъ. Спер-
ва вошли мы въ небольшой садъ,
гдѣ стоялъ образъ Аристоцелевъ;
потомъ были въ Портикѣ, убран-
номъ географическими картами; от-
туда прошли въ музей, гдѣ Теоф-
растъ преподавалъ свою естествен-
ную Исторію. На фронзонѣ дверей

нашли мы ту же надпись, какая и на храмъ Делосскомъ: — «Справедливость всегда прекраснѣе; здоровье всего лучше; исполненіе нашихъ желаній всего пріятнѣе и любезнѣе.» Вокругъ Музея находятся разные покои, довольно большіе для помѣщенія спекавшихся труда философовъ. Попомъ гуляли мы въ саду, въ концѣ котораго пропекавшій свѣпмый Илоссъ образовалъ пріятную каршину.

Ласеенія оставила насъ и вошла въ бесѣдку, гдѣ была спашуя Теофрастова. Тутъ нашелъ я ее погруженную въ глубокихъ мысляхъ. — Вы въ задумчивости? сказалъ я ей. — Изображеніе скончавшагося друга моего возбуждаешъ во мнѣ нѣжно-горестное воспоминаніе. Сладко и вмѣстѣ прискорбно душѣ нашей мечпашъ о любезныхъ намъ, преселившихся въ другую жизнь. Однажды была я съ нимъ въ этой бесѣдкѣ. — «Любезная Ласеенія! говорилъ онъ, на мнѣ лежишъ бремя девяноста девяти лѣтъ; я довольно пожилъ, чптобы узнать людей: въ жизнь свою видѣлъ я всякаго роду нравы и характеры; входилъ въ изслѣдываніе ихъ, примѣчалъ долго, и теперь намѣренъ пи-

сашь обо всѣхъ добродѣтеляхъ и обо всѣхъ порокахъ. Сочиненіе это не бесполезно будетъ для нашихъ потомковъ; они найдутъ въ немъ образцы, которыми могутъ слѣдовать.» — Теофрастъ не кончилъ этой работы, хотя прожилъ сто семь лѣтъ.

Послѣ того пошли мы въ одному великому водоему. — «Здѣсь, сказала Ласеенія, за два мѣсяца до кончины своей великой эпопѣ философъ бесѣдовалъ со мною о кратковременности жизни человѣческой. — Въ эпомѣ прудѣ, говорилъ мудрецъ, есть карпы, которые живутъ уже по меньшей мѣрѣ полторасна лѣтъ. Не смотря на то, они также проворны, также бодры, какъ и другіе карпы, кои родились послѣ на моментъ въку, и гораздо ихъ моложе. Я не скажу съ нѣкоторыми философами, что рыбы бессмертны: все, имѣющее начало, должно имѣть конецъ. Но родъ рыбій, живущій въ спихіи постоянной, неподверженной великимъ переменамъ и непогодамъ воздушнымъ, гораздо долговѣчнѣе другихъ животныхъ; и если правда, какъ утверждаютъ, что измѣненія атмосферы суть главные

причины скорого разрушенія живыхъ существъ: по рыбы, менѣ другихъ пварей подверженныя ея вліянію, должны долѣе и жишь. Сверхъ того кости земныхъ живошныхъ, ихъ швердыя часши съ лѣшами грубѣюшъ и шеряюшъ свою гибкость, шакъ что напослѣдокъ движеніе оштанавливается и слѣдуешъ смерть. Напрошивъ того кости и хрящи у рыбъ, будучи по веществву своему гораздо мягче, не подвержены симъ прекращающимъ жизнь огрубѣлошьямъ, или по крайней мѣрѣ посшепенно и нечувствившельво получаюшъ они сіе роковое ошвердѣніе. Увы! воскликнулъ онъ: я жилъ почти вѣкъ карма! Прошедшее для меня ничто; завтра, послѣ завтра, чрезъ нѣсколько дней, сонъ мой кончипся.»

—Хотя много времени прошло послѣ эшого разговора; но я какъ будто шеперь его слышу. Помню шакже, какъ я однажды ожидала его въ эшой ближней долиш; онъ увидѣлъ меня и подошелъ шагомъ швердымъ и съ нѣкопорою поспѣшностію; казалось, будто онъ помолодѣлъ. — «Ошкуда, вскричала я, ошкуду шакая живосшь?»

—«Эшому причиною маленькое приключеніе, случившееся со мною.

Теперь я съ поржища Аѣинскаго, куда ходилъ за огородными овощами. Начинаю торговать.» — «Нѣтъ, иностранецъ, отвѣчала мнѣ торговка, эшого мало. — Почему ты знаешь, что я иностранецъ (*)? — Вижу по швоему произношенію.» — «Признаюсь тебѣ, любезная Ласѣнія, примолвилъ философъ, эшо меня сръзало. Соспарѣвшись въ опечеспвенномъ городѣ, въ изученіи своего языка и чиспопы его ударенія, не знаешь того, что простой народъ знаетъ ошъ природы и безъ шруда!!» —

Вышедши изъ дому Теофраспова, мы распались съ Ариспономъ, который никакъ не хотѣлъ обѣдать съ нами, пошому что шелъ обѣдать по деревенски на свою дачу. — «Я ставлю, говорилъ онъ, свой столъ въ маленькомъ моемъ лѣску, подлѣ моего источника; невольникъ приноситъ мнѣ молока и вина и нѣсколько кушанья въ глиняныхъ сосудахъ; онъ уходишь, и я остаюсь одинъ съ Нашурою; разсуждаю, пью, ѣмъ, ходя,

(*) Въ Аѣинахъ называли иностранцевъ всякаго, кто даже былъ не изъ Ашшиви; а варварами всѣхъ шѣхъ, кои были не Греки.

или лежа на правѣ; слѣдую взоромъ за пшичками, летающими надъ моею головою, и эта пріятная прапеза продолжается иногда болѣе двухъ часовъ.»—На прощаньяхъ Ласеенія спросила Аришона, каково поживаешь его мушка, и видишь ли онъ ее еще когда нибудь.—«Нѣтъ; Агнодика избавила меня отъ нее совершенно.»—Когда мы остались одни съ Ласееніей, я спросилъ, что это за муха?—Ты не могъ не примѣшшишь, ошвѣчала она, что эшошь человекъ носитъ на себѣ печать спранности. Помнишь, онъ говорилъ, что цѣлыя пять лѣтъ чахнулъ надъ ученьемъ. Когда онъ хотѣлъ занимать, то ложился обыкновенно на полу ничкомъ, обжавшись книгами. Тутъ всякой разъ казалось ему, что прилепаетъ муха и садится ему на носъ: сколько онъ ни стонялъ ее, она все прилепала и выводила его изъ терпѣнія. Искуснѣйшіе врачи были призываны; но со всею своею наукою и лекарствомъ не могли прогнать этой проклятой твари, а по словамъ одного изъ нашихъ Стихотворцевъ, этой дщери неба, съ носу Аришона, или лучше изъ его воображенія. Наконецъ славная Агнодика

имѣла честь исцѣлить сію чудную болѣзнь. Эша Агнодика, женщина весьма умная, имѣвшая такую сильную склонность къ медицинской наукѣ, что, переодѣвшись въ мужское платье, ходила слушать уроки Гіерофилизы. Знашныя Аѳинянки такъ полюбили эту воспитанницу Иппократову, что исходатайствовали для нее уничтоженіе закона, запрещавшаго женскому полу упражняться въ медицинѣ искусствѣ. Такимъ образомъ одинъ изъ друзей Аристотелевыхъ ошнесся, въ разсужденіи его болѣзни, къ этой искусной женщинѣ. Она берется испробовать муху; приходитъ къ больному, и на вопросъ: «что видишь у него на носу?» — отвѣчаетъ смѣло: «муху.» — Этою пошачливою ложью она произвела въ больномъ къ себѣ довѣренность. Потомъ, съ видомъ важнаго и глубокомысленнаго врача, испытующаго дѣйствіе и причины, Агнодика спрашиваетъ его о свойствахъ и примѣсахъ этой безпокойной пшари, и о времени, когда она обыкновенно прилепала. Послѣ такихъ распросовъ прописываетъ ему для пищи безвредные составы, подбравъ предлогомъ, чтобы его очистишь.

Наконецъ въ одинъ красный день она объявляешъ ему, что время уже истребишь муху; вынимаешъ изъ кармана маленькой ножикъ, проводишь имъ легонько по носу больного, и показываешъ ему муху, которая спрятана была у нее въ рукъ. — «Браво! вскричалъ Аристонъ; эшо шочно она, та самая, которая такъ давно меня мучишь!» — Такимъ образомъ эша ученица Эпидаврскаго бога исцѣлила Аристона отъ его мечты! Столько-то истинно, что воображеніе есть чародѣйство, обольщающее насъ призраками, которые кажутся намъ существенностію!» —

Наконецъ пришли мы въ храмъ Эскулаповъ и нашли тамъ нѣсколько мужчинъ и чрезвычайное множество женщинъ. Спашуя бога одѣта въ хитонъ и мантію изъ бѣлаго льна; видно только его лице, ноги и руки. — «Чья спашуя подлѣ бога въ такихъ же ризахъ, какъ и онъ?» — Игіи, его дочери. Эшо божество, которому молюсь я усерднѣе; потому что называемое во врачебной Наукѣ Игіеною есть надежнѣйшій указатель къ сохраненію здоровья: Игіена предписываетъ воздержность и упражненіе тѣла. Посмотри, эши женщины

отпрѣзываютъ себѣ кудри и привязываютъ ихъ къ сташуѣ, а другія привѣшиваютъ къ ней образа.» — Это безъ сомнѣнія въ даръ богу для испрошенія у него здоровья, или въ благодарность за полученное исцѣленіе. — Точно такъ. Сюда спекаются богомольщики полпами для испрошенія здоровья шѣлеснаго; но никто еще не вздумалъ молиться Эскулапу о ниспосланіи ему духа крошости, духа разума и добродѣтели, о содѣланіи его чувствительнымъ и благодарнымъ; никто еще не приходилъ просить его о исцѣленіи себя отъ высокомерія, суешности, брашноненавидѣнія, зависши и другихъ сродныхъ человѣческому сердцу пороковъ.» —

Между шѣмъ, какъ Ласеенія говорила это, увидѣли мы вошедшую въ храмъ женщину богато одѣтую, довольно пожилую, въ сопровожденіи многихъ невольниковъ. Всѣ обратили на нее глаза; походка ея была медленна; шомность и уныніе изображались на лицѣ; она пришла вопрошить Оракула. Подступивъ тихими шагами къ образу Эскулапа, она жаловалась на чрезвычайную усталость. — «Причиною этому, ошѣ-

чаешъ богъ, дальность дороги.—Что мнѣ дѣлать? по вечерамъ нѣтъ у меня аппетита.—Надобно поменьше обѣдать.—Я часто мучусь бессонницею; сплю очень худо, безпокойно.—Вставай поутру раньше.—Мнѣ всегда такъ тяжело; всякое упражненіе для меня обременительно.—Ходи пѣшкомъ.—Жизнь мнѣ въ тягость; я умираю отъ скуки.—Занимайся, работай что нибудь.—Вино для меня не годится; я не могу перенести его.—Пей воду.—Желудокъ мой часто не варитъ.—Можно наблюдать діету.—Я вся слабѣю; у меня нѣтъ ни того здоровья, ни той крѣпости, какая была прежде.—Это знакъ, что ты сшарбешься.—Возможно ли! чѣмъ же помочь этому несчастію?—Кратчайшее къ тому средство, Оексена, умереть, какъ умерла твоя мать и твоя бабушка.—Сынъ Аполлоновъ! вскричала богомольщица: какой даешь ты мнѣ совѣтъ? Это ли то искусство, которое люди прославляютъ и которымъ ты приобрѣлъ уваженіе цѣлаго свѣта? Развѣ сама я не знала того, что ты мнѣ сказалъ?—За чѣмъ же ты не употребила знанія своего въ пользу, вмѣсто того, чтобы пріѣзжать ко мнѣ изъ полъ дальнихъ мѣстъ?»—

Такая драма между Оракуломъ и эшою женщиною весьма насъ позабавила. Мы узнали отъ одной ея служанки, что она родомъ изъ Олимпіи и весьма богата. Въ опчаяніи отъ приближающейся старости, преслѣдуема безпокойствомъ, думая, что она все больна и все при смерти, рѣшилась Теоксена путешествовать и прибыла въ Эпидавръ спросить Оракула о мнимыхъ своихъ болѣзняхъ.

ГЛАВА XXXIII.

Маленькой припадокъ. Ответъ Ласееніи на предложеніе мое о женитьбѣ. Прекрасныя черты ея характера.

Пришедши домой, Ласеенія нашла своего отца, слегшаго въ постелю отъ сильной желудочной боли. Она велѣла всѣмъ опказывать. Испончила всѣ попеченія, всю дочернюю нѣжность для облегченія спраданій виновника дней своихъ. Она не оспаривала его; забыла для него все, что ей было пріятно: чтеніе, забавы, прогулки. Сама лечила его, потому что была свѣдуща въ Иппократовой

наукѣ, и припомѣ такѣ щасливо,
что чрезъ нѣсколько дней добрый
спарикъ совершенно оправился.

Столько добродѣтелей, такой умъ,
такая любезность, укрѣпили меня
въ намѣреніи моемъ соединить судьбу
свою съ ея судьбою. Я горѣлъ не-
перифніемъ получить ея отвѣтъ, но
видѣлъ, что она слишкомъ озабочена
болѣзнію спарика, и что не время
объясняться съ нею. Когдажъ опас-
ность миновалась и сердце ея от-
дохнуло, она пришла съ сестрою ко
мнѣ въ садъ. Телесилла куда-то от-
лучилась; я воспользовался случаемъ,
припомнилъ ей данное обѣщаніе и
требовалъ рѣшительнаго отвѣта.—
«Я объ этомъ думала и приготовила,
что тебѣ сказать. Но посмотри
сперва на Телесиллу: какіе дѣлаешь
она скачки! она бѣжитъ къ намъ; я
объ закладъ побьюсь, что она несетъ
тебѣ цвѣтшвъ. Въ самомъ дѣлѣ эта
милая дѣвушка поднесла мнѣ пучокъ
ясиновъ и кассіи, и не дожидаясь
моей благодарности, убѣжала. Ласе-
енія повела меня въ бесѣдку Грацій,
коей воспоминаніе столь было для
меня любезно. Она обновляла въ мы-
сли моей ту блаженную минушу, ко-
гда я снова нашелъ Ласеенію, обви-

няя ее въ неблагодарности и думая, что поперялъ ее невозвратно. Я сѣлъ подлѣ нее, взялъ ея руку; она не сопрошивлялась; сердце мое было такъ полно, такъ распрогано, что я ничего не помнилъ. Ласкѣнія, казалось, также глубоко чувствовала. Мы оба погрузились въ сладостнѣйшую задумчивость, какъ вдругъ раздался пріятные, стройные звуки ципры. Мнѣ не видно было музыканта, крившагося позадь бесѣдки; и можетъ быть это самое, вмѣстѣ съ тогдашнимъ расположеніемъ души моей, увеличивало очарованіе и придавало прелести игрѣ. Послѣ многихъ нѣжныхъ арій, игранныхъ невидимкою, раздался пріятный женскій голосъ, еще почти дѣтской, и пѣлъ слѣдующія слова:

Амуръ! какъ ужасна мнѣ твоя власть, твои прелести и твои благодѣянія! Пощади сердце, дышущее одною невинностію и спокойствіемъ!

Небо поклоняется тебѣ. Ты живешь, ты царствуешь въ сердцахъ. Сердце слабой смертной для тебя ничто.

Оставь же меня владыка мира!
оставь въ сладкой моей независи-
мости: не отнимай у меня моего
спокойствія; не помрачай красныхъ
дней моего блаженства.

Еслижъ должно, чтобъ душа моя
испытала когда нибудь несчастіе
любить; то воспламени меня толь
тихимъ огнемъ, чтобъ я благосло-
вила власть твою.

Эта небольшая пѣсенка пропѣша
съ такимъ вкусомъ, съ такимъ про-
гашельнымъ выраженіемъ! Голосъ по-
казался мнѣ Телесиминъ: я вышелъ
шихонько, чшобъ ее поймать; но она
услышала, и вмигъ скрылась.

Когда я возвратился назадъ, Лас-
еенія сказала мнѣ съ усмѣшкою:
«Эпо Нимфа прыгушка; но мы сдѣ-
лаемъ изъ нее постоянницу. Дай
только созрѣть ей: скоро эпо моло-
денькое деревцо будетъ украшеніемъ
великолѣпнаго саду. Пѣсенка, кошо-
рую ты слышалъ, собственнхъ ея
шудовъ; я только кое-что поправила.

«Прислушимъ теперь къ швоему
предложенію о нашей женидьбѣ. Я
долго обѣ эпомъ думала, и призна-
юсь, сердце мое ходашайствовало за
тебя сильно: оно представляло мнѣ

восхищительную картину щастія двухъ супруговъ, соединенныхъ любовію, должностію, чистосердечною довѣренностію и одинакими пользами. Я сражалась, уступала, но разсудокъ наконецъ побѣдилъ. Замужство несообразно ни съ моимъ характеромъ, ни съ моимъ положеніемъ, ни съ привычками моими. Я взяла къ себѣ бабюшку, чтобы покоить его старость, и исполняю долгъ священнѣйшій. Сестрица занимается часъ моего времени: это юное растѣніе, о которомъ пекусь я съ удовольствіемъ. Вотъ расположе- ніе моего времени: «лѣтомъ и зимою вспаю я вмѣстѣ съ солнцемъ; для меня довольно спать часовъ пять или шесть. Часъ, или два занимаюсь я учеными упражненіями. Потомъ нѣсколько минувъ упоребляю на домашнія дѣла: эти мѣлочи, ко- торыя кажутся толь скучны для большой части ученыхъ людей, гораздо легче, нежели думаешь, если толь- ко заведенъ порядокъ и машина на- строена. Одно нерадѣніе или слабоуміе пренебрегаетъ хозяйственнымъ упражненіями и пославляетъ въ шя- гость занятыя дѣлами, съ ко- торыми порядочная голова скоро и легко

управляешся. Самъ Ксенофонтъ писалъ о домоводствѣ. Послѣ того иду я къ башнюшкѣ, а шамъ гуляю съ Телесиллою въ саду. Уединенная алея служилъ намъ Лицеомъ. Здѣсь мы учимся, разсуждаемъ, споримъ; сесприцу заспавляю я чипашъ наизустъ и громко стихи для изощренія и обогащенія памяти, для вычиски ея произношенія. Солнечные горизонтальные часы, копорыхъ употребленіе дошло къ намъ изъ Вавилона, распредѣляющъ время нашихъ уроковъ. Пошомъ опять идемъ къ башнюшкѣ, и всѣ вмѣстѣ завшпракаемъ. Плоды, молоко и медъ соспавляющъ единспвенную нашу пищу до самаго вечера; въ вечеру жѣ, по обыкновенію всѣхъ порядочныхъ Аѳинянъ, мы обѣдаемъ, и обѣдъ нашъ посыщенъ утренняго стола. Послѣ завшпрака наспуцаемъ время отдохновенія, но такого, копорое полезно и здорово: мы ходимъ на голубяшню, смошримъ куръ, сманиваемъ цыплятокъ, копорые подъ предводительспвомъ машери сбѣгаются кучами клевашъ бросаемый нами кормъ; также поливаемъ цвѣшны; а иногда, вооружась кривымъ ножомъ, подчищаемъ деревья, или сажаемъ

новыя. Садовникъ помогаетъ намъ и
 извѣсняетъ науку сколько по-
 лезную, сколько и пріятную, о ко-
 торой однако большая часть людей
 не имѣютъ и понятія. Тутъ возвра-
 щаюсь я въ свой кабинетъ, или,
 взявъ книжку и свои перчатки, съ
 однимъ невольникомъ, иду бродить
 въ поле. Возвратившись домой, что
 обыкновенно бываетъ около обѣда,
 нахожу у себя пріятелей, людей мнѣ
 любезныхъ, или философовъ, и съ
 ними провожу остатокъ счастли-
 ваго и скоротечнаго дня своего.
 Мудрость тогда только утѣши-
 тельна, тогда только можетъ на-
 зваться мудростию, когда соеди-
 няетъ столько приличнымъ образомъ
 забавы, труды и обязанности, ею на
 насъ возлагаемыя. Впрочемъ этотъ
 образъ жизни не такъ непремѣненъ,
 чтобъ я отъ него иногда не отсту-
 пала: иначе значило бы таскаться на
 себѣ цѣпь. Нужно нѣсколько разно-
 образія. Умы слишкомъ щепетливые,
 излишне придерживающіеся заве-
 деннаго ходу, суть умы ограничен-
 ные и мѣлкіе. Однакожъ я всегда съ
 удовольствіемъ возвращаюсь на свою
 дорогу. Аншеноръ видѣвъ, что моя
 жизнь течетъ столько счастливо,

спомь покойно , сколько можно ожидать того здѣсь, на сей бурной землѣ, въ сей юдоли плача и скорби. Я здорова ; хошя посредспвенно, но довольно богата; наслаждаюсь удовольствіями ума и сердца. Я пригошюляюсь со всѣмъ эшимъ разспашься; но каждый день , въ который еще дышу , принимаю , какъ благодаріе боговъ. Теперь, еслибъ я подверглась игу супружества, не должно ли бѣмнѣ было оставишь свои привычки, взяшь на себя новыя обязанности? — Почемубъ Ласееніи не оставься всегда полновластною госпожею въ ея владѣніи? — Нѣтъ; я увѣрена совершенно, что деспотовъ не любятъ. Супругъ и самый честный, и самый снисходительный, имѣетъ свои склонности, свои привычки; онъ не можетъ безпрестанно ихъ насилувашь, не можетъ связываешь себя, не чувствуюя иногда хошя нѣкоторой досады и неудовольствія, которое на послѣдокъ рождаетъ холодность и ожесточаетъ нравъ. Я съ своей стороны чѣмъ болѣе бы отъ него получала, тѣмъ болѣе обязана была бы оказываешь ему угожденія, снисходительности; должность и разсудокъ побуждали бы меня къ пожерт-

вованіямъ. О супружествѣ можно
 по же сказать, что о такъ называе-
 мой гражданской свободѣ. Однажды
 нѣкоторые Аѳиняне хвалились предъ
 мною Республиканскою вольностію,
 копорою они наслаждались. Я отвѣ-
 чала имъ: — «вы почиаете себя
 свободными въ огражденіи спѣвѣ
 своихъ, подѣ защищою опечесивен-
 ныхъ законовъ; но законъ общежитія
 дѣлаетъ васъ рабами. Можно ли на-
 звать того свободнымъ, кто необхо-
 димостію поставляетъ домогаться
 честшей, исполняетъ должности но-
 симаго званія, угождаетъ людямъ,
 приобрѣтаетъ благосклонность на-
 рода, предвидѣтъ и опвращаетъ новы
 злоумышленниковъ; свято наблю-
 даетъ законы приличія, спровержайше
 законовъ Намуры; безпрестанно
 бытъ связану въ одеждѣ, походкѣ,
 въ словахъ и дѣлахъ?» — Таково и
 супружество: оно пребуетъ взаим-
 ныхъ угожденій, прудовъ и заботъ,
 налагающихъ узы на свободу. Сло-
 вомъ сказать, дѣло рѣшено; я опре-
 каюсь опѣ союза, копорый, сколько
 ни лестенъ для моего сердца, не могъ
 однако обольститъ моего разсудка.
 Большая часть людей несчастны по-
 тому, что не умѣютъ присвоить

себѣ того участка благополучія, который приходился на ихъ долю; они послѣдуютъ въ этомъ больше общепринятымъ мнѣніямъ, нежели внушенію своего сердца и своего характера. Сколько бы людей могли быть щасливѣе въ хижинѣ, нежели въ раззолоченныхъ палахахъ! Между тѣмъ, поелику Анпеноръ для меня дорогъ, поелику сердце мое чувствуетъ, что его дружба, его сообщество есть необходимая для меня потребность, есть услажденіе бытія моего: то я обдумала новый планъ, исполненіе котораго обрадуетъ меня несказанно. Сестрица моя, Телесилла, дѣвушка умная, имѣетъ способности и охотница до ученія; музыкальный даръ ея тебѣ извѣстенъ; я слыхала отъ тебя, что она не дурна; душа ея непришворна, чувствительна и любезна; наконецъ, думаю, безъ хвастовства можно примѣнить къ ней этотъ списокъ одного нашего Поэта:

Плодъ превзойдетъ богатство цвѣща.

Испытай же себя, можешь ли сестра твоего друга, твоей Ласеѣни, съ такими качествами, можешь ли, говорю, найти мѣсто въ твоёмъ сердцѣ?» — Конечъ этого раз-

говора такъ меня занялъ, погрузилъ въ такое размышленіе, что я забылся. — Ну, чтожь? какой дашь ты мнѣ отвѣтъ? — Ласеенія потребовала у меня дня, чтобы размыслишь о моемъ предложеніи; я перебуу у нее мѣсяца, чтобы обдумашь ея задачу. — Это слишкомъ долго. Даю тебѣ двадцать чепыре часа. Помни, что я предлагаю тебѣ свою сестру, нѣжнѣйшаго своего друга, вторую Ласеенію; что это тебѣ союзъ сдѣлаешь еще тѣснѣе пріятныя узы дружбы нашей; что дни наши, соединясь, какъ два источника, потекутъ вмѣстѣ одною струею. Какое щастіе для двухъ чувствительныхъ смертныхъ, другъ въ другъ полагающихъ свое блаженство, быть вмѣстѣ и не разлучаясь; вмѣстѣ видѣть восхожденіе и захожденіе солнца; вмѣстѣ наслаждаться пріятнымъ пѣніемъ пшичекъ, красотою луговъ, вселенною, бытіемъ своимъ! Въ случаѣ жъ твоего отказа какая противоположная картина! Намъ не лзя долѣе жить подъ одною кровлею; не лзя покоиться въ одномъ уединеніи. Сколько дружба ни приближаетъ насъ, сколько сердца наши ни тѣсно сопряжены: живучи въ разныхъ мѣстахъ, ослученные другъ

опѣ друга законами благоприспоса-
 ности, мы будемъ видѣться не долѣ
 нѣсколькихъ минуѣ. — Чувствую,
 какое блаженство слиѣ дни мои со
 днями Ласееніи, дышаѣ тѣмъ же
 воздухомъ, жиѣ, пакъ сказаѣ, пою
 же жизнию; но за то, какая жертва!
 — Никакой, по крайней мѣрѣ, для
 сердца. Ты прилѣпиѣся ко мнѣ подѣ
 двумя драгоцѣнными именами, подѣ
 именемъ моего брата и друга. Не бу-
 дучи связана ничѣмъ, я могу пре-
 даѣся всей своей чувствительности,
 всѣмъ сладостямъ свяаго дру-
 жества.» — Я былъ спроганъ, вну-
 пренне скорбѣлъ и молчалъ. Тутъ
 Ласеенія всала. — «Вижу, сказала
 она, что тебѣ надобно даѣ время
 на размышленіе. Завтра приду я въ
 эшу же самую бесѣдку за опѣтомъ.
 Помни однакожъ, что люди иногда,
 подобно упавшей въ ручей вѣпочкѣ,
 должны плыѣ по водѣ, и что лиш-
 нее думанье родинѣ нерѣшимость и
 безпокойство.» — Послѣ этого она
 меня оспавила, а я пошелъ въ яворо-
 вую аллею ходиѣ и думаѣ, колеб-
 лась, какъ опорванный листъ, обуре-
 ваемый проливными вѣтрами. На
 встрѣчу попалась мнѣ Телесилла въ
 шаомъ же безпокойствѣ, какъ и я,

но совсѣмъ ошъ другой причины: она суешилась и искала маленькой своей пропавшей собачки; открывъ мнѣ свое горе, она просила меня помочь ей найти пропажу. — Очень хорошо, отвѣчалъ я; но если найду, что мнѣ за то будешь? — Я попрошу сесприцу, чтобъ она тебя поцѣловала. — А сама Телессилла ничѣмъ меня не наградишь? — Чѣмъ же? Моя монета не имѣетъшой цѣны.» — Между тѣмъ я принялся искать собачки, и встрѣтилъ Ласеенію, которая уже ее нашла. Мы кликнули Телесиллу, и когда она прибѣжала, я сказалъ Ласеенію о нашемъ уговорѣ. — Я не плачу, отвѣщивала она, чужихъ долговъ: сесприца сама должна развѣдывать-ся. — Вамъ этого хочется; но я напередъ сказываю, что Аншеноръ не будешь имѣтьшого удовольствія. Онъ однажды говорилъ, что не любитъ новаго вина. — О! о! сказалъ я, обнимая ее: между виномъ и виномъ есть разница.» — Эта шупливая и веселая сцена успокоила мое волненіе, и сердце мое отдохнуло нѣсколь-ко между пріятнѣйшихъ картинъ. Мы пошли обѣдать. За столомъ Ласеенія заставила Телесиллу повтори-ть пѣсенку, которую пѣла она въ

саду. Голосъ и сочиненіе ея разхва-
лили, и называли щаспливцемъ того,
кто помиришь ея съ любовью. Лас-
еенія взоромъ дала мнѣ знашь, что
этошь щаспливецъ я.

Наконецъ наступило это завтра,
когда надлежало мнѣ дать рѣшишель-
ный отвѣтъ. Я пошелъ въ бесѣдку,
гдѣ Ласеенія уже меня дожидалась.
Первыя слова ея были: — «сеспра ли
я тебѣ, или только другѣ?—Вы слиш-
комъ неперѣливы; я не спалъ всю
ночь. Отказаться отъ Ласеенія,
при года составлявшей единствен-
ную мою мысль, единственную по-
требность души моей! такая жертва
мучительна. Къ тому же можете ли
вы поручиться мнѣ за чувства Телесил-
лы? Принимаетъ ли она такое жѣ
участіе въ вашихъ расположеніяхъ,
какъ вы? Съ нѣкотораго времени я
приготовляю ее къ этому супруже-
ству. Я посвяла въ сердце ея первое
чувство нѣжности, возблываю его
и привожу въ созрѣлость. Вчерась
спросила я у нее, охотно ли бѣ она
пошла за тебя замужъ. — «Охотно,
отвѣчала она: потому что онъ лю-
битъ мою собачку.» — Въ эту мину-
ту вошла Телесилла: я позамѣшался,
Ласеенія примѣшила то и усмѣхну-

лась. Телесилла, думая, что приходѣ
 ея не вспаши, не знала, что дѣлалась.
 Сестра сказала ей:—«мы говорили о
 тебѣ и о будущемъ твоёмъ замуж-
 ствѣ.»— При этихъ словахъ живой,
 яркой румянецъ заигралъ на щекахъ
 у милой дѣвушки. — «Точно такъ,
 примолвилъ я; сама любовь, не смо-
 тря на прозбу Телесиллы, хочешь
 дать ей супруга. На кого онъ дол-
 женъ быть похожъ, чтобы имѣть
 счастье понравиться вамъ? — «На
 того, кто догонитъ меня.»—И вмѣстѣ
 пустилась она бѣжать; я за нею,
 тотчасъ догнавъ ее и привелъ опять
 въ бесѣдку. — Могу ли обнять моего
 брата? вскричала Ласеенія, и не до-
 жидаясь моего отвѣта, бросилась ко
 мнѣ на шею. Ея поцѣлуй рѣшилъ мою
 судьбу: однакожъ я пребылъ нѣко-
 торое время, чтобы изгладить
 слишкомъ живыя впечатлѣнія, и оп-
 ворить сердце свое любви, какой за-
 служивала милая Телесилла. — «Даю
 тебѣ годъ, отвѣчала Ласеенія; это
 нужно и потому, что замужество
 есть плодъ слишкомъ еще для нее
 незрѣлый. Въ это время ты успеешь
 женить друга своего Фанора на пре-
 лестной Апенайдѣ.»—Такимъ обра-
 зомъ я спалъ помолвленъ на сестрѣ
 неопытной моей Ласееніи.

Еще два мѣсяца прожилъ я съ
этимъ любезнымъ семействомъ, поч-
но какъ родной, осыпаямъ ласками
и нѣжностями. Телесила, все также
чистосердечная, также неприхвор-
ная, сдѣлалась нѣсколько боязливей
и ошпорожила въ своихъ рѣчахъ. Я
опочасу находилъ ее прелестней. Къ
Ласееніи рождались въ душѣ моей
новыя чувства, съ каждымъ днемъ
очищавшіяся глубокимъ чувствомъ
удивленія и почтительности. Я да-
же не понималъ прежнихъ своихъ
желаній; не понималъ, какъ могъ я на
минушу побѣдить такую спругую,
непоколебимую добродѣтель. Но мо-
жетъ быть это единственное паде-
ніе, послѣ котораго сдѣлалась она
столь непреклонна, не только не
помрачаетъ славы ея, но еще прида-
етъ ей блеску. Еслижъ это и пре-
ступленіе въ глазахъ непреклоннаго
Стоика; то примѣрными своими до-
бродѣтелями не загладила ли она его
совершенно? Чтобы показать яснѣе,
какова была эта Ласеенія, я приведу
изъ безчисленнаго множества примѣ-
ровъ, доказывающихъ ея благопори-
тельность, великодушіе и твер-
дость, при слѣдующія черты, копо-
рымъ я былъ очевидный свидѣтель.

«Одинъ крестьянинъ, жившій по близости отъ сельскаго ея дома и имѣвшій небольшое поле, приходилъ къ ней и просилъ купить его. Эта земля была ей къ спашу; однакожъ она спросила, зачѣмъ мужичокъ хочетъ ее продать?—«Жаль мнѣ очень расставаться съ нею, отвѣчалъ онъ, да чтожъ дѣлать! неумолимые заимодавцы не даютъ мнѣ покою.—Сколько ты долженъ?—Много: два таланта.—Я тебѣ дамъ ихъ, и поле твое останется у тебя. Если будешь когда нибудь богаче, ты мнѣ заплатишь.»—

Слѣдующій анекдотъ показываетъ сколько жъ неуспрашиваемости, какъ и великости духа.

«Философъ Анаксагоръ, прозванный *Умомъ*, обвиненъ былъ непріятелями своими въ нечестіи и безбожіи, хотя онъ первый призналъ *Всеховный Разумъ*, устроившій хаосъ. Дано повелѣніе взять Анаксагора подъ стражу. Онъ объ этомъ узналъ; вышелъ изъ Аѳинъ переодѣвшись, и скрылся у Ласееніи въ загородномъ ея домѣ. Она продержала его у себя нѣсколько дней и доставила ему случай уйти.

«Клеветники, узнавъ о семъ нарушеніи закона, донесли на нее въ судъ, куда и была она попребована. По закону слѣдовало казнить смертію за такое преступленіе. Ужасъ и опчаяніе взволновали весь домъ; поднялся вой и плачь; всѣ домашніе и невольники спенали, рыдали, обнимали ея колѣна; ошечъ, сеспра, я и всѣ ея друзья, въ безпамятствѣ, пораженные скорбію, окружали ее, закладывали въ объятія. Она была пронута сими живыми извѣщеніями любви и привязанности; но она жъ утѣшала насъ, ободряла и словами и свѣтлымъ, покойнымъ своимъ лицемъ.—«Я исполнила долгъ свой, говорила она, и думаю, что мнѣ нечего бояться.»—А пихонько примолвила:—«долго ли выпишь фіялъ цыкушы!»—Мы провожали ее въ судъ. Одинъ изъ Архоншовъ, съ видомъ суровымъ, спросилъ ее: правда ли, что она укрывала у себя Анаксагора, преступника?—Такъ, отвѣчала Ласеенія съ спокойствіемъ невинности и съ духомъ неробкимъ: только я дала убѣжище не злодѣю, а мудрецу, покровителю и другу своему. Онъ одолжилъ меня, помогъ мнѣ въ нуждѣ; былъ самъ несчастливъ, осужденъ

на смерть; я спасла ему жизнь, подвергая опасности собственную свою. Могла ли я поступить иначе, не очернивъ себя крайнею неблагодарностію? Если я преступила законъ, кровь моя омоетъ сіе преступленіе; но еслибъ я нарушила уставъ дружбы и признательности, самая смерть моя не могла бы загладить моего позора. — Такой оповѣсть возбуждалъ всеобщее удивленіе; и судьи не только освободили ее отъ всякаго наказанія, но еще опустошили съ похвалами. —

«Клеонъ, сынъ одного кожевника, наглостию и происками своими приобравшій великую власть надъ народомъ, домогался, будучи впрочемъ весьма дурной воинъ, главнаго начальства надъ войскомъ. Онъ просилъ Ласеенію поговорить за него нѣкопорымъ важнымъ людямъ, коихъ довѣренностию она пользовалась. Но Ласеенія, совершенно увѣренная въ его неспособности, опоздалась, принося въ оправданіе то, что не знаетъ его воинскихъ достоинствъ. Клеонъ крайне оскорбился опозданіемъ и оповѣщеніемъ. Когда представляли Ласееніи, что онъ не просилъ ей такой обиды, то она

опвѣчала: — «я хочу лучше поссориться съ нимъ, нежели съ самой собою.»

Между тѣмъ шестимѣсячный срокъ, назначенный Аристидомъ, приближался къ концу. Фаноръ безпрестанно побуждалъ меня своими письмами поскорѣе опсправиться въ дорогу. Надобно было оставивъ мнѣ сіе прелестное убѣжище, гдѣ дни мои прошекали такъ щасливо и безмятежно; гдѣ послѣ шихаго сна первыя мысли мои были наслажденія, первыя чувства пріятныя движенія души; гдѣ, ввечеру, смыкая глаза, мечталъ я о завпрешнемъ блаженствѣ!

ГЛАВА XXXIV.

Красота Діакріи. Пребываніе Антенора въ Оропѣ. Праздникъ Гіацинтовъ. Новая герта помѣшателства Архіева. Анекдоты о Пиндарѣ. Отбытіе въ Сарды съ Фаноромъ. Свадьба сего послѣдняго. Возвращеніе въ Оивы съ Аристидомъ и его семействомъ. Смерть младшаго Кира и Аристида.

Я опсправился въ Оропѣ, гдѣ мудрый и честный Діоклидъ принялъ

меня шоль дружески. Мнѣ крайне хотѣлось повидаться съ нимъ и его любезнымъ семействомъ. Дорога моя шла чрезъ Діакрію. Въ первую свою тамъ бытность я не могъ примѣшивъ красотъ сей страны, попому что идши случилось мнѣ ночью, и что крайняя моя горестъ подавляла всѣ мои душевныя способности.

Въ Діакрії дорога прекраснѣе всѣхъ Греческихъ дорогъ: эшо непрерывное гульбище между пріятныхъ лавровыхъ рощицъ.

Когда я пришелъ къ Діоклиду, первый представившійся мнѣ предметъ была любезная Хризилла: она сидѣла на дворѣ, подъ тѣнію смоковницы, и чистила овощи; а двое прекрасныхъ малюшкѣ играли у ногъ ея. При видѣ моемъ она закричала отъ радости и удивленія, и бросилась ко мнѣ на шею. Послѣ взаимныхъ обѣщаній, я спросилъ ее объ отцѣ и мужѣ.— «Филошъ а работѣ, а бабюшка... ахъ! его нѣтъ больше съ нами; онъ въ Елисейскихъ поляхъ; онъ умеръ на рукахъ нашихъ, и послѣднія слова его были:—«иду къ любезной моей Евфиміи, съ копорою не видался я двѣнадцать лѣтъ!»—Мы много плакали объ немъ, и еще плачемъ всякой

день. Тутъ глаза ея наполнились слезами. Чпобъ разсѣять ея печаль, я заговорилъ ей о дѣтяхъ; ласкалъ малюшкѣ, хвалилъ ихъ миловидность; попомъ пошли мы къ Филошу, кошорый изсѣкалъ въ горѣ для милой своей Хризиллы гротъ, начашый уже напурою. Мѣсто было препріятное; у входа въ пещеру извивался маленькой ручеекъ. Это прохладное убѣжище назначено было укрывать Хризиллу отъ палящаго зною Сиріуса. Мужъ и жена, оба равно любезные, приняли меня столь же дружественно, какъ и отецъ ихъ. Въ Филошѣ нашелъ я челоѣка свѣдущаго въ нравственности, полишикѣ и сельскомъ домоводствѣ. Они выхваляли мнѣ щастливую и покойную свою жизнь; любили другъ друга такъ же, какъ въ первый день своего супружества. У нихъ было двое прекрасныхъ дѣтей; были друзья, приходившіе не рѣдко развеселять ихъ уединеніе; а умѣренный прудъ водворялъ въ жилищѣ ихъ обиліе благъ земныхъ.

На другой день, при восхожденіи зари, я пошелъ со всѣмъ семействомъ поклониться гробу мудраго Діоклида. Прахъ его заключенъ былъ въ одну урну съ прахомъ милой его

Евфиміи. Отець, мати, дѣти и я, всѣ мы призывали его пѣнь, совершили обычную жертву изліянія и посыпали могилу цвѣтами.

Послѣ сего обряда я располагался было проспиться съ сими добродушными и щасливыми поселянами, наслаждавшимися покоемъ безъ праздности, изобиліемъ безъ излишества, жизнию непричасною терзаніямъ совѣсти и мучительнымъ безпокойствамъ, и хотѣлъ опиравшись въ пупъ свой: но вдругъ начали скопляться тучи, и Хризилла упрашивала меня шакъ усиленно, съ такою любезностію оплотишь до завтра мое пупешествіе, что сколько мнѣ ни хотѣлось поспѣшить въ Оивы, я не могъ отъ нее отговориться. Да и хорошо сдѣлалъ; потому что воздухъ опчасу темнѣлъ, облака сгущались; вдругъ разсפורглись, и дождь зашумѣлъ рѣками. Мы усѣлись кружкомъ подлѣ огня, на которомъ готовился обѣдъ. Хризилла подкладывала дровъ и раздувала огонь; малюпки сидѣли подлѣ нее, играли и шакже хотѣли поддувать. Филомъ разговаривалъ со мною, заваспривая подпорки для винограда. Онъ сказалъ мнѣ, что прошлаго году, въ быш-

носпѣ свою въ Лаконіи, въ Амиклахъ, присушествовалъ онъ на праздникъ Гіацинта. — Мнѣ весьма хочется, ошвѣчалъ я, имѣть объ немъ понятіе, и любопытство мое шѣмъ сильнѣе, что я думалъ было видѣть его самъ, въ бытность свою въ Спартѣ: одно небольшое приключеніе съ другомъ моимъ Фаноромъ заставило насъ поскорѣе ошшуда убраться, и лишило меня этого удовольствія. — Со всею точностію удовлетворю пвоему любопытству, ошвѣчалъ Филохъ; пошому что я самъ былъ очевидецъ, и сверхъ того примѣчательный наблюдатель.

«Ты знаешь, что Амиклы не далеко отъ Спарты? — Знаю, пошому что былъ тамъ во время путешествія своего въ Гиѳіумъ (*). — Здѣсь-то, въ мѣсяцъ Гекашомвеонъ (Іюль), ошправляется праздникъ Гіацинтовъ. Гробница его находится въ храмъ Аполлоновомъ, подъ спануею этого бога, коей подножіе имѣетъ видъ жертвенника. На немъ представлены и выпуклыя изображенія Цереры, Прозерпины и Плутона; далѣе пред-

(*) Гиѳіумъ, или Геѳеумъ, городъ въ Лаконіи.

ставлены Парки и Часы; а еще да-
лѣ Венера, Діана и Минерва, возно-
сящія на небо Гіацинта съ сеспрою
его Полибоею, копорая умерла въ дѣв-
ствѣ. Въ день праздника, священ-
ники, предъ совершеніемъ служенія
Аполлону, ошворяють маленькія мѣд-
ныя дверцы, сдѣланныя въ семъ жерш-
венникѣ съ лѣвой его стороны. Всѣ
Лакедемонцы стекаются на этотъ
праздникъ: Спарта бываетъ тогда
пуста. Три дни приносятся жершвы
Гіацинту: первый изъ нихъ посвя-
щенъ сътованію и скорби: оплакива-
ють смерть сего прекраснаго юно-
ши, рожденнаго отъ Кліи. За пра-
пезою не упошребляютъ вѣнковъ;
вмѣсто хлѣба ѣдятъ опрѣсноки; не
слышно пѣсней, не слышно гимновъ
въ честь Аполлону; запрещаются всѣ
обыкновенныя увеселенія и забавы;
при сполахъ царствують молчаніе и
скромность; а покушавши, каждый
въ такомъ же безмолвіи возвращает-
ся къ себѣ.

«На другой день, съ появленіемъ
свѣта, появляются снова радость и
веселія. Начинаются зрѣлища и иг-
ры, на копорыхъ присушествуютъ
знашійшіе люди. Мальчики, пре-
красные изъ себя, въ бѣлыхъ одеж-

дахъ, увѣнчанные розами и миртами, поющъ, подыгрывая на флейтъ или на цитръ. Послѣ того проворные и спашные молодые люди, на прекрасныхъ и богащубранныхъ лошадяхъ, разбѣзжаютъ и скачутъ по театру. Послѣ нихъ являющіяся другіе молодые люди и поющъ по всѣмъ хоромъ, по одни послѣ другихъ. Къ нимъ присоединяющіяся шанцовщики и подъ звукъ флейшы пляшутъ на старинную спашь. Во время эсихъ игръ прѣзжаютъ молодыя дѣвушки, подобныя Нимфамъ Діанинымъ, съ улыбкою на устахъ, съ веселіемъ въ сердцѣ: однѣ въ великолѣпныхъ фашонахъ, другія въ воинспвенныхъ колесницахъ, въ воинспвенномъ нарядѣ. По окончаніи такихъ зрѣлищъ, начинается богослуженіе и закалаещя множество жерпвъ. Весь городъ радуется и шоржествуетъ. Даютъся пиры, на которыхъ присуспвуютъ и невольники. Вино, вкусныя яспвы, смѣхъ, шушки, пѣсни, развеселяютъ, приводятъ въ воспоргъ всѣхъ пирующихъ. Такимъ образомъ оканчивается шумное празднество сего дня; на слѣдующій же, городъ принимаетъ совсѣмъ новой видъ: повсюду скорбь и безмолвіе; не слышно кли-

ковъ радости, но снова раздаётся плачь и рыданіе о смерти прекраснаго и несчастнаго Гіацинта. «—

Эпо повѣспованіе продолжалось до обѣда. Садясь за столъ, примѣшилъ я, что одно мѣсто оставляющъ праздно; я понялъ, что оно Діоклидово, и завелъ обѣ эпомъ рѣчь.—Ты угадалъ, опѣвѣспововалъ мнѣ Филошъ съ чувспвомъ; оно покойнаго бапюшки, и не будетъ никогда занято: эпо родъ почести, копорую воздающъ ему дѣши; а свѣрхъ того мы хошимъ продлить мечпу, копорая столь пріятно обманываетъ насъ. Кажется, что мы видимъ его съ собою; иногда обращаемъ къ нему рѣчь, думая, что онъ насъ слышитъ и веселился нашею бесѣдою. Обѣдъ начался жерпвою изліянія. Филошъ вылилъ на огонь нѣсколько молока въ честь домашнимъ богамъ Ларамъ. По окончаніи стола онъ сжегъ оставленную половину голубя въ честь добраго духа Діоклидова и боговъ, хранишелей усопшихъ (*Mânes*). Я спросилъ обѣ Архіъ, обѣ эпомъ любезномъ дурачкѣ, помѣшавшемся отъ любви. Филошъ усмѣхнулся при моемъ вопросѣ и сказалъ:—«ты приводишь мнѣ на память и мои сума-

збродные припадки. Вишь не лѣзя жѣ, чѣшбѣ всякой челоѣкѣ подѣ часѣ не сумазбродсповалѣ! Только мое помѣшательство прошло, а Архїево каждый день спановишся сильнѣе.

«На эшихѣ дняхѣ увидѣлѣ онѣ молодую дѣвушку, кошорая шла въ Юнонинѣ храмѣ вѣнчаться, въ сопровожаніи своихѣ родныхѣ и жениха, и со всею пышноспію, приличною обряду. Несчастннй пошчасѣ влюбляешся, горитѣ спраспію, бѣжитѣ, спановишся подѣ молодой; и когда жрецѣ хотѣлѣ взяти руку жениха, чѣшбѣ соединишѣ съ рукою невѣсшы, Архїй просянулѣ свою, и едва могли воспрепятствовашѣ ему схватишѣ руку новобрачной. Между тѣмѣ воображеніе его юродспвуешѣ, и онѣ почишаешѣ себя мужемѣ прекрасной Мирѣы; такѣ зовущѣ молодую. По окончаніи обряда, безумной идешѣ за нею, пляшучи и припѣваючи свадебные спихи. Извѣспно, въ какой чеспи у Грековѣ сумасшедшіе. Никто не осмѣливалѣ мѣшашѣ Архїю, и онѣ спокройно расположилѣся на пиру. Онѣ попалѣ, присѣдалѣ и не зналѣ, чѣо дѣлашѣ онѣ радоспи, думая, чѣо скоро получишѣ въ обладаніе такую прекрасную дѣвушку.

Его изступленіе, его сверкающіе глаза, рѣчи, движенія, коверканье, все показывало помѣшательство ума и сердца. Онѣ возбуждалъ смѣхъ и жалость, гнѣвъ и снисхожденіе. По окончаніи спсала дѣло пошло не на шутку; онѣ хотѣлъ увести мнимую свою супругу; клялся, что она его; что онѣ на ней женился, и что съ нею ночуетъ. Не малаго споило труда удерживать эшого безумца и вырывать изъ рукъ его Мирѳу. Когда онѣ увидѣлъ, что не лзя ушатишь ее съ собою; то пошелъ и расположился въ той комнаѣ, гдѣ горѣлъ брачный свѣщильникъ (*). Онѣ уже скинулъ съ себя мантію и хитонѣ (**), какъ пришли новобрачные. Ни подѣ

(*) Какъ скоро молодые приходили въ спальню, то друзья уносили брачный свѣщильникъ, опасаясь, чтобъ невѣста загасивши не положила его подѣ кровать, или чтобъ женихъ не оставилъ его по неосторожности горѣть надѣ какою нибудь гробовою урною (Греки имѣли въ домахъ своихъ урны съ прахами родственниковъ и другихъ любезныхъ имъ людей); что было бы предвѣщаніемъ близкой смерти того или другаго

(**) Греки спали совершенно нагѣ.

какимъ видомъ не лѣзя было уговорить его; онъ кричалъ, что женашъ на Мирѣѣ, и что хочешъ ложисься съ своей супругою. Не желая употребить силы, прибѣгли къ хитрости. Мирѣа вышла; ему сказали, что она пошла къ себѣ въ спальню и шамъ его ожидаетъ; шумъ взяли брачный свѣщильникъ и унесли, говоря, что опнесушъ его къ Мирѣѣ. Тогда безумный вышелъ, и на силу на силу опъ него опдѣлались. «—Я смѣялся приключенію, и жалѣлъ объ участи бѣднаго Архіа.

На другой день, съ зарею, началъ я продолжатъ путь свой, проспавшись сперва нѣжнѣйшимъ образомъ съ своими друзьями, и поспѣлъ въ Оивы еще засвѣкло. Фаноръ журилъ и бранилъ меня за мое медленіе. Чрезъ день положено было опправиться намъ въ дорогу, а между тѣмъ, въ это крашкое время, спарался я осмотрѣть городъ и нѣкоторыя капища; былъ въ храмъ Геркулесовомъ, на сводѣ кошораго Праксипель изобразилъ двѣнадцать подвиговъ сего полубога, и гдѣ есть бѣлая мраморная его спашуя. За ворошами Гомолоидскими, на холмѣ, возвышаеися храмъ Аполлона Исменійскаго, такъ на-

званнаго по рѣкѣ Исменѣ, недалеко отсюда пекущей. Оивяне ежегодно избираютъ опрока изъ лучшаго дому, миловиднаго и спройнаго, и возлагаютъ на него долгъ служить при олтаряхъ сего бога. Опрока сего называютъ *Лавроносцемъ*, попому что онъ въ самомъ дѣлѣ носитъ на головѣ лавровый вѣнокъ. Тѣ изъ лавроносцевъ, которые богаты, обыкновенно дарятъ Аполлону бронзовой преножники. При входѣ въ храмъ поставлена Снопва Минерва и Фидіевъ Меркурій. Нѣсколько шаговъ выше, на холмѣ, протекаетъ источникъ, посвященный Марсу, тотъ самый, къ которому нѣкогда приспавленъ былъ отъ него спражемъ драконъ, умерщвленный Кадмомъ, основателемъ города Оивъ.

Театръ находится подлѣ воротъ Прешидскихъ; не далеко отсюда, на небольшомъ возвышеніи, видна гробница Амфіонова и Зепусова, окруженная камнями грубыми и необдѣланными; увѣряютъ, что это тѣ самыя, которые привлекалъ Амфіонъ сладостию своихъ пѣсней.

Я просилъ Фанора сводить меня на гробъ Пиндара, знамениѣйшаго изъ лирическихъ пѣснопѣвцевъ, ко-

шорому, не смопря на предубѣжденіе Грековъ къ Фивянамъ (*), воздаешся равная почестъ съ Гомеромъ; Пиндара, копорый съ сильными фигурами, съ опважными мешафорами, съ живыми выраженіями, съ плавностію и полношою слота, соединяетъ пріятность, красоту и великолѣпіе картинъ. На дорогѣ Фаноръ разсказалъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ изъ жизни сего любимца Музъ. Пиндаръ научился стихотворству отъ одной женщины, называвшейся Мирейдою. Есть преданіе, что онъ, въ дѣтствѣ своемъ, идучи куда-то въ одинъ знойный лѣтній день, такъ обезсилѣвъ отъ жару, что легъ подъ тѣнію большаго дерева и заснулъ; между тѣмъ прилетѣли пчелы, сѣли ему на лице и оставили на губахъ медовой соты: это было щасливое предзнаменованіе сладости и пріятности его пѣснопѣнія. Имя его, сіяющее славою, скоро сдѣлалось извѣстнымъ во всей Греціи, споль высоко чпущей произведенія шворческаго ума; а Оракулъ довершилъ сію славу, повелѣвъ

(*) Boeotum in crasso jurares aëre natum. — Фивяне почиались отъ Грековъ самыми грубыми и шупыми людьми.

устаами Пифіи жишелямъ Дельфскимъ удѣляшь Пиндару половину всѣхъ первенцовъ, приносимыхъ въ жершву Аполлону. Не смотря на то, великой сей стихотворецъ пять разъ побѣжденъ былъ на играхъ Олимпійскихъ славною Коринною, которая впрочемъ гораздо уступая въ дарованіяхъ своему сопернику, обязана полученными вѣнцами и торжествомъ болѣе своей красою, нежели спройности своей лиры. Пиндаръ, злопамятный, какъ и всякой Поэтъ (*), мстилъ за обиду свою эпиграммами и колкими насмѣшками.

Говорящъ, что не задолго до смерти своей видѣлъ онъ сонъ, или явленіе. Ему представилась Прозерпина и жаловалась, что изъ всѣхъ боговъ и богинь одна только она не прославлена въ пѣсняхъ его.—«Но я получу свое, примолвила она, когда ты будешь въ моихъ рукахъ.»—Увѣряющъ, что чрезъ десять дней послѣ этого сна онъ умеръ скоропостижно въ пещерѣ. Въ Оивахъ была одна почтенная женщина, его родственница, пѣвшая оды его съ великимъ вкусомъ и выраженіемъ. Въ одну ночь

(*) Genus irritabile Vatum.

явился ей во снѣ Пиндарѣ и пропѣлъ гимнѣ, который, говорилъ онѣ, сочиненѣ имѣ въ честь Прозерпины: проснувшись, она вспомнила гимнѣ и написала. Между шѣмѣ Пиндарѣ, не смолря на славу, которая ошѣ него сообщилась и его опечесству, осужденѣ былѣ на знашную денежную пеню, въ наказаніе за то, что въ одной одѣ своей назвалѣ Аѣины подпорою Греціи (*). Но Аѣиняне дали ему сумму вдвое больше той, какую онѣ долженѣ былѣ заплашишь, а попомѣ поставили его спашую предѣ Марсовымѣ храмомѣ, подѣ спашуй Гармодія и Аристогитона.

Между шѣмѣ, какѣ Фанорѣ рассказывалѣ это, мы вышли за ворошы Препидасія и пришли къ ристалищу, которое ведешѣ къ гробницѣ Пиндаровой. Это ристалище конское, и ешѣ возвышенное мѣсто, на которое поднялись мы съ конца, поворошивѣ направо. Гробница находится въ самой его серединѣ, и сдѣлана весьма просто: чешыре кипариса, по всѣмѣ чешыремѣ угламѣ, осѣняющѣ ее; на каждой сторонѣ поставлено по сполбику, изѣ которыхѣ на одномѣ

(*) Эта ода не дошла къ намѣ.

вырѣзана полубарельефомъ лира, въверху съ лавровымъ вѣнкомъ; а на другомъ представленъ Пиндаръ, еще ребенокъ, въ видѣ спящаго; на губахъ его сидятъ пчелы, а другія летаютъ вокругъ. Мы посыпали гробницу Пинда цвѣтами; проекратно призывали его шѣнь, произнесли въпорую Олимпическую его оду, гдѣ въ шоль прогашельныхъ, шоль плѣнительныхъ черпахъ изображаетъ онъ Елисейскія поля; и уходя, препоручили его богамъ хранителямъ усопшихъ.

Спрасиный Фаноръ не далъ мнѣ пожизнь въ Фивахъ (*). Мы отправились въ путь въ назначенное время, какъ скоро пшеница Марсова (***) воз-

(*) Этомъ городъ, называющійся теперь Фива, или Фивъ, занимаетъ мѣсто, гдѣ нѣкогда была крѣпость, построенная на возвышеніи, около мили въ окружности: теперь это вещь не важная. Есть другой Фивъ, который не иное что, какъ древній островъ Теносъ; вино его Малвоази въ великой славѣ.

(**) Алексіонъ, воинъ Марсовъ, будучи однажды на караулѣ, какъ сей богъ прохлаждался съ Венерою, заснулъ и далъ время Вулкану поймать ихъ. Разгнѣванный Марсъ превратилъ его въ пѣшука.

вѣспила день, и шли съ возможною поспѣшностію. Въ Оропѣ сѣли мы на судно, и опсправились водою. Часто вѣпры раздражали несперпѣливостѣ любовника; онѣ общалѣ при-
несши въ жерпву Непшуну юницу съ вызолоченными рогами, а Оепидѣ быка, если плаваніе наше будетѣ благоуспѣшно. Призывалѣ Нерее и пяпѣ-
десяпѣ Нерейдѣ, его дочерей, так-
же Каспора и Поллюкса, боговѣ по-
кровишельспвующихѣ мореходцамѣ;
но сіи общпы и моленія не были
услышаны. Хотя мы вѣхали на пре-
красномѣ суднѣ, съ искусными греб-
цами, доплыли однако въ Смирну не
прежде, какѣ по испеченіи мѣсяца.
Тамѣ взяли мы лошадей, и шопчасѣ
опсправились въ блаженную спрану
Сардійскую. Какая живая, чиспая
радостѣ! какѣ препешало сердце бу-
дущаго супруга, особливо когда мы
вошли въ щаспливое убѣжище пре-
красной Апенаиды! Мы пробираемся
въ садѣ, не будучи никѣмѣ примѣ-
чены, и находимѣ тамѣ Ариспида
одного; мы обнимаемѣ его, осыпаемѣ
нѣжностпами; его радостѣ не успу-
паемѣ нашей. Послѣ сихѣ первыхѣ
изліяній нашего восторга, нашей
чувспвишельности, онѣ велѣлѣ намѣ

спрятавшись за деревья, чтобъ удивить пріятнымъ образомъ Апенаиду. Лишь только мы успѣли шуда убраться, какъ Апенаида пришла безъ зову. Послѣ увѣряла она, что какое-то непонятное движеніе, какое-то внезапное чувство побудило ее вдругъ прервать ученіе и идти въ садъ гулять: сердце предвѣщало ей нѣчто пріятное. Аристидъ подошелъ къ ней и сказалъ:—«не думаю, чтобъ мы скоро увидѣлись съ другомъ нашимъ Фаноромъ!»—«Какъ бышь! опивѣчала она: все же я не виню его, потому что увѣрена въ его ко мнѣ привязанности. — А если онъ долго замѣшкается, простишь ли ты ему?— Не прощу, если причиною его медленія будешь лѣность. Если жъ у него есть дѣла, то могу ли я на это жаловаться? Вы пріучили меня къ терпѣнію и превращенностямъ жизни. — Ты знаешь, что насъ болѣе мучитъ мнѣніе, какое мы о вещахъ имѣемъ, а не самыя вещи; что большая часть добра и зла родится отъ нашего сужденія. И такъ, чтобы сдѣлать себя счастливою, вообрази, что онъ здѣсь. — Кто? Фаноръ?— Ну, да. Что бы ты сказала, еслибъ онъ былъ въ этомъ саду?— Я бы попеняла ему, что онъ

долго не казался.»—При сихъ словахъ Фаноръ бросаешь къ ея ногамъ въ восторгъ радости, блаженства и чувствительности.

Сія прогашельная сцена кончилась сладкими слезами. Позвали Фалою, которая спросила насъ, привели ль мы также и ей жениха? Фаноръ увѣрилъ ее, что онъ остался въ Оивахъ; что это его родственникъ, молодецъ любезный, достойнъ ее и ожидаетъ невѣсты своей съ неперѣливостию.

Чрезъ два дня послѣ того бракосочетаніе совершилось. Апенaida, по обряду Греческому, опнесла священную корзинку въ храмъ Діаны и молилась, чѣмъ сія богиня простила ей пошерю ея дѣвства. Недостаетъ словъ къ изображенію щастія сихъ двухъ супруговъ! Сіе упоеніе души, сіе неизбѣжимое наслажденіе чувствъ, сія увѣренность, что въ будущемъ ожидаетъ насъ щастіе, что мы всегда будемъ жить другъ для друга — приводитъ насъ въ забытіе, въ восторгъ, и исполняетъ на землѣ сердце наше шѣхъ чистыхъ небесныхъ удовольствій, коими наслаждаются боги.

Когда пришло время Ариспиду оставивъ мирное его убѣжище, копо-

рое называлъ онъ своимъ раемъ , по слезы покапились изъ глазъ его; нѣсколько разъ возвращался спарецъ, чшобъ еще проспитъ ся съ нимъ, еще обнявъ любезныя деревья , посаженныя его руками. Радость Аѳинянъ была чрезмѣрна, когда узнали они, что сей праведный и злополучный мужъ, котораго почитали давно уже мертвымъ , находился въ Фивахъ. При семъ доказали они благородство своего духа, спараясь загладить вину свою предъ великимъ челоѳкомъ. Ариспидъ призванъ въ опечесство по всеобщему согласію , пеня уничтожена , и Припаней далъ каждой изъ внуковъ его по три тысячи драхмъ въ приданое. Но Ариспидъ не долго наслаждался сими дарами умиловленной Фортуны: опъ перемѣны климата , или опъ сильныхъ чувствованій радости, здоровье его начало слабѣть. Около сего времени получилъ онъ печальное извѣстіе о смерти младшаго Кира , котораго любилъ, какъ сына своего; особливо пронулся спарикъ весьма чувствительно тѣмъ, что онъ умеръ столь несчастнымъ образомъ. Сей молодой герой, порываемый любочесціемъ , поднялъ оружіе противъ Аршаксеркса, спар-

шаго своего брата, и пошелъ къ Вавилону, имѣя въ повелѣніяхъ своихъ сто тысячъ варваровъ, двадцать вооруженныхъ колесницъ и тринадцать тысячъ Грековъ, на которыхъ основывалъ онъ всю надежду своего успѣха. Арпаксерксъ ожидалъ его при Кунаксѣ, въ двадцати миляхъ отъ Вавилона, съ арміею изъ миліона двухъ сотъ тысячъ воиновъ и изъ полутора ста колесницъ, вооруженныхъ косами. Предъ началомъ сраженія, Клеархъ, Греческой полководецъ, совѣщавалъ Киру не подвергать себя опасности и осматриваться позади Греческихъ баталіоновъ. — «Какой смѣешь давать ты мнѣ совѣтъ? вскричалъ Киръ. Какъ! ты хочешь, чтобъ я, желая сдѣлаться Царемъ, сдѣлался недостойнымъ Царскаго сана?» — Онъ отобралъ шесть сотъ лучшихъ всадниковъ, передъ ними сражался съ непріятелемъ и дрался съ скрытою головою (таковъ обычай Персовъ во время сраженія). Въ самомъ жаркомъ дѣйствіи усматриваетъ онъ Арпаксеркса и лешишь на него, крича: *я тебя вижу!* Арпаксерксъ ожидалъ его не робѣя; и два брата, столь же злобствующіе другъ про-

пивъ друга, какъ Эшеокъ и Полиникъ подъ спѣнами Фивскими, сражались съ оспервѣненіемъ. Подъ Царемъ убила лошадь. Онъ вспаебъ, сядишя на другую и лепишъ на своего прошивника, который принимаебъ его съ такою жъ неуспрашимо-спію, и даже ранишъ. Артаксерксъ, какъ левъ свирѣпѣющій, успремляебъ снова на брата, заносишъ мечъ и весь вонзаебъ въ грудь ему. Киръ хочешъ ошмстишъ за себя, но колеблешся и упадаебъ безчувспвенъ. Большая часть Офицеровъ, любившихъ несчастнаго Князя до крайности, позволили убишъ себя надъ его тѣломъ. Такъ погибъ, въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, сей юный Герой, помрачившій необузданнымъ честолюбіемъ прекрасныя свойства души своей.

Ариспидъ оплакивалъ его, какъ сына, и печаль прервала наконецъ слабую нишъ жизни его. Однажды, вспавая изъ-за стола, въ мѣсяцѣ Воедроміонѣ (Сентябрѣ), онъ впалъ въ слабость, и чувспвуя приближеніе своей кончины, призвалъ дѣтей и говорилъ имъ:—«оспавьте слезы, жерпвоизліянія и погребашельныя почести: добродѣтелями чпшишя прахъ родителей и любезныхъ намъ людей.»—

Вскорѣ послѣ того онѣ испустилъ духъ. Послѣднія слова его были: — «засыпаю на долго.» —

Альцибιάδς исходатайствовалъ повелѣніе перенести тѣло его въ Фалерскую пристань, гдѣ Аѳиняне воздвигли ему гробницу. Они распроспиранили свое великодушіе и на попомковъ сего великаго человѣка.

Фалоя вышла за молодаго Фивянина, родспвенника Фанорова, и составила его щасіе. Я прожилъ съ сими любезными друзьями до окончанія года, то есть, да самаго того времени, которое назначено было Ласѳеніею для бракосочетанія моего съ Телесиллою.

ГЛАВА XXXV.

Красота Телесиллы. Она выходитъ за Антенора. Старость и смерть Ласѳеніи.

Во время оплочки моей красота Телесиллы созрѣла: черты лица ея сдѣлались живѣе; глаза говорили языкомъ выразительнѣйшимъ; новыя способности ея души свѣпились въ нихъ, какъ яркой блескъ огня: нѣко-

шорая боязливосць и любезная скром-
 носць умбрыли ея пылкосць; разумъ
 ея обогатился пріятными и осно-
 вательными познаніями; ея произ-
 ношеніе было споль же чисто и пра-
 вильно, какъ перваго орапора Аѳин-
 скаго; а спройный, образованный го-
 лосъ издавалъ прогательные и слад-
 кіе звуки. Я женился на ней чрезъ
 восемь дней послѣ своего прибытія,
 и пилъ изъ полной чаши блаженства.
 Тутъ почувствовалъ я больше, не-
 жели когда нибудь, что, вопреки уче-
 нію ложныхъ Эпикурейцевъ, щастіе
 состоитъ больше въ пріятныхъ
 ощущеніяхъ души и занятіяхъ ума,
 нежели въ наслажденіяхъ чувствъ.
 Чувственныя удовольствія, по сла-
 бости нашихъ орановъ, не могутъ
 бытъ продолжительны. Если не со-
 размбръятъ ихъ съ нашею слабостию,
 они упомлająтъ и распроиваютъ
 самое крѣпкое сложеніе, причиняютъ
 болѣзни и смертъ. Удовольствія жъ
 ума и сердца не ограничены ни време-
 немъ, ни мѣстомъ; ими можно на-
 слаждаться всегда и вездѣ: въ дерев-
 нѣ, въ городѣ, въ свѣтѣ, въ уедине-
 ніи, въ веснѣ дней своихъ, и тогда,
 когда старосць прищупитъ наши
 чувства.

Ласеенія соспарѣлась, не чувствовала слабости и не подвержена была ея припадкамъ. Въ шестидесяти лѣтъ она продолжала тѣ же свои прогулки, тѣ же упражненія, и съпою же бодростию прудилась въ своемъ кабинетѣ. Когда представляли ей, что эта прилѣжность къ учению можетъ вредить ея здоровью, то она отвѣчала:—«лучше хочу исперепѣся, нежели заржавѣть.» — Черты лица ея столь мало перемѣнились, что молодые люди искали ея сообщества съ такимъ же жаромъ, съ такоюжѣ неопытною, какъ будто бы она была въ веснѣ красотою своею. Одинъ молодой человѣкъ, изъ лучшаго дому въ Аѳинахъ, влюбился въ нее по уши и непременно хотѣлъ на ней жениться. Выслушавъ его предложеніе, Ласеенія попросила сроку до завтра, чтобы пригото-вить отвѣтъ. Между тѣмъ перемѣнила она свое платье и уборку. Вообще одѣвалась она съ великимъ вкусомъ и опрятностию, говоря, что безобразіе старости надобно скрадывать; но шумъ нарядилась прилично своимъ лѣтамъ. Хитонъ ея былъ темнаго цвѣту; маншія изъ толстой черноватой шкани, обложен-

ная не золошою и не серебреною, но простою льняною бахрамою (*). Она спряшала свои еще прекрасные волосы, сгорбилась на посолок, и въ шакомъ видѣ ожидала молодаго своего воздыхашеля. Какъ скоро онъ ее увидѣлъ, шо опсшупилъ назадъ и сдѣлался безгласенъ. Ласоенія подходить къ нему и спрашиваетъ, хочешъ ли онъ вести ее въ храмъ? Теперь одѣлась я, примолвила она, въ свадебное свое плашье и прилично моимъ лѣшамъ. Женихъ понялъ шушку и опшизался, хотя не безъ шруда, опъ любовныхъ своихъ шребованій.

(*) У Грековъ было два шолько плашьа, одинаковыя для мужчинъ и для женщинъ: *хитонъ* и *мантія*. Первый надѣвался непосредшвенно на голое шѣло, а мантія сверхъ его. — Хитонъ дѣлался изъ льняной или бумажной машеріи; у женщинъ доставалъ онъ до самой земли и прикрѣплялся на груди засшежкою; по краямъ обложенъ былъ бахрамою въ видѣ фешоновъ. У просшаго народа бахрама эша была льняная, а у богачей золошая или серебреная. Знашныя Дамы, сверхъ шого, носили еще покрывало, или епанчу, кошорая прикрѣплялась золошою пешлицею и шавже доставала до земли.

Въ семдесять лѣтъ училась Ласеенія Математику, и не безъ успѣха. Однажды сказали ей, что она наслаждается завиднымъ спокойствіемъ и щастіемъ въ спаросси, о копорой большая часть людей не могутъ безъ спраху и подумать. — «Эпо потому, опвѣчала Ласеенія, что я упопрѣбила одну часть своей жизни такъ, чшобы другую сдѣлать щасшливою.» — До восьмдесять пятаго года, на копоромъ послѣдовала смерть ея, образъ жизни ея былъ все почти шопъ же, какой приняла она въ шридаць лѣтъ. Ласеенія могла о себѣ сказать, что она жила, во всемъ смыслѣ эшого слова, до самаго послѣдняго дня своего; потому что въ шеченіи сего шоль долгаго времени не была она ни разу шяжело больна.

Сія любезная философка имѣла чудное предчувствіе близкой своей кончины. Невѣріе смѣется надъ сими предвѣщаніями; мудрый дивится и сомнѣвается: ему такъ мало свѣдомо таинство причинъ, что онъ не полагається на свой разумъ. За шридня до своей смерти Ласеенія позвала меня къ себѣ. Здоровье ея не было разстроено никакимъ сильнымъ припадкомъ; она приближалась къ

концу своему, какъ свѣтлое солнце приближается къ западу. Когда я вошелъ, она вспрѣшила меня съ яснымъ и покойнымъ лицомъ. — «Я провела цѣлое утро, сказала мнѣ Ласеенія, разбирая это маранье, бесполезное для попомства; но которое, занимая и научая меня, услаждало горестныя минуны моей жизни. Вотъ три только рукописи, которыя тебѣ оставляю; ты выдашь ихъ въ свѣтъ, если онъ того сподобитъ. Это пратедія; это разсужденіе о щастіи; а это политическое сочиненіе, которое обдумывала я сорокъ лѣтъ. Въ немъ разыскивается, какое правленіе есть самое лучшее для людей; искусство, доставивъ обществамъ наибольшую долю возможнаго щастія, есть предметъ занимательнѣйшій во всей философіи. Ты увидишь, что я не защищаю народоначалія, которое есть не иное что, какъ безначаліе, прикрашенное обольстительнымъ именемъ свободы. Сии республики скоро исчезнутъ въ обширномъ владычествѣ самодержавія. Я слышала, нѣсколько уже тому лѣтъ назадъ, отъ мудраго Анахарсиса, что въ Аѳинахъ разумные совѣтуютъ, а слуги рѣшаютъ. У народа

голова слишкомъ пуста, желудокъ слишкомъ слабъ для сваренія такой пищи, какова вольность. Но ты самъ можешь прочесть эту рукопись. Всѣ прочія мои ученыя работы осуждены на сожженіе, и сего дни же ихъ не будетъ.» — Къ чему такая поспѣшность? можно подождать..... — «Другъ мой! послѣдній часъ Ласеенинъ приближается; смерть у нее за плечами; она скоро соединится съ своими предками. По предчувствію ли, или пошому, что можешь быть душа наша, которая есть изліяніе Божества, заимствовала отъ Него нѣкоторое свѣденіе о будущемъ, я знаю, что близкая смерть моя несомнительна. Это тайна, которую ввѣряю одному тебѣ; слушай:

«Въ нынѣшнюю ночь я чила и размышляла. Вдругъ явился мнѣ мой Геній, печаленъ, не увѣченъ цвѣтами, съ покрываломъ на головѣ. Увидѣвъ его, я вострепещала; но едва пронулась съ своего мѣста, онъ исчезъ. Съ тѣхъ поръ внутренній голосъ говоритъ мнѣ: *грезь три дни тебя не будетъ.* — Пожалуй не сказывай этого никому. Въ домъ всѣ меня любящъ; я не хочу безвременно причинить имъ печаль; ихъ сѣшо-

ваніе , ихъ слезы поколебали бы мою швердосць , смушили бы духъ мой.» — Я слушалъ ее съ удивленіемъ и съ нѣкопорымъ спрахомъ. Зналъ я , что по слабоспи и спранности челоувѣческаго ума , она всегда вѣрила существованію духовъ ; я опровергалъ сіе явленіе и говорилъ ей , что существованіе духовъ есть мечта , произведеніе нашихъ предразсудковъ. — Часпо , ошвѣчала она , желая подняпсь выше предразсудковъ , наконецъ прилѣпляются къ одному шакому , копорый заключаетъ въ себѣ всѣ прочіе. Ошвергапсь существованіе духовъ значитъ не вѣрипъ ничему , что не подвержено нашимъ чувствамъ , и что выходитъ изъ круга обыкновенныхъ нашихъ понятій. Но подумавъ нѣсколько , мы должны увѣрипсь , что разумъ нашъ ограниченъ , и что Натура имѣетъ множество таинствъ , копорыя еще не ошкрыты. Что духи или демоны существуютъ , въ томъ убѣждаетъ меня между прочимъ аналогія. Всѣ произведенія Творчія сопряжены , по крайней мѣрѣ такъ кажется , посшепенною , непрерывною цѣпью. Первое звѣно сей цѣпи есть вещество грубое , спрадашельное и неорганизо-

ванное, каковы ископаемыя; слѣдующее звѣно составлено изъ царства прозябаемаго; растѣнія имѣющія движеніе, искру жизни, и можешь быть темныя ощущенія. На берегахъ морскихъ нахожу я раковины, въ коихъ примѣчаю больше жизни: это родъ живошныхъ, частію принадлежащихъ къ царству расхищельному. Обозрѣваю землю, и вижу силу жизненности во всемъ ея дѣйствіи. Живошныя, подобно намъ, имѣющія раздѣльныя ощущенія понятія, способны къ любви, и даже къ дружбѣ. Подобно намъ, они плодятся, множатся, воюютъ другъ съ другомъ, другъ друга любящъ или ненавидящъ. Всякой родъ имѣетъ свое оплительное свойство и свой кругъ разумнія, болѣе или менѣе обширный. На послѣдокъ вижу человека, съ возвышеннымъ къ небу челомъ; онъ составляетъ послѣднее звѣно сей длинной цѣпи. Но опъ него до самаго Божества какой промежутокъ! какая неизмѣримая пустота! И шакъ здѣсь бы связь была прервана, и въ напурѣ былъ бы недосапокъ; не могу этому вѣрить. Необходимость въ сѣпленіи часшей для образованія цѣлаго заставляетъ думать, что

эпо пространство занято безплодными существами, разумными силами, духами, довершающими поспешность между человеком и Божеством, так как живописные безсловесные наполняют разстояние между растением и человеком. — Положим, что это и правда; все однакож не могу я верить предсказанию вашего Генія, судя по вашему здоровью, которое общается вам еще долгоденственную жизнь. — « Друг мой! не обманывайся блеском угасающей лампы. » — Сказав это, она продолжала жечь свои бумаги. Предвидение это произвело во мне невольным образом сильное впечатление. Я весь день примечал за Ласеенією; наблюдал ее поступки, лице, слова, движенія ея души: она была совершенно покойна; на свѣдомѣ лицѣ ея блистало тихое веселіе; — только я примѣтилъ, что она, не показывая впрочемъ ничего принужденнаго въ своемъ видѣ, приводила въ порядокъ свои дѣла; убѣгала уединенія, которое столько было ей любезно; старалась больше проводить время съ нами вмѣстѣ, и была чувствительнѣе обыкновеннаго въ своихъ ласкахъ.

На другой день она ушла отъ насъ. Я искалъ ее, и нашелъ въ кипарисной рошѣ, сидящую у подножія урны, въ копорой должно было заключить прахъ ея. Въ рукахъ держала она книгу, и была въ глубокомъ размышленіи. — «Что дѣлаетъ здѣсь Ласеенія, сказалъ я, одна и въ такой задумчивости?» — Я читала безсмертное произведеніе Плапоново, сего помя славнаго Федона, въ которомъ содержишься сказаніе о смерти и послѣднихъ разговорахъ Сократовыхъ. Это чтеніе утврждаетъ меня въ безсмертіи души; его достопославная кончина приготавливаетъ меня къ сему ужасному переходу. Я съ нимъ въ шемницѣ, вижу роковую чашу; Сократъ возсылаетъ моленіе къ небесамъ, беретъ чашу и пріемлетъ въ себя ядъ. Слышу вопль и рыданіе друзей его; съ покойнымъ лицомъ онъ укоряетъ ихъ въ семъ малодушіи; ходитъ, но почувствовавъ тяжесть въ ногахъ, ложится на одръ свой: смертный хладъ разливається во внутренности и оледѣняетъ его поспешенно; невольникъ прикасается къ ногамъ его, онъ не чувствуетъ; наконецъ мудрый говоритъ послѣднее *прости* друзьямъ своимъ, копо-

рыхъ онѣ оставляешь на землѣ однихъ. Я надѣюсь, примолвила она, умерешь также покойно. Шушя, написала я себѣ эпишафію, которая скоро вырѣзана будетъ на эпой урнѣ; тебѣ препоручаю объ этомъ постараться. Вотъ она:

Здѣсь лежитъ Ласоеія, или лучше, здѣсь лежитъ нигто. Сіе нигто любило гестность и сдѣлало нѣсколько добра.

— Къ чему эшо! сказалъ я ей; все печальныя мысли! Какъ возможно съ такимъ швердымъ разсудкомъ имѣть столько легковѣрія! — Другъ мой! Напура перебуешь у меня обрашно того, что давала мнѣ въ заемъ. Смерть для меня не спрашна: давно уже я къ ней пригошворяюсь; она у меня передъ глазами, у меня въ мысли; она окружаетъ меня своими мраками, и однако я смопрю на нее безъ ужаса. Впрочемъ скоро узнаешь ты, есть ли предчувствіе эшо божеское извѣщеніе, или слѣдствіе слабости и предразсудка.» — Осташокъ дня провела она съ нами и нѣкоторыми изъ друзей своихъ, не показывая ни малѣйшаго знака скорби, но часто обращая рѣчь на существо души, на ея безсмертіе и на мнѣнія философовъ о будущемъ

ея єуществованіи. — «Гдѣ была эта душа, говорила Ласеенія, прежде соединенія своего съ вѣществомъ? что дѣлаетъ она во время нашего сна, или когда тѣло бываетъ въ состояніи безчувственности? отъ чего столь безсильна, столь бездѣйствительна она въ младенчествѣ и столь слаба въ старости?» — Примѣтно было, что ей хотѣлось жить и по разрушеніи бременнаго ея соснава; что она желала просвѣтѣвшись свѣтомъ великихъ мудрецовъ и укрѣпить себя ихъ мнѣніемъ.

На прешій день, которому, по ея предчувствію, надлежало быть роковымъ предѣломъ земнаго ея плеченія, побѣждалъ я къ ней въ комнату лишь только она встала. Лице ея показало мнѣ не такъ ясно, какъ обыкновенно; она признавалась, что проснувшись и вспомнивъ, что пробуждается въ послѣдній разъ, чувствовала тягость на сердцѣ, и не могла смотрѣть на окружающіе ее предметы, съ которыми надлежало разстаться навсегда и безъ слезъ. — «Но прости мнѣ, Аншеноръ, примолвила она съ спокойствіемъ неуспрашиваемости, прости мнѣ сію слабость; это послѣдній мой вздохъ о жизни.»

— День начался уже, и Ласеенія также здорова, какъ и вчера. — «Подожди, онъ еще не прошелъ, а только начался.» — Въ этотъ день созвала она искреннѣйшихъ друзей своихъ, велѣла изготовить большой столъ, и сама угощала насъ съ обыкновенною своею пріятностію и непринужденностію. Разумъ ея, казалось, блисталъ новымъ свѣтомъ: она была душою и услаждениемъ бесѣды. Ахъ! это послѣдній блескъ метеора, уже погасшаго.

Послѣ стола былъ концертъ. Когда жъ онъ кончился и въ домѣ не осталось никого, кромѣ своихъ, Ласеенія почувствовала нѣкошорую дрожь, и приказала развести огонь. Сидя подлѣ него, разсуждала она о скоротечности жизни. — «Такъ, говорила она, жизнь подобна молніи, — и однако восемьдесятъ лѣтъ уже, какъ, послѣ вѣчности небытія, оживотворена пылинка, и эта пылинка была я. За чѣмъ существовала я на землѣ? гдѣ тѣ дни, мѣсяцы, часы, которые часто тяготили меня, и которыхъ такъ часто желала я ускорить бѣгъ? Все погрузилось въ бездну времени; самое время исчезло. Иду дашь опчепѣ въ дѣлахъ моихъ сему

верховному Сущесіѣву, единою мыслію шворящему и разрушающему: я уповаю на благоспѣ Его. Не была я причастна ни пороку, ни злобѣ, и дѣлала добро, когда могла. Но сходи пожалуй, возьми Теофраспа, (эшо былъ любимый ея Авторъ); ты мнѣ прочтешъ изъ него чшо нибудь. — Когда я принесъ книгу, она развернула ее и сказала: прочитай эшотѣ опривокъ; онѣ писанѣ моею рукою. Я взялъ книгу и чипалъ:

«Теофраспѣ, въ глубокой спароси, приказывалъ носить себя на носилкахъ въ городѣ. Народѣ шѣснился вокругъ мудреца въ восхищеніи, чшо его видишъ, и изъявлялъ ему глубокое свое почщеніе. Онѣ вмѣспѣ кончилъ и пруды свои и жизнь. Вся Греція оплакивала его, и всѣ Аѣины присущспвовали на его погребеніи.» — Ахѣ! сказала она, прервавъ чпеніе, мои друзья также будутѣ плакать обо мнѣ! Продолжай.» — Будучи на смершномѣ одрѣ, говорилъ мудрецѣ окружающимѣ его ученикамѣ слѣдующее: — «жизнь прельщаетѣ насѣ, однакожѣ она подобна шѣмѣ невоздѣланымѣ полямѣ, на копорыхѣ родится болѣе волчцу и горькаго зелія, нежели пріятныхѣ плодовѣ. Жизнь была бы

человѣку неслосна, еслибѣ надежда не сопущсшвовала ему и не облегчала шрудносшей ~~е~~ спранспвія. Слава сулишѣ намѣ великія удовольствія; не вѣрьте, эшо скороугасающій блескѣ, копорый обольщаеиѣ насѣ и вводииѣ вѣ заблужденіе. Однако жѣ, любезные мои друзья, слѣдуйте своей склонности. Пренебрегая славу, вы избавите себя отѣ великихѣ шягосшей и безпокойсшвѣ; но если имѣете довольно бодрости спремийся за нею, бышѣ можетѣ она сдѣлаеиѣ вашей наградою. Помните только, чшо всѣ почши предпріянія, заботы, желанія, обуревающія жизнь нашу, суешны и ничшожны; эшо шонкіе пары, скопляющіеся ночью, но при свѣшѣ дня исчезающіе.» — «Вѣрю, сказала Ласеенія. Сколько предметовѣ прежде казались миѣ важными, занимательными; а шеперь кажущіеся сущою малосшію!» — О друзья мои! чшо за непосшижимое сущесшво человѣкѣ! какое спранное смѣшеніе безумныхѣ спрасшей и шоль мудрыхѣ разсужденій! бытіе споль крапкое, и предпріянія шоль дальновидныя! сполько познанія о вещахѣ почши бесполезныхѣ, и глубокое невѣденіе шого, чшо наиболѣе для него важно! Эша мыс-

лящая сила, которая такъ видишь далеко, и не можешь понять себя! на-
 послѣдокъ это ненасытное алканіе
 счастья съ полъ ничтожными знані-
 ями и средствами къ достиженію
 его!» — Зенонъ сказалъ, примолвила
 Ласеенія, что благополучнѣйшая ми-
 нута въ жизни есть та, когда мы
 оставляемъ ее. — Тутъ она воздох-
 нула тяжело; я продолжалъ свое чте-
 ніе: — «Если бѣ люди были долговѣ-
 чнѣе, то усовершенствовали бы науки
 и сдѣлали гораздо большія открытія.
 Я умираю въ то самое время, когда
 начинаю учиться и образовывать свой
 разумъ.» — «Я думаю такъ же: ахъ! я
 не имѣла времени для науки!» — Едва
 Ласеенія выговорила сіи послѣднія
 слова, какъ упала ко мнѣ въ объятія;
 я зову ее, она открываетъ глаза, по-
 жимаетъ мою руку и — умираетъ.

Такъ скончалась сія несравненная
 женщина, которой скромность и са-
 мая философія помѣшали просла-
 виться. Въ разумѣ, дарованіяхъ и
 красотѣ не уступала она Леонтіи и
 Аспазіи, но превосходила ихъ фило-
 софіею души: тѣ были философи
 по правиламъ, и можешь быть извѣ-
 нѣ котораго тщеславія; Ласеенія жѣ
 по врожденной склонности, безъ

оказательства, безъ напряженія, и, такъ сказать, безъ вѣдома своего. Не смотря на то, Леонтія и Аспазія оставили по себѣ великую славу, а Ласеенія жила только въ памяти друзей своихъ, и имя ея исчезло вмѣстѣ съ ними. Щасливъ буду, если, принося ей здѣсь дань похвалы и признательности, произведу въ потомствѣ такое жѣ удивленіе и почтеніе къ ней, какое пріобрѣла она отъ своихъ современниковъ!

Смерть Ласееніи погрузила меня къ глубокую печаль, копорую время облегчило нѣсколько, но не испребишь никогда. Давно уже лишился я Фанора и Апенайдъ; моя супруга не долго жила послѣ сестры своей; двое дѣшей, копорыхъ я имѣлъ отъ нее, умерли въ малолѣтствѣ. Такимъ образомъ; подобно Девкаліону и Пиррѣ, я совершенно осиротѣлъ на земѣ, окруженъ развалинами и шрупами, и упоменъ долгошою жизни, разлучающею меня со всѣмъ тѣмъ, что было сердцу моему дорого и любезно. Одинъ, безъ друзей, не будучи ни къ чему привязанъ, я блуждаю, кажешся, между тѣней, и земля сдѣлалась для меня глубокою пустынею.

Ласѣнія, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ своихъ, предписала себѣ правила.—«Человѣку, говорила она часпо, окруженному мракомъ предразсудковъ и заблужденій, нуженъ свѣшпильникъ нравшвенности, подобно какъ въ шемношѣ ночной нужна лампада для указанія ему пуши.»—

Вошѣ правила ея шочѣ въ шочѣ, какъ я нашелъ ихъ въ бумагахъ покойной:

Не стараться умножить своего имущества, употреблять его съ бережливостію, и пользоваться имъ.

Гораздо болѣе цѣнить удовольствія ума и сердца, нежели удовольствія существъ.

Имѣть возможное снисхожденіе къ людямъ; одолжать ихъ не для прибыли и не для полученія отъ нихъ благодарности, но по долгу теловѣства; уважать ихъ правила и мнѣнія публично, но принимать ихъ не иначе, какъ по зрѣломъ изслѣдованіи.

Брать совѣсть свою въ посредники между собою и людьми.

Не пропускать ни одного дня, не употребивъ нѣкотораго времени на цгеніе; потому, говорила она, что кто не подается впередъ, тотъ отстываетъ назадъ.

Предпогитать должности удовольствіамъ, удовольствія славѣ.

Никогда не ссорить своего самолюбія съ самолюбіемъ другихъ.

Приправлять отдыхъ усталостію, наслажденія лишеніями.

Жить больше въ деревнѣ, нежели въ городѣ; больше въ уединеніи, нежели въ свѣтѣ.

Мало думать о смерти, потому что мысль объ ней прискорбна и бесполезна, и не научаетъ умирать: зато больше и заблаговременно помышлять о старости; запасать для зимы жизни своей наслажденія и все нужное, потому что старость продолжительна, а смерть—минута.

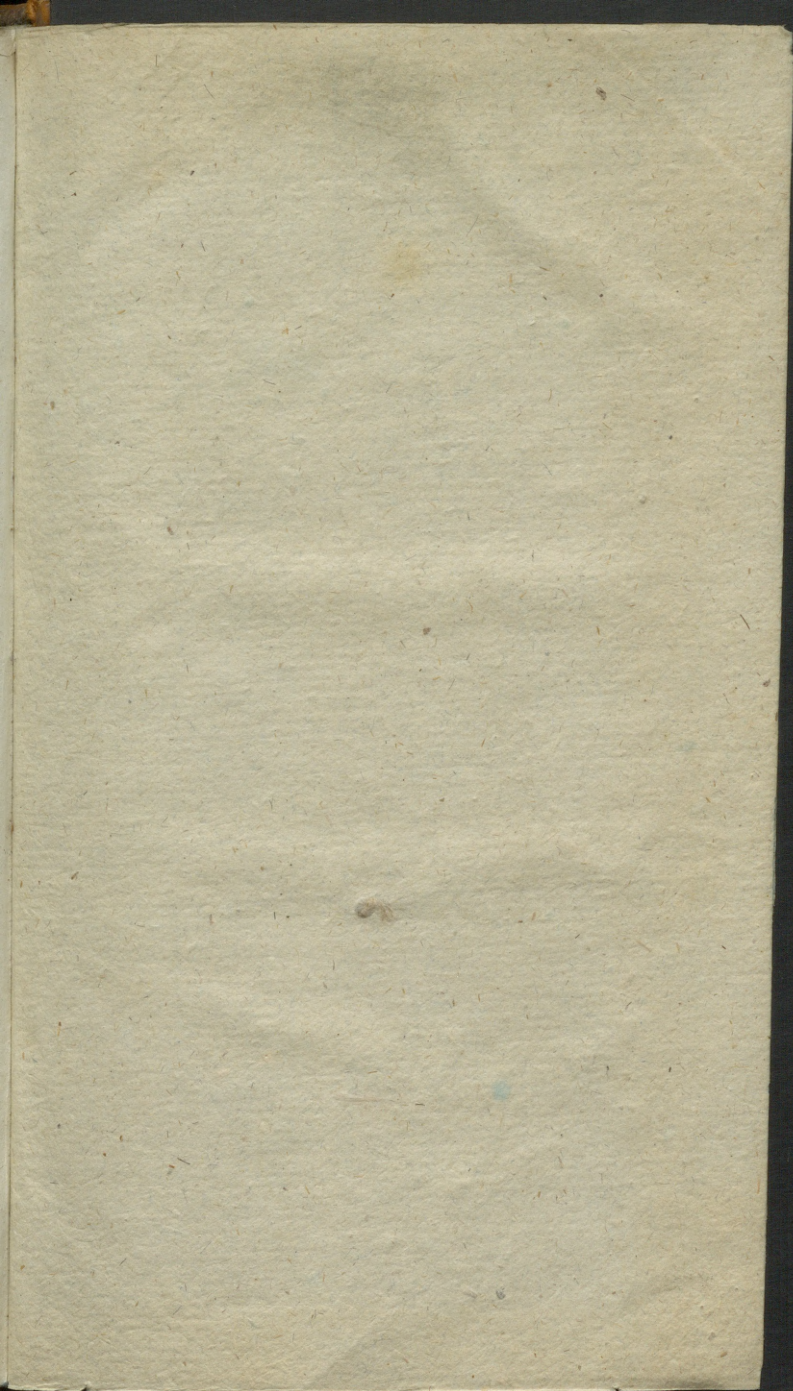
Худъ противупоставлять неукоризненное поведеніе, злобѣ кротость, а неблагодарности забвеніе сдѣланныхъ благодарній.

Отказывать иногда своимъ нуждамъ для вспоможенія немущему.

Предпогитать доброе иля знаменитости, добродѣтель дарованіямъ.

К О Н Е Ц Ъ.

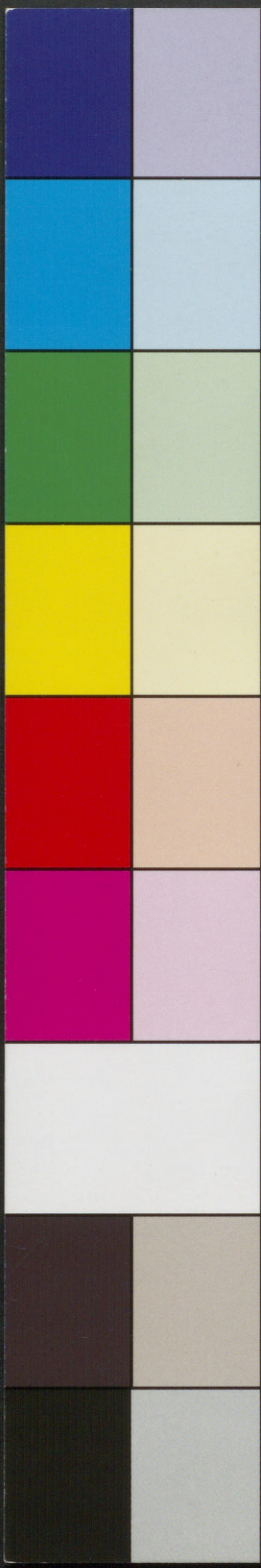

Inches
Centimetres

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Colour Chart #13

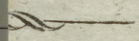
Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

DANES
PICTA
.COM

56

олжности удоволь-
твіа славѣ.
оить своего само-
емѣ другихъ.
дыхъусталостію,
ніями.
ѣ деревнѣ, нежели
ѣ цединеніи, нежели
смерти, потому
прискорбна и без-
аетъ цмиратъ: за
овременно помыш-
апасать для зимы
жденія и все нѣж-
арость продолжи-
минута.
оставлять нецко-
злѣбъ кротость,
забвеніе сдѣлан-
огда своимѣ нѣж-
ніа неймущему.
оброє иля знаме-
тель дарованіямѣ.
ЕЦЪ.

Л. 4/50 1/2
пер 2р

Николая Власина
1827. Годъ.

